

# ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Орган Института истории Академии наук СССР  
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

КНИГА 9

1941 год.

## ЕДИНЫЙ ФРОНТ НАРОДОВ ПРОТИВ ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ

*С. Гопнер*

«Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера» (Сталин).

День 22 июня 1941 г. войдет в анналы новейшей мировой истории как одна из самых выдающихся дат. В этот день в ответ на разбойное нападение германских фашистов на территорию СССР весь советский народ, как один человек, поднялся на великую отечественную войну против гитлеровской Германии. Этот день войдет в историю как начало конца германского фашизма, как исходный момент его окончательного поражения, как поворот в судьбах десятков народов и стран, растоптанных сапогом Гитлера.

Война Германии на два фронта — на западном и восточном — признана всеми без различия знатоками истории войны 1914—1918 гг. главной причиной поражения Германии Гогенцоллернов. Теперь гитлеровская Германия опять ведет войну на два и более фронтов.

Начавшаяся отечественная война советского народа изменила характер происходящей второй мировой войны эпохи империализма, превратив ее в справедливую войну всех свободолюбивых народов против германского фашизма, воюющего за свое мировое господство. «Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой всенародной отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма»<sup>1</sup>.

Речь товарища Сталина по радио 3 июля 1941 г., раскрыв перспективу победы над фашизмом путем могущественного единого фронта сво-

<sup>1</sup> Выступление по радио председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина 3 июля 1941 года.

бодолубивых народов, окрылила надежды народов оккупированных Гитлером стран и привела в движение силы, поднимающиеся во всем мире против фашистских палачей.

В этой освободительной войне советский народ не сложит оружия до полного разгрома фашизма, этого смертельного своего врага и врага всего человечества. Уже первые два месяца войны не оставили камня на камне от широкообещательных планов и легенд, которыми Гитлер и Геббельс пытались обмануть массы. Героическое сопротивление Красной Армии сорвало гитлеровский план «молниеносной войны». Под ударами советской авиации, в итоге разгрома лучших мотомеханизированных фашистских дивизий развеяна в прах лживая басня о «непобедимости» гитлеровских вооруженных орд. За первые два месяца войны фашистская армия потеряла убитыми, ранеными и пленными более двух миллионов человек, около 8 тыс. танков, 10 тыс. орудий, свыше 7200 самолетов. Растущий подъем антифашистского движения во всем мире и начавшееся сотрудничество трех величайших держав — СССР, Великобритании и США — в борьбе против фашизма похоронили надежды Гитлера на создание «коалиции государств против СССР» и провалили «крестовый поход» против большевизма.

Крупнейшим этапом в сплочении всех антигитлеровских сил явилось соглашение между СССР и Великобританией от 12 июля 1941 г. о взаимопомощи в борьбе с гитлеровской Германией и об отказе от ведения мирных переговоров без обоюдного согласия. Это соглашение двух великих держав, предопределившее изоляцию гитлеровской Германии, нанесло сильнейший удар гитлеровским планам разгрома сначала СССР, а затем Англии.

Следующий удар Гитлеру нанесла опубликованная 15 августа англо-американская декларация, подчеркнувшая решимость Англии и США бороться до полной победы над Гитлером за такие основы будущего мира, которые являются полной противоположностью и категорическим осуждением его завоевательных планов.

Личное послание президента США Рузвельта и премьер-министра Великобритании Черчилля товарищу Сталину определило новый важнейший этап в антифашистской войне свободолубивых народов. Выражая свое восхищение перед великолепным сопротивлением Советского Союза агрессору, руководители двух великих держав предложили созвать в Москве высокоавторитетное совещание представителей США, Великобритании и СССР по вопросу о наиболее целесообразном распределении богатейших ресурсов этих стран, чтобы обеспечить полную победу над общим врагом — гитлеровской Германией. Этим крупнейшим шагом по пути активизации сотрудничества трех великих держав, обладающих громадными, неисчислимыми резервами, создана поистине непобедимая коалиция и окончательно поставлен крест над гитлеровскими планами разгромить своих врагов порознь.

Злейший враг народов — фашизм — обречен. Приближается час расплаты, час исторической победы всех прогрессивных сил человечества над германским фашизмом.



Цели войны против СССР, преследуемые германскими фашистами, этими жалкими выродками истории, стали известны задолго до прихода Гитлера к власти. Они были изложены в его грязной книжонке «Моя борьба».

В основе гитлеровской политики и «философии» национал-социалистов лежит людоедский план мирового господства фашистской Германии. Не случайно фашизм с самого своего зарождения получил под-

держку наиболее агрессивной, наиболее шовинистической и наиболее реакционной клики германских империалистов.

Известно, что на исходе первого года войны 1914—1918 гг., когда в руках Германии еще была инициатива наступления на фронтах и на ее стороне обозначился перевес сил, захватнические планы германских империалистов расцвели особенно пышным цветом. Наиболее яркое выражение эти планы получили в «программе» 6 хозяйственных объединений, поданной кайзеру в мае 1915 года. Уже в этой «программе» были изложены планы завоеваний: как на Западе — коренных земель и колоний Англии, Франции и Бельгии, так в особенности планы захватов «восточного пространства» — обширных и притом наиболее богатых и плодородных земель на территории России.

Известно, что германская интервенция в Советскую Россию, во время которой «германские разбойники побили рекорд по зверству своих военных расправ»<sup>1</sup>, кончилась полным провалом и сыграла роль одного из существенных факторов крушения монархии Гогенцоллернов.

Являясь развитием фантастических планов германского империализма периода войны 1914—1918 гг., программа Гитлера далеко превосходит по своему зверству и своей агрессивности программу кайзера. Гитлеровская программа организации «новой», «нордической Европы» является программой германизации всех европейских стран — от Атлантического океана до Урала, от Белого моря до северных берегов Африки. «Нордическая Европа» должна превратить германских фашистов в рабовладельцев всех европейских народов, а затем и народов всего мира, которые должны распрощаться со своей национальной независимостью и государственной самостоятельностью. Вместо Франции, Англии, СССР, Турции, скандинавских и балканских государств, уж не говоря о малых среднеевропейских государствах, должна быть воздвигнута единая германизированная Европа.

Для народов Советского Союза нет и не было более смертельного врага, чем германский фашизм, открыто причисляющий территории нашей цветущей родины к «жизненному пространству» Германии. Бредовая идея о завоевании Германией исконных русских земель вплоть до Урала и о порабощении народов Советского Союза относится к числу самых навязчивых идей фашизма. «Враг жесток и неумолим. Он ставит своей целью захват наших земель, полных нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белоруссов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, их онемечение, их превращение в рабов немецких князей и баронов»<sup>2</sup>.

Советский народ в этой войне защищает свою горячо любимую родину-мать, свою прекрасную землю, обильно орошенную благородной кровью прошлых поколений, свое прекрасное настоящее и еще более прекрасное будущее своих детей. Народы Советского Союза защищают свое новое государство, великую дружбу народов, свой колхозный строй, свою богатую культуру, культуру десятков народов, расцвет которой в сталинскую эпоху достиг небывалой высоты.

План порабощения народов СССР подкреплён догматом бандитского катехизиса гитлеризма — о смертельной борьбе против славянства. «Расистская теория» классифицирует славян под самой низшей рубрикой —

<sup>1</sup> Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 180.

<sup>2</sup> Выступление по радио председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина 3 июля 1941 года.

«массы рабов» и «неисторических» народов, которые должны служить в истории лишь «навозным удобрением» для «высшей расы господ» — германских фашистов.

Гитлер, этот ублюдок человеческого рода и маньяк, открыто заявляет: «Если мы хотим создать нашу великую германскую империю, мы должны прежде всего вытеснить и истребить славянские народы — русских, поляков, чехов, словаков, болгар, украинцев, белоруссов... Для выполнения этой цели я не поколеблюсь ни одной секунды принять на свою совесть смерть двух или трех миллионов немцев...»

Не страхом ли перед сильными, богато одаренными и свободолюбивыми славянскими народами, которые вели веками героическую борьбу за свою национальную независимость против немецких хищников, вызвана эта поистине иступленная проповедь? Именно из страха перед славянскими народами фашистские варвары наряду с массовым их истреблением проводят политику их разъединения, натравливают их друг на друга, распыляют их силы. Так, в Чехословакии они противопоставили словаков чехам, в Югославии отделили хорватов от сербов, болгар натравили на сербов. Боевым пунктом их программы является противопоставление украинцев и белоруссов русским и отторжение от СССР Украины и Белоруссии.

С тем большей силой растет с каждым днем солидарность славянских народов, связанных исторически общностью борьбы против немецких хищников, родством языка и культуры. Растет сплоченность славянских народов вокруг великого русского народа, вокруг Советского Союза. Советский Союз является исторически естественным оплотом всех славянских народов, для которых русская, украинская и белорусская культура и революционные традиции всегда служили источниками силы и развития.



Опьяненные жаждой легкой наживы, фашистские орды наводнили страны Европы.

Под фашистским сапогом стонут Чехословакия, Польша, Югославия, Болгария, Бельгия, Норвегия, Дания, Голландия, Греция. Финляндия, Венгрия и Румыния насильственно присоединены к державам оси и превращены в ближайший плацдарм против СССР. Фашистская Испания в значительной степени контролируется германскими фашистами. Французское предательское правительство Виши — все эти Петэны, Дарланы — выполняет волю Гитлера, поставившего сапог на оккупированную Францию, разоренную, ограбленную, обесчещенную, но не покоренную. Италия фактически превратилась в вассала Германии.

Под видом «нового порядка» Гитлер установил в оккупированных странах рабство, которому нет прецедента в истории. Изгнание с земли настоящих ее хозяев, физическое истребление оставшегося населения, заселение этих стран немцами и полное их онемечение при помощи невиданно кровавых методов — такова практика фашизма в славянских странах. Однако в этих странах Гитлер с первых дней их оккупации встретился с героическим сопротивлением славянских народов, особенно со стороны чехов, поляков и сербов.

В горах и лесах Чехословакии имеется не менее 200 тыс. неразоруженных партизан, ведущих борьбу против ненавистных оккупантов. В Чехии, Моравии и Словакии антифашистский саботаж на предприятиях достиг таких размеров, что оккупанты вынуждены держать там сотни тысяч полицейских. Чехи, выступившие на заседании Института социальных наук (состоявшемся в штате Виргиния, США), рассказали,



что саботаж этот принимает самые разнообразные формы: пожары на военных заводах, внезапное исчезновение приводных ремней, поломка кранов у нефтяных цистерн и выпуск нефти, взрывы резервуаров.

Вместе с началом отечественной войны советского народа возросла активность чешского народа в борьбе против своих поработителей. В годовщину оккупации Чехословакии чешские рабочие в Праге, явившись на предприятия, за работу не принимались и пели патриотические песни; рабочие военных заводов Шкода маршировали по улицам; горняки демонстрировали, провозглашая национальные лозунги. В Моравии в этот день на горах зажигали костры, на деревьях красовались чешские республиканские флаги. В Праге произошли столкновения с фашистскими солдатами. Известие о соглашении между правительствами СССР и Чехословацкой республики о совместной борьбе против Гитлера вызвало новый подъем национально-освободительной борьбы чешского народа против германского фашизма.

Фашисты за два без малого года оккупации Польши, одну часть которой они превратили в «генерал-губернаторство», а другую — целиком присоединили к Германии, превратили всю страну в камеру нечеловеческих пыток, перед которыми бледнеют «подвиги» святейшей инквизиции.

Но ни три миллиона убитых фашистскими разбойниками поляков, ни кровавый террор и изуверства не остановили борьбы польского народа против поработителей. Старые традиции национально-освободительной борьбы, богатый опыт партизанской войны и самых разнообразных форм общественного бойкота оккупантов, а также поляков — изменников своего народа, которые сотрудничают с фашистскими палачами, — широко используются польскими народными массами.

Крупнейшее, международное значение советско-польского соглашения для исторических судеб настоящей войны признано всей мировой печатью. Это соглашение разбило один из многих расчетов Гитлера — расчет на полную изоляцию польского народа, на увековечение его порабощения. Это соглашение нанесло сильнейший удар Гитлеру и приближает момент невиданно мощного извержения вулканических сил, которые взорвут на воздух фашизм — это самое ужасное проклятие современности.

Свободолюбивый сербский народ является предметом особенной ненависти германских фашистов. Героическая освободительная борьба сербов против гнета габсбургской империи навлекла на него первый сокрушительный удар в войне 1914—1918 годов. Югославия с первых дней фашистской оккупации стала объектом невиданного грабежа и насилия. Первым делом гестапо стало «очищать» занятые области от «неблагонадежных» элементов. А неблагонадежен для фашистов весь сербский народ. Массовые расстрелы и аресты, убийства всех родственников за одного не найденного партизана, казнь сотни сербов за одного убитого немца — вот методы «очистки».

Но ни сербов, ни черногорцев, имеющих славные традиции самоотверженной и упорной борьбы за свою независимость, не остановил и не запугал фашистский террор. Этот террор еще больше сплотил их и усилил их борьбу, уже теперь получившую широкий размах в форме массовой партизанской войны. Сербь и черногорцы, как и другие славянские народы, не могут колебаться в выборе пути.

Историческое соглашение СССР и Югославии, народы которых связаны вековой дружбой, усиливает уверенность сербского народа в победе, умножает его силу.

Отечественная война великого советского народа есть война за освобождение всех славянских народов Западной Европы от ига Гитлера.

Начало этой войны стало поворотным моментом в борьбе южных и западных славянских народов против фашистского ига. На призыв товарища Сталина к единому антигитлеровскому фронту свободолюбивых народов угнетенные Гитлером славянские народы ответили сплочением вокруг СССР и усилением партизанской борьбы. Советско-чехословацкое, советско-польское и советско-югославское соглашения положили начало великому делу объединения славянских народов в их борьбе против германо-фашистского варварства. В дни, когда мир с содроганием, отвращением и гневом узнал потрясающие подробности о фашистских зверствах в оккупированных Гитлером территориях, был заложен фундамент союза славянских народов на Всеславянском митинге в Москве 10—11 августа 1941 года.

Выступавшие на этом историческом митинге представители славянских народов СССР, Чехословакии, Польши и балканских стран с невиданным единодушием выразили чувства смертельной ненависти к фашизму, гнев и волю к борьбе до полного его уничтожения, свою любовь и безграничное доверие к великому Советскому Союзу и к Красной Армии, свою твердую уверенность в полной победе над смертельным своим врагом — фашистскими поработителями. В своем воззвании к братьям угнетенным славянам митинг, заклеив гнуснейшие преступления фашизма, призвал славянские народы к единству.

«Пробил час, когда весь славянский мир должен объединиться для скорейшего и окончательного разгрома германского фашизма», — говорится в воззвании. Всеславянский митинг решительно и твердо отверг идею панславизма «как насквозь реакционного течения, глубоко враждебного высоким задачам равенства народов и национального развития всех государств, которую в своих империалистических целях использовал русский царизм». «Мы объединяемся как равные с равными», — говорится в воззвании. — У нас одна задача и одна цель — разгром гитлеровских армий и уничтожение гитлеризма. У нас одно горячее, всеобъемлющее стремление, чтобы славянские, так же, как и все другие, народы мирно и свободно развивались в рамках своей государственности».

Эта подлинно демократическая программа единого фронта славянских народов встречена всем передовым человечеством с глубоким удовлетворением. Союз славянских народов на основе их полного равноправия между собой и с другими народами призван сыграть большую историческую роль в антифашистском фронте всех народов мира.



Судьба европейских стран, ранее не принадлежавших Германии и не населенных ни немцами, ни славянами, особенно наглядно показывает, что в основе всех кровавых планов германского фашизма лежит мировое господство «северной расы» — германцев — над всеми народами.

Быстрая капитуляция Франции в итоге измены клики, которая в интересах «200 семей» правила Францией и предала ее, создала временный перевес сил Германии над ее главным противником — Англией. После подписания перемирия в Компьенском лесу Гитлер воскликнул: «Война на западе окончена!» Это породило в массах, особенно в Германии, иллюзии о близком конце войны. Но капитуляция Франции, одного из сильнейших союзников антигитлеровского лагеря, не означала вопреки надеждам наивных людей начала конца войны. Эта капитуляция стала для французов, для народов всех оккупированных стран началом таких бедствий, перед которыми война со всеми ее жертвами вряд ли кажется теперь страшной. И Франция, как известно, от войны не избавилась, как не избавились от нее и малые страны, уж не говоря о самой Германии.

Перенесение временно центра войны на Средиземное море и в Африку означало для народов новые жертвы, новые цепи, и притом войну без конца и без перспективы. Только начало отечественной войны Советского Союза открыло перспективу для народов, кровно заинтересованных в разгроме Гитлера, в уничтожении фашизма.

«Новый порядок» в Европе означает прежде всего войну. «Непрерывную войну» современные каннибалы считают нормальным и самым достойным занятием германца. «Новый порядок» означает такое закрепление военных «побед», которое дало бы Германии возможность воевать и дальше.

Все оккупированные страны обложены контрибуцией, которая должна полностью покрыть расходы по содержанию германских оккупационных армий, фашистской полиции, гестапо, а также и всех работ по сооружению новых военных укреплений, восстановлению разрушенных мостов, дорог и т. д.

Циничнейшие валютные махинации, включение всего хозяйства страны в военную колесницу Германии, передача банков, фабрик, заводов и других важнейших предприятий германским фирмам (под невинным флагом «экономического сотрудничества») лишают завоеванную страну последних источников силы и развития.

Все народы мира едины в одном: все они несмотря на разный облик своих стран имеют теперь в лице Гитлера самого главного, самого опасного, самого ненавистного, смертельного врага.

«Новый порядок» фашисты при помощи своей агентуры: Лавалля, Петэна и других предателей французского народа — пытаются распространить и на Францию. Великий французский народ, давший миру гениев науки и искусства и свои замечательные революционные традиции, распят на фашистской голгофе. Над Парижем развевается гнусное фашистское знамя со зловещей свастикой. Франция расчленена на две части. Оккупированная, наиболее промышленная часть вместе с Парижем отделена китайской стеной от неоккупированной части. Но и в неоккупированном районе режим также определен Гитлером.

Но с первых дней поражения Франции никто не сомневался в том, что французский народ никогда не подчинится фашистскому игу.

Стачками (один из примеров — недавняя стачка 50 тыс. горняков на севере Франции), саботажем в промышленности и на транспорте, повседневным сопротивлением разгулу фашистского террора (в частности сопротивлением антисемитскому бандитизму), подпольной антифашистской литературой и десятками других форм борьбы французский народ изо дня в день роет могилу оккупантам.

«Немцы заставили работать на свою грабительскую войну автомобильные и танковые заводы Рено и Ситроена, заводы авиомоторов Гном и Рон, пушечные заводы Шнейдер — Крезю. Это называется на языке продажных изменников: Лавалля, Деа, Дорио — «сотрудничеством для нового порядка». Но когда танки заводов Рено или Ситроена были пущены в ход, они внезапно стали останавливаться, а моторы стали глохнуть. Все французские инженеры и техники были заменены немцами. 28 рабочих Ситроена были расстреляны по обвинению в саботаже. Из 20 военных самолетов, выпущенных одним парижским заводом, 3 разбились при первом же полете. Теперь фашисты требуют, чтобы первые, испытательные полеты производились французскими летчиками. На заводе Рено немцы пытались наладить ремонт германских военных бомбардировщиков, но некоторые из них после ремонта разломались в воздухе пополам. Тогда на заводе была проведена «чистка», и все инженеры и начальники цехов были заменены русскими белогвардейцами. Недавно более 50 тыс. горняков на севере Франции объявили забастовку. Французский рабочий класс стоит на своем боевом

посту, он борется за свое национальное освобождение», — сообщает тов. А. Керн<sup>1</sup>.

И если до сих пор фашистские орды Гитлера еще занимают Францию и хозяйничают в ней, то это с помощью продажной клики французских фашистов, которые таким путем спасают свою шкуру от расправы с ними французского народа. Ни разгром народного фронта, ни тюрьмы и концлагери, в которых томится более 100 тыс. антифашистов, ни казни не прекратили ни на один момент борьбы французского народа за освобождение своей прекрасной родины, за полное изгнание германских и своих, отечественных гитлеров. Успех агитации де Голля отражает непреодолимое, стихийное стремление всего французского народа к борьбе за скорейшее освобождение Франции от оккупантов.

«Французский народ полон надежд», — так выразил чувства французов Жан-Ришар Блок. Эти слова целиком применимы ко всем народам Европы, растоптанным сапогом Гитлера.

Гитлер, приставив револьвер к виску Голландии, Бельгии, Дании и Норвегии, заставил эти страны капитулировать. Он поступает с ними как со странами, завоеванными навсегда. Политика Гитлера в отношении этих стран отличается исключительным вероломством.

Оккупация Дании гитлеровскими войсками 9 апреля 1940 г. произошла после того, как в течение целого года существовал официально заключенный 31 мая 1939 г. в торжественной обстановке договор о ненападении между Данией и гитлеровской Германией. Бельгия в войне 1914—1918 гг. была оккупирована Германией в первый день войны. В течение последних лет она стала объектом особого давления со стороны фашистской Германии, имевшей целью вырвать Бельгию из союза с Францией и Англией. Ради этой цели Гитлер официально неоднократно обещал Бельгии полную нерушимость ее нейтралитета. С исключительным цинизмом это обещание было нарушено. Оккупацию Бельгии и ее порабощение фашисты в издевку объясняют именно «охраной» ее нейтралитета. С незначительной разницей та же история повторилась с Голландией и Норвегией. Теперь эта группа стран является также объектом введения «нового порядка».

Удивительно ли, что в этих странах ненависть к оккупантам с каждым днем растет и что в движении против фашистского гнета принимают участие широкие народные массы?

Недавно немецкая газета «Nazional Zeitung» сообщила, что в Голландии подготовлено к «разбору» 5 тыс. дел по обвинению в действиях, враждебных оккупационному режиму. В феврале произошли вооруженные столкновения между голландскими патриотами и бандами германского агента Муссерта. В ответ на репрессии оккупационных властей вспыхнули продолжительное забастовочное движение и массовые демонстрации.

Свободолюбивый норвежский народ ведет упорную борьбу против оккупантов и против их агента Квислинга. Об этой борьбе слагаются боевые патриотические песни. В Норвегии борьба в форме саботажа приняла широкие размеры. Перерезание проводов, связывающих германские военные объекты, нападения на фашистские вооруженные банды, саботаж в доставке продовольствия фашистским войскам все учащаются. Массовый характер приняло бегство норвежской молодежи в Канаду и организация там боевых отрядов для борьбы с оккупантами. Там образован также и датский антифашистский корпус. В Бельгии, Норвегии, Дании и Голландии полностью провалилась попытка

<sup>1</sup> «Коммунистический Интернационал» № 6—7 за 1941 г., стр. 65.

Гитлера привлечь добровольцев в помощь гитлеровским войскам под лозунгом «крестового похода» против большевизма. Восстановление дипломатических отношений между правительствами СССР и Бельгии, СССР и Норвегии имеет большое значение для дальнейшей изоляции гитлеровской Германии.



Антинародная политика германских реакционных кругов в послевоенные годы бросила германский народ 8 лет с лишним тому назад в лапы гнуснейшей гитлеровской банды, вскормленной пушечными королями Германии. Гитлер нужен был им для того, чтобы переложить на плечи широких народных масс грандиозные издержки войны и последствия поражения Германии. Им нужен был фашизм, чтобы задушить и искоренить малейшее сопротивление народа и заставить его безропотно выносить голод и нужду. Им был нужен Гитлер, обещавший им завоевание мирового господства.

Фашизм со дня своего возникновения выступил как палач германского народа. Гитлеровская шайка, назвавшаяся на посмешище всему миру партией национал-социалистов, организовала в Германии — этой вчера еще передовой стране — рабство, невиданное даже в самые мрачные времена далекого прошлого. Залив страну кровью германских рабочих, она превратила Германию в очаг мировой реакции, в кузницу войны против всех народов, против их свободы и культуры, против их жизни.

Все чудовищные преступления кровавого фашизма, представляющие собой не что иное, как громадных масштабов бандитизм и уголовщину, облечены его «теоретиками» в форму идеологии, предназначенной оправдать в глазах невежественных молокососов любое, самое противоестественное злодейство. Каннибальская «расовая теория» гитлеризма отравила многочисленные кадры германской молодежи. «Миф крови», апология войны как высшей формы человеческой деятельности, военный грабеж и порабощение других народов как самое важное и самое достойное ремесло германца, мировое господство Германии — вот «духовная» пища гитлеровской молодежи.

Эта «мораль» тиранов и деспотов времен варварства, вся эта философия гангстеров имеет своими историческими истоками самые отвратительные традиции пруссачества. Кровавая, мрачная, смертоносная мораль пронизывает всю историю Пруссии, этой колыбели военно-полицейских методов управления и подавления народа. Этим методам учились у пруссаков деспоты и реакционные клики всех времен и стран. Бироновщина в России была ярким проявлением реакционного влияния Пруссии на Россию. У Фридриха, короля прусского, изувер и полумумный Павел I учился душить Россию. Из Пруссии вышли те балтийские бароны, в лице которых российское самодержавие находило наиболее жестоких исполнителей террора против народов, таких зверей, как генералы Ренненкампф, Меллер-Закомельский и другие палачи русского народа в период подавления первой русской революции.

Правда, народы Советского Союза помнят не только эту печальную роль своего германского соседа: вместе со всем передовым человечеством они высоко ценят выдающиеся достижения, которыми германский народ обогатил мировую науку и культуру. Имена Гегеля и Фейербаха, Гете и Шиллера, Бетховена и Шумана, Маркса и Энгельса дороги всему прогрессивному человечеству. Международное рабочее движение всегда было тесными узами связано с рабочим движением Германии.

Но достижения и великие имена, дорогие германскому народу, поруганы фашистскими варварами. На весь мир прославили себя германские фашисты не имеющим в истории прецедента разгромом всех

демократических и культурных завоеваний германского народа, массовыми убийствами лучших его людей. Жуткими формами террора, казнями при помощи топора, жесточайшими гонениями на все прогрессивное фашисты опозорили германский народ, осквернили его прошлое.

Многочисленные банды обманутых солдат еще идут за Гитлером. Но в войне против СССР число одураченных разбойничьей фашистской верхушкой будет таять тем скорее, чем более сильные удары нанесет Гитлеру Красная Армия. Отправляя свои войска на восточный фронт, Гитлер гонит их на верную гибель. Советская авиация, танки, артиллерия и беспощадная партизанская война, истребляя фашистских бандитов и уничтожая их вооружение, вместе с тем все больше и больше рассеивают зловонный коричневый угар, в котором задыхается немецкий народ. Этому же способствуют возрастающие с каждым днем экономические и продовольственные затруднения в Германии. Мировая пресса полна сообщений о росте тревожного настроения в Германии, в связи с колоссальным количеством жертв на восточном фронте, о быстром угасании былых надежд на близкую победу, о росте пессимизма в отношении ближайшего будущего.

В едином фронте народов против Гитлера антифашистская борьба германского народа сыграет одну из решающих ролей. Победа Красной Армии будет победой германского народа. «В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, поработленного гитлеровскими заправилками»<sup>1</sup>.

Пример Италии показывает особенно наглядно, что даже в союзе с Гитлером и при условии участия во всех его кровавых преступлениях ни одна страна, ни один народ не могут быть избавлены от порабощения. «Несчастливая провинция, находящаяся под германским владычеством, которая называлась Италией, также получит у нас по заслугам», — так остроумно и метко определил судьбу Италии в своей речи 14 июня в Гайд-парке Черчилль. В войне Италия знает одни поражения. Уже в первые месяцы войны фашистские орды Гитлера начали «спасать» положение фашизма не только на внешних, но и на внутренних фронтах Италии, где начались выступления против войны и против Муссолини. Муссолини, добившись своей диктатуры путем разжигания зоологического шовинизма у молодежи и эксплуатации лучших традиций национально-освободительной борьбы итальянского народа, за 18 лет привел Италию к национальному унижению, к катастрофе и превратил ее в вассала гитлеровской Германии.

Нападение германских фашистов на СССР вызвало рост антифашистского движения в Италии. После выступления товарища Сталина по радио 3 июля ряд антифашистских организаций в Риме, Неаполе, Милане выпустил десятки нелегальных воззваний к населению с призывом к борьбе против Муссолини и Гитлера. Вот как один из миланских листов говорит о порабощении Италии: «Разве вы не видите, что немецкие фашисты чувствуют у нас себя как дома? Они нас называют союзниками, братьями, а на деле считают нас рабочим скотом».

Итальянский народ не думает о мировом господстве. Он нуждается больше всего в хлебе и ликвидации бесправия и гнета внутри страны. Итальянский народ, как и народ Германии, не имеет другого пути своего спасения и освобождения, как в рядах единого фронта народов Европы, который куется изо дня в день для борьбы против фашизма, для окончательного его разгрома.

«Наша война за свободу нашего отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу против

<sup>1</sup> Выступление по радио председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина 3 июля 1941 года.

порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера»<sup>1</sup>.



Историческая речь товарища Сталина 3 июля 1941 г. прозвучала на весь мир как призыв к борьбе народов против их злейшего врага — гитлеровской Германии.

Борьба против германских фашистов имеет глубокие корни в историческом развитии Европы и Америки на всем протяжении времени от первой до второй мировой войны. Неоднократно за последние 10—12 лет волна антифашистской борьбы достигала большой высоты. Однако никогда германский фашизм не был так изолирован, как теперь. Гитлеризм за два года войны вооружил против себя не только трудящихся всех стран, но и те социальные прослойки, которые еще 2—3 года тому назад были терпимы к гитлеризму и даже поддерживали его. Это, конечно, не значит, что и в самих демократических странах капиталистического мира нет фашистских групп и агентуры. Но все передовое человечество, все, что есть здорового во всем мире, вооружается против фашизма.

Могущественное, массовое движение в Англии и США за отпор Гитлеру и за помощь СССР объединяет лучших представителей великих народов англо-американских стран. Никакая агентура Гитлера в этих странах своей гнусной агитацией не в силах помешать росту этого движения. Выступления Черчилля и Рузвельта отражают уверенность правящих кругов Америки и Англии в могущественной силе Советского Союза, веру в силу его морального авторитета и обаяния в глазах английского и американского народов, в непобедимость Красной Армии.

Советско-британское соглашение и заявления официальных представителей США о всемерной помощи Советскому Союзу восторженно встречены народами всего мира.

Со всех концов мира получают на имя товарища Сталина и советского правительства, на имя посла СССР в Англии Майского сотни телеграмм с приветствиями Советскому Союзу и Красной Армии.

В своем ответном выступлении по радио 29 июня секретарь Всесоюзного совета профессиональных союзов тов. М. Н. Шверник в следующих словах выразил чувства и мысли советского народа: «Рабочий класс Советского Союза, объединенный в профессиональные союзы, и все трудящиеся нашей страны глубоко уверены в том, что рабочий класс и весь английский народ будут изо дня в день увеличивать и поднимать свою активность в борьбе против нацистских поработителей, разрушителей культуры и цивилизации.

Великие народы Советского Союза и Великобритании при поддержке народов других стран окончательно уничтожат фашизм, добьются торжества свободы и независимости народов Европы»<sup>2</sup>.

В Англии беспрерывно растет волна массовых митингов, на которых выносятся требования усиления борьбы Англии на западном фронте, усиления и ускорения помощи Советскому Союзу.

Конгресс английских тредюнионов, состоявшийся в сентябре, продемонстрировал активную солидарность английского народа с Советским Союзом. Значение этого конгресса, за которым стоят миллионы английских рабочих, и решение его о создании англо-советского профсоюзного комитета — трудно переоценить.

Движение солидарности с Советским Союзом в США после заключения англо-советского соглашения поднялось на новую ступень. Оно

<sup>1</sup> Выступление по радио председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина 3 июля 1941 года.

<sup>2</sup> «Правда» № 209 от 30 июля 1941 года.



растет и сплачивается на основе движения производственных профсоюзов, объединяющих многомиллионную армию американских рабочих. Выдающееся значение имеет заявление исполкома ньюйоркских профсоюзов от 12 июля, которое призывает американский народ к неограниченной поддержке Советского Союза в его борьбе за полный разгром фашизма.

В Канаде создавалась международная организация под названием «Ассоциация сынов оккупированных стран», куда вошли бельгийцы, датчане, норвежцы, чехи, словаки, греки, французы, голландцы. Растет движение солидарности с Советским Союзом и в странах Латинской Америки.

Мировая печать полна сведениями о стачках, о массовых голодных выступлениях женщин в Бельгии, об антигитлеровских выступлениях в Голландии, Дании, о росте саботажа в военной промышленности во Франции, Чехословакии, Польше, Югославии, Румынии, Греции и в самой Германии. Знаменательны первые за два года войны массовые выступления в Париже: в день национального праздника 14 июля под патриотическими, антифашистскими знаменами демонстрировало около миллиона человек, а 14 августа вновь состоялась массовая демонстрация. 3 сентября телеграф принес известие о первом за время власти Гитлера массовом выступлении германских женщин, протестовавших против отправки солдат на восточный фронт. Это первые ласточки антифашистских выступлений в период войны. За ними следует во всей своей мощи весна всеобщего восстания народов против германского фашизма.

Вслед за первыми известиями о начале отечественной войны советского народа против гитлеровской Германии в разных концах мира раздались голоса лучших представителей науки и культуры, передовой интеллигенции. Герберт Уэллс, Теодор Драйзер, Эптон Синклер, Жюль Ромэн, Жан-Ришар Блок, Генрих Манн, Лион Фейхтвангер и ряд других представителей мировой культуры выразили полную уверенность в победе Красной Армии и призвали ко всемерной и эффективной помощи ей. Гитлер ответил на выступления лучших представителей мировой интеллигенции новым потоком гнуснейших репрессий против интеллигенции в оккупированных странах. Арест писателя с мировым именем — Мартина Андерсена-Нексе, — репрессии против антифашистов во Франции и Чехословакии говорят о страхе, который испытывают фашистские разбойники перед антифашистским движением.

Фашизм и фашистские войны не могут не вызвать самых упорных национально-освободительных войн поработанных фашизмом народов. До начала отечественной войны советского народа слабость и распыленность сил этих народов обрекали их на поражение в неравной борьбе против превосходящих сил коварного врага. Теперь этим народам обеспечен могущественный оплот в лице Советского Союза, в лице его Красной Армии.

Народы, борющиеся за свою национальную и государственную независимость, за восстановление своих растоптанных сапогом Гитлера демократических прав, за свою культуру, имеют в лице Советского Союза не только могущественную военно-материальную, но и несокрушимую моральную опору. В Советском Союзе навсегда уничтожено неравенство народов, осуществлена нерушимая дружба народов, их братское сотрудничество. Сталинская Конституция, закрепившая и записавшая равноправие всех народов Советского Союза, является подлинным обвинительным актом кровавому фашизму.

Священная отечественная война советского народа против ненавистного фашизма вызвала подъем надежд на спасение у всех народов, проникнутых смертельной ненавистью к фашистским душителям свободы

и культуры народов. Эта битва соберет на одной стороне все, что есть в мире здорового, жизненного, прогрессивного, а на другой — оставит обезумевшую фашистскую орду в полной изоляции. Война против гитлеровской Германии будет длительной, потребует значительных жертв и громадного напряжения сил. Но германский фашизм, ненавидимый во всем мире, уже в значительной мере истощен в войне и ведет на бой голодных, усталых солдат, которых командование подбадривает водкой и узаконением безнаказанного грабежа. Объединенные силы трех величайших держав мира — могущественного Советского Союза, Великобритании и США, — опирающихся на свои несметные людские, материальные, технические и моральные ресурсы и на свои неисчерпаемые резервы, имеющих на своей стороне многочисленных союзников в лице поработанных Гитлером народов и народов, которым грозит фашизм, — этот единый, могущественный антифашистский фронт народов сокрушит фашизм и навсегда вырвет корни, его порождающие. Это будет победой всех прогрессивных и передовых сил человечества, которая откроет широкую перспективу его дальнейшего исторического развития.

---

# СТАТЬИ

## ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА ПРОТИВ ФАШИСТСКИХ ЛЮДОЕДОВ

*И. Минц*

Печать полна сведений о разгорающейся партизанской борьбе в тылу фашистской армии. Каждый день приносит все новые известия о взорванных дорогах, сожженных танках и уничтоженных немецких обозах. Первые десятки отважных советских патриотов, которых «гнев народа — грозный шквал — партизанить послал», уже отмечены наградами правительства, а гг. Бумажкову Т. П. и Павловскому Ф. И., особенно отличившимся в партизанской борьбе, присвоено звание Героя Советского Союза. Это не значит, что партизанская форма борьбы стала главной формой борьбы советского народа: главной формой остается героическая борьба Красной Армии, — но сила большевистской стратегии состоит в умелом сочетании всех форм борьбы. «Искусство ведения войны, — писал Сталин, — в современных условиях состоит в том, чтобы овладеть всеми формами войны и всеми достижениями в этой области, разумно их использовать, умело сочетать их или своевременно применять ту или иную из этих форм в зависимости от обстановки»<sup>1</sup>.

Большевики были единственной партией, которая не только по достоинству оценила силу партизанской борьбы, но сумела указать ее место среди других форм. На богатом опыте европейских и русских войн и революций большевики создали стройное учение о партизанской форме борьбы. Этим учением руководились борцы с царизмом в революционные годы; оно служило руководящим компасом для миллионов героев в дни гражданской борьбы 1918—1920 годов; из этого учения и опыта большевиков черпали примеры китайские и испанские повстанцы.

Высосав все соки из германского народа, ограбив половину Европы, превратив десятки миллионов бельгийцев, чехов, французов, норвежцев, сербов, греков в рабов, фашизм ринулся на Советский Союз в погоне за осуществлением бредовой идеи — стать господином мира. Лучшие дивизии Гитлера разбиты, многие эскадрильи самолетов уничтожены, но фашизм, обогранный кровью покоренных народов, в исступлении бросает в огонь все новые и новые массы солдат. Трепещет перед грядущим возмездием, Гитлер в ужасе видит, что ни костры гестапо, ни топоры палачей, ни горы трупов, ни потоки крови не могут задушить свободолюбивые народы. Разбитые, но не уничтоженные, поваленные, но не раздавленные, обезоруженные, но полные ненависти к врагу, временно побежденные народы ждут только возможности, чтобы подняться против своих поработителей. «Кровь отца моего стучит в сердце мое!» — этот призыв Уленшпигеля — легендарного борца за свободу — вновь несется над полями Бельгии, Голландии, Франции.

Взоры всего передового человечества прикованы сейчас к Совет-

<sup>1</sup> И. Сталин «К вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов». «Правда» от 14 марта 1923 года.

скому Союзу, где Красная Армия ведет упорную, самоотверженную, полную героизма отечественную войну против гитлеровской Германии и вместе с тем войну за освобождение всех народов от язвы фашизма. Фашизм с особой ненавистью — и в то же время боязнью — относится к славянам, и прежде всего к передовому среди равных — советскому народу. Сам главарь фашистской банды Гитлер писал в своей книге, ставшей руководством для мародеров и захватчиков:

«Если мы хотим создать нашу великую германскую империю, мы должны прежде всего вытеснить и истребить славянские народы: русских, поляков, чехов, словаков, болгар, украинцев, белоруссов. Нет никаких причин не сделать этого... Для выполнения этой цели я не поколеблюсь ни одной секунды принять на свою совесть смерть двух или трех миллионов немцев...»

Для борьбы с Советским Союзом фашизм собрал все свои силы, мобилизовал юношей и стариков, сконцентрировал всю авиацию, танки, мотоциклы, бронемашины. Фашисты бросили против Советского Союза 170 дивизий, из которых больше трети составляют мотомеханизированные части. Иностранная печать приводит чудовищные цифры войск и боевой техники, брошенных на огромном фронте — от Ледовитого океана и до берегов Черного моря. Германское командование создало несколько ударных армейских танковых групп и нацелило их под углом в тыл Красной Армии на 300—400 километров вглубь. Предполагалось, что эти танковые кинжалы, по опыту боев в Польше и Франции, сойдясь глубоко в тылу советских войск, разрежут тело Красной Армии на отдельные части, а моторизованная пехота, следующая за танками, окружит их, раздавит и развеет по ветру.

Предпринимая свой безумный поход, Гитлер, как бы он ни был ослеплен успехами, отдавал себе отчет, что стянуть все силы на советский фронт — значит оголить тылы, значит дать возможность бельгийцам и голландцам, чехам и грекам подняться против поработителей. Но фашизм знает, что драться один на один с Советским Союзом, не подтягивая резервов из Франции, Норвегии и других стран, — значит погибнуть. Вот почему фашисты собрали все силы и обрушились на Советский Союз, слеша, пока не опомнятся другие народы.

В ужасе перед возможным восстанием всей закабаленной Европы фашизм бросил вперед свои ударные танковые группы. В действие была приведена военная машина, о которой человечество до сих пор не имело представления. Не считаясь с жертвами, теряя ежедневно по 30—40 тысяч убитыми, ранеными и пленными, по 120 самолетов и 130 танков, Гитлер стремился в кратчайший срок прорваться к жизненным центрам Советского Союза. Но фашизм просчитался в одном и притом решающем пункте. У фашистских генералов, разработавших план «молниеносной войны»,

«Гладко было на бумаге,  
Да забыли про овраги,  
А по ним ходить».

Фашисты механически перенесли свои планы и расчеты с полей Франции на Советский Союз. Уже одно такое механическое перенесение планов, годных для одной стратегической обстановки, в иные условия таит в себе элементы поражения. Опьяненные легкими успехами во Франции, привыкшие к отсутствию сопротивления, гитлеровцы натолкнулись на стойкость красных воинов. Быстро освоившись с авантюристской тактикой фашистов, советское Командование применило свои контрмеры. Красные полки отнюдь не считали себя окруженными, когда в тылу раздавался крик «Внимание! Танки!», наводивший панику на польские или французские войска. Напротив, красные части пропускали в тыл танковые кинжалы, а затем смыкались и отрезали

немецкую пехоту, расправляясь порознь с вражескими танками и пехотой. Часто красные полки бросались вперед, и панический вопль «Советские танки в тылу!» заставлял фашистских головорезов бросать оружие и поднимать руки. Фашистские танковые кинжалы притупились о стойкое сопротивление Красной Армии. Острые их на многих участках сломано высокой техникой советских войск, а основа — моторизованная пехота — частью расшатаана настойчивыми контрударами красных дивизий. То, что кошмаром висело над фашистскими генералами, — превращение молниеносной войны в затяжную, со всеми ее губительными последствиями для Германии — становится фактом. В дикой ярости бросают вперед фашисты все новые и новые дивизии.

«...Я так побряк  
В кровавой тине, что уже навряд  
Итти вперед труднее, чем назад.  
В моем мозгу так много странных дум,  
И рвутся руки делать наобум», —

так, повторяя кровавого Макбета, с обреченностью фаталиста рвется вперед Гитлер.

«За два месяца войны германская армия потеряла убитыми, ранеными и пленными свыше двух миллионов человек. Столь же тяжелы потери германской армии и в материальной части. По уточненным данным, за два месяца войны немцы потеряли около 8 тысяч танков, 10 тысяч орудий, свыше 7200 самолетов...

Таким образом, два месяца военных действий между фашистской Германией и Советским Союзом показали:

1) что гитлеровский план покончить с Красной Армией в 5—6 недель провалился. Теперь уже очевидно, что преступная война, начатая кровавым фашизмом, будет длительной, а огромные потери германской армии приближают гибель гитлеризма;

2) что потери нами ряда областей и городов являются серьезными, но не имеющими решающего значения для дальнейшей борьбы с противником до полного его разгрома;

3) что в то время, когда людские резервы Германии иссякают, ее международное положение изо дня в день ухудшается, силы Красной Армии неуклонно возрастают, а Советский Союз приобретает новых могущественных союзников и друзей»<sup>1</sup>.

Фашисты установили в захваченных районах неслыханный до сих пор террор. Они расстреливают не отдельных людей, а уничтожают целые села, не щадя женщин и детей. Они привязывают колхозников за руки и за ноги к танкам и разрывают их на части: так разорвали беспартийного председателя сельского совета крестьянина Александра Даниловича Николаенко. Фашисты давят танками советских мирных жителей, сжигают их на кострах и в домах, закапывают живыми. Пьяные бандиты насилуют женщин и, надругавшись над ними, убивают их. Превратившиеся в мародеров фашистские солдаты грабят квартиры, а потом сжигают дома дотла. У одного фашистского налетчика, имя которого должно стать таким же нарицательным для всех фашистов, как прозвище «людоед», данное Гитлеру, — у унтер-офицера Отто Опеля — в ранце нашли 8 пар золотых и серебряных часов, 12 обручальных колец и различную серебряную церковную утварь. Внизу — унтер-бандит Оп-

<sup>1</sup> «Правда» № 233 от 28 августа 1941 года.

пель, вверху — обер-бандит Гитлер, взломщики, воры и грабители в роли носителей «культуры» и «цивилизации» — такова фашистская армия.

Но ни внезапное, вероломное нападение, ни напряжение всех сил, ни бесчеловечный террор, ни безудержный грабеж не приблизили Гитлера к заветной цели — завоеванию Советского Союза.

Гитлеровской Германии нужны новые гигантские усилия, нужны огромные резервы. Фашисты, спешно заменяя свои части итальянцами, передвигают немецкие войска из Франции, Голландии, из Норвегии, Румынии. Перебрасывается большое количество боеприпасов.

Именно в этот момент с захваченных немцами территорий стали поступать известия, от которых мороз прошел по спине Гитлера: советские патриоты в одном из занятых районов завалили путь горящими деревьями, заставили немцев остановить поезд с боевыми припасами, уничтожили охрану и взорвали поезд. Скоро сведения о взорванных дорогах и уничтоженных танках, обозах с продовольствием, боеприпасами и горючим потекли широкой волной. Не успели еще фашистские полчища пробыть и нескольких недель на советской территории, как они сразу почувствовали, что значит великая отечественная война советского народа. Среди фашистских командиров есть немало офицеров, которые в 1918 году на своей спине испытали, какие силы таит в себе партизанская борьба советских патриотов. Фашистские предшественники, во главе которых стоял полусумасшедший Вильгельм II, тоже кричавший двадцать три года назад, что Германия должна править миром, уже раз бежали с Украины и из Белоруссии под ударами партизанской войны. А сейчас зловещий призрак партизанской войны снова появился в тылу немецкой армии. Есть от чего придти в ужас!

#### ПАРТИЗАНСКАЯ БОРЬБА В ИСТОРИИ ВОЙН

История военного искусства давно знает применение партизанской борьбы. С тех пор как армии перешли к магазинному способу снабжения, к регулярному снабжению с помощью складов, где хранилось заготовленное продовольствие, во всяком случае не позже XVII века, начали применяться партизанские действия. Заходя глубоко в тыл, партизанские отряды перерезали коммуникации, задерживали доставку продовольствия и тем самым нарушали движение армии. Но, строго говоря, это еще не была партизанская война в том смысле, в каком мы употребляем это понятие: в большинстве случаев партизанские отряды являлись тогда частью регулярной армии, посылаемой в тыл к врагу.

Широкое развитие партизанская форма борьбы получила в отечественных войнах, в тех войнах, которые народ вел против иноземцев. В первую очередь здесь нужно назвать войну испанского народа против Наполеона, пытавшегося поработить Испанию в 1808 году.

Наполеон, под ногами которого покорно лежала половина Европы, думал шутя расправиться с Испанией. 100 тысяч французов вторглись в Испанию и заняли Мадрид. Наполеон, мечтавший прогнать династию испанских Бурбонов и посадить на ее место кого-либо из своих законных или незаконных родственников, мог тешить свое ненасытное честолюбие зрелищем ссоры в королевской семье: в его присутствии бывший король Карл IV едва не побил палкой Фердинанда VII, в пользу которого он недавно отказался от престола. Оба претендента покорно предоставили Наполеону право распоряжаться Испанией. Однако французам удалось покорить только испанского короля, но не испанский народ. Испания поднялась против поработителей. Крестьяне, ремесленники, трудящийся люд встали на защиту родины. Наполеон двинул в бой еще 150 тысяч солдат, примчался в Испанию сам, взял с собой своих лучших генералов, топил в крови города, но народное восстание все расширялось. Несколько месяцев держался испанский город Сарагосса. Французский маршал Ланн после долгих усилий штурмом

взял его укрепления, но падение укреплений еще не означало взятия города. Три недели французские завоеватели бродили по колени в крови, среди трупов. Приходилось брать с бою каждую улицу, каждый двор, дом, сарай. Более 20 тысяч испанских солдат и 32 тысячи жителей были вырезаны.

Но ни потоки крови, ни горы трупов не прекратили сопротивления народа. Партизаны подстерегали французских курьеров и захватывали их. Население скрытно, из-за хижин, из-за кустов, неотступно следило за передвижением французских войск и немедленно передавало обо всем партизанам. Как только представлялся удобный случай, население присоединялось к партизанам, вместе нападали на французские отряды и громили их. Такая изнуряющая борьба продолжалась более четырех лет. Карл Маркс, высоко оценивший отечественную войну испанского народа, так писал о результатах партизанской борьбы:

«В результате сообщения по всем дорогам были прерваны. Врагов были тысячи, но ни один не был видим. Нельзя было отправить курьера, не рискуя отдать его в руки врага; послать продовольствие, которое бы не было перехвачено; словом, за всяким движением французов следили сотни неприятельских глаз. Между тем поразить зло в самом корне было невозможно. Французам приходилось ежеминутно быть наготове против врага, который, беспрестанно убегая, появлялся вновь и, оставаясь невидимым, находился всюду, ибо каждая гора служила ему прикрытием. «Силы французов,— говорит аббат де-Прадт,— истощались не сражениями, но беспрестанными мелкими атаками невидимого неприятеля, который тут же исчезал в массе народа, но тотчас же снова появлялся с обновленными силами. Лев, замученный до смерти комаром в басне,— вот верная картина французской армии»<sup>1</sup>.

Большой размах получила партизанская форма борьбы в истории русского народа. Этому способствовал характер местности: большие просторы для маневрирования, обилие лесов и болот, где легко было укрываться, суровые условия природы, к которым с трудом привыкали иноземцы. Партизанской борьбе способствовали и моральный облик русского народа и его бытовые условия: сметливость, привычка переносить лишения, боевые качества, стойкость, умение воевать, знание местности и великолепная способность пользоваться ее особенностями и прежде всего глубокая любовь к своей родине. В 1612 году, когда иностранные войска вторглись в страну и захватили Москву, русский народ поднялся против завоевателей. Повсюду создавались партизанские отряды, которые нападали на иноземцев. Именно их помощь ускорила победу народного ополчения, созданного героями русского народа Мининым и Пожарским.

Из русских полководцев Петр I обратил серьезное внимание на партизанскую форму борьбы. С помощью партизанских отрядов Петру удалось задержать движение шведского короля Карла, вторгшегося на Украину.

Но особый размах получила партизанская борьба во время Отечественной войны 1812 года. Задолго до того как Наполеон вошел в Москву, в его тылу началось партизанское движение. Партизаны Денис Давыдов, Сеславин, Фигнер, Дорохов, Орлов-Денисов, казак Платов не давали покоя французам. Скрываясь в лесах, они захватывали неприятельские обозы, раздавали оружие населению, нарушали связь между частями армии противника, лишали врага отдыха, мешали разведке и т. д. Из-за деятельности партизан Наполеон совершенно не имел сведений о том, что делается в русской армии, ибо его разведчики попадали в плен. Во время боев французов с русскими партизаны нападали на тыл, оттягивали часть сил с фронта, и это облегчало поражение неприятеля.

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. X, стр. 743.



Все население поддерживало партизан. Фигнер рыскал буквально под самой Москвой, занятой французами, пользуясь крестьянами в качестве проводников. Французам как-то удалось прижать отряд Фигнера к болоту, окружив его с трех сторон. Гибель отряда казалась неизбежной. Но тут на помощь отряду пришли крестьяне. Они натаскали досок, бревен, соломы, устроили временный мост-настил через болото и по одному вывели всадников Фигнера. После этого крестьяне, передавая из рук в руки доски и бревна, сняли временный мост. На следующее утро французы, уверенные, что отряду Фигнера некуда деться, начали атаку... по пустому месту. Попытка погнаться за Фигнером через болото кончилась неудачей, много французов погибло.

Из среды народа выдвинулось немало героев-партизан. Герасим Курин имел отряд свыше 5 тысяч партизан и вел настоящие сражения с французами. Федор Онуфриев и старостиха Василиса Кожина забирали в плен сотни французов.

Партизаны разрушили связь между отдельными отрядами наполеоновской армии и раскрыли ряд весьма секретных маневров Наполеона. Достаточно только напомнить один факт. Вынужденный покинуть Москву, Наполеон решил обмануть русские войска и отступить не по старому, разрушенному, лишенному продовольствия смоленскому пути, а по Калужской дороге, где можно еще было найти продовольствие. Наполеон двигался крайне скрытно. О его плане знали только ближайшие генералы. Но партизан Сеславин разведал о передвижении французских войск и срочно сообщил об этом главнокомандующему русскими войсками Кутузову. Главнокомандующий немедленно перевел свои войска под Малоярославец, чтобы преградить путь на Калужскую дорогу. Наполеон был отброшен на старую дорогу. Русская армия перешла к преследованию, а партизаны с флангов и с тыла продолжали изнурительные нападения. Целые корпуса французов были взяты в плен. Наполеон, едва не попавший сам в руки партизан, покинул свою разбитую армию. Из полумиллионной армии к границам успело отойти не более 30 тысяч жалких, полусамерзших, одетых в отрепья солдат. Вся конница и артиллерия французов погибли в России.

Знаменитый партизан Денис Давыдов, рассказывая о народной войне и ее успехах, предсказывал, что в новой отечественной войне будет сделано еще больше.

«Еще Россия не подымалась во весь исполинский рост свой, и горе ее неприятелям, если она когда-нибудь подыметя!»<sup>1</sup> — пророчески писал Давыдов.

## ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА СОВЕТСКОГО НАРОДА

В 1918—1920 ГОДАХ

Особое значение, несравнимое ни с каким другим, имело партизанское движение в отечественной войне советского народа в 1918—1920 годах против германских завоевателей и русской контрреволюции. Опыт этой партизанской борьбы, традиции этой героической эпохи вошли в плоть и кровь советского народа. Недаром более двадцати лет поется в советской песне:

«Этих дней не смолкнет слава,  
Не померкнет никогда,  
Партизанские отряды  
Занимали города».

Каждая область, каждая республика, временно захваченная войсками иноземцев и русских контрреволюционеров, выдвинула своих героев, дала свой опыт, свои особые формы партизанского движения,

<sup>1</sup> Давыдов «Военные записки», стр. 426. Гослитиздат. 1940.

разработала и проверила свои инструкции по организации «малой войны». А все вместе представляет собой подробно разработанный устав партизанской борьбы, который сохранил полностью свою ценность до сегодняшнего дня. На первое место в этом уставе выдвигается борьба народов Украины, Белоруссии, Прибалтики против германских захватчиков.

В 1918 году германские завоеватели заняли Польшу, Литву, Латвию и Эстонию. Полчища хищников захватили Финляндию и угрожали Петрограду. Немцы попирали Румынию, чьи правители, порвав со своими союзниками, угодливо подставили свои спины германским империалистам. Войска германского кайзера наводнили Украину, Крым, район Дона, всюду посадив своих лакеев: гетмана Скоропадского, атамана Краснова и др. Германия наложила свои хищные лапы на Закавказье и зарилась на Северный Кавказ.

В берлинских канцеляриях, в штабах немецких корпусов спешно были созданы «правительства» для Дона, Кубани и Терека. Генералы и помещики, сидя в Киеве под прикрытием германских штыков, объявили «независимость». Немцы снабдили эти «правительства» оружием.

Дон, Кавказ и Терек манили хищников своими богатейшими источниками сырья. Германские империалисты уже тогда носились с планом, о котором в припадке болезненного величия бредит фашизм, а именно: заняв Украину, отторгнуть от Советской России Дон, Кавказ, Терек, использовать их как пути для проникновения в Закавказье, Турцию, Иран, Индию. Германский император в целях ограждения своего фланга отдал приказ атаману донского правительства Краснову захватить Царицын. Словом, германский империализм захватил территорию, втрое большую чем вся Германия, Франция и Италия, вместе взятые. Германия окружила Советскую Россию с северозапада, запада и юга, выжидая момента для ее полного расчленения. Более 300 тысяч немецких солдат попирало советские земли. Хлеб, скот, машины, лом — все увозилось в Германию. Всюду была установлена власть помещиков и буржуазии.

На Украине, в Белоруссии германские империалисты установили режим много хуже монгольского, ибо дань, налагавшаяся средневековыми варварами, не шла ни в какое сравнение с систематическим террором, зверствами, организованным грабежом и тонко продуманными издевательствами немецких орд.

Партия большевиков подняла народы захваченных немцами районов на отечественную войну против иноземных завоевателей. Кровью безвестных героев омыт каждый километр украинских, белорусских, прибалтийских дорог. Десятки тысяч партизан, отдавших жизнь за отечество, покоятся в балках и на пригорках Украины, Литвы, Белоруссии.

Огромный размах приняла народная война против немцев на Украине.

Вся Украина была охвачена огнем партизанской войны. В лесах, перелесках, балках, в южной степи находились партизанские гнезда. Трудящиеся не забудут имен Щорса, Котовского, Пархоменко, Боженко. Партизаны Щорса уничтожали отряды немецких грабителей. Немцы объявили большую награду за его голову, посылали против него крупные части, но неуловимый руководитель партизан уходил из окружения, снова и снова оказывался в тылу немцев. Рядом со Щорсом действовал киевский рабочий Боженко.

В глубине лесов формировались отряды красных партизан. По ночам они неожиданно налетали на немецкие гарнизоны, разрушали железные дороги, жгли мосты, захватывали целые поезда с оружием и обмундированием. Разутые, вооруженные часто лишь охотничьими ружьями, партизаны боролись за свою, советскую родину, против германских насильников, снабженных пулеметами, орудиями, броневиками.

Немцы пришли на Украину за хлебом. Более 300 тысяч солдат заняло страну. Это был, в сущности, колоссальный аппарат по высасыванию продовольствия из Украины. Германские гарнизоны стояли не только в городах, но занимали и крупные села. Между деревнями непрерывно передвигались отряды войск. Все эти обстоятельства наложили свой отпечаток на характер партизанской борьбы украинского народа. На Украине почти не было массовых партизанских отрядов. Большой отряд был бы немедленно выслежен и при таком обильном насыщении немецкими гарнизоном быстро окружен. Самый характер местности — степи, неглубокие леса — мало был приспособлен к созданию крупных партизанских отрядов. Обычный тип повстанческого отряда на Украине был таков. Отряд состоял из 30—50 хорошо подобранных, смелых, опытных бойцов. В окружающих селах и деревнях после внимательной проверки подбирались преданные советской власти люди. Им давали оружие, которое тщательно пряталось в укромных местах. Когда командование повстанческого отряда замышляло серьезное нападение на германский гарнизон, оно предупреждало через лазутчиков всех состоявших на учете в окружающих деревнях. К назначенному сроку в точно указанное место прибывали вооруженные повстанцы. Собиралось иногда несколько сотен бойцов, в зависимости от нужды. Партизаны налетали на гарнизоны, громили их и затем быстро расходились по домам, превращаясь в мирных жителей. Оружие опять тщательно убиралось, а повстанцы принимались за косьбу сена или уборку хлебов. Ядро отряда в 30—50 бойцов успевало после налета быстро перебраться за много десятков километров от места действия. Немцы, получив сведения о налете отряда в 500—600 человек, присылали часто большие соединения — до дивизии, окружали целые уезды, прочесывали леса, обходили все балки, но никого не находили, кроме жителей, занятых своим трудом. Так малочисленные отряды партизан наносили регулярной германской армии чувствительные поражения. Немцы не осмеливались передвигаться маленькими отрядами: они выжидали по нескольку дней, пока соберутся части, и переходили из города в город под прикрытием артиллерии.

Немцы боялись лесов, обходили их, пугливо жались к дорогам, а из канав вдоль дорог вдруг выскакивали партизаны. Каждый шаг немецких войск немедленно становился известным повстанцам. Добровольные связисты из населения незаметно уходили в лес, в овраг, где находились дозорные партизан, и рассказывали о передвижениях вражеских войск. Немцы не могли высылать разведчиков, ибо их вылавливали. На исправление поврежденных телефонных и телеграфных линий приходилось высылать целые отряды, но в ближайшую ночь линии опять оказывались поврежденными.

День и ночь шла война. Каждый глук хлеба завоевателям приходилось брать с бою.

Германское командование держало своих солдат в неведении, скрывало сведения о поражениях, умалчивало о тяжелом положении в тылу. Немецкие офицеры запрещали солдатам общаться с населением. На стенах домов висели приказы, угрожавшие жителям тяжелой карой за попытку вступить в разговор с солдатами. Но партизаны умело проникали в города, в полки гарнизона, вели разъяснительную работу среди солдат. Большевики-агитаторы пробирались в немецкие батальоны и раскрывали немецким солдатам глаза на положение в Советской России. Среди германских войск распространялись прокламации, листовки, газеты на немецком языке, в которых сообщалось о действительном положении внутри Германии, разоблачались лживые сводки командования.

Партизаны уничтожали немецких часовых, взрывали военные склады, забрасывали казармы гранатами. Командир немецкой дивизии

в Кременце издал приказ, в котором угрожал: «За каждого убитого или раненого германского... солдата будут немедленно расстреляны первые попавшиеся десять русских солдат или жителей»<sup>1</sup>. Смертной казнью каралось содействие партизанским отрядам. Но партизанам помогали все трудящиеся, и партизаны были неуловимы.

Австро-венгерский посол в Киеве граф Форгач уже в июне 1918 года вынужден был признать:

«В центре страны, в южных районах Киевской губернии, в западной части Екатеринославской, а также в Подолии учащаются возникновение банд и крестьянские волнения... Германские, а также императорские и королевские (то есть австро-венгерские) войска вынуждены непрерывно вести обременительные бои, иногда связанные со значительными потерями... Находящиеся здесь более старые германские войска в этих тяжелых боях не всегда оправдывали себя...»<sup>2</sup>.

Даже в Киеве, где стоял большой гарнизон, немцы не чувствовали себя в безопасности. Германский посол в Киеве барон фон Мумм вынужден был переселиться в оцепленный войсками район, где устроилось главное командование. Из этого района предварительно выселили все население.

Мужчины, женщины, подростки, коммунисты, комсомолы, беспартийные — все, в ком билось горячее сердце, кто был переполнен любовью к родине, все поднялись на упорную, настойчивую, тяжелую борьбу против немецких поработителей.

Большой размах партизанское движение против немцев получило в Белоруссии.

В ряде деревень Слуцкого уезда, например, были созданы волостные подпольные большевистские группы. Они были связаны со Слуцким подпольным уездным комитетом большевиков, с деревнями, где создавали опорные пункты. Группа находила надежного человека, доставала ему винтовку, разъясняла задачу борьбы. Он в свою очередь подбирал людей, готовых участвовать в борьбе. На пишущей машинке печатались воззвания, листовки и расклеивались на видных местах или разбрасывались по дворам, на базарах, в местах скопления публики. Подпольные работники призывали население не давать захватчикам ни продовольствия, ни денег, ни рабочих. В особых бюллетенях подпольные работники сообщали сведения о положении дел в Советской России, чем поднимали бодрость у жителей. Подготовив таким образом почву, подпольщики переходили непосредственно к боевым действиям: порче военного имущества, разрушению железнодорожных путей, взрывам мостов, уничтожению телеграфных линий, налетам на отряды интервентов.

Партизаны были окружены глубоким сочувствием всего населения. Крестьяне привозили партизанам еду, сообщали, где и сколько находится интервентов, скрывали у себя народных героев. Интервенты жестоко расправлялись с населением и за сокрытие партизан расстреливали часто целые села. Оккупанты требовали выдачи партизан, но редко добивались успеха. В одной из деревень, недалеко от Минска, интервентам удалось окружить партизанский отряд Ивана Маслыко. Не желая сдаваться, начальник отряда и несколько партизан пустили себе пули в лоб. Застрелившихся привезли в штаб интервентов. Офицер, желая удостовериться, что неуловимый начальник партизан погиб, приказал привести мать Маслыко и, указывая на покрытого кровью умирающего, спросил:

— Твой сын?

<sup>1</sup> «Крах германской оккупации на Украине», стр. 22. ОГИЗ. 1936.

<sup>2</sup> «Отечественная война против германских оккупантов в 1918 году», стр. 30—31. Госполитиздат. 1941.

Героиня-мать узнала сына, но собрала все силы и наружно спокойно ответила:

— Не знаю, что за человек.

Взбешенный стойкостью советских патриотов, офицер стал пытаться захваченных в плен партизан. Их били шомполами, загоняли им под ногти иголки, опутывали и сжимали колючей проволокой, но партизаны молчали. Их расстреляли. Перед смертью, измученные, искалеченные, но гордые своей стойкостью, полные непримиримой ненависти к палачам, партизаны пели:

«...Падет произвол и восстанет народ,  
Великий, могучий, свободный...»

В первых рядах белорусских партизан боролась молодежь. Подпольный Коммунистический союз молодежи Литвы и Белоруссии обратился с пламенным призывом к молодым патриотам:

«Рабочая молодежь! Твоя задача — разрушить тыл белогвардейцев. Ты должна мешать продвижению поездов, портить мосты, дороги, рвать телеграфные провода, вести агитацию среди вражеских солдат, распространять коммунистическую литературу.

Крестьянская молодежь! Твой путь — в красные партизанские отряды, которых уже много в Белоруссии. Геройскими налетами мы должны сеять панику в рядах белых.

Пусть под крепкими ударами Красной Армии на фронте, рабочих и крестьян вместе с трудящейся молодежью в тылу падет ненавистное иго панов и засияет новое солнце — солнце для трудящихся!»<sup>1</sup>

Рискуя жизнью, комсомолы расклеивали воззвания на стенах домов, разбрасывали по заводам и фабрикам, разносили по деревням. Вся молодежь ушла в боевые отряды.

Белоруссия превратилась в военный лагерь. Руководители партизанского движения разработали специальную инструкцию для борьбы с оккупантами. Она известна под названием «Десять заповедей красных партизан Белоруссии». В простых, доступных словах инструкция не только указывала, что делать, но и почему делать так, а не иначе. Когда такая инструкция попадала в село, она указывала даже и неучастникам партизанского движения, с чего надо начинать и как вести борьбу.

Вот эти заповеди советских патриотов:

1. Бей помещиков и жандармов, беспощадно расправляйся с вражескими солдатами и офицерами.

2. Уничтожай, обезоруживай и с презрением гони от себя вражескую армию.

3. Разрушай в тылу врагов железные дороги, подкладывай под полотно взрывчатые вещества, разбирай рельсы, сжигай шпалы, а где можно, прячь в лесах, зарывай в землю, — только тогда иностранные громилы не смогут перебрасывать так быстро свои войска и жандармерию для подавления и расправы с партизанщиной, только тогда они не смогут при своем отступлении увезти из Белоруссии белорусское богатство, принадлежащее трудовому народу.

4. Режь телефонные и телеграфные провода, подпиливай телеграфные столбы, ибо тем самым мы помешаем иноземным ворам быстро сговариваться между собой и строить планы расправы с нами.

5. Взрывай мосты через реки, через дороги, сжигай их, подпиливай шпалы, чтоб жандармы не носились быстро со своими пушками из деревни в деревню грабить и резать нас.

6. Поджигай военные склады со снарядами, пушками, а также продовольствием. Когда мы это сделаем, врагу нечем будет стрелять

<sup>1</sup> «Красная смена» № 12 (26) от 7 мая 1922 года.

по беззащитным избам белорусского крестьянина и рабочего, а также кормить своих опричников — жандармов.

7. Перехватывай вражеских всадников, отнимай у них пакеты, донесения — там пишут о наступлениях, о грабежах; делай налеты на караулы, посты так, чтобы это было неожиданно, из-за кустов, нападай на отступающие обозы, отнимай у них лошадей, повозки, упряжь — все, что попадется, и прячь подальше, все это пригодится.

8. Беспощадно расправляйся с пиявками-панами, не щадя своих вековых мучителей-кровопийцев.

9. Спеша на помощь приближающейся Красной Армии, протяни ей братскую руку и вместе с нею начисто вымети белорусскую землю от врагов.

10. Зови в свои партизанские отряды других товарищей; держи тесную, неразрывную связь с ближними партизанами для того, чтобы в нужный момент дружно обрушиться на панскую голову. Чем нас будет больше, тем скорее справимся с висельниками, скорее закончим войну, восстановим у себя советскую власть и перейдем к мирному труду.

Партизанская борьба в Белоруссии имела свои особенности. Обилие болот и озер обеспечивало партизанам возможность хорошего укрытия, но затрудняло создание больших отрядов. С другой стороны, интервенты не рисковали уходить далеко в сторону от основных шоссе и железных дорог, боясь запутаться среди извилистых проселочных дорог, капризно вившихся по болотам и лесам. Это делало крайне чувствительными коммуникации. Интервенты хорошо охраняли дороги, особенно мосты, с помощью бронепоездов, броневиков и особых пехотных отрядов, снабженных пулеметами. Такая тщательная охрана вынуждала партизан, плохо вооруженных, тесно связывать свою деятельность с задачами регулярной Красной Армии. Ленин неоднократно указывал, какие хорошие результаты дает партизанская борьба, если она подчиняется задачам большой войны.

«...партия пролетариата, — писал Ленин, — не может считать партизанской войны единственным или даже главным средством борьбы;... это средство должно быть подчинено другим, должно быть соразмерно с главными средствами борьбы...»<sup>1</sup>.

Партизанская борьба давала особенно хорошие результаты, когда удавалось через фронт наладить связь со штабами красных частей. Оттуда поступали указания, по каким объектам бить, какие мосты уничтожать. Боевые действия партизан подчинялись заданиям, поставленным регулярными частями. Удары по противнику становились несравненно более чувствительными.

Боевая деятельность партизан изматывала интервентов, держала их в непрерывном напряжении, не давала покоя, заставляя вести борьбу на два фронта. Командующий немецкой X армией, занимавшей Белоруссию в 1918 году, в приказе по армии сообщал о многочисленных случаях налетов партизан. Только за несколько дней ноября произошли следующие выступления: в м. Турец около 200 человек напало на базарную площадь, пострадали германские солдаты; в Чаплице, к югозападу от Слуцка, партизаны задержали транспорт лошадей, отобрали ружья у немецких солдат; в том же районе партизаны отняли пакеты у германских курьеров. В Вожеречье партизаны напали на конюшни немецкой конно-закупочной комиссии и увели лошадей. На следующий день нападение повторилось. Около Городени крестьяне восстали, у Лужков сожгли помещичье имение, где находился штаб немецкой части. Партизанский отряд напал на ст. Негорелое, к югозападу от Минска. У Крас-

<sup>1</sup> Ленин. Соч. Т. X, стр. 86.

нолик было совершено нападение на немецкий склад оружия, у Молодечно сожжены продовольственные склады.

Германские захватчики чувствовали ежеминутно, и днем и ночью, что находятся в неприятельской стране, что из-за каждого дома, из-за каждого кустика им грозит опасность.

Приведя эти факты, немцы писали:

«Все эти известия показывают, как велика опасность, которой подвергается X армия на своем обратном пути. Необходима неустанная бдительность, тесное единение всех частей войск, чтобы предупредить пролитие германской крови.

Случаи эти ясно говорят за то, что мы находимся в неприятельской стране и что мы должны действовать и поступать соответствующим образом»<sup>1</sup>.

Задолго до того как германская армия была разбита на западном фронте, оккупационные германские отряды перестали существовать как организованная сила. Измотанные непрерывными нападениями, изнервничавшиеся от постоянных тревог под ударами украинских и белорусских повстанцев, 300 тысяч оккупантов вышли из повиновения своим начальникам. Оставляя артиллерию, бросая по дороге награбленное добро, голодные и оборванные остатки прежних полчищ, как некогда наполеоновская армия, окруженные всеобщей ненавистью, кинулись домой.



Огромный размах партизанское движение получило в тылу у Колчака, в Сибири. Там действовали сотни партизанских отрядов. Огромные просторы Сибири не позволяли интервентам и белогвардейцам держать гарнизоны повсюду. Белые части стояли только в больших городах и вдоль железных дорог, не рискуя уходить в сторону дальше чем на 15—20 километров. Это обстоятельство наложило свой отпечаток на характер партизанского движения в Сибири. Здесь были созданы целые партизанские армии.

Отдельные партизанские отряды сливались в большие соединения, хорошо вооруженные и дисциплинированные. Партизанская армия гг. Щетинкина и Кравченко насчитывала десятки тысяч человек.

Целые области в тылу Колчака оставались в руках советской власти. В уездах функционировал советский аппарат. Регулярно выходили газеты. Армии были разделены на дивизии и полки. Работали органы снабжения. Сначала партизанские отряды действовали без взаимной связи друг с другом. В начале 1919 года из Москвы пришло указание о создании в Сибири специального органа по руководству повстанческим движением — Сибирского бюро ЦК. Оно руководило всей борьбой, намечало места восстаний, рассылало агитаторов, печатало в тайных типографиях листовки.

Сибирские большевики разработали специальную инструкцию «по организации деревенских коммунистов, крестьянских штабов и отрядов». В каждой деревне создавался тайный революционный комитет из пяти или десяти человек. Рекомендовалось вовлекать в эти комитеты бывших участников войны, владеющих оружием и знакомых с тактикой боевых операций.

Несколько деревенских комитетов образовывали революционный штаб, который связывался с губернским штабом партии. Перед деревенскими коммунистами ставились следующие задачи: перевозить оружие, распространять литературу, перевозить и скрывать в надежных местах советских агитаторов, вести агитацию среди новобранцев, призванных Колчаком, рекомендовать им переходить на сторону Красной Армии с оружием в руках. Инструкция требовала от коммунистов, чтобы они

<sup>1</sup> Приведено из «Цейтунг X армии»; опубликовано в «Минской газете» от 21 ноября 1918 года.



вели беседы и подбирали для участия в партизанской борьбе людей, достойных доверия. Рекомендовалось брать на учет каждого крестьянина, казака, каждого представителя национальных меньшинств, сочувствующих восстанию, и составлять из них десятки и сотни. Предлагалось приобретать патроны и оружие всеми способами, запасаться медикаментами, перевязочными материалами, в определенных скрытых местах заготавливать продовольствие, чтобы в начале военных действий не тратить времени на поиски продовольствия и не требовать его у населения.

Крестьянские комитеты должны были установить железную дисциплину, налагать строгие наказания за нарушение ее. За донос, трусость, дезертирство, измену, невыполнение боевых приказов специально созданные военно-революционные суды выносили смертные приговоры. Инструкция указывала: «Красные партизаны — это красные батальоны смертников. Они должны сражаться с врагами народа до последнего патрона, до последнего вдоха. Они должны победить или умереть».

Сибирские партизаны развернули борьбу против белых. Поезда могли ходить только днем, и то в сопровождении броневиков или специальных военных отрядов. Буквально не было ни одного дня, когда бы под откос не был спущен поезд с военным снаряжением, или броневик, или воинский поезд. В начале апреля 1919 года за несколько дней из Восточной Сибири прошел только один пассажирский поезд, и тот был остановлен партизанами.

Трудящееся население дружно поддерживало партизан. Желающих вступить в отряды было так много, что не хватало оружия. Партизан вооружали централками, дробовиками и самодельными охотничьими ружьями. При наступлении белых все население готовилось дать им отпор. Женщины и дети готовили кляток и горячую золу, чтобы бросать ее в глаза противнику в случае прорыва через окопы. Старики с седыми бородами создали особый отряд, который назвали «серебряной ротой».

Колчак подавлял движение с нечеловеческой жестокостью. Когда в апреле 1919 года повстанцы заняли Кустанай, Колчак выслал для водворения «порядка» регулярные части. Белые заняли город и расстреляли около тысячи жителей. Белый подполковник Сахаров доносил по начальству: «Кварталы, где засели красные, поджег, что заставляет их выбегать, и только это дает возможность их расстреливать и дом за домом брать. Ожесточение страшное. Дерутся даже женщины и мальчики до 12 лет».

Но Колчаку никогда не удавалось полностью подавить восстание народа: подавляли в одном месте — вспыхивало в другом.

Вся подпольная работа согласовывалась со штабом восточного фронта Красной Армии. Повстанческое движение отвлекало у Колчака много сил. С повстанцами боролось 200 тысяч интервентов, стоявших вдоль линий железных дорог. Но этого не хватало. Колчак вынужден был снимать войска с фронта и отправлять их на подавление восстания. Один из колчаковских усмирителей, Сахаров, писал, как крестьяне помогали повстанцам: «...Крестьяне давали не только людей для этого корпуса, они поставляли хлеб, мясо, одежду. Был даже открыт завод для снаряжения ружейных патронов и для приготовления пик, сабель и секир. Правительственные отряды и енисейские казаки не могли подавить восстания и занимали оборонительные линии, чтобы прикрыть с юга Красноярск и железную дорогу, единственную коммуникацию армии»<sup>1</sup>.

ЦК партии большевиков вынес специальное решение о партизанской борьбе в Сибири. Было предложено объединить все партизанские отряды и подчинить их деятельности задачам наступающей Красной Армии.

<sup>1</sup> Сахаров, К. «Белая Сибирь. Гражданская война в Сибири и Северной области», стр. 84. 1927.

Это решение усилило деятельность партизан. Десятки тысяч рабочих и крестьян поднялись против Колчака. Разбитый Красной Армией на фронте, Колчак отступил в глубь Сибири, а там его принимали в штыки партизаны. Под двойным ударом быстро таяла белая армия. Целые дивизии переходили на сторону красных войск. Колчак был разгромлен.

Много ценного внесли в опыт партизанской борьбы дальневосточные большевики. Они поднимали против интервентов весь край. В глубине тайги были сформированы отряды красных партизан. По ночам эти отряды неожиданно налетали на гарнизоны. Они разрушали железные дороги, жгли мосты, захватывали целые поезда с оружием и обмундированием.

Плохо вооруженные партизаны не раз нападали на регулярные армии интервентов. В феврале 1919 года у деревни Чудиновки, на Амуре, интервенты окружили партизан. Спрятавшись на лесистых сопках, они устроили засаду. Партизаны ее обнаружили. Под прикрытием морозного тумана они зашли в тыл врагам и неожиданно атаковали их. В бою были взяты два орудия, два пулемета, свыше тысячи винтовок, много снарядов. Вскоре к разъезду близ Чудиновки подошел воинский эшелон. Партизаны прошли пулеметным огнем все вагоны. Эшелон ушел обратно, увозя в вагонах горы трупов.

Борьбой за родину руководили большевики. В городах создавались тайные партийные комитеты, которые были крепко связаны с заводами, приисками, копями и с тайгой. Большевики доставали оружие. Неуловимый флот из рыбачьих лодок доставлял партизанам порох, патроны, гранаты.

Одним из руководителей дальневосточного партизанского движения был Сергей Лазо. По его предложению, при подпольном областном комитете партии большевиков был создан военно-революционный штаб, председателем которого был утвержден тов. Лазо. Такие же штабы были созданы на местах. Лазо разработал для них специальную инструкцию. По предложению Лазо, военно-революционные штабы должны были состоять из трех — пяти человек. Штаб разбивается на отделы: 1) мобилизационно-организационный, 2) снабжения, 3) связи, 4) разведки, 5) оперативный, 6) Красного креста, или санитарный. При районных комитетах также создавались штабы, но они имели лишь четыре первых отдела.

Лазо, посвятивший много времени изучению военного искусства и даже в глубокой тайге не прекращавший своих занятий по истории партизанской борьбы, подробно и внимательно разработал инструкцию о том, чем должен заниматься каждый отдел штаба:

«Мобилизационно-организационный отдел ведет: а) организацию боевых отрядов из членов партии и из сторонников советской власти; отряды организуются на началах строгой дисциплины и должны представлять в распоряжение штабов военную и рабочую силу в состоянии постоянной готовности; б) организацию партизанских отрядов в близлежащем районе; в) создает специальные подрывные отряды; г) ведет организационную работу среди русских и иностранных воинских частей путем создания в них партийных боевых ячеек и отрядных (взводных, ротных, полковых и т. д.) комитетов; д) ведет учет командного состава (советского и партийного), специалистов, пулеметчиков, артиллеристов, сапер, подрывников и т. д.

Отдел снабжения: а) приобретает всеми способами вооружение и снаряжение; б) организует склады для хранения оружия и снаряжения; в) распределяет вооружение и снаряжение среди отрядов и организует их отправку.

Отдел связи устанавливает тесную регулярную связь: а) со всеми партизанскими отрядами его района; б) со штабами других городов и в) с воинскими частями.

Оперативный отдел руководит действиями партизанских военных организаций и штабов в своем районе, определяет задачи подрывных и специальных отрядов»<sup>1</sup>.

Военно-революционные штабы коммунистов на местах и районные штабы подчинялись Дальневосточному областному штабу. Вся работа была строго централизована. От участников движения требовалась строжайшая конспирация. Отсутствие конспирации каралось партийным революционным судом.

Коммунисты, а также рабочие, сторонники советской власти, соединялись в боевые десятки, десятки сводились в сотни и т. д.

Дальневосточные партизаны сумели проникнуть в колчаковские части, создать там боевые группы революционно настроенных солдат и организовать партийные ячейки. Военно-революционный штаб имел специальных связистов, которые встречались с представителями солдат за городом, в сопках или на конспиративных квартирах и сообщали полученные сведения в штаб.

Всю свою неисчерпаемую энергию Лазо употребил на правильную организацию партизан, на подчинение действий разрозненных отрядов единому командованию. Под руководством Лазо отряды партизан мешали подаче угля в порт Владивостока и на железные дороги. Это задерживало движение поездов и пароходов, подвозивших Колчаку и интервентам оружие. Дальневосточные партизаны настолько разрушили вражеский тыл, что колчаковские войска даже не дошли до Дальнего Востока. Уже в январе 1920 года, до того как Колчак был захвачен красными войсками, дальневосточные партизаны вошли во Владивосток.

Сам Лазо в апреле 1920 года вследствие провокации попал в руки оккупантов. Он учил своих партизан:

«Как для обильного урожая требуется влага, так для победы пролетарской революции требуется кровь революционеров, и мы всегда готовы отдать эту кровь».

Ему пришлось оправдать свои слова. Интервенты зверски расправились с Лазо: они сожгли его в топке паровоза.

#### ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА СОВЕТСКОГО НАРОДА ПРОТИВ ФАШИСТСКИХ РАЗБОЙНИКОВ

Сейчас кровожадные фашисты хотят реализовать грабительские планы германского империализма, провалившиеся в 1918 году. Они развили этот человеконенавистнический бред, доведя его до такой степени озверения, о какой не мечтали варвары в самые мрачные и страшные времена средневековья. В своем иступлении они забыли, что за 23 года, прошедшие со времени краха германской оккупации, коренным образом изменилась Советская страна. Не малочисленные, плохо вооруженные отряды партизан, а могучая Красная Армия, весь советский народ ведут отечественную войну за свободу, за честь, за родину.

На фронте и во вражеском тылу, по призыву великого Сталина, советский народ подымается против фашистских завоевателей. Через проволочные заграждения, через окопы, сквозь фронт к населению временно занятых советских территорий проник призыв товарища Сталина:

«В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия».

Переведенная на языки народов Советского Союза и на немецкий, речь Сталина в листовках была распространена в немецком тылу. Одна

<sup>1</sup> Лазо, С. «Воспоминания и документы», стр. 139—140. Огиз. 1938.

из таких листовок попала в руки красноармейского соединения, пробивавшегося из немецкого тыла к своим. Командир подразделения распорядился перевести листовку с немецкого на русский. Прочитав ее, командир сказал бойцам:

«Пробиваться к своим не будем. Есть приказ Сталина создавать в тылу невыносимые условия для врага».

Все подразделение осталось в тылу и развернуло партизанскую борьбу. Красноармейское соединение связалось с местными партизанами. Часть командиров и бойцов переброшена была в отряды, принеся с собой свой боевой опыт.

Полные глубокой любви к родине, черпая силы в поддержке всего советского народа и его Красной Армии, советские патриоты, действующие во вражеском тылу, показывают фашистским людоедам, как страшен гнев советского народа. Те сведения, которые поступают из-за фронта, свидетельствуют о том, что партизанское движение в тылу распространилось как огонь по сухой соломе. Выдвинулись блестящие руководители, созданы буквально тысячи отрядов, свершены подвиги, о которых уже поют песни. Вот некоторые факты борьбы партизан против фашистских разбойников.

Едва колхозники артели «Красный луч» заметили фашистские войска, все оставили село Воропаево. Весь скот, машины и хлеб были своевременно переправлены в тыл. При этом единоличники присоединили свой скот к общему колхозному стаду. Боеспособные мужчины во главе с бывшим участником гражданской войны партторгом колхоза тов. Ворона ушли в партизаны. В отряде оказалось всего несколько винтовок и четыре гранаты. Большинство партизан вооружилось топорами. Через лазутчиков партизаны проведали, что ночью через село должна пройти фашистская моторизованная колонна.

Когда немецкая колонна расположилась на ночевку в ожидании транспорта с горючим, партизаны подползли к селу. Глубокой ночью тов. Ворона и бригадир колхоза бесшумно уничтожили часовых, а затем все партизаны с двух сторон накинулись на фашистский лагерь, рубя топорами танкистов и мотоциклистов. Только три танка успели открыть огонь. Партизаны забросали их гранатами и зажженными смоляными факелами, а танкистов обстреляли из захваченных у немцев автоматов. На поляне остались сорок трупов, обгорелые машины. Партизаны, вооружившись с головы до ног, укрылись в лесу.

В другом районе Белоруссии действует партизанский отряд во главе с бывшим работником сельской кооперации, которого все называют «Дедом». Отряд «Деда» совершил несколько смелых налетов и буквально навел панику на фашистских захватчиков. Проходя через район деятельности отряда «Деда», немцы не рискуют ночевать в домах. В населенных пунктах они роют окопы и ночуют в них, боясь внезапного нападения.

Недавно семь немецких танков остановились возле одной деревни. Экипажи вышли из машин отдохнуть. Они не забыли выставить караул, но это их не спасло. Партизанский отряд «Деда» молниеносно напал на врага, перебил солдат и офицеров, увел танки. Отряд успешно ведет борьбу с фашистскими мотоциклистами, которые ездят с важными донесениями в тыл. Специальные засады подстерегают мотоциклистов на дорогах и уничтожают их. Враг охраняет телеграфные и телефонные линии, и все же ежедневно в том или ином месте партизаны режут провода.

Слава партизанского отряда «Деда» давно выросла за пределы района его деятельности. Сами фашисты с ужасом рассказывают о борьбе «Деда». Отряд его неуловим. По немецким сведениям получается, что «Дед» в одно и то же время находился в двух разных местах, распо-

ложенных в 70—80 километрах друг от друга. Словом, как пишет поэт Уткин,

«Ни поспать, ни пообедать  
Немцам стало, — говорят, —  
Всюду «Дед» и внуки «Деда»,  
Там, где немцы, — там отряд!»

Пораженные смелыми налетами, все учащающимися, немцы в недоумении разводят руками: сколько же у «Деда» партизан?

«А в ответ несет паленым,  
А в ответ слова звучат:  
— «Дед» один... но миллионы  
У него в стране внучат!»

Во главе одного из партизанских отрядов стоит секретарь Н-ского райкома партии Белоруссии тов. Бумажков Т. П. Укрываясь в лесу, отряд совершил несколько удачных налетов на фашистские тылы. Уничтожались мелкие воинские части, взрывались боеприпасы, вылавливались фашистские связисты. Рядом, в другом лесу, обосновалась другая часть этого же партизанского отряда: под руководством бывшего районного уполномоченного Наркомата заготовок тов. Павловского Ф. И. Однажды к тов. Бумажкову пробрался в лес животновод колхоза «Маяк революции» и сообщил, что по шоссе к фронту идет танковая колонна противника; к утру она будет проходить мимо отряда. Подробно расспросив, сколько идет машин, какова охрана, тов. Бумажков быстро связался с тов. Павловским. Утром объединенный отряд напал на фашистов. Гранатами и бутылками с горючим партизаны вывели из строя головные пять машин. Перепуганные неожиданным налетом, фашисты открыли беспорядочный огонь, поражая свои же машины. Партизаны продолжали забрасывать фашистов гранатами и бутылками, поджигая танки. Всего было уничтожено восемнадцать танков и бронемашин. Остальные бежали.

Тт. Бумажкову и Павловскому удалось атаковать штаб немецкой дивизии. Перебив охранный отряд, партизаны уничтожили штабистов. Герои захватили оперативные документы, тридцать пять автомашин, более сорока мотоциклов. Оперативные документы, неоднократно добываемые отрядами партизан, как и разведывательные данные о числе и состоянии вражеской армии, немедленно доставлялись Красной Армии. Оба руководителя партизанских отрядов — тт. Бумажков и Павловский — награждены званием Героя Советского Союза.

Другой отряд партизан, во главе которого стоит секретарь райкома партии тов. Жуковский М. И., награжденный ныне орденом, захватил в тылу у немцев город С., перебив посты и прогнав гарнизон. Партизаны оставили город только после подхода крупных немецких частей. Тот же отряд занял другой город, К., выбив оттуда фашистский гарнизон. За 1½ месяца вооруженной борьбы известно уже пять случаев только в Белоруссии, когда города были захвачены партизанами.

Небольшой партизанский отряд укрылся в лесу, через который шла к фронту дорога. Фашисты подвозили по дороге на автомашинах боеприпасы. Отряд этот избрал своей специальностью уничтожение машин. Партизаны нарубили брусьев, вбили в них острые железные шипы. По ночам брусья раскладывались на дороге. Автомобили, наскочившие на брусья, немедленно останавливались с проколотыми шинами. Партизаны после этого уничтожали немецкую охрану и взрывали боеприпасы. Так небольшой отряд причинил много беспокойства фашистам.

Третий партизанский отряд избрал своей специальностью ликвидацию мотоциклистов. Протянув через дорогу тонкий металлический трос, партизаны в темноте подымали его до уровня седока. Наскочив на трос, мотоциклист молниеносно вылетал из седла. Меньше чем за неделю

партизаны уничтожили 17 мотоциклистов. Немецкие машины пошли на вооружение советских патриотов.

В одном из районов Житомирской области, на Украине, во главе отряда стоит старший агроном МТС. Отряд охотится за мелкими партиями немцев, главным образом за автоколоннами. За два дня отряд разгромил 4 автоколонны, убил до 50 солдат, уничтожил 22 автомашины, 9 мотоциклистов и 1 легковую машину с четырьмя штабными офицерами. Партизанский отряд великолепно вооружился за счет немцев.

Часто партизаны завязывают бой с фашистами и увлекают их в лес и болота, где местными жителями исхожена каждая тропка, где им с детства известны балки и густые заросли. Здесь партизаны уничтожают регулярные части фашистов. В одном таком бою партизаны три часа подряд налетали на немцев, перебив многих. Три глубоких ямы едва вместили погибших фашистов.

Н-ский партизанский отряд в схватке уничтожил немецкий танк, убил 30 немецких кавалеристов, сжег 3 тысячи тонн награбленного фашистами хлеба и склад горючего. Кроме того взорвано два моста в тылу немцев.

В отряде, которым командует тов. Черный, несколько сот партизан. Они вооружены автоматами, пранатами. При отряде имеются две легкие артиллерийские батареи, около тридцати пулеметов. Все оружие добыто в боях с фашистами.

Партизанская борьба только началась, а сведения о героических подвигах поступают буквально потоком. Уже сейчас можно подвести предварительные итоги и подчеркнуть особенности современной партизанской борьбы против фашистских людоедов.

Прежде всего необходимо отметить все народный характер движения. В отрядах участвуют все местные колхозники: члены правлений артелей, полеводы, конюхи, овощеводы. Коммунисты сел, занятых немцами, как правило, ушли все в партизаны. В отрядах много женщин. Среди первой группы награжденных партизан имеется комсомолка Валентина Герасимова. Она была санитаркой в отряде. Будучи ранена, смелая девушка сумела спасти двенадцать раненых партизан, вынеся их с поля боя. Секретарь комсомольской организации Анна Шубенок, награжденная орденом, проникла в город Т., захваченный немцами, и, рискуя жизнью, взорвала резервуары с запасом горючего. В районе С. действует партизанский отряд, которым руководит женщина, член правления колхоза «Красный пахарь», Мария Д. Отряд засыпал много колодцев, перерезал много телефонных и телеграфных проводов, взорвал мосты на некоторых важных дорогах. 2 августа отряд, руководимый женщиной, захватил четырех немецких связистов-мотоциклистов. Командир отряда узнал от пленных, что в город П. спешно движется автоколонна с бензином и запасными частями для танков. Отряд устроил засаду на узкой проселочной дороге и рано утром атаковал колонну. Восемь машин были уничтожены, а запасные части выкинуты в болото.

Приток женщин в отряды особенно усилился, когда стали известны факты неслыханной жестокости фашистских извергов. В одном селе немцы расстреляли председателя колхоза и несколько активистов. Завоеватели ограбили дома, забрали кур, поросят, носильные вещи, сломали печи в поисках ценностей. Мужчины ушли в лес. Женщины избрали председателем колхоза Евдокию Миронову. На тайном собрании женщины решили работать так же, как и до сих пор,— колхозом. Через несколько дней пьяный фашистский ефрейтор пытался надругаться над 15-летней дочерью колхозницы. Мать ударила изверга поленом в грудь. Через два дня ее повесили. В ту же ночь колхозницы перенесли детей в лес, а на следующую ночь напали на сельсовет, где находился штаб фашистского

подразделения. Сняв часовых, колхозницы облили дом керосином и подожгли со всех сторон. Офицеров, пытавшихся выскочить из горевшего дома, убили. Одновременно вспыхнули избы всего села, подожженные колхозницами. Женщины ушли в лес, откуда совершили еще несколько смелых вылазок.

В отрядах немало детей. Среди награжденных два тринадцатилетних мальчика, бесстрашно действовавших в качестве разведчиков.

Во главе отрядов стоят обычно секретари райкомов, председатели исполкомов, председатели или члены правления колхозов, директора МТС, агрономы,— словом, партизанская армия, эта всенародная милиция, в которой состоит поголовно вооруженный народ, имея во главе своих руководителей или директоров предприятий.

В партизанских отрядах плечом к плечу дерутся с врагами представители всех наций: русские, украинцы, белоруссы, евреи, поляки, литовцы, латыши, эстонцы, грузины, немцы. В первом списке награжденных партизан, насчитывающем всего 45 человек, рядом с русским Жуковским Максимом Ивановичем стоят белорусс Рудобельц Игнат Федорович, еврейка Гузман Роза Марковна, грузин Квинтрадзе Матвей Мелмтонович. Великая дружба народов, выкованная в годы гражданской войны и социалистической стройки, с новой силой проявилась в борьбе против человеконенавистнического фашизма.

Состав партизанских отрядов подчеркивает характер войны: народы Советского Союза ведут освободительную отечественную войну против иноземных захватчиков и поработителей.

Следующая особенность современной партизанской войны состоит в том, что базой войны является любое село. Двадцать лет тому назад в борьбе с предшественником современного фашизма партизаны опирались на отдельные базы. В селах и деревнях было немало кулаков. Они являлись агентами белогвардейцев и немцев. Кулаки выслеживали партизан и выдавали белым. Кулацкие сынки участвовали в карательных отрядах. Партизанам приходилось проявлять исключительную осторожность при выборе баз. Зависимость от определенных мест сковывала размах деятельности партизан.

Сейчас картина иная. Победа колхозного строя коренным образом изменила характер борьбы. Конечно, и теперь найдутся предатели, но в целом современные села и деревни политически и морально едины, как и весь советский народ. В настоящее время любой колхоз, любое село является базой партизанской борьбы. Партизанский отряд найдет приют и помощь буквально в каждом селе. Везде партизан — среди своих. Это делает отряды неуловимыми, крайне подвижными, мобильными. Раненые партизаны, красноармейцы или сбитые советские летчики укрывались помногу дней в селах. Колхозники внимательно ухаживали за ранеными, а по выздоровлении помогали добраться до частей Красной Армии. Однажды в бою был сбит советский летчик лейтенант Ярославцев. Немцы видели, что летчик выбросился на парашюте. Фашистские мотоциклисты помчались к месту спуска, но застали только пустой парашют. Фашисты обшарили все поле и ближайшую деревню, но ничего не нашли. Колхозники спрятали летчика.

«Четыре дня,— рассказывает тов. Ярославцев,— провел я за линией фронта. Это была территория, захваченная немцами. Но стоило мне только свернуть с шоссе, по которому движутся войска противника, на лесную тропу или проселок, стоило только постучаться в какую-нибудь хату, и я забывал, что здесь хозяйничает враг. В каждом селе я был среди своих»<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> «Известия» от 6 августа 1941 года.



К особенностям современной партизанской войны необходимо причислить еще одно обстоятельство. Тупой ефрейтор, стоящий во главе фашистской Германии, словно в отместку за свое собственное бескультурье жестоко расправился с немецкой культурой. Ближайшие соратники Гитлера цинично заявляли, что при словах «культура», «интеллигенция» они растегают кобуру пистолета. Гитлер дал германскому народу «фельдфебелей в Вольтеры», как мечтал еще солдафон Скалозуб. С этой меркой фашисты подошли и к советскому народу. Они полагали, что современные колхозники недалеко ушли от крестьян старой, царской деревни. На этом строили свои расчеты фашистские людоеды, организуя борьбу с партизанщиной. «Надо их душить техникой, танками» — такое указание дало германское командование для борьбы с партизанами. Фашистские генералы были уверены, что современная военная техника недоступна колхозникам.

Но фашистские варвары и здесь просчитались, как и в своем основном плане молниеносной войны. В Советской стране развернулась глубочайшая культурная революция, которая коренным образом изменила весь облик населения. Больше 50% советского населения родилось и выросло при советской власти. Это поколение освоило советскую культуру. Но и в остальной части населения полностью ликвидирована неграмотность. Выросла совершенно новая интеллигенция, из рабочих и крестьян. В каждом селе, в любом колхозе имеются сейчас трактористы, комбайнеры, шоферы, техники, не говоря уже об агрономах, врачах и учителях. Любой партизанский отряд представляет собой сколок с современного колхоза, и поэтому в каждом партизанском отряде находятся технически грамотные люди. Они быстро овладели немецкой военной техникой и обратили ее против фашистов.

Партизанский отряд под руководством директора спиртозавода и секретаря райкома партии атаковал однажды немецкую колонну. Уничтожив пехоту, отряд захватил один танк, 10 бронемашин и одну противотанковую пушку. На машины сели трактористы, у пулеметов стали комсомольцы, познакомившиеся в организациях Осоавиахима с устройством этого оружия. Отряд, вооруженный вражескими машинами, продолжает вести борьбу с фашистами.

В другом районе отряд партизан под командованием тов. К. состоял всего из десятка смельчаков. Недавно отряд напал на фашистов, захватил 3 танкетки, несколько бронемашин, мотоциклы, боеприпасы. Командир отряда кликнул клич ближайшим колхозникам. Прибыли трактористы, комбайнеры и быстро освоили немецкую материальную часть. Обогащенный новой техникой, отряд истребляет сейчас не только маленькие колонны противника, но и вступает в сражение с крупными частями фашистов.

В районе Н. объединенный партизанский отряд уничтожил огнем и в волчьих ямах 30 танков и бронемашин. Три броневика, покинутые бегавшими немецкими танкистами, были зачислены на вооружение партизанского отряда. С помощью немецкой техники отряд занял Паричи, а затем Глусск, где был почти полностью уничтожен гарнизон врага.

Один только партизанский отряд, во главе которого стоит активный участник гражданской войны тов. С., за две недели боевых действий уничтожил более ста фашистских солдат и офицеров, захватив значительные трофеи, среди которых были 3 танкетки и 6 автомашин. Партизаны этого отряда недавно выследили скрытый немецкий аэродром. Ночью аэродром был окружен, более 25 немецких солдат, радистов, авиотехников было уничтожено. Пять «Хейнкелей» стали жертвой огня, а на шестом партизан-тракторист Солин, в недавнем прошлом инструктор местного аэроклуба, перелетел в расположение советских войск. Летчик-партизан привез с собой весьма ценные сведения.

Таковы последствия культурной революции и боевой военной подготовки населения в Советском Союзе.

Но гитлеровские главари просчитались еще в одном вопросе. Они перенесли на восточный фронт свои планы, успешно примененные на западном фронте. Однако советское командование быстро разгадало авантюристическую тактику немцев.

Одним из важнейших тактических указаний, которое фашистское командование дало своим частям, было требование идти вперед без оглядки, не стремясь непременно сохранить локтевую связь с соседями, не тратя времени на закрепление тылов. Фашисты не создали сплошного фронта продвижения. Они хотели ошеломить советские войска бурным наступлением на отдельных участках фронта. Они ставили своей задачей во что бы то ни стало прорваться и окружить красные части, бросив для этого в бой массы танков и моторизованной пехоты. К артиллерийскому и минометному огню фашисты добавляли ракеты, чтобы создать впечатление массивного огневого шквала. Вся эта тактика была рассчитана на психический эффект. Советские командиры окрестили этот маневр названием «катака на нервы».

Этим отсутствием сплошного фронта и авантюристическими бросками вперед широко воспользовалась Красная Армия, полки которой имеют богатый опыт рейдов по тылам противника и приучились к круговой обороне. Немало регулярных соединений, вплоть до дивизий, по заданиям советского командования бросаются в тыл неприятеля. Там они разрушают коммуникации, захватывают продовольствие и боевые припасы, вооружают местное население и разжигают партизанскую войну. Дивизия под командованием полковника тов. Новикова 32 дня находилась в рейде по вражеским тылам. По далеко не полным данным, дивизия разгромила моторизованную фашистскую дивизию, уничтожила 3 тысячи немцев, захватила более 300 машин с боеприпасами, продовольствием, обмундированием, захватила сотни мотоциклов, велосипедов, бронемашин и пр. Крупное соединение под командованием генерал-лейтенанта И. Болдина провело в фашистском тылу 45 дней. За время этого героического рейда уничтожены 26 танков, 1049 легковых, транспортных и штабных машин, 147 мотоциклов, 5 батарей, минометы, пулеметы. Тысячи фашистов истреблены.

Красное командование забрасывает в тыл фашистам немало авиодесантов, которые громят штабы врага, передают оружие партизанам, рвут коммуникации. Деятельность регулярных частей Красной Армии в тылу особенно волнует фашистов. Из окружающих они сами превращаются в окружаемых. Немецкие газеты признают, что захваченные и подавленные ими укрепленные районы вдруг оживают, из-под земли выходят советские части и нападают на германские полки. Перепуганным мракобесам кажется, что призраки встают из-под земли и снова начинают борьбу.

В современной партизанской войне ярко проявилось то свойство, которое уже дало блестящие результаты в гражданской войне 1918 года, а именно: тесное взаимодействие между партизанскими отрядами и регулярной Красной Армией. Партизаны добывают ценные разведывательные сведения, разузнают, где находятся штабы немецких дивизий, штабы полков врага, в каких точках расположены батареи и зенитные пулеметы немцев. Эти ценные сведения немедленно доставляются красному командованию, которое принимает соответствующие меры.

Недавно партизанский отряд под командованием директора районного универмага тов. Ф. захватил фашистского связиста-мотоциклиста. По отобранному документу партизаны установили, что 103-й германский пехотный полк готовится обойти высоту и ударить во фланг частям

Красной Армии. Командир отряда немедленно предупредил красное командование, а сам повел свой отряд через леса и овраги кратчайшим путем к высоте, где устроил засаду. Немецкий полк, беспечно двигавшийся к высоте, был встречен огнем партизан, которые задержали полк на несколько часов. К этому времени подоспели советские войска под командованием капитана Игнатова и полностью разгромили вражеский полк. Фашисты оставили около 500 убитых и раненых солдат и офицеров, 12 автомашин, 21 пулемет и большое количество автоматов и винтовок.

Часто партизанам доставляются боеприпасы и продовольствие на самолетах.

Тесное взаимодействие между партизанскими частями и регулярной Красной Армией часто ставит немецкое командование в крайне тяжелое положение: оно вынуждено бороться на два фронта. Нередки случаи, когда в разгар атаки немцев в их тылу появляются партизаны. Регулярные части и партизаны в два молота берут фашистов.

О том, какой страх партизаны наводят на немецкие войска, говорит тот факт, что немецкое командование издало приказ, запрещающий войскам останавливаться в лесах. Приказ рекомендует располагаться на отдых только в поле, маскироваться и выставять большую охрану. В крайнем случае, говорится в приказе, перед остановкой в лесу лес надо простреливать из пулеметов и, если возможно, из орудий. Танки и артиллерия прочесывают леса непрерывно днем и ночью артиллерийским и пулеметным огнем, немецкие самолеты днем и ночью кружат над лесами, сбрасывая бомбы. Снаряды тонут в болотах, а партизаны, которым, по немецким сводкам, полагается быть уничтоженными, вновь появляются в тылу и громят германские части. Фашистский урядок Геббельс истошным голосом закликает по радио: «Партизан нет!» А фашистские солдаты с ужасом пишут в сотнях, тысячах писем, что они больше всего боятся партизан.

Фашистская газета «Weltwoche» от 1 августа так рассказывает об огромном размахе партизанского движения:

«Тяжелые переходы при 30—40-градусной жаре, в густых облаках пыли, покрывающей лицо, забирающей в горло, в белье и одежду, оседающей густым слоем на теле и проникающей даже в обувь. И все влажно от пота, который струится ручьями, тело зудит, а ноги горят как в огне. В лесах отряды русских стреляют из засады, в селениях и болотах подстерегают партизаны — женщины и мужчины. Полк становится на охрану аэродрома или же назначается день отдыха, и по случаю, по чудесному случаю здесь оказывается ручей, река, пруд или озеро. Можно выкупаться, почиститься. Но случается так, что во время купания из леса появляются вражеские батальоны, танки и кавалерия, внезапно вокруг головы начинают свистеть пули, в самую гущу толпы, весело барахтающейся в воде, начинают падать гранаты или бомбы с воздуха».

Трепеща перед разгорающейся войной советских патриотов, фашистские генералы вынуждены снимать целые части с фронта для борьбы с партизанами. Война идет там, где, по законам военного искусства, она казалась уже конченной. В тылу врага, как и на фронте, идет организация победы над фашистами. Час полного разгрома и уничтожения злейшего врага человечества — германского фашизма — неизбежен. Окруженные ненавистью населения оккупированных районов, подвергаясь постоянным нападениям советских патриотов, лишены возможности подвезти резервы, фашистские полчища будут разбиты героической Красной Армией.

## ПОЛЬША МЕЖДУ ПРУССИЕЙ И РОССИЕЙ

Е. Адамов

«Германия была и останется непримиримым врагом Польши. На протяжении нашей истории перед нами неоднократно вставал вопрос, с кем идти — с Германией или с Россией?» — говорил генерал Сикорский в своей речи по радио в связи с заключением договора между СССР и Польшей о совместной борьбе с питлеровской Германией.

Что Пруссия-Германия «всегда была непримиримым врагом Польши», это общеизвестно. Даже основоположник либеральной прусской исторической школы Зибель характеризовал польско-германские взаимоотношения как «вековую вражду, вызванную некогда вопросом о владении обширными равнинами, лежащими между Эльбой и Вислой». «Вопрос» же этот заключался в том, что «равнины эти населены были славянами, которых «шкороля германская колонизация». «Таким образом, на востоке (?) Польши, в борьбе с нею... образовалось в полном с нею материальном и политическом противоречии прусское государство. Вражда эта обуславливалась естественным стечением обстоятельств» (1), этим же «стечением обстоятельств» она в дальнейшем углублялась<sup>1</sup>. Она разрослась в борьбу за Данциг, Торн, Эльбинг, за «польские Пруссии», за Вислу, за Варшаву и, наконец, в 1794—1795 гг. за Краков, в борьбу не только с самой Польшей, но и с Россией и с Австрией.

В то время как завоевательная германская «колонизация» с запада и с севера оттесняла феодальную Польшу, подрывая основы ее государственного существования и развития, польский феодализм стремился отступить с оружием в руках на Восток, захватывая земли белорусского, русско-польского и украинского народов.

Вслед за блестящим отпором, оказанным

Тевтонскому ордену Польшей в XV столетии, в следующем веке, по словам польского историка<sup>2</sup>, «Баторий, подобно Сигизмунду Августу, понуждаемый московской войною, не только не избавился от обязательств относительно бранденбургских князей, но делал им новые уступки». Для ведения этой завоевательной войны на Востоке он опустошал до дна казну польской короны. Для найма немецких солдат в походы против Москвы он продавал польские права в Пруссии за ростовщическую субсидию Георга-Фридриха князя ансбахского.

«Корона» польская в XVI—XVII вв. состояла из «Великой» и «Малой» Польши. «Великая» образовалась из коренных польских земель, ядром которых было Познанское воеводство. «Малая» состояла лишь из трех польских (по населению) воеводств: Краковского, Сандомирского и Люблинского, — остальные семь воеводств Малой Польши представляли собой земли, захваченные в разное время (у русских и украинцев, по пространству своему далеко превосходившие всю остальную часть Польши).

Люблинская уния 1569 г. соединила в «Речь Посполитую» Польшу и Великое княжество литовское с его коренными русскими, белорусскими и украинскими землями. Таким образом, на Востоке и Юго-востоке польский феодализм в результате собственной агрессии создал другое, глубочайшее противоречие не только внешнеполитического, но и внутриполитического значения. Самозащита на Западе он предпочел агрессии на Востоке и на Юге, ожесточенную борьбу с братскими народами с целью распространения на их земли господства польского «рыцарства», отступавшего перед западным соседом.

Этим создавалась общность интересов господствующего класса Польши со всеми врагами Московского государства, в том

<sup>1</sup> Зибель Г. «История французской революции и ее времени (1789—1795)». Т. I, стр. 121—122. Перев. с немецкого. 1863.

<sup>2</sup> Грабеньский В. «История польского народа», стр. 126. Перев. с польского. 1910.

числе и с непримиримым врагом самого польского государства и польского народа — Пруссией.

Предшественники Петра Великого вынуждены были напрягать все государственные ресурсы России и всю свою политическую изобретательность для решения проблемы русско-польских отношений. А. И. Ордин-Нащокин, далеко опередивший свою эпоху, твердо стоял за тесный союз России и Польши. Основной внешнеполитической идеей этого великого русского человека было окончательное примирение с Польшей, неразрывный, вечный союз с нею. При помощи этого союза не только была бы разрешена, доказывал он, балтийская задача (ибо все шведские «насилия» происходят единственно «от того, что с польским государством продолжалась война»), но произошло бы и соединение всех детей одной матери — «от Дуная... через Днестр, Подолье, Червонную Русь, Волынь и Малую Россию, уже приобщенную к Великой».

Идея эта не могла осуществиться из-за самодвижущейся внутренней и внешней политики феодальной польской «короны» в отношении Москвы и Украины, но она не умерла в русской дипломатии XVIII века.

Во время Северной войны курфюрст бранденбургский поставил Россию перед альтернативой (и это уже не в первый раз): либо принять его услуги либо подвергнуться нападению прусских и шведских войск.

Петр по необходимости принял курфюрста в «союзники», чтобы не иметь его врагом, но думал вознаградить его за счет шведских владений в Северной Германии. Однако вместо того, чтобы, как на то надеялся Петр, отвоевывать у Карла XII Померанию, курфюрст предпочел захватить польский город Эльбинг с округом в польском Поморье. На случай же сопротивления польского короля этому захвату курфюрст требовал (за свой «союзный нейтралитет») помощи России против ее союзницы Польши.

Это было в 1699 году. А в 1711 г., после объявления Турцией войны России, бранденбургский Шейлок, ставший уже прусским королем, потребовал от Петра обещания, что после завоевания русскими войсками у шведов Эльбинга город этот будет отдан прусскому королю «наследственно, со всеми в оном имеющимися военными снарядами»<sup>1</sup>. Петр заготовил уже и приказ начальнику русского гарнизона о передаче города пруссакам и обязался исполнить согласие на эту сделку у польского короля, требуя взамен, чтобы

прусская армия вступила в Переднюю Померанию.

Однако пруссаки не вступали в Померанию, а держались у польских границ. Когда же Померанию заняли русские войска, Пруссия потребовала передачи ей завоеванных Россией городов Штетина, Штральзунда, Висмара со всей остальной Померанией только за то, что Пруссия не будет пропускать шведских войск в Польшу. Петр в 1714 г. уступил прусским домогательствам: такой ценой он рассчитывал спасти Польшу от дальнейших посягательств. Но прусский король этим не удовлетворялся: в 1720 г. он заключил пакт от своих союзников (России, Дании и Польши) соглашение со Швецией и, обеспечив свои «выгоды» на случай победы Швеции, предложил России 28 мая 1721 г. разделить «союзную» Польшу между Пруссией и Россией. Себе он требовал все Поморье («польские Пруссии») с нижним течением Вислы. Отрезанная от Балтийского моря, схваченная за горло, оставшая Польша стала бы легкой добычей хищного соседа.

Прусское предложение раздела Польши Петр оставил без действия. Этот охотно «забываемый» врагами России исторический факт имеет далеко не эпизодическое значение. В непосредственной связи с ним стоят попытки Пруссии присоединить к себе Курляндию, находившуюся под верховенством Польши. Правительство Петра и даже его ближайшие печальной памяти преемники отстаивали права Польши на Курляндию до последней возможности.

Но России приходилось считаться не только с прусской алчностью. В то время как русская дипломатия сдерживала хищнические посяхновения Пруссии, в самой Польше действовали враждебные России силы, уничтожавшие всякую возможность совместного русско-польского отпора наступлению с Запада. Это были магвалы «западной ориентации», искавшие поддержки Швеции, Пруссии, Франции для захвата власти в Польше; «воинственная» шляхта, прожившая свои имения и доходы и мечтавшая при поддержке прусского короля, щедро подкупавшего ее, завоевать на Востоке новые поместья; католическое духовенство, борющееся с православием и на этой борьбе строившее все свое благополучие. Все враждебные России кружки искали поддержки не только у наиболее щедрого из субсидий версальского двора, создававшего свой «восточноевропейский барьер» из Швеции, Польши и Турции, но и у прирожденного покровителя Польши — у Пруссии.

В силу этого Пруссия получала возможность угрожать России своим присоеди-

<sup>1</sup> Бантыш-Каменский «Обзор внешних сношений России». Ч. 4-я, стр. 31—32. 1902.

нием к ее врагам (что она и делала, пользуясь, в частности, враждебной России французской кандидатурой на польский престол Станислава Лещинского) и вымогала согласие России на захват Пруссией то Эльбинга, то Курляндии, то польского Поморья.

Фридрих II по вступлении своем на престол присоединил к этим объектам прусских вожделений Силезию и саксонские земли как оплот прусского владычества во всей Германии и Польше.

За непротиводействие русской кандидатуре на польский престол Августа, короля саксонского, Фридрих требовал в числе условий возобновления союзного договора с Россией «добровольной» уступки ему саксонским королем, «по совету России», части саксонской территории и даже русской военной помощи против Саксонии и против Польши, если последняя не отдаст ему без сопротивления своих поморских областей. Ни Анна, ни Бирон не решились подписать такой договор. Это сделал Миних от имени Иоанна III 16 декабря 1740 года. Однако даже и Миних, подписывая этот договор, в тот же день отправил Фридриху II протест против вторжения его войск в Силезию, видя в этом нарушение «добросовестности и честности, с которыми кажда́й должен действовать по силе заключенных трактатов и без которых на свете нет ничего святого»<sup>1</sup>.

На это заступничество России Фридрих ответил угрозой найти более покладистых друзей чем Россия. По указке Пруссии и при поддержке Франции Швеция летом 1741 г. объявила войну России.

Русские дипломаты елизаветинского царствования с полным единодушием и глубочайшей убежденностью считали, что захватам Пруссии должен быть положен конец путем «ослабления» ее короля, также если бы он и не был такого «захватчeveго, беспокойного и возмутительного характера», как Фридрих II<sup>2</sup>.

Посланник в Берлине М. П. Бестужев писал тогда же своему брату вице-канцлеру А. П. Бестужеву-Рюмину: «И при нынешнем своем состоянии Пруссия представляет для своих соседей немалую опасность, а если король по известному своему старанию распространять свои границы при каждом удобном случае еще более себя усилит, то по влиянию, какое он тогда получит в Польше и Швеции, станет очень опасным для России... Надобно заблаговременно принять меры». Если он добьется своего, то приберет к рукам всю

Польшу, и тогда «будет хлопотать, чтобы привести Россию в прежние границы». Более всего берлинский посланник предостерегал русское правительство против стараний Фридриха усилить бдительность России и отклонить императрицу от вмешательства в европейские дела. «Здесьшний двор, — писал он, — играет договорами и по своему принципу ничего не считает святым и ненарушимым: с такой наглостью он разорвал бреславский договор, гарантированный Россией и Англией<sup>3</sup>. Здесь вошло в обычай нападать на своих союзников в то самое время, когда их обнадеживают в неперемной к ним дружбе»<sup>4</sup> (разрядка моя. — Е. А.).

Ставший канцлером Алексей Бестужев-Рюмин, со своей стороны, был убежден, что агрессивные действия прусского короля «изо дня в день опаснее для нас становятся» и что «если сосед моего дома горит, то я натурально принужден ему помогать, тот огонь для своей безопасности пасит, хотя бы он злейший мой неприятель был, к чему я еще вдвое обязан, если то мой приятель есть»<sup>5</sup>.

Позиция польского правительства определялась страхом перед Пруссией, враждебностью Франции к саксонской династии, борьбою против влияния России в Польше. Оно готово было пожертвовать и Саксонией и польскими землями для того, чтобы заслужить милость и дружбу берлинского двора и при его поддержке возобновить борьбу с Россией из-за русских земель.

«В таком усилении короля прусского и (при том) что он хитрый, скрытный и конгерантный прав имеет, — кто порукою по нем есть, что он против России ничего не предпримет? — писал вице-канцлер Воронцов в своем докладе императрице Елизавете. — Буде станет против Польши действовать... отбирать пристойные к себе города и земли... король польского с престола сведет и такую власть и силу свою посадит, от которого сам в шокое останется, а против России всякие неоконченные споры и претензии на Украину, Смоленск и Лифляндию производить будет... тогда что будем делать?» (разрядка моя. — Е. А.).

Воронцов предлагал в этом докладе не-

<sup>3</sup> Мирный договор, заключенный Фридрихом после первой силезской войны.

<sup>4</sup> Соловьев С. «История России». Т. XXI, стр. 331—333. М. 1879.

<sup>5</sup> Мартенс Ф. «Собрание трактатов...». Т. V, стр. 357.

<sup>1</sup> Мартенс Ф. «Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами» («Собрание трактатов...»). Т. V, стр. 333. 1880.

<sup>2</sup> Там же, стр. 337.



медленно двинуть войска к границам Лифляндии и Польши и объявить, что Польшу Россия берет под свою защиту. Из Варшавы находившийся там Михаил Бестужев писал, что подкупными и угрозами прусский король забрал в Польше уже такую власть, что в случае удачного окончания его войны против Австрии он от польских своих друзей «не только Данск (Данциг. — Е. А.), вармянское епископство, но и все польские Прусы (Поморье, польская Западная Пруссия. — Е. А.) без всякого труда присвокупить может», — тогда Россия вынуждена будет вступить за Польшу, но будет уже «гораздо труднее». Пруссии «весьма легко будет, с одной стороны шведов, обещая им все завоеванные провинции возвратить, и с другой поляков, обещая (им) Смоленск и Киев. ...на нас наступить, пока между тем прусский двор сам в середине через Курляндию будет нас атаковать, и тако обще с ними Россию в прежнее ее границы привести стараться будут, не упоминая еще при том о турках и татарах»<sup>1</sup>.

При таком положении перед елизаветинской дипломатией было два пути: либо договориться с прусским королем о разделе Польши, что он всегда, и раньше и позже, предлагал России (начиная с предложения, отвергнутого Петром Великим), либо взять под свою защиту Польшу и воевать за нее, против Пруссии.

Елизаветинское правительство избрало второй из этих двух путей, который и привел его к участию в Семилетней войне против Пруссии, на стороне Австрии и Франции<sup>2</sup>.

В этой войне русские войска одержали ряд поразивших Европу побед над «непобедимыми» войсками прусских полководцев и даже над самим Фридрихом.

Конец внушивший Фридриху на всю жизнь непреодолимый страх перед «страшным» могуществом России русский фельдмаршал Салтыков разгромил его у Кунерсдорфа, уничтоживши непобедимую для французов, шведов и австрийцев армию, Фридрих считал себя безвозвратно погибшим, отказался от попытки защищать Берлин и ждал спасения только от «чуда». «Чудо» это представлялось его министру Фликенштейну в виде мирного посредничества Англии и получения согласия России на мир ценою присоединения к России навсегда всей Восточной Пруссии, оккупированной русскими войсками в течение уже пяти лет.

Как известно, Фридриха спасло другое «чудо»: смерть Елизаветы и восшествие на русский трон немецкого выродка — Петра III, тотчас же прекратившего войну против Пруссии и вернувшего ей все завоеванные русскими войсками земли. Полная глубокого исторического смысла борьба закончилась вдруг величайшей бессмыслицей.

В Польше ко времени первого прусского похода русских войск под руководством Апраксина решительно возобладали враждебные России влияния и силы. Французский королевский агент в Варшаве подстрекал польское правительство оказать вооруженное сопротивление проходу русских войск через польскую территорию в Пруссию. Чтобы закрыть путь русским войскам, он упрощал русскому посланнику в Варшаве разрывом союза и мира между Францией и Польшей, с одной стороны, и Россией — с другой. По словам французского историка, этот французский дипломат взял на себя «роль мстителя за обиды Польши и не только выслушивал, но даже старался возбудить жалобы поляков». Он делает из своего дома место встречи всех «недовольных», принимает «утнетенных», возбуждает их сопротивление, выставляет все их обиды на вид королю Августу, сопровождая их язвительными комментариями, и диктует угрожающие ноты по адресу петербургского кабинета. Он добивается таким образом того, что движение русских полков останавливается. Боясь восстания (!), они подвигаются только с крайней осторожностью, оставляя Пруссии время организовать свою защиту»<sup>3</sup> (разрядка моя. — Е. А.).

Успех этой интриги французского короля (скрытой им от своего тогдашнего министра иностранных дел) объясняется поддержкой ее с разных сторон. Швеция, Турция, прусская агентура, католическое духовенство действовали в полном согласии с французским королем и его представителем в Варшаве против «русской оккупации», как они называли русскую военную помощь Польше. Шляхта, онемеченные города и духовенство встречали русские войска враждебно, со всевозможными претензиями и жалобами, на которые был создан противниками русского влияния большой «спрос» в Варшаве.

Учитывая создавшуюся обстановку, Апраксин справедливо опасался за безопасность тыла и сообщений своей армии, спасавшей Польшу, и его преемник Фермор

<sup>3</sup> Вандаль «Императрица Елизавета и Людовик XV», стр. 271. Перевод с французского. 1912.

<sup>1</sup> Соловьев С. «История России». Т. XXI, стр. 349—350.

<sup>2</sup> Австрия боролась за Силезию; Франция примкнула к ней, будучи в войне с Англией, союзником которой был Фридрих II.



должен был следовать той же осторожной и непоследовательной системе, за которую был привлечен к суду Амраксин.

Фридрих нашел помощников себе не только в петербургских немцах, но и среди своих противников: в Версале, в Вене, в Стокгольме и даже среди своих жертв — в Варшаве.

Еще до смерти Елизаветы союзные с нею правительства в результате русских побед начали между собой переговоры о заключении мира с Пруссией. Следовательно, учитывая историческую роль «глупого каприза глупого Петра III»<sup>1</sup>, никак нельзя упускать из виду цепь событий, которая вела через польскую угрозу нападения на русские войска в Пруссии к половинчатости русских побед над Фридрихом и к возобновлению пожирания Польши Пруссией при Екатерине II.

Екатерининская дипломатия, учитывая внешнее (войны на западных и южных границах) и внутреннее (дворянская реакция, крестьянские войны) положения страны, вынуждена была заключить союз с великим «землекрадом»<sup>2</sup> и полководцем Фридрихом II. Но и союз этот с самого своего начала и до конца был для обеих сторон средством борьбы за Польшу.

Уже в 1765 г., когда Польша для пополнения своей опустевшей казны решила ввести пошлины на привозные из Пруссии товары, Фридрих устроил на прусском берегу Вислы, близ Мариенвердера, знаменитую «таможню». Пупечные батареи этой «таможни» заставляли каждое польское судно, лодку и даже плот приставать к прусскому берегу и уплачивать выкуп за свое освобождение под видом пошлины в 10, 15 и выше процентов. Польский король обратился за спасением Польши от экономического удушения к Екатерине II, и по ее требованию Фридрих вынужден был уничтожить свою Мариенвертерскую «таможню».

Но шляхетское государство разваливалось по всем статьям: социальным, национальным, религиозным и экономическим. «Держаться беспорядком» уже не удавалось. Русские и украинские земли стремились освободиться от панской власти, и власть эта сообща с католической церковью напрягала все свои силы для подавления этого стремления. Завоевательная прусская политика добавила к борьбе католицизма с православием свое покровительство протестантизму, особенно в немецких городах. Паразитировавшее польское дворянство отдавало в руки конкурен-

тов-немцев города, польскую торговлю и ремесленную промышленность; мануфактурной промышленности не создавало ни оно, ни пришельцы, охотившиеся за сырьем; польских капиталов не было: они уходили из дворянских рук на предметы роскоши, ввозившиеся из-за границы. Польским партиям приходилось выбирать: либо оставаться под покровительством России (которым даже протестантский Далциг спасался от Фридриха II!) либо покупать благоволение немецкого полководства борьбою с русским правительством, т. е. преданием Польши ее «заговоренным непадальникам».

Фридрих II усердно и успешно формировал пруссофильскую партию среди потерявшей всякую связь с польским народом беспринципной и продажной части польской шляхты; в то же время он неотступно добивался от Екатерины согласия на раздел Польши; планом этого раздела было: русские земли — России, польские — Пруссии.

Захват австрийскими войсками в 1770 г., по соглашению с Пруссией, пограничной с Венгрией польской территории сопровождался занятием прусскими войсками пограничных польских земель. Затем брат Фридриха Георгий явился в Петербург договариваться с Екатериной о «разделе» Польши. Екатерина оставила его предложение «без последствий», но в 1771 г. Фридрих в качестве «союзника» России, воевавшей с Турцией, настойчиво предложил Екатерине заключить мир с Турцией и «взять вознаграждение из пограничных областей Польши. Что же касается меня (писал он Солмсу, своему послу в Петербурге, для передачи Екатерине. — А. Е.), то и я никак не могу обойтись без того, чтобы не приобрести себе таким же способом часть Польши»<sup>3</sup>.

Солмс в начале марта 1771 г. передал эту депешу Н. И. Панину, руководившему внешней политикой России. Прошли март, апрель, половина мая — ответа не было. Солмс напомнил с мольбами и угрозами Панину, что Фридрих ждет и требует ответа: «Король горячо заинтересован этим делом, не отступится от него, и если я не буду в состоянии дать ему скоро положительных удостоверений, то... не ручаюсь за решение, которое его величество примет по собственному усмотрению... Умоляю, ваше сиятельство, не отлагать решения здешнего двора»<sup>4</sup>.

Фридрих пугал Екатерину выступлением Австрии против России (из-за занятых русскими войсками Молдавии и Вала-

<sup>1</sup> Меринг Ф. «Очерки по истории войны и военного искусства». Перевод с немецкого, стр. 90. М. 1924.

<sup>2</sup> Выражение А. Герцена.

<sup>3</sup> Соловьев С. «История падения Польши», стр. 132—133. М. 1863.

<sup>4</sup> Там же, стр. 133.

хии) и отказом в этом случае в прусской помощи Екатерине (депеша Салдерна Панину от 14 июня 1771 г.). Он заверял Екатерину, что удержит Австрию от выступления, если Россия согласится на дележ польских земель. Таким образом Екатерина была поставлена перед выбором: либо согласиться на этот дележ либо бороться против Турции, Польши, Австрии и Пруссии. Между тем Пруссия ввела в Польшу свои войска и уже хозяйничала в ней.

«Тягости, налагаемые королем прусским, — писал в ноябре 1771 г. Салдерн, русский посол в Варшаве Панину, — становятся день ото дня невыносимее. Пруссаки забирают все в 10 милях от Варшавы. Я не знаю, как генерал Библиков извернется»<sup>1</sup> (Библикову надо было обеспечить продовольствием русские войска, посланные в Польшу. — Е. А.).

«Поведение прусских офицеров, — писал посол Панину 3 (14) декабря, — становится день ото дня оскорбительнее... Голод неизбежен, и необходимым следствием голода будет возмущение шляхты и крестьян... К довершению бедствия прусский король ввез в Польшу... два миллиона фальшивых флоринов». Коронный канцлер Млодзиевский в начале 1772 г. запросил русского посла, нельзя ли отправить в Петербург «министра для уведомления о поступках и притеснениях прусского короля?»... Доброжелательный к Польше Салдерн ответил, что вражда и недоверие Польши к Екатерине, бывшей единственной защитницей «короля и республики», делают невозможным заслушивание Екатерины перед Пруссией.

Майская инструкция 1773 г. Панина русскому представителю в Варшаве ясно характеризует положение польских дел: «Так как Польша более всего опасается короля прусского и так как торговля по Висле составляет самый важный пункт для нее, то вы должны взять на себя роль посредника... Старайтесь (сообща с австрийским послом. — Е. А.) доставить Польше самые сносные условия... Вы можете представить слабость, до какой доведена Польша многолетней смутой и усобицами, потерями от раздела и сколько нужно лет, чтобы она могла оправиться, а оправиться ей будет нельзя, если пресекутся к тому способы относительно торговли... Говоря за поляков в этом случае вы исполните предписание сострадания и человечества».

Хотя по настоянию России и было условлено между тремя дворами «сохранить Польшу в состоянии державы по-

средствующей», т. е. буферной, но Панин «чувствовал», как он писал в этой же инструкции, «как подобное поведение ваше будет щекотливо относительно короля прусского, которого распоряжения облачают совершенно другие виды, — то по крайней мере вы можете требовать, чтобы дали Польше вздохнуть прежде чем извлекать из нее новые выгоды и чтобы первые годы раздела были наименее тяжки для нее. Всякий раз, как прусский министр будет советовать вам употреблять силу... умеряйте его стремление и принимайте его мнения только в крайности»<sup>2</sup>.

Таким образом, ясно определилась русская и прусская политика в отношении Польши: русская — сохранение до последней возможности Польши и прусская — полное уничтожение Польши. Согласно Фридриха на оставление «буфера» не обмануло Панина и Екатерину: они ясно видели его «совершенно другие виды», обнаружившиеся в отношении Данцига (и Торна): «распоряжения» прусского короля делали жизнь населения этого города невыносимой и вызвали постоянные пререкания между Екатериной и Фридрихом.

Первый раздел Польши — ближайшим образом из-за Данцига и Торна — совершенно не удовлетворил аппетитов Фридриха II, хотя в результате его Пруссия добилась получения Вармии, воеводства Поморского (без Гданска, на который Екатерина II наложила, к великому озлоблению Фридриха, формальный запрет), Мальборского, Хельмского (без Торуня) и части великопольских поветов. Австрия получила чисто польские части Краковского и Сандомирского воеводств, Русское (без Холмщины) и Бельзское воеводства — древнюю Червонную Русь (Галицию); Россия — часть Белоруссии и часть Ливонии. Польша потеряла территории с населением в 4 млн. жителей.

По окончании раздела принц Генрих Прусский просил Екатерину личным письмом засвидетельствовать для потомства ту роль, которую он сыграл в «этом великом деле». Екатерина удовлетворила его честолюбие «аттестатом», в котором отметила «заботы, употребленные им (Генрихом. — Е. А.) при совершении этого великого дела, которого ваше высочество может считаться первым виновником». Союз с Пруссией был возобновлен, но, как справедливо заметил Соловьев, «только по форме».

Екатерина и Потемкин вернулись к идее Орлин-Нащокина — тесному союзу с Польшей, готовые уделить для этой

<sup>1</sup> Соловьев С. «История падения Польши», стр. 138.

<sup>2</sup> Там же, стр. 147—148.

цели Польше часть завоеванных на юге земель в вознаграждение за понесенные ею территориальные потери.

15 февраля 1788 г. Потемкин писал Екатерине: «Решите с Польшей, обещайте им приобретение; несказанная польза, чтобы они были наши; ей-ей, они тверже будут всех других». Екатерина ответила ему 26 февраля: «Выгоды им (полякам) обещаны будут; если сии привяжем поляков и они нам будут верными, то сие будет первый пример в истории постоянства их»<sup>1</sup>.

Именно в этот момент военно-полицейский террор, которым Пруссия буквально душила Дания, возбудил в Вене попытку воссоздать антипруссский русско-польский союз с присоединением к нему Австрии в случае захвата Пруссией новых земель.

«Целость настоящих владений польских, — писал статс-секретарь, член «Совета императрицы», будущий канцлер А. А. Безбородко в записке для Екатерины, — предохранена ручательством ее императорского величества. От решения ее величества зависит, следует ли принять покушение короля прусского присвоить Дания и какую-нибудь часть земли польской<sup>2</sup> за нарушение мира и тому воспрепятствовать всеми силами... Кауниц, упоминаемая с похвалой о намерении нашем заключить союзный трактат с Польшей, внушает о предоставлении полякам перспективы на возвращение от короля прусского, в случае враждебных его покушений, той части, которая уступлена ему разделным трактатом. Известно, что подобные дела в Польше негоцируются с целым почти народом; каким же образом можно прежде настояния случая (т. е. заблаговременно. — Е. А.) делать подобные обнадеживания? Сие значило бы совершенно неприязненные намерения наши и вызов короля прусского к войне, которую мы теперь отдавать должны»<sup>3</sup>.

Безбородко, следовательно, считал, что до крайности обострившийся в отношениях между Екатериной и Фридрихом вопрос о Дании и Торне (о закрытии Польше выхода к морю, об экономическом и политическом удушении Фридрихом Польши) может привести к войне России с Пруссией, но, мало доверяя Австрии и в особенности самой Польше и учитывая войну на юге и возникшую на севере угрозу войны со стороны Швеции, не считал возможным доводить по собственной инициативе дело до разрыва с Пруссией.

Однако вести из Варшавы, в особенности депеша тамошнего посла Штакельберга о прусских угрозах напасть в союзе с Англией на Польшу и Россию в случае заключения польско-русского союза, вызвала со стороны Екатерины весьма решительное заявление: «Буде два дурака не уймутся, то станем драться. Графа Румянцева-Задунайского обратим для наступательной войны на Пруссию, чтобы отнять те земли, что я ему (Фридриху. — Е. А.) отдала»<sup>4</sup>. Депеша из Берлина (октябрь 1788 г.) о таких же угрозах Пруссии по адресу союзной с Россией Дании еще более возмутила Екатерину. «У нас, — сказала Екатерина, — будет третья война; обстоятельства нас вынуждают к этому, но последствием этого будет отнятие у короля Пруссии того, что было ему уступлено»<sup>5</sup>.

Таким образом, екатерининская дипломатия в 1788 г. возвращалась к «елизаветинской традиции». Однако к тому времени положение Польши и России значительно ухудшилось. Пруссаки властно запрещали Польше заключать союзный договор с Россией; еще с большей наглостью они навязывали Польше свое «покровительство»: «Если поляки пугаются в союзе, то его прусское величество предлагает им свой». Преемник Фридриха II стремился этим путем принудить Екатерину, занятую двумя войнами, на юге и на севере, к дальнейшему разделу Польши, к приращению прусских приобретений захватом Дании, Торна, Нижней и Средней Вислы.

Печальнее всего было то, что в Польше «пруссские деньги приготовили умы и сердца», что надежда с помощью Пруссии овладеть государственной властью со всеми ее выгодами мобилизовала многих в пользу союза с Пруссией. «Королевская и русская партии пали, число и дерзость оппозиции возросли. Штакельберг нашел невозможным провести союзный русский трактат, ибо никто из самых приверженных к России людей не решился бы его поддерживать»<sup>6</sup>.

Борьба шла за привлечение на свою сторону польских феодалов, магнатов с их шляхетской клиентурой. Дворянская екатерининская дипломатия действовала «мимо» польского народа, «мимо» польского крестьянства, которому ничего не могла дать. Между тем против России соединились с прусскими войсками, деньгами и посулами «латинство» — католическое духовенство и вся западная ди-

<sup>1</sup> Соловьев С. «История падения Польши», стр. 181.

<sup>2</sup> Имелся в виду Торунь (Торн).

<sup>3</sup> Соловьев С. «История падения Польши», стр. 182—183.

<sup>4</sup> Дневник А. В. Храповицкого. 1902. Изд. «Русского архива», стр. 91.

<sup>5</sup> Там же, стр. 99.

<sup>6</sup> Соловьев С. «История падения Польши», стр. 195.

пломатия, встревоженные русскими победами на юге и на севере. Россия оказалась в одиночестве в польском вопросе, чего так опасались Бестужев, Воронцов и другие елизаветинские деятели.

Екатерина, к великому торжеству берлинского правительства, отказалась от ставшего невозможным союза с Польшей. Из Берлина и из Варшавы посыпались требования, связывавшие действия русских войск на юге. «Я говорила, — заметила с горечью Екатерина, — чем больше им (пруссакам. — *Е. А.*) уступаешь, тем более они требуют»<sup>1</sup>.

«Молю всевышнего, — писала она 18 октября 1789 г., — да отмстит пруссаку гордость. В 1762 г. я его дядюшке возвратила Пруссию и часть Померании, что не исчезнет из моей памяти... Будет и на нашей улице праздник!» В этих строках есть и позднее раскаяние в отступлении от елизаветинской политики и свойственная Екатерине вера в будущее Российской империи. Но Екатерину ожидала новая беда: в начале 1790 г. Польша заключила самоубийственный союз с Пруссией!

«Мучит теперь меня несказанно, — писала Екатерина Потемкину 13 мая 1790 г., — что под Ригию полков не вдовольном числе для защищения Лифляндии от прусских и польских набегов, коих теперь почти ежечасно ожидать надлежит. Король шведский мечется повсюду как угорелая кошка... Странно, что воюющие все хотят и им нужен мир, шведы же и турки дерутся в угодность врага нашего скрытного, нового европейского диктатора (прусского короля. — *Е. А.*), который вздумал отнимать и даровать провинции, как ему уродно: Лифляндию посулил с Финляндией шведам, а Галицию — полякам»<sup>2</sup>.

Лишь в августе 1790 г. удалось, по выражению Екатерины, «вытащить одну лапу из пязи» — заключить мир со Швецией. С султаном война продолжалась. Пруссия с Польшей и даже Англия с Голландией угрожали России войной, требуя от нее возвращения султану всех потерянных им территорий. Берлинские министры с Герцбергом во главе, стоявшие за немедленный захват у Польши Даниига и Торна, составляли «партию» войны против России.

Была в Берлине вторая «партия» советников короля Фридриха-Вильгельма: она стояла за «мирное приобретение» Даниига и Торна путем нового раздела союзной Пруссией Польши. Проект этот был

частью общего плана, выработанного в Берлине и содержавшего вознаграждение Польши за счет Австрии, вознаграждение Австрии за счет Турции. Себе прусский король предназначал Данииг и Торн со всем почти польским Поморьем. «Дерут с живого и мертвого!» — писала по этому поводу Екатерина.

Питт в ноябре 1790 г. убеждал Огинского, посланного польским правительством в Лондон искать английской защиты от Пруссии, отказаться от Даниига и Торна взамен дружбы и союза с Пруссией и торгового договора с Англией и Голландией.

Слишком сильная оппозиция в парламенте и в стране заставила Питта отказаться от плана войны пятичленной коалиции против России под флагом спасения Константинополя от «русской опасности». Но из польско-прусского союза выростала в октябре 1790 г. еще более чудовищная перспектива: план Илзатия Потоцкого — соединение Польши с Пруссией под главенством прусского короля. На донесение Булгакова об этом варшавском плане Екатерина ответила, что когда некоторые поляки предлагали соединение России с Польшей, «тогда от нас сей план оставлен был в молчании; что сохранить Польшу, как «преграду от соседственных раздоров... елико-возможно долее мы шеклись донныне и шеклись будем дондеже злостные затей врагов наших и самой Польши нас не принудят переменить наше об ней благое расположение»<sup>3</sup>.

План Потоцкого не нашел достаточной поддержки. В Польше повеяло новым духом, подул буйный ветер французской революции, и в поднявшемся вихре объявилась «шляхетская демократия» с шляхетско-мещанской конституцией 3 мая 1791 г., с желанием восстановить на основе этой конституции Польшу в «древних» ее границах...

Роли прусского и русского правительств переменялись. Раньше Екатерина всеми способами старалась «занять» Пруссию контрреволюционной военной интервенцией во Франции, чтобы иметь «руки свободными». Теперь прусское правительство постаралось предоставить Екатерине всю черную работу по подавлению «мятежа» в Польше и внушить полякам пеленую иллюзию, будто единственный враг майской конституции — контрреволюционное русское самодержавие. Польское правительство поверило или сделало вид, что поверило в действительность «союзно-оборонительного» договора, заключенного с ним Пруссией 29 марта

<sup>1</sup> Дневник А. В. Храповицкого, стр. 106.

<sup>2</sup> Соловьев С. «История падения Польши», стр. 201.

<sup>3</sup> Там же, стр. 239—240.

1790 г.<sup>1</sup> и представлявшего акт непревзойденного вероломства даже в истории прусской дипломатии. Договор этот «гарантировал» охрану Пруссией целостности и независимости Польши военной помощью против всякого нападения («14 000 пехоты и 4000 кавалерии с артиллерийским снарядами»), заключен же он был Пруссией с единственной целью: заставить Россию согласиться на новый раздел Польши.

На основании этого договора польское правительство искало у прусского короля защиты от российской императрицы, и прусский король обнадеживал, что «сохранит дружбу свою к республике и шамерен исполнять все обязательства, содержащиеся в союзном договоре»<sup>2</sup>. В королевском дворце рассуждали о том, что надо собрать посполитое рушение и, заключивши военно-союзный договор с Пруссией, вступить в пределы России, идти прямо на Москву, поднять «русингов» против «москалей», возмутить всю Белую Русь, Украину, казаков<sup>3</sup>. И только противники пруссофильской партии Игнация Потоцкого и конституции 3 мая обратились в Петербург с просьбой о восстановлении старой конституции. Созданная ими конфедерация и приближенные отряда русских войск обсуждались на майском сейме 1792 г. вместе с декларацией, врученной екатерининским послом 7(18) мая польскому правительству, излагавшей претензии по обидам, причиненным России<sup>4</sup>, и объявившей незаконным майский переворот.

«Прежде всего,— говорил король на сейме,— мы должны обратиться к нашему союзнику, королю прусскому. Помните, что с самого начала настоящего сейма, все самые важные распоряжения ваши были предприняты по внушению и советам его прусского величества, именно — наше освобождение от русской гарантии, посольство в Турцию (с предложением сообщать воевать против России.— Е. А.), вывод из наших владений магазинов и войск русских; тот же наш великодушный (!) сосед выразил желание, чтоб мы учредили у себя твердое правительство, на основании которого он хотел упрочить свой союз с нами; вследствие этого союза торжественно обещал

нам сначала посредничество, а потом и действительную помощь, если (его) посредничество... не охранит нашей независимости и наших границ. Вы слышали в декларации, поданной нам, что нам ставят в виду те, имеемо, поступки, которые мы učinили в полном единомыслии с прусским королем»<sup>5</sup>.

Напрасно Булгаков объяснял полякам, что прусский король — не спаситель их, а подлинный потубитель, что, доведя дело до вступления русских войск в Польшу, он никакой помощи ей не окажет, а будет требовать себе польские территории, которых Россия ему до сих пор не позволяла брать, что польские «патриоты» играют ему в руку, губят Польшу воображаемым своим союзом с Пруссией, вынуждают русское правительство вторично пойти на сделку, навязываемую ему снова Пруссией.

И действительно, прусское правительство заявило уже 24 апреля 1792 г. русскому правительству, что Пруссия ни в каком случае и никакими способами не будет препятствовать действиям русских в Польше, надо только «искренне» и «откровенно» договориться о дальнейшем. Польскому же королю прусский ответил на его воззвание о союзной помощи, что пока не будет уничтожена «патриотическая партия» и конституция 3 мая, он считает себя свободным от союзных обязательств; если же та и другая будут ликвидированы, то он «готов постараться примирить различные интересы» и согласовать «меры, могущие возвратить Польше спокойствие...»

В ноябре 1792 г. прусский посол в Петербурге Голц предъявил карту Польши, на которой была отмечена польская территория, желаемая Пруссией, а в декабре Екатерина писала в рескрипте главнокомандующему в Польше Игельстрему:

«Прусский двор, вошедший, как я ведаю, с нами в союз, и с последним ведущий общее дело против мятежных французов, по причине неудачи последнего похода увидел себя в невозможности продолжать войну, не получив соразмерного вознаграждения за понесенные потери. Прусский король требует этого вознаграждения в особенности для того, чтобы с обновленными силами предпринять общую всем монархам и всем благоустроенным правительствам войну, поставить в границы послушания непоузданный народ и не

<sup>1</sup> Костомаров Н. «Последние годы Речи Посполитой». Т. I, стр. 341—342. 1886.

<sup>2</sup> Соловьев С. «История падения Польши», стр. 263.

<sup>3</sup> Костомаров Н. Указ. соч. Т. III, стр. 55.

<sup>4</sup> Отказ от русской «гарантии для своих владений и независимости», требование вывода русских войск, предложение союза против России Порте, находившейся в войне с Россией, репрессии против русских подданных и православных и т. д.

<sup>5</sup> Костомаров Н. Указ. соч. Т. II стр. 70—71. Речь короля изложена в донесении Булгакова, преемника Штакельберга на варшавском посту; Костомаров цитирует ее полнее, чем Соловьев в «Истории падения Польши», стр. 270—271.

допустить дальнейшего распространения по Европе духа безначалия. По этим причинам прусский король и император (австрийский) предложили нам раздел Польши, как единственное средство достижения вышеупомянутого, как сообразному с их ожиданиями, вознаграждения... Берлинский двор получит Данциг и Торн и всю Великую Польшу, за исключением Мазовецкого воеводства...»<sup>1</sup> и т. д. Манифест прусского короля от 25 марта 1793 г. объявлял «королевскую благосклонность» всем сословиям, чинам и жителям воеводств Познанского, Гнезненского, Калишского, Серадзского, города Ченстохова, земли велюнской, воеводства Ленчицкого, повета Кюявского, воеводств Равского и Шлоцкого «и прочих по пограничному пути также городов Гданска и Торуня, которые находились прежде под владением Польши», а теперь «присоединены к нашему государству по причине вреда прусской земле, беспокойства пограничных жителей от частых наездов, презрительного отношения к упомянутым жителям и зловерных замыслов», имевших целью «спрепятствовать жителям всем ужасам анархии». Таким образом, Пруссия получила, по второму разделу Польши, Великую Польшу с Познанью, Гданск (Данциг) и Торунь (Торн). Россия же получила оставшуюся еще за Польшей западную часть Белоруссии и Правобережную Украину. Польша осталась с 4-миллионным населением отрезанной от моря, в полной зависимости от Пруссии.

Договором, утвержденным 10 октября 1793 г., польский король отрекся от всех названных земель в пользу прусского короля, а прусский король отрекся третьей статьей этого договора от каких-либо претензий хотя бы «на малейшую часть той земли, которую владеет король польский...» Кроме того он гарантировал королю «целость и верховную власть над вышеозначенными существующими владениями (Польши) со всеми вытекающими из того правами»<sup>2</sup>.

За всей этой «классической» берлинской словесностью скрывалось твердое решение: захватить при следующем «случае» Краков. Из-за Кракова началась борьба между Берлином и Петербургом. Теперь Екатерина, чтобы не дать Кракова Пруссии, привлекла к третьему разделу Польши в 1795 г. Австрию<sup>3</sup>. Русско-прусская конвенция о втором разделе подписана была 12(23) января 1793 г.; прусский «манифест» об аннексии поль-

ских земель издан 25 марта; договор с Польшей, подтверждавший акт раздела, — 10 октября того же года; акт присоединения Австрии к конвенции 12(23) января был подписан лишь 23 декабря 1794 г. по старому стилю, т. е. 3 января 1795 г., и в этот же самый день были подписаны в Петербурге: 1) Австро-русская декларация о третьем («совершенном», т. е. окончательном) разделе Польши и 2) секретная декларация о союзе между Россией и Австрией, гарантирующем осуществление полного раздела Польши по плану первой декларации, т. е. охранявшем этот план от прусских воцелений. В марте этот план был сообщен Пруссии. В июне Екатерина пригрозила Фридриху-Вильгельму, что Россия ответит на его нападение на Австрию войной, после чего Фридрих-Вильгельм отказался от своих воинственных намерений силой захватить Сандомир и Краков, изъявив согласие принять австро-русские условия. 13(24) октября 1795 г. трехсторонняя конвенция о третьем разделе была подписана<sup>4</sup>. Лишь в январе 1797 г. дипломатические сношения, связанные с разделом Польши, закончились петербургской конвенцией 15(26) января 1797 г. с приложением акта отречения короля польского от «королевства своего» и актом окончательного разграничения Краковского воеводства между Австрией и Пруссией с приложением демаркационного акта<sup>5</sup>.

Эти хронологические данные свидетельствуют о том, что второй и третий разделы непосредственно связаны между собой, что третий раздел был не только продолжением, но и подтверждением второго на расширенной (с участием Австрии) базе.

Его не было бы только в том случае, если бы Костюшко остался победителем не только над прусскими, но и над русскими войсками. Но в таком случае аннулирован был бы самой этой победой второй раздел. Судьба же восстания против второго раздела определялась не только борьбой из-за Польши между контрреволюционными правительствами Пруссии и России, обострившейся в связи с прекращением Пруссией войны против Франции и переброской ее армий к польским границам, но также политическим бессилием «пilhетской демократии» и чуждым крестьянству направлением, приданным восстанию его вождями. В отношении событий 1793—1796 гг. слова Маркса о том, что «только демократическая Польша

<sup>1</sup> Костомаров Н. Указ. соч. Т. II, стр. 214, 215.

<sup>2</sup> Там же, стр. 402.

<sup>3</sup> Мартенс Ф. «Собрание трактатов...». Т. IV, стр. 168 и след.

<sup>4</sup> Там же. Т. II, стр. 214—243 и стр. 261—271, а также Т. VI, стр. 159—171.

<sup>5</sup> Там же. Т. II, стр. 288—357.



могла быть независимой»<sup>1</sup>, сказанные по другому поводу, — «глубоко верное замечание, имеющее важнейшее значение не только для тогдашней, но и для современной Польши и польских общественных и государственных деятелей»<sup>2</sup>.

16 октября, т. е. через шесть дней после того, как был ратифицирован прусско-польский договор, передававший прусскому королю польские земли, был принят сеймом проект русско-польского союзного договора. Проект этот предложен был Екатериной, писавшей своему представителю в Варшаве, что она избрала «систему союзного трактата, чтобы соединивши под этой формой остаток Польши не только с частью, которую я отделила к своему государству, но и с моим целым государством, я могу (могла бы.—Е. А.) быть предохраненной от жадности берлинского и венского дворов, и поставить полезную и действительную преграду против покушений того и другого. С этой целью я начертала проект договора»<sup>3</sup>.

Но было слишком поздно: и потому, что обе стороны не доверяли друг другу, и потому, что «преграда» прусскому королю, обратившему свои военные силы с запада на восток, с Рейна к границам Польши, была «недействительной». 19 ноября 1793 г. было уже назначено в Кракове днем военного восстания, в связи с сокращением польской армии еще до приезда Костюшко. Оно было отложено, но был составлен акт общего «повстанья», направленный всецело и исключительно против «царицы», царица же в свою очередь озабочена была тем, что в союзном правительстве польском засели «подозрительные люди», «имеющие притом владения в Пруссии и в австрийских пределах»<sup>4</sup>. Польские патриоты продолжали надеяться, что Пруссия обманет не их, а Россию.

Известно течение событий в связи с восстанием: король прусский «отошел» со своими войсками от Варшавы под предлогом слабости этих войск, предоставивши русским войскам «черную» работу по взятию Варшавы и ликвидации восстания. После этого давлением всех своих военных сил он добился получения при окончательном разделе Польши границы по

Неману и Западному Бугу, превративши сердце Польши с Варшавой в южнопрусскую провинцию, а литовско-польскую область — в «Новую восточную Пруссию». Австрия получила Люблинское воеводство, Россия — большую часть Литвы, западные окраины Белоруссии и Западную Выхлыль; курляндское герцогство, как вассальное в отношении польского короля, перестало существовать, и «Митава стала губернским городом».

Русские войска завоевали восстановленную Польшу, а Екатерина для сохранения спокойного сожительства трех реакционных монархий нарезала Пруссии и Австрии куски из завоеванной ее армией польской территории.

Таким образом, рассмотрение вопроса показывает настойчивое, агрессивное домогательство Пруссии, направленное в сторону Польши. Попытки русской дипломатии добиться сотрудничества с польским правительством и противодействовать прусской агрессии и разделам Польши в сложившейся международной обстановке были неудачны. Учитывая международную и внутреннюю обстановку России, Екатерина стала на путь договора с Пруссией и раздела Польши.



Полтора столетия отделяет это прошлое от настоящего. За эти полтора столетия сменились целые эпохи мировой истории. История Польши до 1914 г. — это история угнетения Польши тремя реакционными империями (царская Россия, Австро-Венгрия и Германия) и братского сближения русского и польского народов в борьбе против царизма. «Колебания» польских деятелей в выборе, «с кем идти» во время войны 1914—1918 гг., были попытками направить историю Польши мимо этой общности судеб и единства жизненных интересов польского и русского народов.

Смертельная опасность, угрожающая ныне всему человечеству и в первую очередь всему славянству, положила конец этим колебаниям. В великой, решающей борьбе всего славянства против кровавого фашизма союз правительств СССР и Польши означает объединение русского, польского, украинского и белорусского народов в борьбе за свою жизнь, свободу, честь, государственность, культуру. Союз СССР и Польши ускорит победу над кровавым фашизмом и освободит польский, украинский и белорусский народы от фашистского ига.

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. V, стр. 263.

<sup>2</sup> См. «Известия» от 3 августа 1941 года.

<sup>3</sup> Костомаров Н. Указ. соч. Т. II, стр. 411—412.

<sup>4</sup> Там же, стр. 413.



## СТРОИТЕЛЬСТВО ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО АППАРАТА КРАСНОЙ АРМИИ

(С апреля 1918 года до VIII съезда РКП(б))

*С. Дубровский*

Победа Великой Октябрьской социалистической революции поставила перед партией новые, весьма сложные задачи. Одной из них, исключительно важной и не терпящей отлагательства, было создание вооруженного оплота пролетарской диктатуры — Красной Армии. На партию большевиков как на правительственную партию легла вся тяжесть организации, подготовки, укрепления и боевой закалки Красной Армии.

«Красную армию строила наша партия. Только она, партия, и рабочий класс, который шел безоговорочно за партией, могли бесстрашно взяться за эту сложнейшую задачу. Только благодаря напряжению сил всей партии под непосредственным руководством Ленина — этого гиганта воли и настойчивости, только благодаря самоотверженной работе таких организаторов, как Сталин, ставший в короткий срок настоящим нашим большевистским военным специалистом, нам удалось организовать Красную армию и побеждать на многочисленных фронтах»<sup>1</sup>.

С первых дней установления диктатуры пролетариата вопросы организации оборонных стран стали в центре внимания партии. Ленин говорил: «У нас один выход: победа или смерть!»<sup>2</sup>. Под этим лозунгом партия вела свою работу все годы гражданской войны.

Вся работа партийной организации была перестроена применительно к условиям военного времени. Члены партии в обязательном порядке обучались военному делу, умению владеть винтовкой, гранатой, пулеметом. Огромное количество коммунистов в порядке партийных мобилизаций направлялось на фронт, в Красную Армию. Так, для борьбы с чехословацкими

мятежниками петроградские большевики дали около 2400 членов партии, московские — свыше 3000 (20% своего состава)<sup>3</sup>. Большинство партийных организаций дало фронту 20% своего состава, а в прифронтовой полосе большевики поголовно отправлялись на фронт.

Мобилизации коммунистов проводились непрерывно, так как вырастали все новые фронты, появлялись новые вражеские силы. Характерным для партийных организаций того времени является следующее постановление московской общегородской конференции большевиков, принятое 30 июля 1918 года:

«1. В трехдневный срок, не позже 3-го сего августа, произвести учет всех партийных работников, имеющих в прошлом какой-либо командный опыт, и поставить их в распоряжение Народного комиссариата по военным делам для нужд фронта.

2. Не более чем в недельный срок отправить в распоряжение Военного комиссариата для надобностей фронта одну пятую часть всех членов Московской организации партии, в том числе всех бывших солдат.

3. Принять немедленно самые решительные меры к организации партийных ячеек во всех армейских частях и повести среди солдат самую энергичную партийную работу, координируя работу этих ячеек с работой местных районных и иных партийных организаций.

4. Положить в основу всей партийной агитации мысль о необходимости очищения Волги, Урала и Сибири от контрреволюции и вообще о необходимости повсеместного подавления контрреволюционных выступлений и обеспечения тыла Советской России»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> К. Ворошилов. Статьи и речи, стр. 554. Партиздат, 1937.

<sup>2</sup> Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 202.

<sup>3</sup> «Протоколы VIII съезда РКП(б)», стр. 430 и 449. М. 1933.

<sup>4</sup> «Правда» № 150 от 20 июля 1918 года.

Многие партийные организации были переведены на казарменное положение. Создавались вооруженные отряды из коммунистов, получившие впоследствии название частей особого назначения. Коммунисты Лефортовского района Москвы 16 июля 1918 г. решили создать партийный «боевой коммунистический отряд». В Царицыне был сформирован отряд донских коммунистов-звездносцев, в него принимались «исключительно преданные пролетарскому делу, способные на самопожертвование коммунисты»<sup>1</sup>. В феврале 1919 г. в Ташкенте была организована боевая партийная дружина, в которую вступили все коммунисты, включая членов советского туркестанского правительства<sup>2</sup>. Помимо участия в общеотрядных занятиях по специальности каждый из участников должен был овладеть пулеметом. Занятия проходили 2 раза в неделю по 4 часа. Члены отряда могли жить дома и иметь при себе оружие. По тревоге они обязаны были являться с оружием. Неявившиеся подлежали суду Ревтрибунала<sup>3</sup>. В конце декабря было опубликовано сообщение о том, что фракции коммунистов при районных советах Москвы «заняты вербовкой товарищей в отряды особого назначения. Цель организации этих отрядов — приготовить на случай контрреволюционных выступлений опытные боевые силы»<sup>4</sup>.

По мере того как создавалась Красная Армия и увеличивалось число коммунистов, в ней все более неотложным становился вопрос об объединении армейских коммунистов в партийные организации. Первые парторганизации в Красной Армии создавались по инициативе отдельных коммунистов или местных партийных комитетов. Часто в местной печати можно было встретить объявления, приглашающие членов партии такого-то полка зарегистрироваться в организующемся или организовавшемся при полку коллективе коммунистов<sup>5</sup>. Первая половина 1918 года является периодом, когда только складывались партийные организации в армии. В частях Красной Армии проводилась большая работа по вовлечению в ряды партии новых членов.

Порядок образования ячеек и приема в партию тогда не был точно регламенти-

рован и был очень разнообразным. Уставные рамки, очерченные решением VI съезда партии, устарели, а жизнь выдвигала новые требования. Появлялись сочувствующие, кандидаты. Местные парторганизации самостоятельно устанавливали порядок приема в партию.

Единого партийного билета для членов партии еще не было. Партбилеты печатали и выдавали местные парторганизации.

В партию, как правило, шли лучшие и наиболее сознательные из бойцов и командиров. Каждого бойца и командира в части прекрасно знали, так как их жизнь была на виду у всех.

К концу 1918 года в армии имелись уже тысячи ячеек, объединившие десятки тысяч коммунистов, кандидатов и сочувствующих. По данным мандатной комиссии VIII съезда партии, делегаты от фронтовых частей представляли 29 706 коммунистов<sup>6</sup>. Если принять во внимание, что в это число не вошли коммунисты X армии, а также коммунисты тыловых и запасных частей командных курсов, входившие в состав гражданских организаций, то, не опасаясь преувеличения, можно считать, что всего в Красной Армии к VIII съезду партии было не менее 60 тысяч коммунистов.

Основной партийной организацией в армии был полковой коллектив, объединявший, как правило, 3—5—10 коммунистов и 15—30 сочувствующих. В некоторых полках число коммунистов было более значительным, особенно в сформировавшихся в крупных промышленных центрах. В последних число коммунистов иногда доходило до 60—70 человек.

В политотделе дивизии, связанном с Воронежским губернским комитетом партии, были зарегистрированы 36 ячеек войсковых частей, насчитывавших 448 членов. В частях, где были эти ячейки, на тысячу красноармейцев приходилось 17 коммунистов<sup>7</sup>.

Ротные ячейки встречались редко, возникновение их приходится на конец 1918 — начало 1919 года. Они получили широкое распространение лишь после VIII съезда партии, особенно после партийной недели. Имеются данные о существовании ротных ячеек в 1-м Камышинском полку, действовавшем на ижевско-воткинском направлении, а также в полку, стоявшем в Верхотурье<sup>8</sup>. Сохранилась инструкция военно-политического комиссара 1-го Донецкого советского полка ротным коммунистическим ячейкам, утвержденным

<sup>6</sup> «Протоколы VIII съезда РКП(б)», стр. 273.

<sup>7</sup> «Правда» № 11 от 17 января 1919 года.

<sup>8</sup> Центральный архив Красной Армии (ЦАКА), ф. 4, оп. 1, д. 28/с., лл. 15—17.

<sup>1</sup> «Известия ВЦИК» № 5 от 10 января 1919 года.

<sup>2</sup> «Наша газета» № 23 от 11 февраля 1919 года. Ташкент.

<sup>3</sup> «Правда» № 150 от 20 июля 1918 года.

<sup>4</sup> «Правда» № 286 от 31 декабря 1918 года.

<sup>5</sup> См. «Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот» № 66 от 20 апреля 1918 года. Петроград.

12 декабря 1918 года<sup>1</sup>. Некоторые ротные ячейки объединяли и сочувствующих. На партийной конференции III армии восточного фронта при участии С. И. Гусева была принята специальная резолюция о необходимости создания ротных ячеек<sup>2</sup>.

Полковую ячейку возглавлял или президиум из 3—5 человек или партийный комитет. В президиум наряду с коммунистами иногда избирались и сочувствующие. В выборах президиума последние участвовали наряду с коммунистами. Президиум 38-го авиационного отряда Западной дивизии западного фронта состоял из двух коммунистов и одного сочувствующего. Бюро ячейки 6-го Литовского полка состояло из 6 человек, в ячейке же было всего 6 коммунистов и 26 сочувствующих<sup>3</sup>.

Партийным организациям приходилось решать иногда очень важные вопросы в исключительно сложной обстановке. Достаточного опыта работы ячейками еще не было накоплено. Не было также инструкций и положений, обобщающих работу ячеек в армии и определяющих круг их деятельности, их права и функции. На местах самостоятельно приходилось находить формы и методы работы, определять права и обязанности ячеек. Пока в армии ячеек и коммунистов было мало, пока не было необходимого опыта работы, такое кустарничество еще могло быть оправдано.

В апреле 1918 года состоялась Петроградская общегородская конференция красноармейцев-большевиков. На ней были представлены 57 коллективов коммунистов, в которых был 2451 член партии.

Конференция приняла резолюцию, которая служила своеобразной инструкцией партийным коллективам. Ее можно считать первой известной писанной инструкцией партийным ячейкам в Красной Армии. Инструкция отражала добровольческий период существования Красной Армии. Она показывала роль, место и права партийных коллективов в первой половине 1918 года:

а) Коллектив ведет партийную работу в отряде (устраивает митинги, лекции, собрания и распространяет партийную литературу, привлекает новых членов и т. п.);

б) проводит установление строжайшей революционной дисциплины, контроль над вербовкой и очистку отряда от всех нежелательных элементов;

в) руководит всей политической, культурной и хозяйственной жизнью отряда,

<sup>1</sup> ЦАКА, д. 209—845, л. 8.

<sup>2</sup> «Правда» № 7 от 12 января 1919 года.

<sup>3</sup> ЦАКА, д. 199—733, лл. 63 и 69.

для чего входит в тесный контакт с советским политическим комиссаром, выставляет и проводит партийных кандидатов на все выборные посты, подчиняя их деятельность своему руководству и контролю»<sup>4</sup>.

Резолюция показывает, что деятельность партийных коллективов в Красной Армии была весьма разносторонней, что коллективы пользовались широкими правами.

В сообщении о работе партийной организации особого Петроградского дивизиона деятельность ячейки характеризуется так: «Все внутренние дела, за исключением чисто военных, разрешаются ячейкой»<sup>5</sup>. В инструкции ячейкам красноармейских частей северозападного обкома задачи ячейки определены так: «Наблюдение за выполнением всеми должностными лицами их обязанностей согласно требований коммунистической партии и советской власти»<sup>6</sup>.

В июле «Петроградская правда» в заметке «Из жизни Петербургского района РКП» писала о парторганизациях в частях Красной Армии: «...наши партийные коллективы, помимо политического руководства, берут на себя функции контроля как над красноармейцами, так и за командным составом»<sup>7</sup>. На конференции большевиков Северной области 30 июля 1918 года была принята резолюция о Красной Армии. В ней предлагалось организовать во всех частях и подразделениях Красной Армии коммунистические ячейки. Конференция предоставляла им широкие права, возложив на них «неослабный контроль над всеми специалистами», и пресечение вконец всякой возможности перехода последних «на ту сторону баррикады»<sup>8</sup>.

Авангардная роль коммуниста и прежде всего его храбрость и стойкость были главнейшими требованиями к членам партии, кандидатам и сочувствующим.

Коммунисты являлись твердой опорой комиссара. В ноябре 1918 г. в армии во всех частях были созданы летучие десятки из коммунистов. На эти десятки возлагалась борьба со всеми отрицательными явлениями в части, кроме того они должны были обеспечивать выполнение боевых задач. В десятках отбирались наиболее твердые и сознательные коммунисты, со-

<sup>4</sup> «Петроградская правда» № 82 от 24 апреля 1918 года.

<sup>5</sup> «Правда» № 263 от 4 декабря 1918 года.

<sup>6</sup> ЦАКА, ф. 185, оп. 2, д. № 22, л. 18.

<sup>7</sup> «Петроградская правда» № 147 от 13 июля 1918 года.

<sup>8</sup> «Северная коммуна» № 68 от 1 августа 1918 года.

став десятка утверждался коммунистической ячейкой и комиссаром. Летучие десятки находились в непосредственном подчинении комиссара.

Комиссар 214-го Симбирского полка в своем дневнике 15 января 1919 г. записал, что в первом батальоне отмечен случай самовольного ухода с позиции. «Мы решили положить этому конец. С этой целью я и выехал вчера вместе с коммунистическим десятком из Богородского в 1-й батальон».

4 апреля 1919 года в связи с предстоящим отступлением с Баймакского завода (восточный фронт) комиссар записал: «Я роздал красноармейцам коммунистического десятка около 2 тысяч воззваний к народноармейцам (так называются солдаты армии наших врагов), казакам и башкирам. Эти воззвания я приказал расклеить по заводу. Через час поселок пестрел ими». Эти записи иллюстрируют работу коммунистических десятков.

Коммунисты вели постоянную агитационно-пропагандистскую работу в массах. Тов. Ворошилов на первой конференции комячеек X армии в Царицыне (2—6 декабря 1918 г.) поставил перед членами партии задачу — «быть не только воинами, но и пропагандистами среди тех, которые еще не стали коммунистами, но уже являются борцами за идеалы коммунизма»<sup>1</sup>. Ячейки создавали культурно-просветительные комиссии и через них вели большую работу: читки газет, брошюр, художественной литературы, собирали митинги, устраивали лекции, спектакли, концерты, демонстрацию кинокартин и т. д.

Под влиянием большой политико-воспитательной работы бойцы быстро росли политически, проникались советским патриотизмом и храбро сражались с белыми.

Ячейки сначала работали под руководством гражданских парторганизаций и входили в состав последних, отчитывались перед ними, от них получали директивы.

Вместе со сдачей в архив добровольчества, выборности комсостава, комитетов и отрядной системы надо было отказаться и от прежних методов работы партийных ячеек. Прежде всего надо было освободить армейские партийные организации от несвойственных им функций администрирования, контроля и руководства деятельностью командиров. Ячейкам необходимо было переключиться на выполнение своих непосредственных задач: воспитание членов партии, кандидатов и сочувствующих как примерных бойцов, хороших большевистских организаторов, пропагандистов и

агитаторов, тесно связанных с массами, несущих идеи партии в массы и ведущих массы за собой.

Вмешательство коммунистической ячейки в административные дела вносило в армию элементы митинговщины и комитетчины, нарушало стройность армейской организации, согласно которой управление частью должно принадлежать назначенному сверху командиру и ему должны беспрекословно подчиняться все находящиеся в доверенной ему части.

Надо было пересмотреть также рамки внутрипартийной демократии, привести их в соответствие с военной обстановкой и требованиями армии, отказавшись от механического перенесения структуры и методов работы гражданских организаций в военные. Впрочем, военная обстановка заставила партию провести милитаризацию и в гражданских организациях, свернуть коллективные органы, перейти от системы коллективного решения вопросов «к системе боевых приказов, которые давались руководящими партийными учреждениями и которые беспрекословно выполнялись без обсуждения рядовыми членами» (из резолюции X съезда РКП(б)). Для армии такая система была еще более необходима.

В связи с этим значительно подымается роль комиссара. Комиссары появляются вместе с образованием Красной Армии. Комиссары отрядов как представители государственной власти наводили в частях порядок, боролись с расхищением имущества, налаживали дисциплину, стремились превратить отряды в сознательные боееспособные единицы. Постепенно с изменениями, происшедшими в принципах формирования и организации армии, изменяются и уточняются роль и место комиссаров.

В Красную Армию в качестве военных специалистов были призваны бывшие офицеры царской армии. Многие из них являлись выходцами из дворян, помещиков и буржуазии. В Красной Армии под напором и контролем представителей советской власти они вынуждены были передавать свой опыт и знания, помогать строить вооруженные силы страны. Но часть из них изменяла и перебежала к врагу. Эти измены вызывали озлобление масс против них; недоверие к военным специалистам было распространенным явлением. На этой почве проявлялись даже вредные настроения в пользу полного отказа от использования военных специалистов.

Партия учитывала неизбежность измен со стороны некоторой части военных специалистов. Но партия считала, что без опыта и знаний военных специалистов

<sup>1</sup> «Солдат революции» № 99 от 4 декабря 1918 года.

не обойтись, необходимой армии не создать.

«Нам изменяют и будут изменять сотни и сотни военспецов, — писал Ленин, — мы будем их вылавливать и расстреливать, но у нас работают систематически и подолгу тысячи и десятки тысяч военспецов, без коих не могла бы создаться та Красная армия, которая выросла из проклятой памяти партизанщины и сумела одержать блестящие победы на Востоке»<sup>1</sup>.

Используя военных специалистов, партия одновременно готовила свои командные кадры из рабочих и крестьян. Пока выковыльвались эти новые кадры, приходилось прибегать к знаниям и опыту военных специалистов в интересах пролетарской революции. Партия руководствовалась двумя основными правилами: первое — использовать знания специалистов, создав им необходимые условия для продуктивной работы, перенимать у них опыт и знания, избегая слепого преклонения перед ними, относясь к опыту и советам военспецов критически, учитывая особенности Красной Армии и гражданской войны; второе — установить за военными специалистами строгий контроль большевистских комиссаров, поручив им беспощадно пресекать саботаж и измену, в то же время решительно поддерживать авторитет командиров, показавших свою преданность советской власти и способных твердой рукой осуществлять руководство частями Красной Армии.

В свете этих задач исключительную роль должны были сыграть и сыграли большевистские комиссары. «Без военкома, — говорил Ленин, — мы не имели бы Красной армии»<sup>2</sup>. Первым комиссаром был товарищ Сталин. Своей работой под Царицыном и Пермью он показал образец подлинного большевистского комиссара. Товарищ Сталин железной рукой наводил порядок, налаживал политическую работу и организовывал победу на фронте. Всем известны имена большевистских комиссаров: Ворошилова, Орджоникидзе, Куйбышева, Кирова и других, ковавших победы Красной Армии.

«Мы обязаны были создать институт комиссаров, — говорил М. В. Фрунзе, — когда руководящего состава армии, надлежащего в классовом отношении, мы не имели, когда мы привлекали к строительству Красной Армии людей, зачастую враждебно относившихся к советской власти. Мы знали это хорошо и тем не менее шли на это, приставляя к этим работникам комиссаров, которые являлись нашим пролетар-

ским оком. Таким образом исторически комиссар впервые выплыл на сцену в качестве советского контролера»<sup>3</sup>.

Функции комиссаров (членов военных советов) впервые были определены приказом Народного комиссариата по военным делам в апреле 1918 года: комиссар являлся политическим представителем советской власти при армии, и личность комиссара считалась неприкосновенной. Комиссар должен был принимать участие во всей деятельности военного руководства и скреплять своей подписью все приказы командования.

В приказе ни слова не было сказано о руководстве партийной, политической, хозяйственной и культурной работой в армии. Вопросами партийно-политической работы занимались партийные ячейки.

Таким образом, основное назначение комиссаров сначала заключалось в политическом контроле в части и учреждении и особенно над командным составом. Но, помимо контроля, согласно резолюции V съезда советов (июль 1918 г.), военные комиссары являлись «близостями тесной и ненарушимой внутренней связи Красной армии с рабочим и крестьянским режимом в целом»<sup>4</sup>.

Для руководства деятельностью комиссаров было создано Всероссийское бюро военных комиссаров (приказ Народного комиссариата по военным делам № 270 от 8 апреля 1918 г.). По существу бюро должно было выполнять функции руководителя всей партийно-политической работой в Красной Армии. Бюро назначало и устраняло комиссаров, собирало совещания и съезды политработников, давало директивы и т. п.

По мере роста и укрепления Красной Армии усложнялись обязанности военного комиссара и его функции. Прежде всего необходимо было ликвидировать существовавшее своеобразное двоевластие в лице комиссара и коммунистической ячейки. Жизнь подсказывала необходимость усиления роли и значения комиссара, пересмотра круга деятельности коммунистических ячеек.

Военная обстановка не всегда позволяла выбрать секретаря или президиум парторганизации, созвать собрание и т. п. Да и вообще в военной обстановке и специфических условиях армии необходима своеобразная система организации и руководства. Здесь действует единоличный приказ лица, облеченного доверием партии и советского правительства. Надо бы-

<sup>1</sup> Фрунзе М. Избранные произведения, стр. 228. М. 1934.

<sup>2</sup> «Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях», стр. 75. М. 1935.

<sup>3</sup> В. И. Ленин. Избранные произведения, стр. 450. Т. II. Отгиз. 1940.

<sup>4</sup> Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 302. 1937.

ло обеспечить возможность такому лицу действовать быстро и решительно, без помех со стороны. Политические отделы (о которых будет речь впереди), военные советы и партийные организации предпринимают ряд мер в этом направлении. Постепенно пересматриваются и уточняются права коммунистических ячеек в соответствии с условиями армии.

На конференции коммунистических ячеек частей 8-й стрелковой дивизии 9 декабря 1918 года принимается резолюция, в которой сказано: «Коммунистическая ячейка сама не имеет права вмешиваться в дела командования частью, смещать и удалять лиц командного состава части». Далее указывалось, что мнение комиссара «должно быть решающим и обязательным как для отдельного члена коммунистической ячейки, так и для всего парткома ячейки в целом»<sup>1</sup>. Здесь комиссар рассматривается уже не только как политический контролер над командиром, но и как руководитель всей политической, партийной, культурной и хозяйственной жизни части. Весь аппарат части должен работать под непосредственным руководством комиссара, за командиром остается оперативное руководство.

К началу 1919 года накопился уже большой опыт партийного строительства в Красной Армии. Это позволило уточнить права и обязанности партийных ячеек и комиссаров. Инструкция ячейкам РККА, утвержденная ЦК РКП(б) в январе 1919 года, обобщает этот опыт и кладет конец всякой кустарщине. Инструкция составлена была с учетом обстановки гражданской войны и исходила из необходимости подчинять все интересам организации победы над врагом.

Инструкцией устанавливалась четкая структура партийных организаций в армии: ячейка создается в отдельной части (о ротных ячейках в инструкции нет еще упоминания), в центре внимания обязанности коммунистов. Коммунисты должны:

«...12. Беспощадно бороться с нарушением партийной дисциплины в своей собственной среде.

13. Содействовать со всей энергией комиссару и командиру в борьбе с нарушениями красноармейской дисциплины и самим показывать пример соблюдения таковой.

14. Показывать пример беззаветной храбрости и стойкости в бою, терпения, выносливости ко всем трудностям и лишениям боевой обстановки. В случае вызова добровольцев на опасное предприятие — разведка в неприятельском тылу, состав-

ление ударной группы и т. п., предлагать себя на самые опасные поручения...

17. Вся работа партийной ячейки в каждой красноармейской части должна сводиться к задаче создания в части крепкого ядра из коммунистов и сочувствующих, проникнутых сознанием серьезного значения победы на фронте для социалистического отечества, способных в нужный момент показать пример готовности пожертвовать своей жизнью ради победы, увлечь за собой менее сознательных товарищей красноармейцев и противостоять везде и всюду распространению тревожных слухов и паники»<sup>2</sup>.

Ячейка занималась коммунистическим воспитанием своих членов, она имела право приема в кандидаты партии. Прием в члены партии и исключение из рядов партии производились по представлениям общего собрания ячейки высшестоящими партийными организациями. Ячейка помогала комиссару в организации культурно-просветительной работы, в распространении газет и литературы, в обучении политической грамоте и т. п. Ячейка не могла вмешиваться в действия и распоряжения командного состава. Ячейки обязаны «всеми мерами поддерживать и укреплять доверие к комиссару, как руководителю политическому, и к командиру, как руководителю боевому».

В инструкции четко разграничивались обязанности комиссара и ячейки. Комиссар является в отношении ячейки уполномоченным высшей партийной организацией. Ячейка организуется комиссаром. Собрания ячейки проводятся в дни, установленные комиссаром, и по его усмотрению могут отменяться. Решения партийной ячейки могут временно приостанавливаться комиссаром, хотя ячейка может апеллировать к высшей инстанции.

Инструкция положила конец вмешательству партийных ячеек в административные, организационные и хозяйственные дела части, она освобождала ячейки от несвойственной им функции контроля над командным составом. В результате поднялась роль комиссара. Он является теперь не только представителем советской власти, но и представителем коммунистической партии. Только ему поручается политический контроль над командным составом. Коммунистические ячейки работают под руководством комиссара, последнему отводится решающее слово в партийной организации.

«В ходе работ,— говорил М. В. Фрунзе,— выявилась необходимость расширения функций комиссара. Гражданская война протекала в такой обстановке, которая

<sup>1</sup> ЦАКА, ф. 201, оп. 2, д. 689, л. 40.

<sup>2</sup> «Правда» № 5 от 10 января 1919 года.



требовала от командного состава не только опытного оперативного руководства, но и напряженной организаторской деятельности. Чтобы добиться успехов в тяжелой борьбе, необходимо было лучше и ближе знать всю обстановку работы, нужно было спускаться и проникать во все области советской и партийной работы. Это было невозможно для старого командного состава: у большинства его представителей отсутствовало, по вполне понятным причинам, понимание духа, задач и методов нашей работы. Все указанное очень быстро привело к превращению нашего комиссарского состава из контролеров в администраторов и организаторов Красной Армии. Работа комиссарского состава в этом направлении была проделана огромная. Не будет преувеличением сказать, что работа эта была решающей в деле исхода гражданской войны»<sup>1</sup>.

Инструкция, утвержденная Центральным Комитетом партии, полностью соответствовала интересам дальнейшего укрепления Красной Армии. Отказ от контроля и руководства командным составом со стороны коммунистических ячеек несколько уменьшил влияния и руководящей роли партии в Красной Армии. Наоборот, руководящая роль партии, ее политическое влияние усиливались благодаря тому, что коммунистические ячейки стали заниматься непосредственно своим делом и работали под руководством военных комиссаров, представителей большевистской партии.

Замечательным документом, наиболее четко и полно определившим роль и место комиссара в армии, является сталинская «Инструкция для комиссара полка в действующих частях». Инструкция была выработана в августе 1919 года совещанием ответственных политработников западного фронта под непосредственным руководством товарища Сталина, возглавлявшего тогда Революционный военный совет фронта.

«Комиссар полка, — говорилось в инструкции, — является политическим и нравственным руководителем своего полка, первым защитником его материальных и духовных интересов. Если командир полка является главою полка, то комиссар должен быть оплотом и душою своего полка». Сталинская инструкция рассматривала комиссаров как представителей большевистской партии, через которых партия осуществляет свое руководство армией. Комиссар должен был вести политическую работу и быть в постоянной тесной связи с массами. «...В качестве представителя РВС в полку комиссар обязан организовать во всех частях полка комячейки, товарищеские суды, инструктировать их работу».

Комиссару поручалось поддерживать в рядах армии железную дисциплину, не допуская митинговщины. «Помня, что приказы пишутся для исполнения, а не для обсуждения и что войско без дисциплины превращается в сброд, комиссар полка обязан сам быть живым примером беспрекословного подчинения военно-служебной дисциплине. В случае нарушения дисциплины в полку он должен следить, чтобы виновные подвергались неуклонному взысканию с точнейшим применением требований дисциплинарного устава»<sup>2</sup>.

Роль комиссара непрерывно росла.

Военные комиссары следили за выполнением боевых приказов, пресекали измену, подымали в боях и командирах боевой дух, воспитывали из них сознательных воинов, готовых защищать советскую власть до последней капли крови, боролись против паникеров, трусов, дезорганизаторов и дезертиров, обеспечивали своевременное снабжение армии боевыми припасами, продовольствием и обмундированием, вели политическую работу среди населения, создавали органы советской власти, организовывали работу среди войск противника. Нет той области работы в Красной Армии, которая не касалась бы комиссара.

Следует еще осветить вопрос о дивизионных и иных партийных органах. В инструкции коммунистическим ячейкам о них не упоминается. А жизнь уже ставила этот вопрос. Объем партийно-политической работы непрерывно рос. Усложнялось руководство этой работой.росло количество коммунистов и коммунистических ячеек в армии. В начале 1919 года в IX армии насчитывалось 1247 коммунистов и 400 сочувствующих, объединенных в 44 ячейки<sup>3</sup>. В 24-й стрелковой дивизии в марте 1919 года было 15 ячеек, объединивших 400 членов партии и 556 сочувствующих<sup>4</sup>. Во многих дивизиях существовали дивизионные партийные комитеты, избираемые представителями полковых ячеек. В 8-й стрелковой дивизии 9 декабря 1918 года было избрано дивизионное бюро, которое продолжало существовать еще в начале 1919 года<sup>5</sup>. Дивизионные партийные комитеты, как построенные на основах широкой демократии, не соответствовали духу Красной Армии. Жизнь выдвинула вместо них политические отделы, которые стали совмещать руководство политико-просветительной и партийной работой и являлись важнейшей опорой комиссара.

Политотделы были оформлены приказом Реввоенсовета республики за № 337 лишь

<sup>2</sup> ЦАКА, ф. 100, д. 1565, лл. 165—168.

<sup>3</sup> ЦАКА, ф. 100, д. 445/с, лл. 1—5.

<sup>4</sup> ЦАКА, д. 193—815, лл. 161—162.

<sup>5</sup> ЦАКА, ф. 201, оп. 2, д. 689, лл. 36—37.



5 декабря 1918 года. Приказом предусматривалось создание политотделов фронтов и армий. О политотделах дивизий еще речь не шла. По этому приказу политотделы создавались для ведения политической, партийной и культурно-просветительской работы в Красной Армии и среди населения. Но жизнь шла впереди приказов и инструкций. Первые политотделы были созданы товарищем Сталиным под Парижем еще летом 1918 года. Для этого периода имеются сведения о существовании политотдела при штабе северо-урало-сибирского фронта (организован 20 июля 1918 года)<sup>1</sup>. Несколько позже создается политотдел III армии, а также и в ряде других армий. Политотделы очень быстро распространяются по всем армиям. В августе — сентябре 1918 года политотделы существовали уже во всех дивизиях III армии<sup>2</sup>. Заведующий политотделом IX армии сообщал в ноябре 1918 года, что во всех дивизиях армии, за исключением двух, существуют политотделы<sup>3</sup>.

Политотделы начали складываться как подсобный аппарат военных комиссариатов дивизии. При военном комиссаре 2-й бригады 8-й стрелковой дивизии к 1 января 1919 года был организован культурно-организационный отдел, который являлся зачаточной формой политотдела<sup>4</sup>. В январе 1919 года были опубликованы штаты политотделов дивизий на южном фронте (приказ № 119 от 30 января 1919 года).

В начале 1919 года политотделы существовали почти во всех дивизиях. Но они не всегда руководили партийной работой. Их функции зачастую ограничивались руководством культурно-просветительской и политической работой. Рядом с политотделами часто существовали дивизионные партийные комитеты, а иногда и армейские, которые пользовались большими правами и нередко стояли над политотделами. Они и брали на себя руководство партийной работой.

В конце 1918 года существовал ЦК коммунистов V армии, пользовавшийся большими правами. Он находился при политотделе армии и являлся органом, объединяющим всех коммунистов и сочувствующих армии<sup>5</sup>.

Партийные комитеты в армии вскоре были ликвидированы, точно так же как и коллегиальное управление в политотделах. Первое положение о политотделах дивизий появилось 22 января 1920 года,

когда политотделы существовали уже во всех дивизиях.

Линия партии на создание регулярной армии и крепкого партийно-политического аппарата в ней встретила отчаянное сопротивление со стороны дезорганизаторов из лагеря «левых коммунистов». Стремясь сорвать укрепление Красной Армии, погубить пролетарскую диктатуру, «левые коммунисты» отставали комитеты, партизанщину, выборность командного состава и т. п. Они выступали против создания регулярной Красной Армии, против использования военных специалистов, против той железной дисциплины, без которой не может существовать настоящая армия. Они кричали о необходимости расширения прав партийных организаций и коллегиальности в армии, в то время как условия требовали обратного. Они выступали против соблюдения дисциплины, знаков различия, приветствия начальников и т. п. «Левые коммунисты» составили основное ядро «военной оппозиции», выступившей на VIII съезде РКП(б). Под влиянием «левых коммунистов», а также в силу привычки перестройки партработы в армии встречала противодействие среди отдельных коммунистов — армейских работников, — среди отдельных парторганизаций.

На I конференции коммунистических ячеек армий западного фронта (2—5 марта 1919 г.) ряд делегатов резко критиковал ту часть инструкции ЦК коммунистическим ячейкам РККА, в которой руководящая роль по отношению к ячейкам отводилась комиссарам. Конференцией была даже принята резолюция, которая в наше время звучит анекдотически: «пп. 20 и 21 инструкции для комячеек отменить»<sup>6</sup>. Эта резолюция весьма показательна. Она напоминает о недисциплинированности отдельных коммунистов и партийных организаций того времени, она показывает, что часть коммунистов еще не понимала принципов строительства нашей партии и особенностей партийного строительства в Красной Армии.

Троцкий и его ставленники противодействовали с другого конца созданию сильной, организованной, классовой, Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Троцкисты слепо преклонялись перед военными специалистами и, следуя их указке, нарушали классовый принцип строительства армии, тормозили подготовку резервов и своевременную переброску подкреплений, вносили в работу военного аппарата хаос и дезорганизацию, саботировали указания Ленина и Сталина. Троцкисты враждебно относились к старым большевикам, к партийным организациям и к армейским ра-

<sup>1</sup> ЦАКА, ф. 185, оп. 2, д. 594, лл. 2—3.

<sup>2</sup> Там же, л. 6.

<sup>3</sup> ЦАКА, д. 201—423, л. 6.

<sup>4</sup> ЦАКА, ф. 201, оп. 2, д. 689, л. 25.

<sup>5</sup> ЦАКА, ф. 185, оп. 2, д. 22, лл. 16—17.

<sup>6</sup> ЦАКА, д. 199—73, лл. 62—91.

ботникам. Они игнорировали их сигналы и предложения, мешали строительству партийных организаций и политаппарата. Больше того: Троцкий пытался расстрелять целый ряд неугодных ему ответственных военных коммунистов-фронтовиков, действуя этим на руку врагу. Только вмешательство Центрального Комитета партии предотвратило гибель этих товарищей.

Товарищ Сталин в докладе о причинах падения города Перми в 1918 году подверг жесточайшей критике деятельность Троцкого. Товарищ Сталин писал, что троцкийский Всероссийский штаб в формировании частей «целиком перенял систему формирования периода царизма» и игнорирует классовый принцип формирования, что он воюет без резервов, формирует громоздкие дивизии и т. д.<sup>1</sup> Товарищ Сталин подверг также критике преступное поведение главнокомандующего Реввоенсовета и требовал реорганизации последнего и решительного улучшения работы центральных военных учреждений. Товарищ Сталин в августе 1918 года в письме к Ленину из Царицына критиковал отрядную систему строительства армии, партизанщину и недисциплинированность, подчеркивая, что «положительной стороной Царицынско-Гапунского фронта надо признать полную ликвидацию отрядной неразберихи и своевременное удаление так называемых специалистов (больших сторонников отчасти казаков, отчасти англо-французов), давнее возмозможность расположить к себе воинские части и установить в них железную дисциплину»<sup>2</sup>.

Товарищ Сталин твердой рукой положил конец существовавшей на царицынском фронте неразберихе и создал там подлинно регулярные, дисциплинированные красноармейские части, служившие потом образцом для всей Красной Армии. Вспомня успехи, достигнутые Красной Армией южного фронта, товарищ Сталин говорил: «В чем же сила нашей армии? Почему она так метко бьет врагов? Сила нашей армии в ее сознательности и дисциплине. Сознательность и пролетарская дисциплина — одна из причин нашего успеха на южном фронте»<sup>3</sup>.

Точно так же и на пермском участке товарищ Сталин реорганизовал части, подобрал преданных и опытных командиров и комиссаров, изгнал из армии кулаков

и ненадежных офицеров, создал партийные организации и политорганы, влил в части коммунистов в качестве рядовых бойцов, ввел железную дисциплину, создал централизованный аппарат управления армий. Все эти мероприятия обеспечили быстрое восстановление деморализованных частей III армии восточного фронта и перелом в нашу пользу.

Мероприятия, проведенные товарищем Сталиным, и его предложения в связи с ликвидацией пермской катастрофы легли в основу резолюции VIII съезда партии по военному вопросу и в основу перестройки всей Красной Армии.

Год строительства Красной Армии показал, что под руководством партии, благодаря ее неустанной заботе, вооруженные силы страны значительно окрепли: были созданы центральные и местные органы комплектования, формирования и руководства армией, добровольческие отряды превращались в полки, дивизии и армии, состоящие из бойцов, призванных по мобилизации, созданы были командные курсы, подготовившие командиров из среды рабочих и крестьян.

Партия создала и укрепила партийные организации и политаппарат в армии.

Уже эти первые мероприятия партии обеспечили оппор германским интервентам, разгром чехословацких и иных контрреволюционных мятежников, банд Краснова и других белых генералов, обеспечили второе триумфальное шествие советской власти (конец 1918 г. — начало 1919 г.). Но партия на этом не успокаивалась. Она не забывала о капиталистическом окружении, она помнила о стоящих перед ней новых задачах в деле дальнейшего укрепления рядов Красной Армии.

Ближайшая задача партии заключалась в том, чтобы обобщить накопленный опыт и, опираясь на достигнутое, наметить дальнейшие пути строительства и укрепления Красной Армии и ее партийно-политического аппарата. Задача партии заключалась в том, чтобы окончательно разбить установки «левых коммунистов» и троцкистов, мешавшие дальнейшему укреплению вооруженных сил страны. Эту задачу выполнил VIII съезд РКП(б). Резолюция VIII съезда РКП(б) по военному вопросу нанесла сокрушительный удар по «левым коммунистам» и троцкистам, положила конец остаткам отрядной неразберихи и недисциплинированности, дала партии генеральный план строительства вооруженных сил Советской социалистической республики.

<sup>1</sup> Ворошилов К. «Сталин и Красная Армия», стр. 82. М. 1937.

<sup>2</sup> Там же, стр. 44.

<sup>3</sup> «Известия ВЦИК» № 287 от 30 октября 1918 года.

## НЕМЕЦКИЕ ИНТЕРВЕНТЫ В ДОНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1918 ГОДУ

*Н. Трусова*

23 года назад немецкие империалисты попытались задушить молодую тогда Советскую республику и превратить русский, украинский, белорусский и другие народы нашей страны в своих колониальных рабов. 18 февраля 1918 г. немецкая оккупационная армия в несколько сот тысяч человек лавиной обрушилась на города, села, станции Советской республики, неся смерть и разрушение. За войсками немецких интервентов хлынула армия русских капиталистов, помещиков, выброшенных революционными рабочими и крестьянами из насиженных гнезд и поместий. Помещики, фабриканты, приободренные присутствием вооруженной силы интервентов, как стервятники набросились на рабочих и крестьян, мстя за перенесенное унижение. Тысячами горели крестьянские избы. У крестьян отнимали последнюю корову, последний пуд хлеба.

1 марта германцы заняли Киев. 14 марта австрийцы захватили Одессу. В апреле 1918 года немцы занимали уже города Донецкого бассейна.

Революционные красные отряды оказывали интервентам героическое сопротивление, мужественно, бесстрашно сражаясь за каждую пядь родной советской земли.

Огромную работу по организации армии для борьбы с немецкими оккупантами и белоказаками предал тов. Ворошилов.

В момент опасности, нависшей над родиной, тов. Ворошилов обратился с горячим призывом к рабочим Донбасса и трудовым крестьянам.

«Грозный час настал, — писал Ворошилов в своем воззвании от 5 марта 1918 года к рабочим Донецкого бассейна, — немецкие белогвардейцы под ликующий вой российской буржуазии двинулись на нашу дорогу, нашей собственной кровью омывтую, Российскую советскую федеративную социалистическую республику. Нашей революции, нашим завоеваниям грозит смертельная опасность. Немецкая буржуазия идет спасать буржуазию российскую. Меж-

дународный капитал ставит своей целью задушить международный пролетариат, а для этого буржуазии необходимо во что бы то ни стало раздавить, уничтожить красный социалистический пролетариат России. Товарищи! В нас самих решение своей судьбы. От нас зависит спасти свою социалистическую родину и тем самым ускорить международную начавшуюся социалистическую революцию. Враг еще силен и движется по всем направлениям. Нашему Донецкому бассейну грозит непосредственная опасность со стороны Киева, где уже воцаряются немецкие банды под руководством Шетлюр, Винниченко и прочих предателей украинского народа. Товарищи! Все, кому дороги идеалы пролетариата, все, кто ценит пролитую кровь наших братьев за освобождение России, все, кому дорог международный социализм, освобождающий человечество, все до единого — к оружию!

С оружием в руках стройными железными рядами ударим на врагов труда, на трутней, на белогвардейцев немецких, великорусских и украинских. За нами правда! В нас сила! Мы победим!

Да здравствует святая беспощадная борьба с вековыми угнетателями...»

Отряды рабочих были полны ненависти к оккупантам и решимости борьбы с ними, но не хватало выучки, оружия, не было единого плана действия. Под натиском вооруженных до зубов полчищ немецких оккупационных войск красные отряды, героически сражаясь, временно отступали. В городах, селах, станицах, захваченных немецкими оккупационными войсками, интервенты уничтожали советы, устанавливали власть немецких комендантов и контрреволюционных атаманов. Тотчас же по захвате территории немцы организовывали «заготовительные продовольственные бюро» и с помощью оружия, путем жестокой расправы над трудовым населением, отнимали у крестьян хлеб, скот, фураж, отправляли в

Германию десятки и сотни вагонов, нагруженных топливом, продовольствием, фуражом, металлом.

Немецкие империалисты вооружали белогвардейцев, помогали им в их зверских расправах над советским народом.

В белогвардейской газете «Донской край» от 22 мая 1918 года читаем:

«...Ставица Казакская. Власть большевиков свергнута... немцев нет, но связь с ними имеется. В обмен на хлеб они вооружают станицы — 2 меры зерна за ружье. 10 мер зерна за пулемет»<sup>1</sup>.

«...Немцы на ст. Чертково выдают казакам оружие русского образца, пленных отправляют в Чертково...»

«Один из большевистских главарей Бенедиктов по слухам находится под арестом; немцы предлагают за него 1½ млн. винтовок...»<sup>2</sup>.

В марте интервенты были уже у Лисок. Колонны оккупационных войск двигались со стороны Харькова на Лиски, из Екатеринослава на Дебальцево, Звереве и Таганрог. 29 (16) апреля оккупанты заняли Чертково, расположенное в 200 верстах севернее Новочеркасска.

Две другие группы немецкой оккупационной армии двигались на Дон со стороны Бахмута на железнодорожный узел Звереве—Лихая и на Ростов.

6 мая после упорных, кровопролитных боев белогвардейцы заняли Новочеркасск.

Расправа над красногвардейцами и революционными рабочими была невероятно жестокой. В роли вешателя рабочих выступил белогвардейский полковник Денисов. «...Приказывало, — писал он в одном объявлении, — самым беспощадным образом усмирять рабочих, расстреляв, а еще лучше повесив на трое суток десятого человека из всех пойманных. Широко объявить по всем заводам, что шутки с казакми кончены и пощады никакой. Ни слезы, ни стоны не спасут от законом положенного наказания»<sup>3</sup>.

Заняв Новочеркасск, белоказаки бросили авангард и конницу в сторону Ростова. Наступление велось вместе с немецкими частями. Бой за город шел целый день. Помимо организованных частей Красной Гвардии, латышских стрелков и матросов гвардейского экипажа большевикам помогали рабочие, крестьяне близлежащих округов. К вечеру 4 мая Ростов и часть Нахичевани были захвачены белогвардейцами, но уже на следующий день, в 6 часов утра, с севера к революционной армии подошло подкрепление.

Красные части дрались мужественно и самоотверженно. Ростов необходимо было удержать во что бы то ни стало, чтобы успеть перебросить за Дон, в Батайск, весь подвижной состав, эвакуировать все ценное для революционных армий имущество, сохранить военное снаряжение, боеприпасы, артиллерию.

6 мая генерал Шербачев снова повел наступление на Нахичевань со стороны Салов, а со стороны Синявской и Мокрого Чалтыря на Ростов повела наступление немецкая пехота. Несмотря на жестокий огонь оккупантов и белых, их атаки были отбиты и эвакуация эшелонов из Ростова в сторону Батайска продолжалась.

С рассветом 7 мая, подтянув свои главные силы, немцы и белые под прикрытием ураганного огня вновь перешли в наступление. Измотанные непрерывными трехдневными боями и численно превосходящей армией немцев и белоказачков, красные части вынуждены были оставить Ростов.

8 мая (25 апреля) части германской пехоты 1-го армейского корпуса с запада и белоказаки с востока заняли Ростов.

В Ростове установилась власть двух комендантов: немецкого и белоказачьего.

На следующий день, 9 мая (26 апреля), по улицам Ростова было расклеено воззвание за подписью коменданта Ростова и Нахичевани немецкого полковника Фромма:

«С сегодняшнего дня власть в городах Ростове и Нахичевани-на-Дону перешла в руки германских войск... Мы вас предупреждаем оставить всякую агитацию против германского начальства и спокойно приступить к работе на рудниках, фабриках и полях, причем вы находитесь под защитой германских войск.

Все, которое будет мешать ходу нормальных работ, портить железные дороги, телеграфы, телефоны, разрушать сооружения, рудники и заводы и всякие предприятия, красть уголь и другие материалы, или своей плохой работой уничтожать старания благожелательных лиц, будут преследоваться со всей строгостью, вплоть до применения в необходимых случаях военной силы. Германские войска и охрана в случаях преступной деятельности разных лиц имеют приказ немедленно применять оружие...»

Большие силы немецких интервентов и белоказачков были брошены для захвата города Александровска-Грушевска. Генерал Попов больше пяти раз составлял план захвата города. Но каждый раз белоказачки отступали с большими потерями. Рабочие города оказывали белобандитам отчаянное сопротивление. Упорно и храбро дрались рабочие за каждую шахту.

<sup>1</sup> «Донской край» № 27 от 22 мая 1918 года.

<sup>2</sup> Там же № 17 от 13 мая 1918 года.

<sup>3</sup> Центральный архив Красной Армии (ЦАКА), д. 129—373, л. 109.

Сопротивление шахтеров, окруженных со всех сторон немецкими войсками и конными и пехотными частями белоказаков, было сломлено только 11 мая (28 апреля).



Захватив с помощью немецких интервентов часть Донской области, белогвардейцы, кулаки, чиновничество и верхушка зажиточного казачества, организованные в так называемый «круг спасения Дона», выбрали себе атаманом генерала Краснова и передали ему всю полноту власти.

Основным пунктом экономической программы атамана Краснова были реставрация капитализма, возвращение заводов, фабрик капиталистам и земли — донскому дворянству и кулакам. Для рабочих Краснов установил рабские условия труда и жизни, для крестьян — прежнее безземелье, нищету и бесправие.

В первый же день своего избрания атаманом Краснов написал письмо немецкому императору Вильгельму, в котором холопски униженно просил поддержки, обещал всячески помогать немецким интервентам в их грабительских планах на Украине и Дону.

Краснов просил у Вильгельма признать Войско донское самостоятельной республикой, управляемой законами, которые, подчеркивал Краснов, представляют собой почти точную копию законов бывшей Российской империи. Краснов просил Вильгельма о помощи оружием, снарядами, взамен чего предлагал установить правильные торговые отношения между Донским войском и Германией, т. е. помочь кайзеровской Германии грабить донскую землю.

Помощь испрашивалась Красновым в покорных и льстивых выражениях. «...Я буду рад видеть в Ростовском и Таганрогском округах дружественные нам германские войска, столь храбро помогающие нам в нашей борьбе против общего врага человечества — большевиков, — писал Краснов Вильгельму. — Счастлив поздравить Ваше превосходительство с громкими победами императорских и королевских войск на Западе и в Таганроге. Я лично имел возможность убедиться в храбрости и стойкости германских войск, сражаясь под Кудявкой в марте 1916 г. и под Железницей и Хукошккой Волей в сентябре 1915 г., где мои казаки и германская пехота и кавалерия научились взаимно уважать друг друга...»<sup>1</sup>

«...Личное нас теперь благородной помощью германского на-

рода задержит освобождение Донской области от ига большевизма, а также отсрочит устройство самостоятельного Юго-восточного союза, который никогда не забудет помощи, оказанной ему германцами...»<sup>2</sup>.

21 (8) мая с атаманом Красновым имела свидание и длительную беседу немецкая делегация, посланная генералом фон Киперцером. Представители немецкого империализма и мятежный генерал договорились, как действовать, чтобы легче и удобнее было грабить Донскую область.

В начале июня 1918 года фельдмаршал Эйхгорн<sup>3</sup> прислал к атаману майора Стефани и через него передал согласие германских властей завязать «деловые отношения» с Доном.

14 июня в Новочеркасск приехал германский генерал фон Арним вместе с начальником штаба майором Шлейницем. 27 июня в Ростов прибыл немецкий офицер фон Кокенгаузен, официально назначенный для ведения переговоров с донским атаманом, неофициально — для постоянного наблюдения за действиями атамана и его правительства. Генерал фон Арним был назначен командующим войсками, и военные планы и действия Краснова не только не были для него секретом, но составлялись по его указке. Кайзеровские оккупанты считали атамана Краснова своим агентом и слугой, и Краснов подтвердил это в первый же день своего атаманства, издав следующий приказ к населению Донской области:

«Приказ № 1. Новочеркасск 4/17—V 1918 г.

...Вчерашний внешний враг, австро-германцы, вошли в пределы войска для борьбы, в союзе с нами, с бандами красногвардейцев и водворения на Дону полного порядка. Я требую, чтобы все воздерживались от каких бы то ни было выходов по отношению к германским войскам и смотрели бы на них так же, как на свои части...»<sup>4</sup>.

В письме к Вильгельму от 28 июня Краснов снова писал, что донские казаки ведут борьбу с советской властью, и что «молодому государственному организму», каким является «Донское войско», трудно существовать одному, и что он просит помощи.

Краснов всепокладнейше просил Вильгельма признать прежние границы «Все-великого Войска Донского» и вернуть Дону

<sup>2</sup> ЦАОР, ф. 1261, ОИД, оп. 1, д. 10, л. 12.

<sup>3</sup> Эйхгорн — фельдмаршал, главнокомандующий германскими оккупационными войсками на Украине в 1918 году.

<sup>4</sup> См. ЦАКА, д. 12—742, л. 28.

<sup>1</sup> Центральный архив Октябрьской революции (ЦАОР), ф. 1261, д. 42, л. 9—10.

Таганрог, а также «содействовать присоединению к области по стратегическим соображениям городов Камышина и Царицына, Саратовской губернии, и города Воронежа и станции Лиски и Поворино». Краснов писал, что «молодому государственному организму» в борьбе с советской властью нужны орудия, ружья, боевые припасы и инженерное имущество. Краснов просил интервентов устроить в пределах Войска донского оружейный, ружейный, снарядный и патронный заводы.

«За услугу Румынского императорского величества, — писал Краснов, — ... В все великое Войско Донское предоставляет Германской империи права преимущественного вывоза избытков за удовлетворением местных потребностей хлеба, зерном и мукой, кожаных товаров и сырья, шерсти, рыбных товаров, растительных и животных жиров и масла и изделий из них, табачных товаров и изделий, скота и лошадей, вина виноградного и других продуктов садоводства и земледелия, взамен чего Германская империя доставит сельскохозяйственные машины, химические продукты и дубильные экстракты, оборудование экспедиции заготовления государственных бумаг с соответствующим запасом материалов, оборудование суконных, хлопчатобумажных и других заводов и электротехнические принадлежности.

Кроме того, правительство «Все великого Войска Донского» предоставит германской промышленности особые льготы по помещению капиталов в донские предприятия промышленности и торговые, в частности по устройству и эксплуатации новых водных и иных путей».

Таким образом, Краснов отдавал все богатства Донского края на разграбление немецким захватчикам. Это письмо Краснов послал в Берлин для личной его передачи Вильгельму.

«Послы» Краснова к Вильгельму допущены не были, но после восьмидневного околачивания порогов и униженных пресмыкательств пезадачливых «послов» принял генерал Людендорф. Генерал объяснил им, что официально ввиду достигнутого на основании брестского договора соглашения с советским правительством Германия не может вооружать Дона и расширять и укреплять его границы, но неофициально «кое-что сделать представляется возможным». Немецкий империализм оставался

верным себе, как обычно ведя двойную и подлую игру. Подписав договор с советским правительством, Германия обязана была прекратить военные действия против Советской России, но она этого не сделала и продолжала борьбу. Немецкие интервенты воевали с Советской страной руками белоказаков атамана Краснова, которого они вооружали и всячески поддерживали.

Один немецкий офицер в разговоре об отношении кайзеровской Германии к Советской России сказал: «Хотя Германия и заключила официальный договор с Советской Россией, неофициально она может выразить живейшее пожелание в скорейшей и окончательной победе над большевиками, в целях умиротворения края и введения в нем законного порядка и твердой власти...»<sup>1</sup>.

Немцы поддерживали не только атамана Краснова, но через него снабжали оружием «добровольческую» армию генерала Деникина, также боровшуюся против советской власти.

«На обязанности Войска Донского лежала еще нравственная обязанность помогать снаряжением добровольческой армии. Командование добровольческой армии просило Донское войско получить снаряжение и боевые припасы от немцев и та их долю, и Войску Донскому пришлось снабжать добровольческую армию снарядами, патронами и оружием, добываемым от германцев. Германцы знали это. Они закрывали глаза на то, что, минуя посты в Батайске, грузовые автомобили с патронами шли на Куцевку, а оттуда отправлялись с поездами на Тихорецкую»<sup>2</sup>.

Представители германского командования в оккупированной области, кайзеровские голворезы генерал фон Арним, капитан фон Шлейниц, майор фон Бохенгаузен в беседе на «общеполитические темы» с полковником Краснова Измайловым<sup>3</sup> высказали даже надежду на то, что новая монархическая Россия, за которую они борются, зародится именно тут, на Дону. «Реальная поддержка монархических начинаний: финансовая им помощь, политическое покровительство, снабжение оружием и боевыми припасами налицо... — писал полковник Измайлов. — Наш Дон положительно становится фаворитом и баловнем

<sup>1</sup> Деникин «Очерки русской смуты». Т. III, стр. 238.

<sup>2</sup> ЦАКА, д. № 13—828, л. 18, из полевой книжки белого офицера.

<sup>3</sup> Измайлов — полковник, потом генерал — представитель донского правительства при германском командовании в Ростове на Дону.



германских «нянюшек» в том, конечно, расчете, что вооруженное германцами казачество... возглавляемое бывшими офицерами русской императорской гвардии, вполне способно составить то ядро, объединяющее монархически настроенные элементы России, вокруг которого завяжется и вырастет будущее ветвистое и достаточно сильное духовно и материально русское царство, будущий добрый сосед, союзник германской монархии и ярый противник демократических стран всего мира»<sup>1</sup>.

Германские захватчики чувствовали себя на Дону полными хозяевами.

Они грабили Дон с помощью Красновых.

Донское «правительство» разрешило немецкому командованию закупить и вывезти в Германию весь запас шерсти, находившийся в Ростове и Нахичевани. Шерсть в то время продавалась по цене больше чем 700 рублей за пуд. Краснов условился с германскими оккупантами, что последние закупят всю шерсть по 305 рублей за пуд. Краснов обязался в случае, если продавцы не согласятся продать шерсть по указанной цене, реквизировать ее и передать немцам бесплатно<sup>2</sup>.

Донское «правительство» Краснова заключило с немцами договор на поставку германо-австрийско-венгерскому центральному бюро в течение года от 75 до 100 тысяч голов крупного рогатого скота живым весом, не менее 20 пудов каждая голова. По договору, поставка эта должна была производиться в равных ежемесячных количествах, от 6 до 8 тысяч голов скота в месяц<sup>3</sup>.

В занятых немцами районах были расклеены объявления, в которых крестьянам, живущим в данном районе, приказывалось продавать хлеб и съестные припасы только немцам, по ценам, установленным самими немцами. За неисполнение этого распоряжения крестьяне подвергались наказанию, порке или расстрелу. Сжигались целые поселки и хутора. Командир сводного Николаевского казачьего полка в своем рапорте от 14 июня 1918 года писал: «Германскими войсками, расположенными в ст. Ново-Николаевской в селах Таганрогского округа, реквизируется хлеб и продукты не только для довольствия германских войск, оперирующих в Донской области, но и реквизируется хлеб для отправки из пределов Донской области в Германию. На берегу Азовского моря в хуторе Безыменском, станице Ново-Николаевской германским обозным парком заняты конторы и амбары местного

купца-казака А. Н. Козлова, куда и ссыпается реквизируемый хлеб для отправки морем. Каждому германскому солдату предоставлено право отправлять на родину в Германию посылку в 20 фун. еженедельно, и германский солдат широко пользуется предоставленным ему правом: покупает яйца, масло, крупу, сало и др., все это запаковывает в почтовые ящики и отправляет к железной дороге по направлению ст. Успенская. Из порядка расквартирования германских войск и их действий видно, что они готовятся к хлебным операциям в Таганрогском округе, чтобы забрать весь хлеб нового урожая. Поведение германских солдат в Таганрогском округе по отношению к жителям далеко не дружественное; они дают чувствовать, что германцы победители, а мы побежденные; германский солдат бесцеремонно обращается с жителями, забираясь самовольно в жилища, занимает помещения, не считаясь совершенно с хозяевами, требуя от них всех благ жизни, под угрозой расправиться оружием; скупщики хлеба и продуктов, германцы требуют под угрозой снести в указанное место определенное ими количество продуктов, назначая при этом самую низкую цену. Кроме того немцы берут самовольно сено, не платя денег»<sup>4</sup>.

Из рапорта начальника милиции Малчевско-Полнинской волости, Донецкого округа, видно, что немцы производили возку и молотьбу крестьянского хлеба, причем забирали не третью часть (согласно приказу по Всеволодскому Войску донскому № 181 от 5 июня), а половину урожая. На протест начальника красновской полиции немецкий офицер через переводчика заявил, что немецкие солдаты производят возку и молотьбу по распоряжению германского правительства, а донского они не признают. Германский офицер пригрозил арестом в случае, если кто будет агитировать против германских властей<sup>5</sup>.

Помимо вывоза с Дона продуктов питания немецкое командование организовало вывоз угля, железа, металлического лома, спирта и других предметов.

Нижеприводимое письмо начальника штаба 7-й ландверной дивизии оккупационных войск атаману Краснову от 5 июня 1918 года красноречиво свидетельствует о положении атамана и его полной зависимости от интервентов: «По поручению генерала от кавалерии фон-Кнерпера, считаю своим долгом довести до сведения Вашего превосходительства следующее: во

<sup>1</sup> ЦАОР, ф. 1261, оп. 1, д. № 91, л. 40.

<sup>2</sup> ЦАОР, ф. 1261, д. № 21, л. 59. См. доклад председателя доно-германской комиссии Измайлова.

<sup>3</sup> ЦАОР, ф. 114, ОИД, д. № 1—2, л. 228.

<sup>4</sup> ЦАОР, ф. 1261, ОИД 1—101, л. 37. 1918 год.

<sup>5</sup> ЦАОР, ф. 1261, ОИД 1—13, л. 79. 1918 год.



вчерашнем, имевшем место в Ростове, заседали по урегулированию вопросов вывоза не было достигнуто соглашения.

7-ая ландверная дивизия отклонила, согласно моему поручению, права одностороннего регулирования вывоза генералом Семеновым, на котором настаивал последний, и со своей стороны предложила передать регулирование всего вывоза из Ростовского округа в руки особой смешанной комиссии. Это предложение было отклонено. Я считаю такой порядок единственным основанием, на котором в свое время может установиться торговый обмен между Германией и Донской областью, а на единоличный контроль ген. Семенова не могу смотреть иначе, как на акт, направленный против нас. Едва ли будет признано Вашим превосходительством желательным, если мне придется отменить распоряжения генерала Семенова, — я прошу Ваше превосходительство сообщить мне не позднее 7-ми часов вечера 6 июня, а также оповестить город Ростов, что распоряжение, которое ставит право на вывоз исключительно в зависимости от разрешения генерала Семенова, отменено Вашим превосходительством и что взамен этого будет образована смешанная комиссия, которая и будет регулировать весь вывоз из Ростовского округа.

В противном случае я сам обнаружю отмену этого распоряжения и приму соответствующие меры для защиты торговых интересов центральных держав и г. Ростова... За ген. от кавал. фон-Кнерцера барон фон-Шлейниц, офицер генерального штаба»<sup>1</sup>.

Требование фон Кнерцера было, конечно, немедленно удовлетворено.

В занятых городах немецкие оккупанты немедленно захватывали в свои руки телеграф и почту.

Переговоры по прямому проводу не допускались без особого на то разрешения немецких офицеров.

Немцы строго следили за печатью, выходившей на Дону. Газеты, издававшиеся в 1918 году в Донской области, были целиком на службе немецких интервентов.

«В Войске Донском, — писал атаман, — объявлена свобода печати. Однако наблюдение за тем, чтобы ничего неприязненного по адресу Германии не помещалось — имеется»<sup>2</sup>.

За статью, напечатанную в газете «Приазовский край» без разрешения германской комендатуры, ростовский градоначальник наложил на газету штраф<sup>3</sup>.

За проявленное Красновым усердие он

даже получил благодарность немецкого генерала: «Мы очень признательны за внимание, оказанное его превосходительством Красновым... особенно за приказ о подавлении пропаганды устной и в печати против германцев»<sup>4</sup>, — писал фон Кнерцер.



Грабя богатства оккупированных областей, интервенты очень боялись развития революционного движения, выступлений против немецких захватчиков. Коротка и беспощадна была расправа интервентов с рабочими и крестьянами, ведущими борьбу против интервенции и белогвардейщины. Объявлениями о казнях рабочих цестрели стены домов и заборов в городах и станциях, занятых немецкими палачами.

В постановлении командующего 1-м армейским корпусом немецких оккупационных войск генерала Менгельбира, который называет рабочих не иначе, как «противоправительственными элементами», мы видим прямой призыв к разгрому рабочих организаций и к физическому истреблению революционных рабочих.

«1. Воспрещается всякого рода собрания, — писал Менгельбир 7 июня 1918 года, — собрания как на улицах, так и в общественных местах, беспричинное прекращение работ, равно как и повреждение или разрушения перевозочных средств и учреждений, ведающих ими, вообще всякое действие, нарушающее всякую тишину и безопасность.

2. Виновный в нарушении постановления § 1 присуждается к каторге или к тюремному заключению на срок не менее 3 лет, а при смягчающих обстоятельствах — тюремному заключению на срок не менее 6 месяцев.

3. Лица, виновные в подстрекательстве рабочих к забастовке или к насилию против правительства, или же разрушению либо повреждению железных дорог или перевозочных средств, в особенности агитаторы, призывающие к собраниям для этих целей, подвергаются смертной казни.

4. Это постановление вступает в силу немедленно.

Командир 1 армейского корпуса генерал-лейтенант Менгельбир»<sup>5</sup>.

Германские полевые суды выносили смертные приговоры и немедленно приводили их в исполнение. Попады не было ни молодым, ни старым. Не всегда сообщались даже имена расстреливаемых и повешенных, а если писались объявления о казни, — они были очень коротки:

<sup>1</sup> ЦАОР, ф. 1261, д. № 1, л. 11.

<sup>2</sup> ЦАОР, ф. 1261, д. № 1, л. 105.

<sup>3</sup> Газета «Вечернее время» № 22 за 1918 год. Новочеркасск.

<sup>4</sup> ЦАОР, ф. 1261, ОИД, д. № 1—15.

<sup>5</sup> ЦАОР, ф. 1261, оп. 1, д. № 10, л. 56.

## «Объявление».

Германским полевым судом 24 июня 1918 г. жители города Харькова Прокофий Пономаренко, Николай Миросныченко приговорены к смертной казни через расстрел, потому что они еще 15 мая, 1 июня и 5 и 6 июня сего года производили разбойные нападения.

Приговор сегодня приведен в исполнение<sup>1</sup>.



За хлеб, скот, шерсть Краснов получал от немцев оружие и деньги для ведения войны с советской властью.

Вот один из многочисленных договоров, заключенных атаманом Красновым с интервентами. Обязательство дано немцами в компенсацию за поставку донским правительством шерсти:

«1. Представители германского командования 7-й Вюртембергской ландверной дивизии обязываются предоставить правительству Всевеликого Войска Донского, сдав в г. Ростове 15 миллионов штук русских винтовочных патронов, сто тысяч штук 39-дюймовых артиллерийских снарядов и десять тысяч штук 6-дюймовых артиллерийских снарядов.

2. Представители германского командования 7-й Вюртембергской ландверной дивизии обязуются оказать самое полное содействие к доставлению правительству Всевеликого Войска Донского получаемых от Украины предметов военного снабжения (штандартского, инженерного, артиллерийского, санитарного)»<sup>2</sup>.

Вначале Краснов за одну немецкую винтовку с 30 патронами платил пуд ржи или пшеницы. Цены на предметы военного снаряжения колебались в зависимости от прочности политического положения Германии. В конце августа и сентябре за винтовочный патрон Краснов платил 20 копеек, патрон (унитарный) легкого полевого орудия — 40 рублей, такой же патрон тяжелого орудия — 50 рублей. При последних передачах вооружения, в ноябре, часть снарядов удалось получить бесплатно, а винтовочные патроны оплачивались менее чем по копейке за штуку<sup>3</sup>.

В Таганроге, Лихой, Чертыкове, Луганске, Бахмуте были образованы склады оружия с десятками тысяч винтовок, с большим числом пулеметов и орудий. Пополнение их производилось постепенно, по мере прибытия оружия.

За закупку по льготным ценам шерсти в Донской области и за вывоз этой шер-

сти в Германию Краснов, по словам полковника Герасимова, получил от немцев 200 орудий, 10 тысяч ружей, 2 миллиона патронов, 100 пулеметов<sup>4</sup>.

Только за первые полтора месяца своего атаманства Краснов получил от немцев для Дона, Кубани и «добровольческой» армии 11 651 трехлинейную винтовку, 46 орудий, 88 пулеметов, 109 109 артиллерийских снарядов, 11 594 741 ружейный патрон<sup>5</sup>.

С помощью немецких палачей, при их поддержке игрушечный атаман Краснов вырос в реальную угрозу советской власти.

Во времени занятия белоказаками Новочеркасска и вступления атамана Краснова в управление Войском донским вооруженные силы его армии состояли из 6 пехих и 2 конных полков при 7 орудиях и 11 пулеметах, саперного отряда полковника Фицхалаурова, одного конного полка в Ростове и нескольких небольших отрядов, разбросанных по всему войску.

В своих «мемуарах» Краснов писал, что к зиме 1918 года его донская белая армия с помощью немецких оккупантов достигла уже численности: 31 тысячи бойцов на фронте, 1282 офицеров, 79 пушек и 267 пулеметов; кроме того была создана молодая донская армия в составе 20 тысяч бойцов. Технические средства армии состояли из 68 самолетов, 14 броневых поездов, 3 броневых автомобилей, химического завода, имевшего 257 баллонов с удушливыми газами, 15 тысяч шапек, 450 самокатов, более 3 тысяч верст телеграфного и телефонного кабеля и с лишком 2 тысяч аппаратов<sup>6</sup>.



Политика немецких оккупантов и Краснова привела к тому, что в Донском крае, богатом хлебом, мясом, жирами, царил голод, безработица, спекуляция. Революционное движение трудящихся масс росло несмотря ни на какие репрессии. Бастовали железнодорожники, требуя передачи железнодорожной линии советской власти и ухода белоказачьих войск<sup>7</sup>.

Не прекращались забастовки на Русско-Балтийском заводе в Таганроге. «Волнения среди рабочих на Русско-Балтийском заводе принимают угрожающие размеры», — доносила комиссия Войскового округа по обороне<sup>8</sup>.

<sup>4</sup> ЦАОР, ф. 1261, д. № 21, л. 59.

<sup>5</sup> ЦАОР, ф. 114, оп. 2, д. № 5-а, л. 178.

<sup>6</sup> Краснов П. «Всевеликое Войско Донское», стр. 155.

<sup>7</sup> «Борьба» № 11 за 11 января 1919 года, стр. 2.

<sup>8</sup> ЦАОР, ф. 1258, оп. 3, д. № 199, л. 68.

<sup>1</sup> ЦАОР, ф. 1261, д. № 10, л. 54.

<sup>2</sup> ЦАОР, ф. 114, оп. 2, д. № 5-а, л. 178.

<sup>3</sup> ЦАОР, д. № 8, лл. 25—28. Доклад Измайлова.

«Крестьяне собирали по хуторам и станицам сходки, на которых выбирали себе советы крестьянских депутатов»<sup>1</sup>, и выступали против Краснова. Крестьяне не шли в белую армию, старались не давать хлеба, всячески помогали Красной Армии, агитировали казаков прекратить борьбу.

Росло революционное движение в рядах рядового казачества, обманутого Красновым.

Глухое недовольство казаков выразилось вначале в форме отдельных протестов против палочной дисциплины, мордобития и произвола, царивших в армии Краснова, и против грабежа и зверств покровителей Краснова — немецких захватчиков.

Казаки устраивали митинги, выносили резолюции о неподчинении Краснову, о желании воевать с Красной Армией. Казаки выбирали парламентаров и посылали их в части Красной Армии, через головы своих офицеров вели переговоры о перемирии.

Осень и начало зимы 1918 года — последние месяцы господства на Дону немецких интервентов и их ставленника атамана Краснова. Жестоко разгромленный X красной героической армией под Царицыном, Краснов не мог получить достаточной поддержки от немецких империалистов, дела которых к этому времени были также далеко не блестящими.

Героические победы Красной Армии на фронтах, выступления рабочих, трудящихся казаков и крестьян в оккупированных немцами областях разлагали оккупационные войска немецкого империализма, а ноябрьская революция в Германии закончила этот процесс.

«Правда» писала: «Революционное движение в Германии распространяется и на немецкие войска, расположенные на Украине. В них образуются повсюду советы солдатских депутатов, и солдаты начинают самовольно очищать Украину. Движение это началось сперва среди австрийской армии, но теперь перешло и на германскую. Целый ряд телеграмм извещает сегодня, что немецкие солдаты самовольно уходят из тех местностей, которые они занимали. На Дону немецкие солдаты требуют немедленной отправки их на родину. «Борнево» занято повстанцами. Вопедшие с ними в соглашение немецкие отряды уходят на запад. Из Могилева пишут: «Очищение немцами оккупированных ме-

стностей принимает стихийный характер. Солдаты неукротимо стремятся домой»<sup>2</sup>.

Первыми покинули Украину австрийцы. Их места пришлось занять германцам, для чего германцы вывели свои гарнизоны из Ростова и Таганрога.

В рапорте представителя донского белого «правительства» при командовании оккупационных войск в Ростове читаем: «В распоряжении германского командования уже в начале сентября появилась неуверенность, нервность и нелогичность. Войсковые части, находившиеся на территории Войска, снимались с мест и уходили, но не в назначенные сроки, а после колебаний и откладываний. Вместо них зачем-то появлялись новые части с тем, чтобы также уйти. В начале сентября ушла из района Кантемировка—Ровеньки 16-я ландверная дивизия.

1 сентября выехал из Ростова штаб 7-й ландверной дивизии. Между 10—20 сентября были отправлены части той же дивизии, замененные 2-мя батальонами 2-го резервно-запасного и 350-го резервного полков с полковником фон-Рекс во главе.

Во второй половине октября, однако, стали эвакуироваться и эти части. Место нового назначения их германцами тщательно скрывалось, но потом выяснилось, что они направились на балканский театр войны, куда, впрочем, доехать не могли, а задержались частью у нас на юге России, а частью в Румынии... Представитель германского командования майор фон-Бохенгаузен делал все, что мог, чтобы скрыть развивающуюся катастрофу, но истина вскоре сделалась очевидной, и, когда в начале ноября разразилась германская революция, он перестал играть в прятки... 2 и 3 декабря двумя эшелонами покинули Ростов последние германские воинские части»<sup>3</sup>.



Таким образом, планы немецких империалистов на захват Украины, Дона и других территорий потерпели крах. Потеряв свою армию, они позорно бежали из Советской России.

Русские рабочие, крестьяне, трудовые казаки, руководимые партией большевиков, поднявшись на отечественную войну против немецких захватчиков и их белогвардейских ставленников, разбили и изгнали вон их многотысячные и хорошо вооруженные армии.

<sup>2</sup> «Правда» № 250 от 19 ноября 1918 года. Статья «Германская революция и русский хлеб».

<sup>3</sup> ЦАОР, ф. 144, д. № 8, оп. 2, лл. 25—33.

<sup>1</sup> «Вечернее время» № 79 от 13 сентября 1918 года, стр. 4. Новочеркасск.

# ВЕКОВАЯ БОРЬБА ПОЛЬСКОГО НАРОДА С НЕМЕЦКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ

В. Пичета

## I

На протяжении столетий немцы являются исконным врагом польского народа. Они стремились использовать все средства, чтобы уничтожить польское государство, захватить польские земли и поработить польский народ.

Именно немецкие историки пустили в ход созданную ими же легенду о полной неспособности польского народа к государственному строительству и этим дали теоретическое оправдание захвата прусскими феодалами польских земель и той политики онемечения польского народа, которую немецкие бароны проводили в захваченных ими польских землях.

Германские фашисты, готовясь к нападению на польский народ, выступили с бредовой теорией, будто польское государство, как и все славянские, «создано немцами», будто Польша обязана только Германии своим историко-культурным и политическим развитием, будто Польша — страна больше германская чем славянская и что германский элемент был в ней господствующим с древнейших времен. Эта фашистская «теория» нашла яркое отражение в сборнике статей под общим заглавием «Германия и Польша»<sup>1</sup>, вышедшем в Германии после прихода к власти фашистов.

Эта фальсификаторская, жульническая книга вызвала протест польских историков. Ими был выпущен стенографический отчет дискуссии по поводу этой невежественной и оскорбительной для польского народа книги<sup>2</sup>.

Виднейшие польские историки, как проф. Кентржинский, М. Гандельсман, И. Уманский, выступили против фашистских фальсификаторов, отрицая за статья-

ми сборника какое бы то ни было научное значение.

Впрочем, среди польских историков нашлась небольшая группа предателей, которая в своей германской фашистской ориентации и в ненависти к русскому народу дошла до того, что отдала свой народ на «поток и разграбление» немецким фашистам. Наиболее махровым в этой группе польских историков является А. Брюкнер, профессор Берлинского университета.

Эти историки пошли на поклон к германским фашистским «ученым», порвав с традициями лучших представителей польской исторической науки, которые правильно считали пруссаков-германцев злейшими врагами польского народа.

Поддакивая фашистским германским историкам, польские историки фашиствующего лагеря прошли мимо лейтмотива немецкого исторического сборника — «о неполноценности» славяно-польских этнических элементов в их столкновении с «носителями высшей культуры» — с якобы расово полноценными «германо-арийцами».

Они предпочли забыть оскорбительные для национальной гордости славян слова изверга XX столетия Гитлера, что «славяне — самая низшая раса, и она на последнем плане среди европейских рас». Они забыли и о диких изречениях «философа» гитлеровской шайки убийц — балтийского белогвардейца А. Розенберга, который в своей подлой книге «Миф XIX столетия» писал, что в борьбе за существование, какую ведет германская нация, недопустимо считаться с поляками, чехами и тому подобными нациями, «столь же импотентными и ничтожными, как требовательными и нахальными». «Эти нации необходимо отбросить на восток, чтобы освободить земли, которые будут обрабатывать немецкие руки».

Польские фашистские историки, пресмыкаясь перед немецкими фашистами, всячески поддерживали созданную немец-

<sup>1</sup> «Deutschland und Polen». Berlin. 1933.

<sup>2</sup> «Niemcy i Polska. Dyskusja z powodu książki «Deutschland und Polen». Lwow. 1934.

кими фашистами легенду об исконности польско-германской дружбы. Дорогой ценой заплатил польский народ за предательскую деятельность польских сторонников гитлеровской Германии и их подпевал из «учебного» лагеря — А. Брюкнера, Вл. Студницкого, С. Войцеховского и др., которым польский народ не простит их предательской деятельности!

## II

Польская территория географически тесно связана с территорией, занятой восточными славянами. Бассейн реки Одры (Одера) связывается при посредстве ее притока Варты с Вислой, а последняя через Западный Буг, Припять сближается с Днепром. Весь район к востоку от Лабы представляет собой одно географическое целое, отделенное рекой Лабой от средне-немецкой низменности. Действительно, только один взгляд, брошенный на карту Европы, разрушает теорию «геополитиков» о якобы географическом единстве территории, занятой германскими племенами, с территорией западославянских польских племен.

Во второй половине X в. окрепло польское государство, связанное с именами Мешко I (960—992) и Болеслава Храброго (992—1025), при которых Польша стала сильным государством.

Польское государство, как и всякое государство, в том числе славянское, развивалось в итоге внутреннего развития — появления классового общества. Внешняя опасность со стороны германцев была важным фактором, содействовавшим его политической консолидации. Граница молодого польского государства на западе доходила до реки Одры, а на юге граничила с чехами. На севере, по правой стороне реки Вислы, Польша граничила с литовскими племенами пруссов, а по левой стороне той же реки — со славянским Поморьем.

Внешнеполитическое положение польского государства при Мешко I было крайне напряженным. Германские феодалы теснили полабских славян, пользуясь их разрозненностью. Германская агрессия угрожала и молодому польскому государству. Не имея достаточных сил выдержать натиск германских агрессоров, польский князь принял вассальную присягу германскому императору Оттону I и этим временно предотвратил возможность похода германских агрессоров на Польшу. Впрочем, сами германские феодалы пока примирились с вассалитетом Мешко, так как против германских феодалов восстали полабские племена лютичей и бодричей, отвлекшие все внимание и силы германских феодалов. Восстание было усмирено.

Германцы стали непосредственными соседями поляков. Борьба с которыми становилась неизбежной, так как германские агрессоры протягивали свои руки и к землям на восток от реки Одры. Однако оба императора, Оттон II и Оттон III, были вынуждены воздержаться от реализации своих агрессивных планов против Польши, так как вновь пошатнулось германское господство над полабскими славянами. Последние, воспользовавшись италийским походом Оттона II, вновь восстали против германских феодалов и прогнали германские гарнизоны за реку Лабу. Попытки Оттона III восстановить господство германцев над полабскими славянами не увенчались успехом.

Это затруднительное положение Германской империи побуждало Оттона III поддерживать с Польшей мирные отношения. Мало того: Оттон III отправился в Польшу для личной встречи с Болеславом I. Она состоялась в начале 1000 г. в столице польского королевства — Гнезно.

Итогом этой вынужденной встречи было признание политической независимости польского государства и предоставление польской католической церкви внутреннего самоуправления с освобождением от зависимости от немецкого архиепископа в Магдебурге.

Свидание в Гнезно было дипломатическим поражением Оттона III. Современники-германцы весьма критически отнеслись к решению Оттона III. Рупором охватившего феодальные германские круги недовольства был хронист Титмар, епископ Мерзебургский. «Да простит бог императору, — писал этот виднейший сторонник германской агрессии на Востоке, — что он, сделав вассала самостоятельным, позволил ему возвыситься до того, что, забыв обычаи предков, он дерзнул наложить иго рабства на тех, которые всегда были его господами»<sup>1</sup>.

Впрочем, перемирие с Германской империей было непродолжительным. В 1002 г. умер Оттон III. Болеслав, желая укрепить границы польского государства на западе, захватил земли полабских славян — лужичан — и отнял у германцев Мишневскую (Мейсенскую) марку, расположенную по Лабе и ее притоку Бобру. Затем Болеслав расширил далее свои владения до реки Эльстры, впадающей в реку Салу, поставив во многих местах польские гарнизоны, о чем со злобой сообщает тот же Титмар.

Германцы не без основания увидели в политике Болеслава польского стремление прогнать их за Лабу. Поэтому, как только кончилось междуцарствие с избранием Генриха Баварского в короли, война с Бо-

<sup>1</sup> Tietmar, V, 6.

Болеславом польским стала неизбежной. События развергались быстро. Сначала Генрих II при личном свидании с Болеславом вынужден был уступить ему захваченные славянские земли, надеясь этим сделать Болеслава своим вассалом. Однако германцам не удалось захватить врасплох поляков этой по внешности примирительной тактикой, и Болеслав польский был достаточно опытным политиком и правильно ее оценил.

Чтобы расширить противогерманский фронт, Болеслав рассылал агентов к полабским славянам, призывая их к борьбе против германцев. Воспользовавшись борьбой между феодалами, Болеслав захватил Шрагу, и «прекрасная страна чешская стала провинцией княжества польского, веселая Прага — столицей Болеслава», — отметил Титмар. С раздражением тот же Титмар отметил: «Увеличилось его политическое могущество, еще выше поднялась его необузданная гордость»<sup>1</sup>. Присоединение Чехии к противогерманскому фронту побудило Генриха обратиться с предложением к Болеславу вступить в вассальные к нему отношения, если он желает владеть захваченной страной. В противном случае война неизбежна. Но король Генрих не мог начать войны против Болеслава раньше зимы 1003 года. Война тянулась с перерывами до 1018 г., и, как правильно отметил М. Бобржинский, «эта страшная борьба... представляла собой огненное испытание для прочности польского государства»<sup>2</sup>. Вся будущность польского государства была поставлена на карту. Это сознавали Болеслав и поляки. Первый этап войны славянских племен против германских феодалов сопровождался неудачами. Болеслав из-за германских интриг потерял Чехию, но встретил сильную поддержку со стороны полабских лютичей.

Чтобы скорее окончить войну, Генрих вторгся в Польшу. Начался страшный грабеж ее в районе Познани. Однако грабители должны были вернуться «с плачем домой», унося с собой единственные трофеи — «тела убитых», — хотя превосходство военных сил и было на стороне германцев. Болеслав применил тактику затягивания германских войск в глубь страны. Он в лесах устраивал засады и укрепленные города. Население вело партизанскую борьбу, уничтожало мелкие отряды неприятелей, и Генриху пришлось поспешно убраться из Польши, чтобы сохранить остатки своего войска.

Но и молодому, еще не достаточно мощному польскому государству пока трудно было вести войну с таким много-

численным и сильным врагом. Естественно, что при создавшейся внешнеполитической обстановке обе стороны желали прекратить войну и заключили мир. Встретившись в Познани, Генрих и Болеслав договорились о мире. Условия мира были в пользу Германии. Болеслав потерял Лужицы и Мишенскую марку, которые после изгнания поляков из Чехии, в 1005 г., были заняты германцами. Но между германскими феодалами и Польшей не могло быть прочного мира. Ближайшей целью политики германских феодалов было подчинение польского королевства Германии и продвижение на восток от реки Одры, тогда как жизненные интересы польского народа неукоснительно требовали включения полабских славян в состав территории Польши. При этих условиях возобновление военных действий после краткой передышки было неизбежно.

Вторая война (1007—1013) с германским королем развивалась успешно для Болеслава польского. Ему вновь удалось подняться против германских захватчиков полабских славян. Земли лужичан и Мишенская марка опять оказались под властью поляков, и все попытки Генриха вытеснить Болеслава с земли полабских славян кончились неудачей. Тогда Генрих вновь предложил мир своему могущественному противнику. Начавшиеся переговоры о мире в городе Межиборе закончились благополучно с уступкой Болеславу земли лужичан и Мишенской марки.

Межиборский мир — это дипломатическое и военное поражение Германии, и недаром Кведлинбургский летописец, говоря о мире в Межиборе, отметил, что он заключен был «не без ущерба для немецкой империи»<sup>3</sup>. Немецкие буржуазные историки, желая затушевать поражение Германии, создали легенду о вступлении Болеслава в ленные отношения к Генриху за те земли, которые были ему уступлены по Межиборскому договору. Правда, Болеслав обязывался помочь Генриху в его предполагаемом походе на Италию, а Генрих толкал Болеслава на войну за Червенские города, в свою очередь давая обещание прислать ему на помощь военный отряд, но такие взаимные обязательства отнюдь не были следствием вассальной присяги польского короля, на что в источниках нет никаких указаний.

Но Межиборский мир был таким же кратковременным эпизодом в польско-германских отношениях, как и соглашение в Познани. После удачного похода в Италию и венчания Генриха в Риме 14 февраля 1014 г. императорской короной он

<sup>1</sup> Титмар, V, 18.

<sup>2</sup> Бобржинский М. «Очерки истории Польши». Т. I, стр. 72. СПб. 1888.

<sup>3</sup> Успенский Ф. «Первые славянские монархии на Северо-Западе», стр. 242. СПб. 1872.



попытался добиться добровольной уступки Болеславом завоеванных земель по реке Лабэ. Раздраженный отказом и тем, что Болеслав не послал ему вспомогательного отряда во время его итальянского похода («По обычаю обманул и не исполнил своего обещания», — отметил хронист Титмар), Генрих начал войну с Польшей.

Новая война с Польшей протекала крайне неудачно для императора Генриха II. Поход его в 1015 г. окончился уничтожением половины его войска, попавшего в засаду среди болот, а в 1017 г. наступление Генриха было остановлено благодаря героической обороне силезского города Немчи. Генрих вынужден был снять осаду и начать отступление. Однако война истощила обе воюющие стороны, и они поспешили заключить мир в Будишпене в 1018 году. Титмар и хронисты умалчивают об условиях мира. Во всяком случае, все завоевания в землях полабских славян остались за Польшей. Болеслав мог нанести еще более сокрушительный удар врагам польского народа, если бы германцы с провокационными целями не толкнули его к походу на Киев, обещая прислать на помощь вспомогательный отряд. Поход на Русь отвлек внимание Болеслава от западной границы Польши. Он распятил свои силы и не сумел закрепиться достаточно прочно в земле полабских славян. Тем не менее борьба Болеслава с германскими феодалами имела большое политическое значение как попытка освободить полабское славянство от германской зависимости и создать новую большую славянскую державу.

Вполне понятно, что Титмар Мерзебургский относится с величайшей ненавистью к Болеславу, как упорному и настойчивому врагу германцев. «Я не считаю нужным, — пишет Титмар, — более рассказывать о Болеславе, — лучше было бы, если бы мы никогда не слышали его имени и не знали бы его... Ибо все те отношения, в которые отец его и сам он вступали с нами, через брак и тесную дружбу, больше приносили нам вреда, чем пользы, и еще принесут в будущем. Если во время сомнительного мира и обходился с нами ласково, то разнообразными тайными средствами не перестает отклонять нас от взаимной братской любви, от врожденной свободы, и как только представится благоприятное время и место, не преминет открыто восстать для явной нашей погибели».

Пристрастный отзыв Титмара Мерзебургского о Болеславе вполне понятен. Защитник германских интересов на Востоке и сторонник порабощения славян, конечно, не мог дать беспристрастную оценку политике польского короля, который не раз

наносил германцам жестокие поражения и вооруженной рукой уничтожал все планы своих врагов ликвидировать самостоятельное польское государство.

В русской и польской историографии политика Болеслава встретила иную, весьма положительную оценку. Высоко оценивал деятельность Болеслава польского русский историк-славист Ф. Успенский. По его словам, «несомненная заслуга его на пользу славянства оказалась в том, что он затормозил и в известной мере оттолкнул победоносное распространение немецкого господства к востоку, которое так грозно и решительно началось при первых императорах саксонской династии. В этом отношении Болеслав — прямой преемник и продолжатель деятельности князей моравских Ростислава и Святополка»<sup>1</sup>.

Польский историк М. Бобржинский отметил, что походы на Русь, «пожалуй, отвлекли внимание народа от берегов Эльбы и Балтийского моря, на завоевание которых следовало направить все силы, но все-таки имели важные последствия, так как не только расширили пределы польского влияния на Востоке, но также способствовали сближению двух великих народов и установлению между ними торговых сношений. Сношения с Русью должны были действовать на Польшу цивилизующим образом»<sup>2</sup>. Другой польский историк, Вл. Смоленский, подводя итоги внешней политики Болеслава польского, признает, что Болеслав не выполнил полностью своих планов на Западе, не освободил всех славян полабских от немецкого господства. От выполнения всех этих освободительных планов отвлекли его дела русские, «стремление укрепить польское влияние на Восток»<sup>3</sup>.

Однако преемники Болеслава польского не сумели сохранить всех его завоеваний. Польское государство, находившееся в стадии укрепления феодальных отношений, еще не располагало достаточными экономическими и политическими средствами для продолжения борьбы и дальнейшего укрепления своего положения на Лабэ и в Прибалтике.

После смерти Болеслава польского внешнее положение молодого польского государства стало критическим. При его сыне Мешко II (1025—1034) польское государство подверглось нападению со стороны его соседей, стремившихся к развалу польского государства. Император германский Конрад II в союзе с Канутом Датским напал на Польшу. Лужицы и Млиненская

<sup>1</sup> Успенский Ф. Указ. соч., стр. 256.

<sup>2</sup> Бобржинский М. Т. I, стр. 75.

<sup>3</sup> Smolenski Wl. «Dzieje narodu polskiego». Wyd. 5, str. 16. Warszawa. 1919.

марка вновь подпали под власть германских феодалов, а Канут Датский отнял славянское Поморье. Были потеряны Моравия и Червенские города. Немало содействовало потере Польшей всех ее завоеваний и внутреннее положение польского государства. В княжеской семье происходили династические распри, княжеские роды проявляли феодальный сепаратизм. Немцы получили возможность вмешиваться во внутренние дела Польши. Сам Мешко II, свергнутый с престола родным братом Безпримом, вновь занял его лишь после смерти брата. Только ценой выражения покорности Конраду II Мешко II мог обеспечить себе мир с Германией.

В 1034—1040 гг. в Польше вспыхнуло стихийное крестьянское противофеодалное восстание под лозунгом возвращения к язычеству. Восставший народ уничтожал костелы, прогонял и избивал духовенство. Та же судьба постигла королевских чиновников. Во время крестьянского восстания малолетний сын Мешко II Казимир находился в Германии. При содействии императора Генриха III Казимир подавил противофеодалное движение и уничтожил своих мятежников-феодалов во главе с Маславом Мазовецким. Феодалы, благодарные Казимиру за подавление крестьянского движения, прозвали его «Восстановителем».

Как бы то ни было, славянские земли по Лябе и в Прибалтике были Польшей потеряны, и германские феодалы стали непосредственными соседями Польши, которая с этого времени находилась под угрозой возможности вторжения германцев. Если же пока не состоялось открытое вторжение, то только потому, что полабские славяне продолжали еще вести борьбу с германцами, хотя и без надежды на успех. Но германцы не отказывались от взрыва изнутри польского государства и поддерживали внутренние феодальные раздоры, задерживая этим установление крепкой власти в Польше. В 1109 г. император Генрих V предпринял попытку подчинить себе Польшу. Послы от императора потребовали от короля Болеслава Кривоустого (1102—1139) дани и вассальной покорности. По словам современника, Болеслав ответил: «Я предпочитаю потерять королевство, нежели видеть его в позорной зависимости». Началась война. Попытка взять силезские «градь» Бытом и Глогов кончилась крахом. Вторгнувшаяся германская армия, обессиленная постоянными нападениями, запутавшись в непроходимых лесах и болотах и страдавшая от голода, вынуждена была отступить<sup>1</sup>.

Отказавшись от наступательной войны против немцев, Болеслав Кривоустый удачно вел оборонительную войну и спас Польшу от подчинения германцам. Это была большая историческая заслуга перед польским народом.

### III

Убедившись в невозможности прямого подчинения Польши, германские феодалы, стремясь отрезать Польшу от Балтики, сосредоточили все свое внимание на завоевании западного славянского Поморья, находившегося уже однажды под властью Польши, при Болеславе польском.

Поморье с устьем реки Одры было богатым краем с большими торговыми городами: Белогоградом, Колобегом, Волином, Камнем, Щецином (Штетинном). В случае захвата их германцами Польша была бы не только отрезана от Балтийского моря, но ей бы угрожала германская агрессия и с северо-запада. Поэтому сохранение в своих руках всего Поморья было жизненно и политически необходимо для Польши. Помимо этого включение Поморья в состав Польши усиливало и сопротивляемость германской агрессии. Это понимал и польский народ, с большим воодушевлением поддерживавший Болеслава Кривоустого в его борьбе за Поморье. В 1122 г. Поморье было присоединено, а вместе с тем и земли бодричей и лютичей подпали под власть Польши. Польша вновь становилась грозным стражем славянства на Западе<sup>2</sup>. Князья поморские становились вассалами польского короля. Для самой Польши подчинение Поморья имело громадное экономическое значение, содействуя развитию ее торговли с Германией и со скандинавскими странами.

Однако германские феодалы не желали примириться с таким положением. Воспользовавшись тем, что Польша после смерти Болеслава Кривоустого распалась на отдельные феодальные владения, германские феодалы возобновили борьбу за Западное Поморье (к западу от реки Одры).

В 1147 г. германские феодалы вместе с датчанами завоевали вновь бодричей и лютичей. Главный захватчик славянских земель — Альбрехт, прозванный Медведь, — основал на земле лютичей и бодричей Бранденбургскую марку. Князья Западного Поморья долго и с упорством защищались от германских агрессоров. В 1177 г. отправился в поход против них Генрих Лев.

<sup>2</sup> Tumiński K. «Pomorzeza Boleslawow». Roczniki Historyczne, III, W. Poznaniu, str. 16—31. 1927.

<sup>1</sup> Бобржинский М. Т. I, стр. 102.

Поморские князья, не получив помощи от Польши, спаслись от разгрома тем, что признали себя в 1181 г. вассалами императора Фридриха I. Так Западное Поморье было потеряно для Польши. Оставалось пока Восточное Поморье, между Одрой и Вислой. Из-за него пришлось Польше выдержать продолжительную и упорную борьбу с германскими агрессорами.

Отброшенная от рек Лабы и Одры, Польша должна была сосредоточить все свое внимание на устье реки Вислы, которая связывала бы Польшу с Балтийским морем. Без чего производительные силы Польши не имели надлежащих условий для своего развития. Это стремление Польши укрепиться на южном побережье Балтийского моря выразилось также в ее попытках подчинения литовского племени пруссов. Пруссы стойко защищались от поляков и со своей стороны в борьбе с польскими феодалами не раз нападали на польские Мазовию и Кулвию.

Чтобы облегчить завоевание пруссов, князю Конраду Мазовецкому пришлось обратиться к основанию Ордена немецких рыцарей и подарить им Добржинскую землю. Но этот опыт не увенчался успехом. Тогда Конрад вступил в переговоры с Тевтонским орденом крестоносцев и с этой целью пожаловал ему Хельмскую и Лобавскую земли. Поскольку крестоносцы в это время были изгнаны из Палестины и оставались без дела, они приняли предложение Конрада. Так польские феодалы сами пустили на свою землю злейшего врага польского народа — германских феодалов. Величайшие бедствия принесла польскому народу эта предательская политика союза германских и польских феодалов против пруссов.

Укрепившись на левом берегу Вислы и уничтожив пруссов, рыцари Тевтонского ордена построили на земле пруссов ряд крепостей, которые должны были стать оплотом их власти: Торн (1231), Хельмно, Мариенвердер (1233), Эльбинг (1237), Браунберг (1240), Гейльсберг. Все эти земли и города были заселены немецкими колонистами. Тевтонские рыцари подбирались к Восточному Поморью с городом Гданском при устье реки Вислы. Польскому народу вскоре пришлось убедиться в том, что «друзья» Конрада Мазовецкого стали злейшими врагами польского народа. Поморский князь Святополк первый понял значение угрозы для Поморья со стороны Тевтонского ордена.

В 1242 г. Святополк поднял восстание пруссов против Ордена и вступил с ним в отчаянную борьбу. Только в 1253 г. рыцарям удалось подавить восстание пруссов, но Святополк сохранил полити-

ческую независимость своего княжества<sup>1</sup>, будучи вынужден в то же время отказаться от своих владений на правом берегу Вислы. Поморье временно сохранило свою независимость, так как пруссы во главе с Генрихом Монте вновь восстали и в 1263 г. нанесли рыцарям сокрушительный удар. Рыцари удержали в своих руках только три приморские города: Эльбинг, Балгу и Кенигсберг (Кролевец), — и им пришлось вторично завоевывать пруссов, что удалось завершить лишь в 1283 году. Теперь у рыцарей были связаны руки к захвату Поморья и Польши.

В 1266 г. умер Святополк Поморский, оставив двух сыновей, между которыми началась феодальная война. Мсьцивой II, выступив против старшего брата — Варцислава, — обратился за помощью к бранденбургскому маркграфу, который оккупировал Гданск и не собирался его оставлять. Тогда Мсьцивой II обратился к помощи великополян, к их князю Болеславу, прозванному Благочестивым, которому удалось освободить Гданск от маркграфа, и Мсьцивой II вновь вокняжился в нем. В 1282 г., не имея потомков, он заключил договор с князем Пржемыслом II, согласно которому Поморье в виде дара отдавалось великопольскому князю. В 1294 г. последний вступил во владение Поморьем. Но враги Польши, начавшей политически объединяться вокруг великопольского князя Пржемысла, не дремали. В 1294 г. Пржемысл короновался польской короной, а в следующем году он был убит бандитами, посланными бранденбургским маркграфом.

Но титулованному убийце не удалось остановить процесс восстановления политического единства Польши, борьба за которое возглавлялась Владиславом Локотком, князем брестско-куявским (1306—1333). Тогда бранденбургские маркграфы подняли феодалов Поморья во главе с могущественным родом Свенцов. Локоток же обратился за помощью к Тевтонскому ордену. Совместно с Локотком он подавил восстание феодалов. Но затем тевтонские рыцари заняли Поморье и выгнали войско Локотка. В 1309 г. Поморье оказалось под властью Ордена. Таким образом, на севере Польши, господствуя над устьем реки Вислы, утвердились бандиты Тевтонского ордена. Локоток, не имея сил для борьбы с врагом, обратился вместе с польскими епископами к суду папы. Суд юридически признал жалобу Локотка правильной, и папа вынужден был опубликовать в феврале 1321 г. буллу, согласно которой

<sup>1</sup> Тус Т. «Pomorze Polskie a Krzyżacy». Rocznik historyczny. III, str. 46—48.

Орден был обязан вернуть Польше Поморье и уплатить ей 30 тыс. гривен за убытки. Но для Ордена папское решение не имело никакого значения, и он не возвратил Польше Поморья. Тогда Локоток поднял весь польский народ на борьбу с его вековым врагом. Война велась с переменным успехом для обеих сторон, но Локотку не удалось сломить сильного врага. Поморье, Куявия и Добержинская земля остались во владении Ордена, но попытка покорить Польшу была отражена польским народом, который сохранил и свою политическую независимость. Однако рыцари, контролируя устье реки Вислы, ставили всяческие препятствия для развития польской внешней торговли и этим задерживали экономическое и политическое укрепление Польши<sup>1</sup>. Сын Локотка Казимир III (1333—1370) продолжал войну с заклятым врагом польского народа. Когда он заключил союз с Чехией и венграми (1336), то и Орден поспешил заключить с ним перемирие в Калише в 1343 году. Однако несмотря на вторичное решение папы о возвращении Польше Поморья Орден отказался привести в исполнение папское решение, но возвратил Польше Буявию и Добержинскую землю<sup>2</sup>.

#### IV

Необходимость направить все силы польского народа на борьбу с Орденом побудила Локотка искать примирения с Литвой, также подвергавшейся нападению Ордена. Все эти соображения и побудили Локотка вступить на путь примирения с Гедимином, великим князем Литовским. В 1325 г. было заключено перемирие с Литвой с отказом Локотка от претензий на Подляшье<sup>3</sup>. Это был первый шаг к сближению с Литвой. Этой же политике придерживался и Казимир III. В планы польского правительства входило дальнейшее сближение с Литвой для организации борьбы против общего врага — Тевтонского ордена. Это соглашение было достигнуто договором Литвы с Польшей в 1385 г. в Крево.

Достаточно полно изучена общая политическая обстановка, вызвавшая заключение так называемой унии Литвы с Польшей, фактически уничтожившей политическую независимость великого княжества Литовского, что вызвало реакцию со сто-

роны литовских и русских феодалов во главе с Витовтом, сыном Кейстута. Уния в том виде, как она была реализована поляками, оказалась непрочной политической комбинацией, и полякам пришлось пойти на значительные уступки, предоставив Литве полное внутреннее самоуправление с отдельным князем во главе, как вассалом польского короля. Это было достигнуто соглашением с поляками в Остроже в 1392 г. и в Вильне в 1401 году<sup>4</sup>. После этого отношения Ордена с Польшей стали очень обостренными. Орден готовился нанести ей сокрушительный удар и уничтожить независимость польского государства.

Орден пытался изолировать Литву от Польши, но эта политика интриг кончилась крахом, тем более что на данном этапе политической жизни Польши и Литвы оба государства были заинтересованы в уничтожении опасности со стороны разбойничьего гнезда. 15 июля 1410 г. ополчения Польши, Литвы и Руси встретились с рыцарями в долине между деревнями Грюнвальдом и Танненбергом. Рыцари были наголову разбиты, причем решающая роль в этом сражении выпала на долю трех смоленских полков, из которых один полностью был уничтожен. Убежавшие с поля сражения рыцари спрятались за крепкие стены своих замков. Рыцари не могли продолжать войну и были вынуждены 1 февраля 1410 г. заключить мир в Торне<sup>5</sup>. Торнский мир облегчил торговые связи Польши с Западной Европой, но не разрешил вопроса о Поморье и об устье реки Вислы. Однако поражение 15 июля 1410 г. нанесло такой удар Ордену, что вопрос его окончательного уничтожения был только вопросом времени. Обострение литовско-польских отношений после смерти Витовта в 1430 г. заставило Польшу проводить по отношению к Ордену очень осторожную политику. В 1435 г. Орден заключил с Польшей вечный мир в

<sup>4</sup> Об унии Польши с Литвой имеется громадная литература. Новейшие труды: Любавский М. «Литовско-русский сейм». М. 1901 г., и Налеcki О. «Dzieje Unji Jagiellonskiej». Т. I—II. Krakow. 1920. Готье Ю. «Балтийский вопрос в XIII—XVI веках». «Историк-марксист» № 6 за 1941 год.

<sup>5</sup> Литература о Грюнвальдской битве очень обширна. Ее подробное описание дано в работе Барбашева Л. «Политика Витовта последние 20 лет княжения». СПб. 1891. Бочкарев «Грюнвальдская битва» (Ж. М. Н. П. 1916). Польская историография всячески затемняет роль Руси, хотя роль смоленских полков отмечена даже историком Длугошем, который преувеличивает роль Ятайла и поляков в этой битве.

<sup>1</sup> Тус Т. Op. cit., str. 53—57.

<sup>2</sup> Ibidem, str. 57—61.

<sup>3</sup> Zajaczkowski St. «Przymierze polsko-litewskie 1325 r.» (Kwartalnik historyczny 1926). Антонович В. «Очерки истории великого княжества Литовского до смерти великого князя Ольгерда» (монография истории Западной Руси и Югозападной Руси).

Бресте Куявском на прежних условиях, и до 1454 г. между Польшей и Орденом не было столкновений.

В начале февраля 1454 г. вспыхнуло новое восстание пруссов. К этому времени улучшились польско-литовские отношения. Между Польшей и Литвой была заключена династическая уния. Великий князь Литовский был одновременно избран и польским королем. Польша начала войну, и 19 октября 1466 г. Орден был вынужден заключить мир с Польшей в Торне и возвратил ей Поморье с г. Гданском, которое фактически уже находилось под властью Польши<sup>1</sup>. В сущности, после торнского мира прекратилось существование Ордена как отдельной политической единицы.

В связи с реформацией произошла секуляризация Ордена. Гохмейстер Ордена Альбрехт I Гогенцоллерн стал князем в Пруссках (*dux in Prussia*), и в 1525 г. князь Альбрехт Прусский принес ленную присягу польскому королю.

## V

Во второй половине XV в. вооруженная борьба Польши с германскими феодалами прекратилась, но борьба последних с Польшей все же продолжалась, только приняла несколько иной характер, в особенности с того времени, как Пруссия, соединенная в 1611 г. с Бранденбургом, по Оливскому трактату 1660 г., стала независимой от Польши. С этого времени прусские бароны, оставаясь злейшими врагами польского народа, всячески стремились изнутри взорвать польское государство, пользуясь его внутренним ослаблением и общим упадком государственного значения Речи Посполитой. Ослабленная политически, Польша становилась игрушкой в руках соседних держав — Пруссии и царской России. Но, в то время как царское правительство стремилось сохранить целостность территории Польши, подчинить ее своему влиянию, Пруссия вместе с Австрией принимала все меры к тому, чтобы раздробить польские земли и народ, разделив их между соседями<sup>2</sup>. В противовес политике России прусский король Фридрих II выступил с планом раздела Польши под предлогом, что польские земли отделяют Бранденбург от Пруссии. Первый раздел Польши, в 1772—1773 г., не удовлетворил алчных appetитов прусских баронов, так как устье реки Вислы с Гданском осталось в составе Польши. Прусское же правительство только ждало подходящего

момента, чтобы оторвать от Польши Поморье.

Пруссия сначала надеялась получить Поморье в виде добровольной уступки со стороны Польши и с этой целью стала разыгрывать друга Польши, содействуя в то же время обострению польско-русских отношений. В 1790 г. Польша и Пруссия даже вступили в договорные отношения. Но политика прусского правительства кончилась провалом. Польские шляхетско-буржуазные реформаторы отказались добровольно передать Пруссии территорию, занятие которой Пруссией повлекло бы за собой окончательное исчезновение Польши из круга самостоятельных государств. Пруссаки же не примирились с неудачей своей дипломатии и скоро показали настоящие свое лицо. Они не только не выполнили условий договора, но подло предали поляков, приняв активное участие во втором разделе Польши<sup>3</sup>. По второму разделу Польши, устье реки Вислы с Гданском было захвачено Пруссией. Равным образом Пруссия приняла участие в подавлении восстания Т. Костюшки, оккупировав Краковское воеводство в тылу революционного фронта. Третий раздел, в 1795 г., отдал Пруссии Мазовецкое воеводство с Варшавой. Впрочем, Пруссии не удалось удержать под своей властью все захваченные польские земли, так как она сама попала под власть Наполеона и ее собственная территория была доведена до минимума. С образованием в 1815 г. на Венском конгрессе королевства Польского из земель, находившихся под властью Пруссии, Пруссия осталась попрежнему основным врагом польского народа и его стремления к политической независимости.

Во время польского восстания 1830—1831 гг. Пруссия сыграла позорную роль душителя восстания. Объявив о своем нейтралитете, Пруссия в действительности не соблюдала его и помогала правительству Николая I в его борьбе против повстанцев. Прусское правительство занималось перлюстрацией писем и документов, отправляемых из Варшавы, не давало визы на проезд в Польшу без согласия царского посла, конфисковало средства Польского банка, снабжало русское правительство деньгами для закупок обмундирования русской армии, конфисковало по указанию русского посла тайком привозимое из Англии оружие, разрешало доставку в русскую армию вооружения по реке Висле, строило в Торне казенные магазины для хранения провизии. Мало того: даже pontонный мост через Вислу вблизи Торна для перехода русской армии на левый берег Вислы был возведен из прусских материа-

<sup>1</sup> Tuziński K. «Upadek rzadów krzyżackich na Pomorzu». Rocznik historyczny, str. 67—91.

<sup>2</sup> Бобржинский М. «История Польши». Ч. 2-я, стр. 245.

<sup>3</sup> Dembitski Br. «Polska na przelomie». Rozdział 4, Warszawa.

хов. Так Пруссия принимала активное участие в удушении польского восстания 1830—1831 годов<sup>1</sup>. Аналогичной политике придерживалось прусское правительство во время восстания 1863 г., когда, согласно заключенной конвенции, войска царской армии могли заходить на пограничную прусскую территорию для борьбы с повстанцами. Пруссия всегда выступала в качестве противника польского национально-освободительного революционного движения. Согласно условиям Венского конгресса, польские земли, отошедшие к Пруссии, образовали великое княжество Познанское. Венский конгресс обязывал Пруссию создать в Познанском княжестве благоприятные условия для развития польского языка и культуры. В действительности прусские бароны мало считались с постановлениями Венского конгресса, и вся их политика по отношению к полякам была совершенно обратной и ставила своей целью онемечение польского народа и колонизацию Познанского княжества немцами.

Польское население не раз через своих депутатов обращалось с протестами против политики прусского правительства, и эти жалобы всегда были безрезультатными. В ответ на политику прусского правительства Познанское княжество покрылось целой сетью тайных обществ, подготавливавших восстание польского народа для восстановления его политической независимости. Но революционное движение было подавлено<sup>2</sup>. После подавления восстания в Кракове 1846 г. и революции 1848 г. в Познани прусская реакция развернулась во всю ширь, и в первую очередь она отразилась на польской школе. Прусское правительство перестало считаться с национально-культурными требованиями поляков и постепенно принимало меры к полному слиянию Познанского княжества с Пруссией на правах обычной провинции.

Тяжелые времена наступили для познанских поляков с 1886 г., когда Бисмарк стал на путь уничтожения всего польского. В 1887 г. было запрещено даже преподавание польского языка в народных школах. В 1886 г. была организована «колонизационная комиссия» для скупки польских земель и раздачи их немецким крестьянам. Уже в 1886 г. было куплено 12 тыс. гектаров польской земли. Но немецкая колонизационная политика потерпела крах. На протяжении 25 лет (до конца 1910 г.) поляки со своей сто-

роны скупили у немцев 274 546 га на сумму 278 млн. марок, тогда как польских земель было куплено только на 88 млн. марок. Из 385 тыс. га всей приобретенной земли купленной у немцев приходилось 71,2% земельной площади, а у поляков — только 28,8%<sup>3</sup>. Колонизационная немецкая политика потерпела крах, но прусские бароны не отказывались от мысли онемечить поляков. Один из германских государственных деятелей дерзнул даже сказать: «В Познани нет поляков, а есть только немцы польского происхождения»<sup>4</sup>. Первая империалистическая война приостановила политику прусских баронов онемечения познанских поляков. После образования польской буржуазной республики немцы ни на минуту не оставили мысли вернуть под свою власть польские земли и старались изнутри взорвать польское государство.

Ныне Гитлеру удалось силой и обманом реализовать давнишние планы немецких юнкеров и буржуазии относительно Польши. Польшу захватил лютый враг ее и всех славянских народов — германские фашисты. Свободолюбивый и трудолюбивый польский народ находится под гнетом гитлеровцев.

Польша разграблена. Все ценное имущество увезено в Германию. Расхищены библиотеки университетов в Кракове и Варшаве и величайшие музейные ценности, ставшие добычей разнузданной фашистской военщины.

Польша превращена в каторжную тюрьму. В концентрационных лагерях томится множество профессоров, рабочих, учителей и польской интеллигенции, жизнь которых находится в распоряжении тех надсмотрщиков, которые приставлены к ним не столько для надзора, сколько для их физического уничтожения.

Дикий фашистский террор господствует в Польше. Расстрелы и виселицы — фашистский метод управления и запугивания польского населения. Почти три миллиона поляков истреблены гитлеровскими бандами. Польские города и села превращены в дщепи.

Но гитлеровским бандам не удалось подчинить польский народ и заставить его примириться с властью захватчиков-фашистов. Польский народ никогда не станет рабом фашистских шпек. С независимостью и презрением он относится к своим поработителям. Польский народ продолжает борьбу с гитлеровцами и верит, что близок час радостного освобождения от мук неволи и страданий.

<sup>1</sup> Все эти данные извлечены мною из архива бывшего министерства иностранных дел.

<sup>2</sup> Rakowski K. «Powstanie Poznan-skie w 1848 roku». Warszawa. 1914.

<sup>3</sup> Daszynska-Golinska Z. «Rozwoj i samodzielnosc gospodarcza ziem polskich», str. 71. Warszawa. 1915.

<sup>4</sup> Любавский М. «История западных славян», стр. 443. М. 1917.



Величайшим импульсом для борьбы за свободу является польско-советское соглашение, подписанное в Лондоне 30 июля 1941 года.

Восстановление дипломатических отношений с польским правительством и согласие советского правительства на организацию польской армии на территории СССР для совместной с советским народом борьбы против фашистского зверья — новый этап в борьбе польского народа за свою свободу и независимость.

Польский народ становится и по оружию братом советского народа.

Советско-польское соглашение, как и несколько ранее заключенное советско-чехословацкое соглашение, и восстановление нормальных дипломатических отношений между СССР и Югославией кладут начало великому делу объединения славянских народов в их борьбе против немецко-фашистского варварства.

Известие о польско-советском соглашении было встречено в Варшаве с величайшим ликованием. Полупольная радиостанция обратилась с воззванием: «Поляки! Много страшных дней страданий, горя и унижения пережили мы с тех пор, как немецкий сапог вступил на нашу родную землю. Проклятые нацисты отняли у нас свободу и хлеб, они замучили сотни тысяч наших братьев и сестер. Но сегодня к нам вновь возвращается надежда. Наши русские братья с нами. Они громят уже фашистские полчища, бьют их на земле, на воде и в воздухе. Мы, поляки, ни на один день не отказывались от борьбы, не гнули шеи перед ненавистными завоевателями. Теперь наши усилия сольются с усилиями великого советского народа, его могучей Красной Армии, всех вооруженных сил

великой коалиции держав, вставших на борьбу с гитлеризмом. Поднимайся же, великий польский народ, на борьбу с врагом... Помните, нет у польского народа хуже и злее врага, чем немецкие фашисты. Все на борьбу с врагом! Близок час расплаты! Скоро над нашей окровавленной родиной засияет заря свободы».

Советский народ выступает не только как защитник чести и свободы своей родины. Он несет радость освобождения измученным под игом фашизма народам. Советский народ навсегда освободит человечество от фашистской угрозы, и его смертельная схватка с фашизмом будет подержана всеми, кому ненавистен фашизм.

«Войну с фашистской Германией, — говорил товарищ Сталин в своей исторической речи 3 июля, — нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем и великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой всенародной отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма. В этой освободительной войне мы не будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, поработанного гитлеровскими заправилками. Наша война за свободу нашего отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера».

## ГРЮНВАЛЬД — КОНЕЦ МОГУЩЕСТВА ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА

Я. Зутис

Военные «теоретики» и «специалисты» по расовому вопросу из стана германских фашистов постоянно твердят о непобедимости германских войск. История знает много примеров, когда германские военные полчища терпели поражения от римлян, франгузов, англичан, русских и других народов. В данном случае мы останавливаемся на Грюнвальдском, или, как называют немецкие историки, Тауленберском, сражении 15 июля 1410 г., тогда славянские народы: белоруссы, украинцы, русские, поляки — совместно с литовцами нанесли смертельный удар тевтонским рыцарям, считавшимся до этого непобедимой военной силой.

Гитлер призывает своих последователей направиться на Восток по стопам рыцарей Тевтонского ордена, которые занимались в средние века истреблением и порабощением славян и балтийских народов (пруссосв, литовцев и латышей). В данном случае исторические факты не в пользу нацистских «теоретиков». Говоря о Тевтонском ордене, нельзя забывать о Грюнвальде, неизбежном эпилоге кровавых подвигов средневековых предшественников современных фашистов.

Немецкие феодалы начали свои завоевания в районе Балтийского моря с покорения полабских славян, которые жили между реками Эльбой (славянское название — «Лаба»; отсюда название «полабские племена») и Одером. Около 300 лет продолжалось их сопротивление иноземным захватчикам, но в XII в. полабские славяне потеряли свою политическую независимость. До XIII в. совершалось медленное продвижение немецких захватчиков на Восток. Важнейшим результатом этого периода является не только захват шами-рыцарями новых территорий, но также создание опорных пунктов на Балтийском море. Наибольшее значение получил Любек, основанный в 1143 году.

С XIII в. начинается новый, более бурный период немецкого «натиска на Восток» («Drang nach Osten»). На этот раз немецкие завоеватели — рыцари и куп-

цы — направлялись в северо-восточные страны Европы, пользуясь главным образом водными путями — Балтийским морем и впадающими в него судоходными реками (Висла, Неман и Западная Двина). Господство над морскими и речными путями сообщений обеспечивало надежную связь передовых отрядов немцев с далеким тылом и гарантировало регулярное получение подкреплений.

Купец и мореплаватель стали соратниками германских феодалов-завоевателей. Торговые интересы придавали этому «натиску на Восток» определенное направление. В XIII в. германские захватчики устремлялись не в плодородные польские равнины, а, обходя их, старались завладеть морскими берегами Ливонии и Пруссии.

Характеризуя проникновение немцев на Восток, Маркс писал: «От Вислы до устья Невы [жители]: эсты, ливы или латыши, куры, литовцы и пруссы... только в XIII веке вследствие соприкосновения с немцами и скандинавами они получили язву христианства (Christenzeuche), крепостное право, и их стали истреблять»<sup>1</sup>.

Завоевание Ливонии (средневековое название территории нынешних Латвии и Эстонии) и Пруссии (нынешняя Восточная Пруссия) потребовало около 100 лет напряженной борьбы. Престарелые методы покорения полабских славян оказались уже несостоятельными; нужны были новые формы организации вооруженных сил. Со времен крестовых походов тяжело вооруженная рыцарская конница стала решающей силой во всех сражениях. При этом в Палестине и Сирии была найдена также подходящая военная организация — духовно-рыцарские ордена.

Историческое значение духовно-рыцарских орденов заключается в том, что в эпоху феодальной раздробленности впервые появилась могущественная организация, обладавшая большими экономическими ре-

<sup>1</sup> Архив Маркса и Энгельса. Т. V, стр. 340.

сурсами для снаряжения крупных и продолжительных военных походов, что часто оказывалось не под силу тогдашним императорам, королям и другим крупным феодалам.

Тевтонский орден образовался в конце XII в., во время осады Акры (Аконя), и 19 февраля 1199 г. получил утверждение от папы Иннокентия III. Вначале он по своему богатству и могуществу не мог выдерживать сравнения с более старыми духовно-рыцарскими орденами — иоаннитов и тамплиеров. Но вскоре новый Орден завладел замками и землями в Азии и Европе, преимущественно в Италии и Германии. Настоящий расцвет Тевтонского ордена относится к XIII—XIV вв., когда под его властью оказались обширные территории в Пруссии и Ливонии. Только ему удалось создать отдельное государство, которое по своему военному могуществу долгое время не знало себе равных среди феодальных владений Северовосточной Европы. Формально Тевтонский орден считался вассалом германского императора, от которого в 1226 г. получил грамоту на владение Пруссией, к покорению которой он тогда еще не приступил. С середины XIII в. власть императоров в Германии окончательно ослабла, и они оказались беспомощными перед осуществлением своих суверенных прав в отношении владений Ордена в Пруссии и Ливонии. Немецкие буржуазные историки, восторгающиеся политическими и военными успехами Тевтонского ордена, обычно забывают, что эти успехи в значительной мере были куплены ослаблением Германской империи.

В эпоху своего высшего подъема Тевтонский орден являлся чисто аристократической организацией, служившей убежищем для младших сыновей феодальной знати, которых ницде в другом месте не удалось пристроить. Полноправные «братья-рыцари» давали обычные монашеские обеты. Кроме того они обязаны были с оружием в руках служить католической церкви в ее борьбе с инаковерующими. Количество братьев-рыцарей было незначительным и, повидимому, никогда не превышало одной тысячи. Наряду с ними членами Ордена считались «братья-священники», на обязанности которых лежали совершенные культовые обряды и уход за больными. В Ордене имелись также простые светские служители, называвшиеся по их серому плащу с черным крестом «серыми». В число «серых» принимались лица свободного происхождения: принадлежность к дворянству не являлась для них обязательным условием. На их обязанности лежали разнообразные хозяйственные работы; им поручались также административные должности, но под присмотром и кон-

тролем рыцарей. «Серые» служили также в орденской коннице, но они никогда не имели тех прав, какими владели рыцари.

Во главе Ордена стоял великий магистр, или просмейстер. Долгое время его резиденцией оставалась Акра, потом на короткий срок — Венеция, а в 1309 г. он навсегда переселился в Мариенбург (Пруссия). Должность его считалась пожизненной. Великий магистр избирался коллегией в составе 13 избирателей: 8 рыцарей, 1 брат-священник и 4 братьев-служителей («полубратьев»). При великом магистре состояла коллегия из 6 высших должностных лиц Ордена. Из них великий комтур, ближайший помощник, а в случае необходимости заместитель великого магистра, ведал управлением хозяйственными делами и осуществлял надзор за поведением членов Ордена и служителей. За ним следовал по служебной лестнице великий маршал в Кенигсберге, бывший заместителем великого магистра в качестве главнокомандующего военными силами Ордена. Ниже их стояли заведующий больницами («шпитлер»), интендант («трапир»), который ведал военным имуществом Ордена, казначей («тресслер») и кастилян, являвшийся начальником комендантов, или комтуров, орденских замков.

Владения Ордена, разбросанные по различным странам, в целях удобства управления делились на «земли», или «провинции». В XIII в. было 10 провинций, но после потери земельных владений в Греции (Ахайя), Сицилии и Испании остались лишь 7: Ливония, Пруссия, Германия, Австрия, Армения, Романья и Апулия (обе последние в Италии). По своему политическому значению главной провинцией являлась Ливония, управлявшаяся Ливонским орденом, как называлось местное отделение Тевтонского ордена, после его слияния с Орденом меченосцев в 1237 году.

Низшей административной единицей являлся замок с примыкающей к нему территорией, населенной зависимыми от Ордена крестьянами и свободным городским населением. Замок управлял комендант, или комтур, в распоряжении которого находился гарнизон замка. К обязанностям комтура и его помощника — фогта — относились управление орденскими имениями, сбор налогов и других повинностей и судебных пошлин, причитавшихся Ордену с крестьян и местного городского населения.

Тевтонский орден имел для своего времени опромнейшие доходы с эксплуатируемого им населения. Количество продуктов сельского хозяйства, получаемых из собственных имений, обрабатываемых рабами

из военнопленных или крепостными крестьянами, увеличивалось натуральными платежами крестьян. После удовлетворения собственных потребностей у Ордена оставались большие излишки, которые поступали в продажу.

В начале XV в. имения Ордена составляли площадь около 1100 кв. километров. По его хозяйственным счетам видно, что у него было 16 тыс. лошадей, 10 500 голов крупного рогатого скота, 61 тыс. овец и 19 тыс. свиней. Ордену принадлежало 390 мельниц<sup>1</sup>.

Следовательно, перед нами крупнейшая для своего времени хозяйственная организация. Используя свое выгодное географическое положение, Орден держал в своих руках всю внешнюю торговлю Польши, поскольку она направлялась к Балтийскому морю. Судходство по Висле Орден уступил за особое вознаграждение компании немецких судовладельцев и зорко следил за тем, чтобы ни один иностранный корабль не появлялся на этой реке. Великий магистр ведал торговыми операциями Ордена<sup>2</sup>.

Описанная организация Тевтонского ордена окончательно сложилась во время покорения Пруссии и захвата побережья Балтийского моря на всем протяжении от нижнего течения Вислы до Нарвы.

Вопреки мнению большинства немецких историков покорение Пруссии не являлось результатом ряда блестящих военных побед немецких крестоносцев и рыцарей над пруссами. Дельбрюк, которого никак нельзя обвинить в намерении уменьшить военную славу немцев, вынужден признать, что, по существу, никаких побед не было. Он прямо говорит, что, «в сущности, пруссы не были побеждены»<sup>3</sup>.

Это утверждение кажется парадоксальным лишь на первый взгляд, но оно соответствует действительности, так как в продолжение 53-летней борьбы (1230—1283 гг.) не было ни одного крупного сражения, от исхода которого зависела участь побежденных. Тактика завоевателей сводилась к следующему: весной и летом тевтонские рыцари, получив подкрепления в виде отдельных отрядов крестоносцев, направлялись по Висле или Балтийскому морю к ранее намеченному месту, где высаживались на берег, стараясь по возможности застичь врасплох местное население. Земледельческое прусское население в продолжение весны, лета

и осени уклонялось от военных действий из-за сельскохозяйственных работ и главным образом из-за невозможности пользоваться сухопутными дорогами, исключавшими возможность сконцентрировать военные силы, достаточные для уничтожения неприятельского десанта. Ожидая с наступлением зимних холодов и установлением саванного пути начала военных действий со стороны пруссов, рыцари с большой поспешностью строили замки и другие укрепления, которые в случае неудачных попыток местного населения их разрушить превращались в совершенно недоступные для военной техники пруссов крепости. Таким образом, история покорения Пруссии сводится к длительной и кровавой борьбе рыцарей с местным населением, к постепенной застройке всей страны пустой сетью замков и к настойчивым попыткам местного населения их разрушить.

Основные этапы этой ожесточенной и продолжительной борьбы сводятся к следующему: в 1226 г. Герман фон Зальца, великий магистр Тевтонского ордена, принял предложение польского князя Конрада Мазовецкого о совместной борьбе с пруссами, которые до этого нанесли полякам и немецким крестоносцам целый ряд тяжелых поражений. Против них оказался также беспомощным духовно-рыцарский Орден добрых братьев. Конрад Мазовецкий уступил тевтонским рыцарям Кульмскую землю, но Герман фон Зальца этим не ограничился и получил от императора Фридриха II в лейное держание все земли в Пруссии, которые будут завоеваны тевтонскими рыцарями. Папа Григорий IX своей буллой от 3 августа 1234 г. объявил все владения Тевтонского ордена в Пруссии находящимися под защитой папского престола. Таким образом Орден в самом начале полностью освободился от польской зависимости и вскоре стал опасным врагом польского государства.

Покорение Пруссии началось с основания Торна (1230 или 1231 г.), на правом берегу Вислы. Спускаясь вниз по этой реке, крестоносцы и рыцари в 1237 г. построили Кульм, Мариенвердер и Эльбинг. Основанием Балги в 1239 г. они завладели не только нижним течением Вислы, но вышли также к открытому морю.

В 1242 г. началось всеобщее восстание пруссов, уже покоренных завоевателями; в этой борьбе приняли участие еще свободные пруссы, которые представляли опасность для них представляет политика тевтонских рыцарей. До 1253 г. продолжалась вооруженная борьба, исход которой был решен тем, что пруссы не в состоянии были овладеть всеми укреплениями

<sup>1</sup> Лавиос Э. «Очерки по истории Пруссии», стр. 132. М. 1915.

<sup>2</sup> Sattler «Der Handel des deutschen Ordens in Preussen zur Zeit seiner Blüte». («Hansische Geschichtsblätter». 1887).

<sup>3</sup> Дельбрюк Г. «История военного искусства». Т. III, стр. 275. М. 1938.

ями рыцарей и таким образом вытеснить их из страны<sup>1</sup>. Следующий этап всеобщей вооруженной борьбы начался в 1260 г. и продолжался до 1283 года. На этот раз пруссы овладели почти всеми орденскими замками и крепостями, но все же им не удалось взять замки и города, расположенные вдоль судоходных рек или моря, гарнизоны которых продолжали получать продовольствие и подкрепления из Германии или Польши. Кенигсберг, Эльбинг, Балга и замок Мемель успешно выдержали продолжительную осаду, которая не могла вечно продолжаться, и поэтому пруссы были вынуждены вступить в переговоры с Тевтонским орденом. Рыцари вначале не скупались на обещания, но, оказавшись потом в безопасности, жестоко расправились со всеми непокорными элементами.

О зверствах немецких «рыцарей» в Прибалтике Маркс писал: «Рыцари» неистовствуют, как испанцы в Мексике и Перу; пруссы храбро сопротивляются, но все более и более изнемогают; чужеземные завоеватели проникают в глубь страны, вырубают леса, осушают болота, уничтожают свободу и феодализм коренного населения, основывают замки, города, монастыри, сеньории и епископства немецкого образца. Там, где жителей не истребляют, их обращают в рабство»<sup>2</sup>. И далее, говоря об опустошениях, которые произвели немецкие завоеватели, Маркс приводит пример Юдау в Пруссии: «К концу XIII века цветущая страна была превращена в пустыню, на месте деревень и возделанных полей появились леса и топи, жители были частью перебиты, частью уведены, частью вынуждены выселиться в Литву»<sup>3</sup>. Так расправлялись «культурные» завоеватели, предшественники Фашистов, с местным «непокорным» населением, отстаивавшим до конца свою свободу.

После покорения пруссов Тевтонский орден начал борьбу за расширение своих владений за счет территории католической Польши. Захватом городов Данига (1308 г.) и Диршау (1309 г.) Польша потеряла свободный доступ к Балтийскому морю. В 1346 г. Орден приобрел у Дании ее ливонскую колонию — Эстляндию — с городом Таллином. Таким образом к середине XIV в. Орден достиг наивысшего могущества; его владения преграждали выход к морю из Польши, Литвы и русских земель. «Узким местом» для

орденских владений оставался участок побережья Балтийского моря, расположенный между восточной частью Пруссии и Курляндией, где литовцы постоянно угрожали сухопутной дороге, связывающей Ливонию с Кенигсбергом и Мариенбургом. Орден всегда стремился к завоеванию Литвы, но особенно горячо он взялся за покорение Жмуди, или Жомойты (Южная Литва).

Крестовые походы против литовцев приняли характер наездов («рейсов»), в которых участвовал рыцарский сброд из всех стран Западной Европы. За время с 1345 по 1377 год насчитывается 100 походов крестоносцев на Литву и 42 набега литовцев на орденские владения. Под 1362, 1367, 1375 и 1377 гг. отмечаются от 4 до 8 походов за год. Самый из них продолжался не свыше 10 дней. Один из таких походов с участием австрийского эрцгерцога Альбрехта известен по описанию поэта Петра Зухенвирта, принимавшего участие в этой охоте на мирных литовских крестьян. Поход продолжался 8 дней, и за это время рыцари ни разу не встретились с вооруженным противником. Поэту Зухенвирту пришлось ограничиваться прославлением поджогов мирных литовских деревень и массовых убийств ни в чем неповинных людей. После дикой резни безоружного населения сынки феодальной знати занялись обрядом взаимного посвящения в рыцари — «жемедя, достойная шера Сервантеса. Оставив развалины сожженных деревень и груны убитых женщин и детей, крестоносцы захватили с собой нескольких пленных и вернулись в Кенигсберг. Не всегда так легко отделялись любители приключений.

В 1336 г. под предводительством самого великого магистра состоялся крестовый поход, в котором участвовало до 200 герцогов и графов, приехавших из Германии, Франции и Англии. Население литовского городка, на который напали крестоносцы, оказывало стойкое сопротивление и отказалось сдаться. Осажденные литовцы штурфовали своих жен и детей, а потом перекололи друг друга. Таким образом, «победителям» достались лишь обугленные трупы. Во время войны 1347—1348 гг. Орден оказался в очень трудном положении, и только приход 40 тыс. военных наемников из района действия Столетней войны дал возможность преодолеть силы литовцев.

Настоящая опасность для немецких рыцарей настала лишь тогда, когда разрозненные до того феодальные владения русских, литовцев и поляков начали объединяться в централизованные государства. К концу XIV в. у восточных границ орденских земель выросли сильные государства: Литовско-Прусское и Польское.

<sup>1</sup> Дельбрюк Г. Указ. соч., стр. 274.

<sup>2</sup> Архив Маркса и Энгельса. Т. V, стр. 342—343.

<sup>3</sup> Там же, стр. 344.

Восточнее их намечалось возвышение Москвы — будущего центра могущественного русского государства. В изменившихся политических условиях руководители Ордена, чтобы сохранить свою власть, натравливали литовцев на русских, поляков — на литовцев и татар — на тех и других. Особенно старались расстраивать политические и военные соглашения, направленные против Ордена. Но политика Ордена «натиска на Восток» неизбежно вызвала сближение Польши с Литвой. В состав последней тогда входили Белоруссия и значительная часть Украины, а в конце XIV в. также и Смоленская земля.

Политическому сближению Литвы с Польшей долгое время мешало язычество, сохранившееся среди литовского населения, хотя многие литовцы под влиянием русских приняли православие.

18 февраля 1386 г. в Кракове состоялся торжественный обряд бракосочетания литовского князя Ягайло, который за 3 дня до этого принял католичество, с польской престолонаследницей Ядвигой. Государственные деятели Польши, нуждаясь в военном сотрудничестве с Литвой, настояли на этом браке. Ягайло после крещения получил имя Владислава и после коронации польским королем (4 марта 1386 г.) стал именоваться Владиславом IV.

Тевтонский орден всеми средствами пытался помешать браку Ягайло и Ядвиги, тем более что за этим последовало обращение литовцев в католичество. Сразу отпадало одно из препятствий польско-литовского военного и политического сближения, а рыцарские банды крестоносцев окончательно потеряли формальный предлог для своих «рейзов». Орден лишился постоянного притока подкреплений из Западной Европы и собственными силами должен был противостоять объединенным войскам поляков, литовцев и русских. Великий магистр Ордена был вынужден поддерживать Витовта, двоюродного брата Ягайло, претендовавшего на литовский престол.

Осуществление политических планов Витовта грозило уничтожением достигнутых результатов польско-литовского сближения. Польша сопротивлялась всем протискам литовских соперников Ягайло. Зато Витовт встретил всякую поддержку у Ордена и в союзе с ним в 1390 г. вторгся в пределы Литвы, чтобы завоевать себе престол. Однако расчеты Ордена на то, что Витовт окажется игрушкой в их руках, не оправдались. Витовт оставался непримиримым врагом тевтонов, союз с которыми он использовал лишь для того, чтобы заставить Ягайло и поляков признать его права на Литву. По договору с

Ягайло в 1392 г. он добился этого признания и немедленно начал вооруженную борьбу с немецкими рыцарями, вековыми врагами литовского народа. Несколько позднее (1401 г.) воинственный Витовт должен был признать себя вассалом Ягайло, но оставался одним из могущественных государей своего времени.

Жмудь продолжала оставаться главным поводом к обострению отношений Витовта с Орденом. По договорам 1398 и 1404 гг., Жмудь отошла к Ордену, но Витовт никогда не примирился с потерей этой части Литвы. Стремление вернуть утраченную Жмудь и одновременно с этим получить свободный доступ к Балтийскому морю заставило Витовта пойти навстречу польским предложениям о союзе против общего врага — Ордена.

К началу XV в. до чрезвычайности обострились отношения между Польшей и Орденом по вине последнего. Орден продолжал захват польских городов и земель, в то время как Польша добивалась возвращения Поморья, обеспечивающего ей выход к морю. Как бы в ответ на эти законные требования всего польского народа появился проект о разделе Польши между Орденом, германским императором, маркграфом бранденбургским и венгерским королем. Проект оказался несвоевременным из-за ненадежности трех последних партнеров, но подобные политические махинации не могли улучшить отношения Польши к Ордену. С 1407 г. великим магистром был рыцарь Ульрих Юнгинген. Со свойственным ему среди высокомерию он презирал поляков и литовцев. Великий магистр находил излишней всякую осторожность и, не заручившись достаточно надежной поддержкой, довел дело до открытой войны.

Военные действия начались в Жмуде, где в 1409 г. поднялось восстание против Ордена. Витовт выступил на помощь восставшим землякам. Ульрих Юнгинген, не кончив борьбы с Литвой, 6 августа 1409 г. объявил войну Польше на том основании, что Ягайло, запрошенный о позиции Польши в начавшейся борьбе из-за Жмуде, дал уклончивый ответ. Орден при этом руководствовался соображениями, что ему легче воевать на польской территории нежели в литовских лесах. До известных пределов эти расчеты оправдались, и Орден без труда захватил некоторые польские области и города (Добрижинскую землю). Неожиданное нападение заставило Польшу согласиться на перемирие, по условиям которого Орден удерживал все оккупированные им области. Окончательное решение территориальных споров было предоставлено третейскому суду чешского короля Вацлава IV, окру-



женного советниками из немецких феодалов. За огромную взятку, в размере 60 тыс. гульденов, чешский король в феврале 1410 г. признал все спорные земли за Орденом. В Польше не ожидали иного решения третейского суда и перемигрировали для сбора военных сил. К 30 июня 1410 г. собрались на Висле, близ границ орденских владений, литовские и польские войска.

Средневековые хроники не дают представления о действительном количестве военных сил противников. Например Любекская хроника рассказывает, что польско-литовское войско насчитывало 250 тыс. человек. Наименьшее количество, упоминаемое в хрониках, — 163 тыс. бойцов — также вызывает сомнения у современных исследователей. Основным источником по истории сражения при Грюнвальде является польский историк Ян Длугош (Długosz. 1415—1480 гг.), на основании хроник и архивного материала написавший «Историю Польши» в 12 книгах, впервые опубликованную в 1615 г.<sup>1</sup> Немецкие историки склонны принять общее количество орденских войск в 11 тыс. человек, а их противников — в 16 500 воинов<sup>2</sup>. Зато нет сомнения в определении национального состава войск. Витовт привел не только литовских всадников, но в его войсках самое видное место занимали русские полки из Смоленска, Витебска и Полоцка, входившие тогда в состав литовско-русского государства. В литовских частях встречались также белорусские и украинские ополченцы. Кроме того на помощь Витовту пришла татарская конница союзного с ним татарского хана Сагадина. Польский король мобилизовал все свои военные силы и пригласил несколько тысяч иностранных наемников, главным образом чехов, среди которых находилось немало участников будущих гуситских войн, в том числе, как полагают, вождь таборитов Ян Жижка, национальный герой чешского народа. Война с тевтонскими рыцарями превратилась в общеславянскую борьбу.

Основное ядро орденских войск составляла тяжело вооруженная рыцарская конница (около 3850), включая 700 орденских братьев. К ним присоединялись 3 тыс. оруженосцев и 4 тыс. конных стрельцов из «серых», иноземных наемников и свободных прусских крестьян. Та-

ким образом, орденское войско в большей степени сохранило свой средневековый характер тяжелой военной силы его противников, у которых народное ополчение принимало характер массовых армий. Соответственно этому различной оказалась тактика противников. Как бывало во времена покорения Пруссии, войска Ордена в 1410 г. предпочитали придерживаться оборонительно-наступательной тактики и в этих целях старались занять подходящие позиции, на которых можно было бы, отразив первый натиск противника, нанести ему сокрушительный удар рыцарской конницей. Недостатком подобной тактики являлось то обстоятельство, что в начале боя инициатива находилась в руках противника. Орден раньше привык иметь дело главным образом с плохо вооруженной литовской конницей и народным ополчением, поэтому не отказался и на этот раз от тактики, ставшей для него традиционной.

Впервые 10 июля войска противников встретились. Военные силы Ордена занимали малодоступные, укрепленные тыном из острых кольев позиции на правом берегу реки Древенца (один из правых притоков Вислы). Витовт и Ягайло отказались от атаки, сопряженной с переправой через реку, и направились к верховьям Древенца с явным намерением обойти это естественное препятствие для нападения на противника. Последний, учитывая обходное движение польско-литовско-русских войск, покинул позиции, занятые им 10 июля, и направился к деревням Танненберг и Грюнвальд, или Грюнфельд, где укрепились на новых позициях. Правый фланг орденских войск был прикрыт грюнвальдским лесом, а левое крыло упиралось в деревню Танненберг. Перед деревней Грюнфельд, но позади линии войск, был укрепленный лагерь Ордена.

15 июля атаку начали литовские всадники, которые напали на правый фланг орденских войск. Сильный огонь арбалетчиков и лучников произвел значительный урон в рядах литовцев, которые потом были встречены контратакой отряда рыцарской конницы.

Польский историк XV в. Длугош рассказывает, что «оба войска сражались почти целый час с равным успехом, и так как одно другому не уступало поля битвы, мужественно добиваясь победы, трудно было предвидеть, кто победит. Крестоносцы, заметив, что на левом крыле, где было польское войско, было им трудно и опасно бороться, так как передние отряды уже подались назад, они направили оружие на правое крыло, состоящее из литовцев, которых они надеялись легче разбить, потому что они шли менее пустыми

<sup>1</sup> «Historia Poloniae», ed F. Horbultus. Полностью она была опубликована во Франкфурте в 1711 г.; помещена у Długosz в «Opera omnia». T. X et XI. Cracoviae. 1873.

<sup>2</sup> Дельбрюк Г. Указ. соч., стр. 382—383.

колоннами, имели более слабых лошадей и худшее вооружение. Их намерением было, разбив литовцев, приняться за поляков. Но им не совсем удалось исполнить их намерение. Когда закипела битва с литовцами, русскими и татарами, литовские отряды, не будучи в состоянии выдержать натиска врагов, начали колебаться и отступили. Тем смелее стали на них наступать крестоносцы, а тесня их все сильнее, заставили их бежать»<sup>1</sup>.

Не выдержав встречного удара, литовцы и татарская конница бежали, но при этом увлекли с собой значительные силы противника. В образовавшуюся брешь вступили русские полки, отразившие все атаки противника и не давшие ему воспользоваться результатом бегства литовцев. Этим они внесли перелом в ход сражения, окончательное решение которого выпало на долю польских войск, стоявших в центре и против левого фланга орденских войск.

«После бегства литовцев, когда пыль, которая мешала сражающимся узнавать друг друга, благодаря мелкому дождю немного улеглась, началась между поляками и рыцарями во многих местах ожесточенная и упорная битва. Наступали крестоносцы, упорно добиваясь победы, и в общей свалке большое знамя польского короля Владислава со знаком белого орла... упало на землю, но более смелые и опытные в боях польские рыцари, которые боролись под этим знаменем, заметив это, подняли знамя и отнесли куда следует. Польское рыцарство, желая смыть с себя эту обиду, ударило с яростью на врага, разбило его наголову и заставило бежать... и хотя крестоносцы некоторое время выдерживали наступление, ...однако, окруженные со всех сторон подавляющими силами королевских войск, они были разбиты наголову»<sup>2</sup>.

Здесь был убит великий магистр, погибла значительная часть орденских братьев. В руки врагов попал укрепленный лагерь Ордена, где победители нашли повозки с веревками и цепями, приготовленные для пленных литовцев, поляков и русских. На этот раз они пригодились для побежденных рыцарей и их

слуг. По словам орденского летописца, «один приювальдский день уничтожил всю славу и гордость Ордена... С утра следующего дня начались для его несчастий, посрамлений и окончательного упадка».

После сражения при Грюнвальде жалкие остатки орденских войск могли держаться только в сильно укрепленном Мариенбурге. Вся остальная Пруссия лежала у ног польского короля. Прусские епископы и города спешили принести ему заявления о переходе в польское подданство или в вассальную зависимость. Однако сопротивление Мариенбурга и начавшиеся трения между Ягайло и Витовтом, который опасался, что чрезмерное усиление Польши уничтожит последние остатки литовской самостоятельности, привели к Торунскому миру 1 февраля 1411 года. Орден получил обратно все свои владения и отказался только от Добжинской земли в пользу Польши и от Жмуди в пользу Литвы. Но выгодные условия мира после тяжелого поражения не спасли Орден от упадка, так как и в дальнейшем обнаружилась его военная слабость. После 13-летней войны (1454—1466 гг.) Орден был вынужден признать свою вассальную зависимость от Польши. Но задолго до этого он потерял всякое значение, и никогда больше ему не удалось оправиться после Грюнвальда. Не без основания немецкий историк Шиман<sup>3</sup> вынужден признать, что время после Грюнвальда является самым мрачным в истории Германии и было более печальным нежели дни, послетовавшие за позорным поражением Пруссии при Мене и Ауэрштедте в 1806 году.

В истории славянских и всех остальных народов Восточной Европы значение Грюнвальда заключается в том, что победа 15 июля 1410 г. на несколько столетий приостановила немецкий «натиск на Восток» и дала возможность Польше и Литве отстаивать свою политическую независимость. Победа эта спасла народы Прибалтики от немецкого — сульбы, постигшей пруссов. Народы Восточной Европы после окончательного распада орденского государства (в Пруссии и Ливонии) получили возможность добиться доступа к Балтийскому морю.

<sup>1</sup> Грацианский Н. П. и Сказкин С. Д. Хрестоматия по истории средних веков. Т. II. Ч. 1-я, стр. 212.

<sup>2</sup> Там же, стр. 212—213.

<sup>3</sup> Schieman n Th. «Russland, Polen und Livland bis ins 17. Jahrhundert», S. 528. Berlin. 1885.

# ДОКУМЕНТЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

## СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ ПРАВИТЕЛЬСТВАМИ СССР И ВЕЛИКОБРИТАНИИ О СОВМЕСТНЫХ ДЕЙСТВИЯХ В ВОЙНЕ ПРОТИВ ГЕРМАНИИ

В результате переговоров, происходивших в течение последних дней в Москве между Председателем Совета Народных Комиссаров СССР тов. И. В. Сталиным и Народным Комиссаром Иностранных Дел тов. В. М. Молотовым — с одной стороны, и Чрезвычайным и Полномочным Послом Великобритании в СССР г-ном Стаффорд Криппсом — с другой стороны, 12 июля подписано Соглашение о совместных действиях Правительства СССР и Правительства Его Величества в Соединенном Королевстве в войне против Германии, а также Протокол к этому Соглашению.

При подписании Соглашения присутствовали со стороны СССР тов. И. В. Сталин, Народный Комиссар Военно-Морского Флота Адмирал тов. Н. Г. Кузнецов, Заместитель Народного Комиссара Обороны Маршал Советского Союза тов. В. М. Шапошников, Заместитель Народного Комиссара Иностранных Дел тов. А. Я. Вышинский, Генеральный Секретарь Наркоминдела тов. А. А. Соболев, член Коллегии Наркоминдела тов. А. П. Павлов и ответственные работники Наркоминдела т.т. С. П. Козырев, Ф. Т. Гусев, М. М. Потрубач, а со стороны Великобритании — глава военной миссии в СССР генерал-лейтенант Мэсон Макфарлан, член военной миссии контр-адмирал Д. Майлс, член военной миссии вице-маршал воздушных сил А. Колбер, глава экономической миссии в СССР г-н Лоурене Кадбюри, советник английского посольства г-н Л. Ваггаллей, военный атташе полковник Р. Грир, воздушный атташе полковник Ч. Халлауэл, морской атташе капитан Г. Клэнчи и ряд других ответственных сотрудников английского посольства.

Ниже приводится текст Соглашения и Протокола к нему.

### Соглашение

#### о совместных действиях Правительства Союза ССР и Правительства Его Величества в Соединенном Королевстве в войне против Германии

Правительство Союза ССР и Правительство Его Величества в Соединенном Королевстве заключили настоящее Соглашение и декларируют о следующем:

1. Оба Правительства взаимно обязуются оказывать друг другу помощь и поддержку всякого рода в настоящей войне против гитлеровской Германии.

2. Они далее обязуются, что в продолжение этой войны они не будут ни вести переговоров, ни заключать перемирия или мирного договора, кроме как с обоюдного согласия.

Настоящее Соглашение заключено в двух экземплярах, каждый на русском и английском языках.

Оба текста имеют одинаковую силу.

Москва, 12 июля 1941 года.

По уполномочию Правительства Союза ССР — Заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и Народный Комиссар Иностранных Дел —

**В. МОЛОТОВ.**

По уполномочию Правительства Его Величества в Соединенном Королевстве — Чрезвычайный и Полномочный Посол Его Величества в СССР —

**СТАФФОРД КРИППС.**

## Протокол

к Соглашению о совместных действиях Правительства Союза ССР и Правительства Его Величества в Соединенном Королевстве в войне против Германии, заключенному 12 июля 1941 года

При заключении Соглашения о совместных действиях Правительства Союза ССР и Правительства Его Величества в Соединенном Королевстве в войне против Германии Договаривающиеся Стороны условились о том, что указанное выше Соглашение вступает в силу немедленно с момента его подписания и ратификации не подлежит.

Настоящий Протокол составлен в двух экземплярах, каждый на русском и английском языках.

Оба текста имеют одинаковую силу.

Москва, 12 июля 1941 года.

По уполномочию Правительства Союза Советских Социалистических Республик — Заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров и Народный Комиссар Иностранных Дел —

**В. МОЛОТОВ.**

«Правда» от 14 июля 1941 г.

По уполномочию Правительства Его Величества в Соединенном Королевстве — Чрезвычайный и Полномочный Посол Его Величества в СССР —

**СТАФФОРД КРИППС.**

## НАРОДЫ СССР И ВЕЛИКОБРИТАНИИ РАЗГРОМЯТ ГЕРМАНСКИЙ ФАШИЗМ

(Выступление секретаря Всесоюзного Совета Профессиональных Союзов тов. Н. М. Шверника по радио 29 июля, передавшееся в Англию)

Дорогие друзья!

Позвольте выразить Вам искреннюю благодарность за Ваши добрые чувства и пожелания советскому народу в его отечественной войне против злейшего врага всего человечества — германского фашизма.

Многочисленные приветствия тредюнионов, лейбористских организаций и резолюции, принимаемые на митингах всех слоев великого английского народа, присылаемые в нашу страну, являются свидетельством братской солидарности с советским народом, пониманием необходимости теснейшего сотрудничества в борьбе против нацистских варваров.

Сотрудничество народов двух великих государств — Советского Союза и Великобритании — является грозной силой, ибо оно основано на общности их интересов в борьбе за свободу и независимость всех угнетенных народов от фашистских поработителей.

Прошло больше месяца со дня вероломного нападения германского фашизма на Советский Союз. На этот разбойничий акт фашистской агрессии советский народ под руководством своего правительства во главе с товарищем Сталиным ответил сплочением своих рядов, мобилизацией всех сил для того, чтобы разгромить и окончательно уничтожить гитлеровские разбойничьи банды.

Беспримерные подвиги, героизм и бесстрашие показывают в боях против немецких фашистских полчищ наша доблестная Красная Армия, наша славная Авиация и Военно-Морской Флот.

Красная Армия оказалась такой грозной силой, о которую полностью разбились гитлеровские планы молниеносного уничтожения нашего государства, после которого должно было последовать не менее варварское нападение на Великобританию.

Героическая борьба Красной Армии на фронтах сочетается с самоотверженным трудом наших рабочих и работниц на фабриках, заводах, шахтах, рудниках, наших ученых в лабораториях, наших крестьян на полях.

На призыв Председателя Государственного Комитета Обороны товарища Сталина вся наша страна, все трудящиеся перестроили свою работу и работают только для фронта, только для победы над злейшим и коварным врагом.

Советский народ — рабочие, интеллигенция, служащие, крестьяне непреклонны в своей воле и стремлении бороться с гитлеровской Германией до последней капли крови, не щадя своих сил, не щадя своей жизни.

Каждый гражданин нашей страны прекрасно понимает, что война с Гитлером и его разбойничьими бандами является священной войной, что в этой войне он не одинок, так как эта война не только за свободу и независимость советского народа, но война за независимость и демократические свободы всех народов, угнетенных гитлеризмом.

Вот почему заключенное Правительством Советского Союза и Правительством Великобритании Соглашение о совместных военных действиях против гитлеровской Германии было встречено советским народом с величайшим удовлетворением, как акт огромного исторического и политического значения.

Совершенно понятным является и тот факт, что это соглашение нашло живой отклик и одобрение всего прогрессивного человечества, а также и среди пораженных германским фашизмом народов Франции, Бельгии, Норвегии, Польши, Голландии, Чехословакии, Югославии, Греции, Дании и других стран. Угнетенные народы этих стран, чью свободу и независимость растоптал Гитлер, видят в совместной войне Советского Союза и Великобритании против гитлеровской Германии начало своего освобождения от фашистского деспотизма и восстановления самостоятельной государственности, демократических свобод и независимости.

Дорогие друзья!

Советский народ и руководители советского правительства трезво оценивают силы врага и все те трудности, которые надо будет преодолеть в борьбе за полный его разгром. Враг силен, хитер и коварен. Он не стесняется в действиях. Он не только использует пушки, пулеметы, самолеты, танки, но и широко пользуется ложью и обманом для того, чтобы хоть что-нибудь прикрыть свое разбойничье нападение на Советский Союз, свои грабительские планы установления мирового фашистского господства.

Однако изолгавшемуся авантюристу Гитлеру и его шайке никто не верит и не поверит. Все честные люди мира знают, что Гитлер и гитлеризм—это величайшее зло человечества, без уничтожения которого мир не может жить спокойно.

Вот почему необходимо изо дня в день крепить объединение всех сил и средств свободолюбивых народов для борьбы с германским фашизмом, для его разгрома и полного уничтожения.

Рабочий класс Советского Союза, объединенный в профессиональные союзы, и все трудящиеся нашей страны глубоко уверены в том, что рабочий класс и весь английский народ будут изо дня в день увеличивать и поднимать свою активность в борьбе против нацистских поработителей, разрушителей культуры и цивилизации.

Великие народы Советского Союза и Великобритании при поддержке народов других стран окончательно уничтожат фашизм, добьются торжества свободы и независимости народов Европы.

От имени профессиональных союзов и всех трудящихся Советского Союза передаю рабочему классу и всему народу Великобритании искренний братский привет и пожелания лучших успехов во имя нашей совместной борьбы против злейшего врага — германского фашизма.

«Правда» от 30 июля 1941 г.

### СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ СССР И ЧЕХОСЛОВАКИЕЙ

18 июля в Лондоне было подписано соглашение между СССР и Чехословацкой Республикой. От имени СССР соглашение подписал Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Великобритании тов. Майский, а от имени Чехословацкой Республики—Министр иностранных дел Ян Массарик. Ниже приводится текст соглашения.

#### Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Чехословацкой Республики

Правительство Союза Советских Социалистических Республик и правительство Чехословацкой Республики заключили следующее соглашение:

1. Оба правительства согласились немедленно обменяться посланниками.
2. Оба правительства взаимно обязуются оказывать друг другу всякого рода помощь и поддержку в настоящей войне против гитлеровской Германии.
3. Правительство Союза Советских Социалистических Республик согласно на создание на территории Союза Советских Социалистических Республик национальных чехословацких воинских частей под командованием лица, назначенного Чехословацким правительством с согласия советского правительства. Чехословацкие воинские части на территории Союза Советских Социалистических Республик будут действовать под руководством верховного военного командования Союза Советских Социалистических Республик.

4. Настоящее соглашение вступает в силу немедленно с момента его подписания и ратификации не подлежит.

5. Настоящее соглашение составлено в 2-х экземплярах каждый на русском и чехословацком языках. Оба текста имеют одинаковую силу.

Подписи: Чрезвычайный и Полномочный Посол Союза Советских Социалистических Республик в Великобритании **Майский**.

Министр иностранных дел Чехословацкой Республики **Ян Массарик**.

«Правда» от 20 июля 1941 г.

## СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ СССР И ПОЛЬШЕЙ

30 июля с. г. в Лондоне было подписано Соглашение между Правительством СССР и Польским Правительством. От имени СССР Соглашение подписал Чрезвычайный и Полномочный посол СССР в Великобритании тов. Майский, а от имени Польского Правительства Премьер-министр г. Сикорский.

Ниже приводится текст Соглашения.

Соглашение между Правительством СССР  
и Польским Правительством

1. Правительство СССР признает советско-германские договоры 1939 года касательно территориальных перемен в Польше утратившими силу. Польское Правительство заявляет, что Польша не связана никаким соглашением с какой-либо третьей стороной, направленным против Советского Союза.

2. Дипломатические сношения будут восстановлены между обоими Правительствами по подписании настоящего соглашения и будет произведен немедленный обмен послами.

3. Оба Правительства взаимно обязуются оказывать друг другу всякого рода помощь и поддержку в настоящей войне против гитлеровской Германии.

4. Правительство СССР выражает свое согласие на создание на территории СССР польской армии под командованием, назначенным Польским Правительством с согласия Советского Правительства. Польская армия на территории СССР будет действовать в оперативном отношении под руководством Верховного Командования СССР, в составе которого будет состоять представитель польской армии. Все детали относительно организации командования и применения этой силы будут разрешены последующим Соглашением.

5. Настоящее Соглашение вступает в силу немедленно с момента его подписания и ратификации не подлежит. Настоящее Соглашение составлено в 2-х экземплярах, каждый из них на польском и русском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

К Соглашению приложен Протокол следующего содержания:

«Советское Правительство предоставляет амнистию всем польским гражданам, содержащимся ныне в заключении на советской территории в качестве ли военнопленных или на других достаточных основаниях, со времени восстановления дипломатических сношений».

«Правда» от 31 июля 1941 г.

## ЗНАЧЕНИЕ СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОГО СОГЛАШЕНИЯ

Народы всего мира, все передовое человечество с энтузиазмом приветствуют создание могущественной коалиции держав, направленной против гитлеровской Германии. Ширится и крепнет единый фронт народов, исполненных решимости довести до победного конца борьбу против кровавого Гитлера, борьбу за освобождение порабожденных им народов и избавление человечества от величайшей опасности, которая ему когда-либо угрожала, — от гитлеризма.

Огромно значение тех исторических соглашений, которые достигнуты между СССР и Великобританией, между СССР и Польшей, между СССР и Чехословакией, ибо все эти соглашения, равно как и такой факт, как восстановление в полном объеме нормальных дипломатических отношений между СССР и Югославией, свидетельствуют о том, что против Гитлера поднялась непреодолимая, могучая сила. Эта сила разгромит и уничтожит фашистско-немецкие полчища, свирепый и ожесточенный напор которых с таким беспримерным мужеством и доблестью сдерживает и отбрасывает героическая Красная Армия.

Советско-польское соглашение, являющееся одним из важнейших звеньев антигитлеровской коалиции, привлекло к себе очень большое внимание как среди наших друзей, так и среди наших врагов. Оно было встречено с величайшим одобрением всеми свободолюбивыми народами мира, которые справедливо считают, что установление дружественных отношений между народами Советского Союза и Польши и их совместная борьба против гитлеровской Германии, нагло растоптавшей договора и вероломно нарушившей свои обязательства в отношении СССР, Польши и других государств, является крупнейшим вкладом в дело разгрома гитлеризма.

Заключение советско-польского соглашения вызвало смтение и растерянность в правящих кругах Германии, Румынии, Финляндии, ибо в этих кругах понимают, что соглашение между СССР и Польшей, равно как и соглашение между СССР и Чехословакией и восстановление нормальных дипломатических отношений между СССР и Югославией, явится могучим стимулом для дальнейшего необычайного подъема борьбы против фашистско-немецких захватчиков в тылу у врага, в порабожденных и захваченных им странах.

Советско-польское соглашение было восторженно встречено в польских, чешских, югославских эмигрантских кругах, которые видят в нем широкие возможности для активизации их борьбы за освобождение своей родины, борьбы против гитлеровского гнета.



Советский народ, который сейчас выносит всю тяжесть напора гитлеровских полчищ, советский народ, который явил пример невиданной доблести и героизма, который своим мужественным сопротивлением развеял легенду о непобедимости германской армии, сорвал планы гитлеровской «молниеносной войны», приветствует советско-польское соглашение, видя в нем основу для сотрудничества братских народов в бесстрашной борьбе против гитлеровских насильников, против того, кто является злейшим врагом славянских народов, против Гитлера.

Советский народ протянул руку помощи польскому народу, который явился одной из первых жертв вероломной и захватнической политики Гитлера. Протянутая рука не повисла в воздухе. Свободолюбивый польский народ ответил сердечным рукопожатием, исполненный решимости биться плечом к плечу вместе с советским народом против лютого врага, против кровавого Гитлера.

Громадное историческое значение этого братского союза двух славянских народов по достоинству оценило все человечество. Отсюда и тот громадный резонанс, который вызвало советско-польское соглашение во всей мировой общественности.

Смертельная, священная ненависть к общему врагу, неутомимая любовь к свободе объединили народы Советского Союза и Польши. В то же время советско-польское соглашение являет пример глубокой мудрости и государственного разума братских народов.

Советско-польское соглашение показало, что есть, как и всегда была, полная возможность поддерживать и сохранять самые добрососедские отношения между братскими народами Советского Союза и Польши. Нельзя поэтому оставить без внимания тот факт, что при анализе и оценке советско-польского соглашения делается попытка проводить исторические параллели, которые никак нельзя признать правильными. Польский премьер-министр г. Сикорский в речи, произнесенной 31 июля в Лондоне по радио, провел параллель между 1795 годом, когда «две великие державы — Германия и Россия — поклялись, что Польша и польская нация должны исчезнуть навсегда», и 1939 годом, когда было заключено «аналогичное соглашение об уничтожении Польши навсегда».

Действительно, 1795 год — одна из самых печальных страниц в истории Польши. Это год так называемого третьего раздела Польши. Но если уже делать исторические экскурсы, то во имя справедливости необходимо отметить, что третий раздел Польши был предопределен не столько внешнеполитическими, сколько внутриполитическими причинами.

Раздел Польши в 1795 году был прямым результатом сотрудничества самых реакционных европейских государств, объединившихся для борьбы против революции и национально-освободительных движений.

Мыслима ли аналогия в таких условиях, аналогия между 1795 и 1939 годами? Конечно, нет. Наконец, во имя исторической справедливости необходимо вспомнить и обстановку, которая сложилась в 1939 году. Нельзя забывать, что вступление советских войск в пределы восточных областей Польши в 1939 году было обусловлено тем, что, как это справедливо указал в своей речи 17 сентября 1939 года товарищ В. М. Молотов, Польша стала удобным полем для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР.

Нельзя забывать и того, что Советский Союз обязан был подать руку помощи перед лицом угрозы германской оккупации украинцам и белорусам, которые составляли преимущественное население восточных областей Польши.

Только сейчас, в свете нынешних событий, связанных с разбойничьим, вероломным нападением гитлеровской Германии на Советский Союз, становится особенно ясным, насколько правильно поступило советское правительство осенью 1939 года, не дав занять немецко-фашистским войскам Западную Украину и Западную Белоруссию, которые германский фашизм — в этом не может быть никаких сомнений, именно сейчас — не замедлил бы превратить в трамплин для нападения на Советский Союз.

Сейчас более чем ясно, что Советский Союз очутился бы в несравненно более трудных условиях перед лицом разбойничьего нападения гитлеровской Германии, если бы в первые же дни войны бои разыгрались не в районе Львова, Бреста, Белостока, а в районах Одессы, Каменец-Подольска и Минска. Всякий, кому дорого дело разгрома гитлеризма, должен оценить проницательность и дальновидность советского правительства, сумевшего предвидеть любое развитие событий и создать возможности для наиболее эффективной обороны Советского Союза.

При правильной оценке фактов и событий последних лет нет никаких оснований рассматривать события 1939 года и отразившее их соглашение с точки зрения аналогии с событиями 1795 года.

В советско-польском соглашении от 30 июля 1941 года сказано, что «Правительство СССР признает советско-германские договоры 1939 года касательно территориальных перемен Польши утратившими силу». Тем самым советское правительство подчеркнуло, что «территориальные переменны» не вечны и что границы, предсмотренные этими «переменами», не являются чем-то неизменным. Да и вообще, едва ли своевременно сейчас ставить вопрос о границах. Не случайно английское правительство отказалось гарантировать границы Польши, существовавшие в 1939 году, до начала войны между Германией и Польшей. Г. Сикорский в своей речи

сказал, что «никто не смеет и предположить, что границы польского государства 1939 года могут быть поставлены под сомнение». Нельзя согласиться с такой точкой зрения. Советский Союз мог бы в свою очередь сказать, что он не считает неизменяемыми границы СССР с Польшей, установленные Рижским договором 1921 года.

Вопрос о будущих советско-польских границах — это вопрос будущего. Советско-польское соглашение, явившее пример государственной мудрости и доброй воли народов СССР и Польши, представляет собой убедительное доказательство того, что все вопросы советско-польских отношений смогут быть в будущем так же успешно разрешены, как успешно разрешен вопрос о совместной борьбе братских народов СССР и Польши против общего врага.

«Правда» от 4 августа 1941 г.

## Военное соглашение между Верховным Главным Командованием СССР и Верховным Командованием Польши

В соответствии с Советско-Польским Соглашением от 30 июля с. г., между Верховным Главным Командованием СССР и Верховным Командованием Польши 14 августа с. г. заключено в Москве военное соглашение, подписанное со стороны СССР Уполномоченным Верховного Главного Командования СССР генерал-майором **А. Василевским**, со стороны Польши — Уполномоченным Верховного Командования Польши — генерал-майором **С. Богуш-Шишко**.

В качестве командующего польской армией на территории СССР главнокомандующий польскими вооруженными силами г. Сикорский назначил генерала Андерса. Генерал Андерс приступил к формированию польской армии.

«Правда» от 20 августа 1941 г.

## О ПРОДЛЕНИИ ТОРГОВОГО СОГЛАШЕНИЯ МЕЖДУ СССР И США

2 августа 1941 года в Вашингтоне состоялся обмен нотами между Послом Союза ССР в США г. К. А. Уманским и Исполняющим обязанности Государственного Секретаря США г. Сомнером Уэллесом о продлении действующего между СССР и США Торгового Соглашения, сроком на 1 год, до 6-го августа 1942 года.

Одновременно г-н Уэллес вручил г. Уманскому ноту об экономическом содействии Союзу ССР со стороны Соединенных Штатов Америки.

Ниже приводятся ноты о продлении Торгового Соглашения между СССР и США, а также нота Правительства США об экономическом содействии Союзу ССР и ответная нота на нее Советского Правительства.

Вашингтон, 2 августа 1941 года.

Ваше Превосходительство,

В соответствии с имевшими место переговорами, я имею честь подтвердить от имени моего Правительства Соглашение, которое было достигнуто между Правительствами наших соответственных стран о том, что Соглашение о торговых отношениях между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки, зафиксированное в обмене нотами от 4 августа 1937 года между Народным Комиссаром Иностранных Дел Союза ССР и послом Соединенных Штатов Америки в Москве, вступившее в силу 6 августа 1937 года в день утверждения его Советом Народных Комиссаров Союза ССР и прокламации его Президентом Соединенных Штатов Америки, возобновленное 5-го августа 1938 года, 2 августа 1939 года и 6 августа 1940 года останется в силе до 6 августа 1942 года.

Настоящее Соглашение будет утверждено Советом Народных Комиссаров Союза ССР и прокламировано Президентом Соединенных Штатов Америки.

Примите, Ваше Превосходительство, новые заверения в моем глубочайшем к Вам уважении.

**Константин УМАНСКИЙ**

Чрезвычайный и Полномочный Посол  
Союза ССР в США.

Его Превосходительству  
**СОМНЕР УЭЛЛЕСУ**

и. о. Государственного Секретаря С.Ш.А.  
Вашингтон.

Вашингтон, 2 августа 1941 года.  
Ваше Превосходительство,

В соответствии с имевшими место переговорами, я имею честь подтвердить от имени моего Правительства Соглашение, которое было достигнуто между Правительствами наших соответственных стран о том, что Соглашение о торговых отношениях между Соединенными Штатами Америки и Союзом Советских Социалистических Республик, зафиксированное в обмене нотами от 4 августа 1937 года между послом Соединенных Штатов Америки в Москве и Народным Комиссаром Иностранных Дел Союза ССР, вступившее в силу 6 августа 1937 года в день прокламации его Президентом Соединенных Штатов Америки и утверждения его Советом Народных Комиссаров Союза ССР, возобновленное 5-го августа 1938 года, 2 августа 1939 года и 6 августа 1940 года, останется в силе до 6 августа 1942 года.

Настоящее Соглашение будет прокламировано Президентом Соединенных Штатов Америки и утверждено Советом Народных Комиссаров Союза ССР.

Примите, Ваше Превосходительство, новые заверения в моем глубочайшем к Вам уважении —

Сомнер УЭЛЛЕС,

и. о. Государственного Секретаря С.Ш.А.

Его Превосходительству

**Н. А. УМАНСКОМУ,**

Чрезвычайному и Полномочному Послу  
Союза ССР в США.  
Вашингтон.

Вашингтон, 2 августа 1941 года.

Мой дорогой господин Посол,

Я с удовлетворением довожу до Вашего сведения, что Правительство Соединенных Штатов решило оказать все осуществимое экономическое содействие с целью укрепления Советского Союза в его борьбе против вооруженной агрессии. Это решение продиктовано убеждением Правительства Соединенных Штатов, что укрепление вооруженного сопротивления Советского Союза грабительскому нападению агрессора, угрожающего безопасности и независимости не только Советского Союза, но и всех других народов, — соответствует интересам государственной обороны Соединенных Штатов.

В соответствии с этим решением Правительства Соединенных Штатов и с целью проведения на деле объявленной выше политики, Правительство Соединенных Штатов рассматривает самым дружественным образом предложения, исходящие от Правительства, учреждений и агентств Советского Союза о размещении в Соединенных Штатах заказов на товары и материалы, срочно необходимые для нужд государственной обороны Советского Союза, а также, с целью содействия быстрому изготовлению и отгрузке этих товаров и материалов, предоставляет этим заказам приоритет на основании принципов, которые применяет к заказам стран, борющихся против агрессии.

С целью облегчить оказание экономического содействия Советскому Союзу, Государственный Департамент выдает также неограниченные лицензии, позволяющие экспорт в Советский Союз широкой номенклатуры товаров и материалов, необходимых для укрепления обороны Советского Союза в соответствии с принципами, применяемыми к снабжению подобными товарами и материалами, необходимыми для тех же целей, других стран, сопротивляющихся агрессии.

Соответствующие власти Правительства Соединенных Штатов, проводя изложенное мною выше решение, также благожелательно рассматривают предложения об использовании наличных возможностей американского морского транспорта для целей ускорения доставки в Советский Союз товаров и материалов, необходимых для государственной обороны Советского Союза.

Остаюсь, мой дорогой господин Уманский, весьма искренне Ваш —

Сомнер УЭЛЛЕС,

Исполняющий обязанности  
Государственного Секретаря США

Чрезвычайному и Полномочному Послу  
Союза ССР в США  
**Н. А. УМАНСКОМУ**  
Вашингтон.

Вашингтон, 2 августа 1941 года.

Мой дорогой господин Государственный Секретарь,

Я с удовлетворением принял к сведению содержание полученной мною сегодня от Вас ноты, в которой Вы извещаете меня, что Правительство Соединенных Штатов решило оказать все осуществимое экономическое содействие с целью укрепления Советского Союза в его борьбе против вооруженной агрессии. Вы добавляете, что это решение продиктовано убеждением Правительства Соединенных Штатов в том, что укрепление вооруженного сопротивления Советского Союза грабительскому нападению агрессора, угрожающего безопасности и независимости не только Советского Союза, но и всех других народов, — соответствует интересам государственной обороны Соединенных Штатов.

От имени моего Правительства я желаю подчеркнуть правоту точки зрения, что агрессор, который вероломно напал на мою страну, угрожает безопасности и независимости всех свободлюбивых народов и что эта угроза естественно создает общность интересов государственной обороны этих народов.

Мое Правительство поручило мне выразить Правительству Соединенных Штатов благодарность за дружественное решение Правительства Соединенных Штатов и уверенность, что экономическое содействие, о котором Вы сообщаете в Вашей ноте, явится содействием такого объема и будет проводиться с такой быстротой, что оно будет соответствовать размаху военных действий, проводимых Советским Союзом в его вооруженном сопротивлении агрессору, — сопротивлению, которое, как Вы столь справедливо заметили, соответствует также интересам государственной обороны Соединенных Штатов.

Я принимаю также с удовлетворением к сведению содержащееся в Вашей ноте заявление о том, что в соответствии с этим решением Правительства Соединенных Штатов и с целью проведения на деле объявленной выше политики, Правительство Соединенных Штатов рассматривает самым дружественным образом предложения, исходящие от Правительства, учреждений и агентств Советского Союза о размещении в Соединенных Штатах заказов на товары и материалы, срочно необходимые для нужд государственной обороны Советского Союза, а также, с целью содействия быстрому изготовлению и отгрузке этих товаров и материалов, предоставляет этим заказам приоритет на основании принципов, которые применяет к заказам стран, борющихся против агрессии.

Я принимаю также с удовлетворением к сведению содержащееся в Вашей ноте заявление о том, что, с целью облегчить оказание экономического содействия Советскому Союзу, Государственный Департамент выдает также неограниченные лицензии, позволяющие экспорт в Советский Союз широкой номенклатуры товаров и материалов, необходимых для укрепления обороны Советского Союза, в соответствии с принципами, применяемыми к снабжению подобными товарами и материалами, необходимыми для тех же целей, других стран, сопротивляющихся агрессии, а также, что соответствующие власти Правительства Соединенных Штатов, проводя изложенное мною выше решение, также благожелательно рассматривают предложения об использовании наличных возможностей американского морского транспорта для целей ускорения доставки в Советский Союз товаров и материалов, необходимых для государственной обороны Советского Союза.

Остаюсь, мой дорогой господин Уэллес, весьма искренне Ваш —

**Н. УМАНСКИЙ,**

Чрезвычайный и Полномочный Посол  
Союза ССР в США

Господину **СОМНЕР УЭЛЛЕСУ,**  
и. о. Государственного Секретаря США  
Вашингтон.

«Правда» от 6 августа 1941 г.

#### ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СССР И БЕЛЬГИЕЙ

В результате переговоров, имевших место 7 августа в Лондоне между послом СССР в Англии тов. Майским и министром иностранных дел Бельгии г. Спааком, достигнуто соглашение о восстановлении отношений и обмене дипломатическими представителями между правительствами СССР и Бельгии.

#### ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СССР И НОРВЕГИЕЙ

5 августа в Лондоне состоялся обмен письмами между послом СССР в Англии тов. Майским и министром иностранных дел Норвегии г. Ли о восстановлении дипломатических отношений и обмене посланниками между правительствами СССР и Норвегии.

«Правда» от 9 августа 1941 г.

## БРАТЬЯ УГНЕТЕННЫЕ СЛАВЯНЕ!

Мир пылает в огне самой кровопролитной и разрушительной из войн, какие только знало человечество.

Эту войну навязал миру кроважадный германский фашизм. Народы Франции, Чехословакии, Польши, Австрии, Голландии, Бельгии, Дании, Норвегии, Югославии, Греции — под ярмом германских фашистов и их приспешников — фашистов Италии, Венгрии, Румынии, Финляндии.

Особенную ненависть гитлеризм питает к славянским народам. Коварный план германского фашизма — захватить навсегда наши древние славянские земли, отдать их в руки немецких баронов-помещиков, в руки итальянской, венгерской знати и превратить славян в вечных рабов.

Германский фашизм не останавливается перед физическим истреблением и уничтожением славян. Гитлер и его фашистская клика прямо говорят о необходимости «уничтожить массы славян». Этот кровавый план уничтожения славян проводится в жизнь с беспримерной жестокостью.

Одну из самых культурных и трудолюбивых стран Европы — Чехословакию германский фашизм поработил и раздробил на куски. Значительная часть словацких земель отдана в подарок венгерским помещикам. Такая же судьба постигла Закарпатскую Украину. Свыше 100 тысяч чехов, словаков и карпато-украинцев томятся в тюрьмах и концентрационных лагерях.

Германский фашизм уничтожил Польскую республику и в течение полутора лет истребил до 3 миллионов поляков. В австрийских городах Граце и Вольфсберге Гитлер организовал «рынок рабов», где продают с торгов польских крестьян и рабочих немецким помещикам и предпринимателям.

Полчища Гитлера, ведя на поводу фашистов Италии и Венгрии, зверски расправились с Югославией. Город Белград разрушен. В городе в первые же дни зверски убито 32 тысячи мирных жителей. Югославское государство подверглось разбойничьему дележу между немецкими, итальянскими и венгерскими фашистами. В течение трех месяцев физически истреблено свыше 80 тысяч сербов.

В Болгарии, проданной Гитлеру правящей кликой изменников, хозяйничают германские оккупанты. Болгарский народ насильственно толкают на войну против своих братьев-славян. Население Болгарии подвергнуто жесточайшему террору и грабежу.

Предательски напав на Советский Союз, германский фашизм встретил железный отпор Красной Армии, могучее сопротивление всего русского, украинского, белорусского населения и всех народов Советского Союза. В районах Советской Украины и Белоруссии, которые враг успел захватить, творятся неслыханные издевательства и зверства над мирным населением, фашисты выжигают целые села, расстреливают, вешают, пытаются тысячи крестьян, насиляют женщин, убивают детей. В одном лишь городе Львове в первые же дни хозяйничанья немцев убито и замучено не менее 6 тысяч жителей.

Таким образом, все свободолюбивые славянские народы — чехи, словаки, карпато-украинцы, поляки, сербы, хорваты, словенцы, болгары, русские, украинцы и белорусы подверглись кровавой агрессии германского фашизма.

Братья угнетенные славяне! Мы стоим перед смертельной угрозой.

Пробил час, когда весь славянский мир должен объединиться для скорейшего и окончательного разгрома германского фашизма.

Мы объединяемся как равные с равными. У нас одна задача и одна цель — разгром гитлеровских армий и уничтожение гитлеризма. У нас одно горячее всеобъемлющее стремление, — чтобы славянские, так же как и все другие, народы мирно и свободно развивались в рамках своей государственности. Мы решительно и твердо отвергаем самую идею панславизма, как насквозь реакционного течения, глубоко враждебного высоким задачам равенства народов и национального развития всех государств, которую в своих империалистических целях использовывал русский царизм. Наша задача — объединенными усилиями уничтожить гнет немецкого фашизма, каких бы жертв это нам ни стоило.

Братья угнетенные славяне! Пусть пламя священной борьбы могучим шквалом встанет над всеми славянскими землями, поработенными и поработаемыми гитлеризмом! Пусть каждый клочок славянской земли станет могилой врагу и базой для освобождения от гитлеровского гнета!

Всеми средствами подрывайте боеспособность и разлагайте ряды гитлеровской армии!

Саботируйте все мероприятия ненавистного гитлеровского режима! Жгите военные склады, рвите телеграфную и телефонную связь, пускайте под откос вражеские эшелоны, беспощадно уничтожайте живую силу врага, шире развертывайте всенародную партизанскую войну за освобождение от гитлеровского гнета!

Кровь за кровь! Смерть за смерть! Беспощадная месть врагу за порабощение родных земель, за разрушенные города и сожженные села, за убитых и замученных

в тюрьмах и концентрационных лагерях, за слезы женщин и гибель детей, за все надругательства над нашими народами!

Братья угнетенные славяне! Враг коварен и силен. Но соединенные вместе мы во сто крат сильнее его. Народы Советского Союза и его Красная Армия с нами. С нами все демократические страны, с нами все передовое человечество.

Вставайте на освободительную войну против гитлеризма!

Смерть фашистским бандам Гитлера и Муссолини, этих убийц славянских народов!

Да здравствует наша победа над кровавым гитлеризмом!

Русский писатель, академик **АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ**.  
 Украинский писатель, академик **АЛЕКСАНДР КОРНЕЙЧУК**.  
 Народный поэт Белоруссии **ЯНКА КУПАЛА**.  
 Польский генерал **МАРИАН ЯНУШАЙТИС**.  
 Польская писательница **ВАНДА ВАСИЛЕВСКАЯ**.  
 Чешский общественный деятель, профессор **ЗДЕНЕК НЕЕДЛЫ**.  
 Словацкий общественный деятель, депутат Чехословацкого парламента **МАРЕК ЧУЛЕН**.  
 Общественный деятель Закарпатской Украины, депутат Чехословацкого парламента **ИВАН ЛОКОТА**.  
 Чехословацкий поэт, профессор **ОНДРА ЛЫСОГОРСКИЙ**.  
 Сербский общественный деятель, профессор **БОЖИДАР МАСЛАРИЧ**.  
 Хорватский общественный деятель **ЮРО САЛАЙ**.  
 Словенский журналист и общественный деятель **ИВАН РЕГЕНТ**.  
 Черногорский поэт **РАДУЛЕ СТИЙЕНСКИЙ**.  
 Болгарский общественный деятель, доктор **А. СТОЯНОВ**.  
 Македонский общественный деятель **ДИМИТРИЙ ВЛАХОВ**.

«Правда» от 12 августа 1941 г.

## В НАРКОМИНДЕЛЕ

10 августа с. г. Советский Посол в Турции г. Виноградов С. А. посетил Министра Иностранных Дел Турции г. Сараджоглу и по поручению Советского Правительства сделал ему сообщение следующего содержания:

«Советское Правительство подтверждает свою верность Конвенции в Монре и заверяет Турецкое Правительство, что оно не имеет никаких агрессивных намерений и притязаний в отношении Пролитов. Советское Правительство, так же как и Британское Правительство, готово скупуплезно уважать территориальную неприкосновенность Турецкой Республики. Вполне понимая желание Турецкого Правительства не быть вовлеченным в войну, Советское Правительство, как и Британское Правительство, тем не менее были бы готовы оказать Турции всякую помощь и содействие в случае, если бы она подверглась нападению со стороны какой-либо европейской державы».

По имеющимся в НКВД сведениям, аналогичное заявление также 10 августа по поручению Правительства Великобритании сделал Турецкому Правительству и Посол Великобритании в Турции.

«Правда» от 13 августа 1941 г.

## ВСТРЕЧА РУЗВЕЛЬТА С ЧЕРЧИЛЛЕМ

### Англо-американская декларация

Вашингтон, 14 августа. (ТАСС). Белый Дом опубликовал для сведения печати следующее заявление, подписанное президентом США и премьер-министром Великобритании:

«Президент США и премьер-министр Черчилль, представляющий правительство Его Величества в Соединенном Королевстве, встретились на море. Их сопровождали официальные лица обоих правительств, в том числе высшее офицерство армии, флота и авиации. Вся проблема снабжения оружием, в соответствии с законом о сдаче



взаимы или в аренду вооружения, вооруженных сил США, а также вооруженных сил стран, активно оказывающих сопротивление агрессии, подверглась дальнейшему рассмотрению.

В совещаниях принял участие английский министр военного снабжения Бивербрук, который намерен отправиться в Вашингтон для дальнейшего обсуждения деталей с соответствующими представителями США. На этих совещаниях будет также обсуждаться вопрос о снабжении Советского Союза.

Президент и премьер-министр имели несколько совещаний. Они обсудили вопрос об угрозе для мировой цивилизации, создавшейся в результате политики военного господства путем завоевания, которую проводят гитлеровское правительство Германии и другие присоединившиеся к нему правительства. Черчилль и Рузвельт уточнили конкретные мероприятия, которые их страны предпринимают для обеспечения своей безопасности перед лицом этих угроз. Президент и премьер-министр пришли к соглашению относительно следующей совместной декларации: президент США и премьер-министр Черчилль, представляющий правительство Его Величества в Соединенном Королевстве, после совместного обсуждения сочли целесообразным обнародовать некоторые общие принципы национальной политики их стран — принципы, на которых они основывают свои надежды на лучшее будущее для мира.

1) США и Великобритания не стремятся к территориальным или другим приобретениям.

2) Они не согласятся ни на какие территориальные изменения, не находящиеся в согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов.

3) Они уважают право всех народов избирать себе форму правления, при которой они хотят жить; они стремятся к восстановлению суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путем.

4) Соблюдая должным образом свои существующие обязательства, они будут стремиться обеспечить такое положение, при котором все страны — великие или малые, победители или побежденные — имели бы доступ на равных основаниях к торговле и к мировым сырьевым источникам, необходимым для экономического процветания этих стран.

5) Они стремятся добиться полного сотрудничества между всеми странами в экономической области с целью обеспечить для всех более высокий уровень жизни, экономическое развитие и социальное обеспечение.

6) После окончательного уничтожения нацистской тирании они надеются на установление мира, который даст возможность всем странам жить в безопасности на своей территории, а также обеспечит такое положение, при котором все люди во всех странах могли бы жить всю свою жизнь, не зная ни страха, ни нужды.

7) Такой мир должен предоставить всем возможность свободно, без всяких препятствий плавать по морям и океанам.

8) Они считают, что все государства мира должны по соображениям реалистического и духовного порядка отказаться от применения силы, поскольку никакой будущий мир не может быть сохранен, если государства, которые угрожают или могут угрожать агрессией за пределами своих границ, будут продолжать пользоваться сухопутными, морскими и воздушными вооружениями. Черчилль и Рузвельт считают, что впредь до установления более широкой и надежной системы всеобщей безопасности такие страны должны быть разоружены. Англия и США будут также помогать и поощрять все другие осуществимые мероприятия, которые облегчат миролюбивым народам избавление от бремени вооружения.

Подписи: Франклин Рузвельт. Уинстон Черчилль».

Лондон, 14 августа. (ТАСС). Как передает агентство Рейтер, английский премьер-министр Черчилль встретился с президентом США Рузвельтом на море, где они разработали совместную англо-американскую декларацию, определяющую цели, за которые борются союзники, а также основные принципы, на которых должны базироваться планы будущего мира. Об этой хорошо засекреченной встрече сделал специальное сообщение по радио лорд-хранитель печати Эттли, который огласил текст англо-американской декларации, идентичный опубликованному Белым Домом в Вашингтоне.

«Правда» от 15 августа 1941 г.

ПРИЕМ ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ СОВНАРКОМА СССР тов. И. В. СТАЛИНЫМ ПОСЛА  
США г-на Л. ШТЕЙНГАРДТ и ПОСЛА АНГЛИИ г-на С. КРИППС

15 августа Чрезвычайный и Полномочный Посол Соединенных Штатов Америки г-н Л. Штейнгардт и Чрезвычайный и Полномочный Посол Англии г-н С. Криппс совместно посетили тов. Сталина и передали ему послание Президента США г-на Рузвельта и Премьер-Министра Англии г-на Черчилля:

«Личное послание от г. Черчилля и от Президента Рузвельта г-ну Сталину.

Мы воспользовались случаем, который представился при обсуждении отчета г-на Гарри Гопкинс по его возвращении из Москвы, чтобы вместе обсудить вопрос о том, как наши две страны могут наилучшим образом помочь Вашей стране в том великолепном отпоре, который Вы оказываете фашистскому нападению. Мы в настоящее время сотрудничаем с тем, чтобы снабдить Вас максимальным количеством тех запасов, в которых Вы больше всего нуждаетесь. Уже много нагруженных пароходов вышло из наших портов, другие выйдут в ближайшем будущем.

Потребности и требования ваших и наших вооруженных сил могут быть определены лишь в свете полного знакомства с многими факторами, которые должны быть приняты во внимание в тех решениях, которые мы примем. Для того, чтобы все мы оказались в состоянии принять быстрые решения по вопросу о распределении наших общих ресурсов, мы предлагаем подготовиться к совещанию в Москве, на участие в котором мы уполномочили бы высокопоставленных представителей, которые могли бы обсудить эти вопросы непосредственно с Вами. Если это совещание встретит Ваше одобрение, то мы хотим поставить Вас в известность, что впредь до принятия решений этим совещанием, мы будем продолжать отправлять Вам снабжение и материалы возможно быстрее.

Сейчас мы должны обратить наше внимание на обсуждение политики более длительного периода, ибо предстоит еще пройти длинный и трудный путь до того, как будет достигнута та полная победа, без которой наши усилия и жертвы были бы напрасными.

Война идет на многих фронтах и до того как она окончится могут развернуться другие военные действия на фронтах, которые еще возникнут. Наши ресурсы, хотя и огромны, однако ограничены, и должен возникнуть вопрос о том, где и когда эти ресурсы могут быть наилучшим образом использованы в целях оказания наибольшей услуги нашим общим усилиям. Это относится равным образом как к готовым военным поставкам, так и к сырью.

Мы полностью сознаем как жизненно важным для поражения гитлеризма является мужественное и стойкое сопротивление Советского Союза и поэтому мы чувствуем, что ни при каких обстоятельствах мы не должны упустить возможность действовать быстро и немедленно в вопросе о составлении плана распределения на будущее наших общих ресурсов».

Тов. Сталин просил г-на Штейнгардта и г-на Криппса передать Президенту Рузвельту и Премьер-Министру Черчиллю от имени народов Советского Союза и от имени Советского Правительства сердечную благодарность за их готовность оказать помощь СССР в его освободительной войне против гитлеровской Германии.

Тов. Сталин заявил, что он приветствует предложение Президента Рузвельта и Премьер-Министра Черчилля о созыве в Москве совещания представителей трех стран для распределения сырья и вооружения.

Тов. Сталин заявил, что он со своей стороны готов принять все меры, чтобы это совещание состоялось как можно скорее.

На беседе присутствовал Народный Комиссар Иностранных Дел тов. В. М. Молотов.

«Правда» от 17 августа 1941 г.

БОЙЦАМ, КОМАНДИРАМ И ПОЛИТРАБОТНИКАМ  
ВОЙСК ЗАПАДНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Товарищи!

Отважные воины советской земли!

Наглый, хищный и коварный враг вероломно вторгся на священную советскую землю. Кровь наших женщин, детей и стариков обогрела цветущие поля и сады Советской Белоруссии. Гитлеровские разбойники хотят захватить нашу землю, наш хлеб и нашу нефть. Они хотят восстановить в нашей стране власть царя и помещиков, онемечить свободные народы Советского Союза и превратить их в рабов немецких князей и баронов. Гитлер пытается теперь осуществить свой давно задуманный грабительский план похода на Восток с целью захватить Советскую Рос-

сию, Советскую Украину, Советскую Белоруссию и другие земли нашей Родины. Подлый враг просчитался: злодейские планы фашистов обречены на провал. Наши силы неисчислимы. На защиту Родины, на священную отечественную войну против злобного врага поднялся весь советский народ. Рабочие, колхозники, интеллигенция нашей великой страны, не покладая рук, работают для фронта, обеспечивая победу Красной Армии над врагом. В городах и районах, захваченных фашистскими бандитами, наши братья и сестры создают партизанские отряды и дерзкими налетами бьют врага.

Товарищи! Наш отпор зазнавшемуся врагу растет и крепнет. Героические части Красной Армии всюду задерживают его кровавый шаг по советской земле. Враг понес огромные потери. Сотни тысяч убитых оставили фашисты на полях сражений. Лучшие механизированные дивизии врага нашли свою могилу на нашей земле. Такая же участь постигнет и остальные войска Гитлера.

Отважные пехотинцы, славные артиллеристы, смелые танкисты, бесстрашные летчики, меткие снайперы, мастера штыковых ударов, все бойцы, командиры и политработники — вам выпала великая честь нанести решительное поражение зазнавшемуся врагу.

Великий Сталин указал нам путь борьбы и победы над фашистскими извергами и людоедами. Этот путь — ни шагу назад, презрение к смерти, готовность отдать свою жизнь за Родину.

Этот путь — железная воинская дисциплина, хладнокровие, мужество, стойкость в бою. В наших рядах нет и не может быть места трусости, панике, безволию. Всякая попытка оставить поле боя без разрешения старшего начальника — есть гнусное предательство перед советским народом и Родиной.

Беспощадно боритесь с дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями ложных слухов. Вылавливайте шпионов, диверсантов и истребляйте их.

Товарищи красноармейцы, командиры и политработники! Вы наследники великой славы героизма нашего мужественного народа. Ваши прадеды в 1812 году разбили армию Наполеона. Ваши отцы громили немецкие полчища в годы первой империалистической войны. Ваши отцы и братья на фронтах гражданской войны нанесли сокрушительный удар интервентам и белогвардейщине. На вас, отважных сынов советской земли, легла великая задача — раздавить и уничтожить подлую фашистскую гадину и избавить народы Советского Союза от убийц и поработителей.

Товарищи! Час расплаты с фашистскими бандитами близок. Еще теснее сплачивайте свои ряды вокруг партии Ленина—Сталина. Стойко и самоотверженно отстаивайте каждую пядь советской земли от немецких грабителей. Деритесь до последней капли крови за наши города и села, за наши фабрики, заводы, колхозы, проявляйте смелость, инициативу и сметку. Всюду и везде наносите врагу удары. Не давайте ему передышки, изматывайте его и уничтожайте.

Товарищи! Наше дело правое. Мы победим. На нашем знамени написано: за Родину, за честь, за свободу, за Сталина!

Вперед, товарищи, на полный разгром фашистских захватчиков!

Главнокомандующий войсками Западного направления  
маршал Советского Союза—С. ТИМОШЕНКО.

### ГРАЖДАНЕ И ГРАЖДАНКИ!

Германские фашисты захватили часть нашей родной Украины. Они захватили и ваш район и теперь немецкий салог топчет родную землю. Коварством, хитростью и предательством врагу удалось это сделать в первый месяц войны.

В захваченных советских городах и селах фашисты празднуют кровавый пир: они грабят, убивают, насилюют женщин и даже девочек-подростков, вывозят все ценное, что попадает под руку. Немецкие фашисты хотят онемечить украинский народ. Они хотят превратить Украину в свою колонию, а вас — в рабов.

Но недолго врагу измываться над вами! Красная Армия наносит сейчас сокрушительные удары германским войскам. Куда только девалась их недавняя спесь! Куда только девалась пустая болтовня фашистов о том, что в две недели они овладеют Киевом, Москвой и Ленинградом! Не слышать теперь этих разговоров. Германские фашисты уже почувствовали, и с каждым днем все больше будут чувствовать силу и мощь нашей доблестной Красной Армии, нашего великого, свободолюбивого народа.

Под ударами Красной Армии наступление немцев затормозилось. Все чаще переходят на нашу сторону отдельные группы немецких солдат и даже целые их части. Каждый шаг вперед обходится немцам потоками крови.

Подтянув силы, наша могучая Красная Армия с каждым днем все сильнее и сильнее наносит мощные удары по фашистским бандам. В помощь Красной Армии, на всей территории, которую удалось захватить немцам с начала войны, поднялась великая сила народная. Десятки тысяч партизан действуют в тылу врага, не давая ему покоя. Партизаны пускают германские эшелоны под откосы, разрушают телефонную и телеграфную связь, уничтожают склады, убивают фашистов, где их только не встретят.

Товарищи! Близок час полного уничтожения ненавистных немецких фашистов! Но никто не должен сидеть сейчас, сложа руки. Приближать победу над германскими фашистами обязан каждый — мужчина и женщина, старик и молодой.

Граждане и гражданки районов, захваченных германскими фашистами! К вам обращаем мы свое слово. Те из вас, кто способен носить оружие, вступайте в партизанские отряды, создавайте новые отряды партизан, промните ненавистные немецкие войска. Уничтожайте фашистов как бешеных собак. Под откосы пускайте их поезда, разрушайте связь, взрывайте их склады. Против хваленных немецких танков есть простое и верное оружие: бутылки с горючим, ловко брошенные на вражеский танк зажигают его и превращают его в ничто. Пользуйтесь этим оружием!

Колхозники и колхозницы! Немцы хотят вас заставить убрать богатый урожай с тем, чтобы вывезти его к себе и вашим хлебом подкормить свои голодные озверелые банды. Помните! Эти бандиты, потерявшие всякий человеческий облик, стреляют в ваших отцов, братьев и сыновей. Они будут расстреливать и вас самих. Какой же отсюда вывод?

Ни одного грамма хлеба врагу! Скошите себе ровно столько, сколько вам нужно на ближайшее время. Остальное уничтожьте.

Уничтожайте плантации технических культур: свеклы, кок-сагыза, льна.

Не оставляйте врагу ничего, что помогало бы ему вести войну против трудового народа, против родины.

Час нашей победы близок. Все силы на борьбу с врагом! Все силы на его уничтожение!

Да здравствует Красная Армия!

Да здравствует товарищ Сталин!

Главнокомандующий Юго-Западным направлением  
маршал Советского Союза **С. БУДЕННЫЙ.**

Секретарь Центрального Комитета коммунистической партии  
(большевиков) Украины **Н. ХРУЩЕВ.**

## ТОВАРИЩИ! ОТВАЖНЫЕ ВОИНЫ СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛИ!

Наглый хищный враг вероломно вторгся на священную советскую землю.

Зверским террором, массовыми казнями, пытками, истреблением стариков, женщин, детей и неслыханными издевательствами над населением поработенных стран отмечен разбойничий путь гитлеровских бандитов. Кровавый изверг Гитлер поставил себе целью подчинить своему господству весь мир. Гитлеровские разбойники хотят захватить нашу землю, наш хлеб и нашу нефть. Они хотят восстановить в нашей стране власть царя, помещика и онемечить свободные народы Советского Союза. Они хотят превратить русский, украинский и другие славянские народы в рабов немецких князей и баронов. Подлый враг просчитался. Никогда не покорятся народы Советского Союза фашистским завоевателям! Злодейские планы фашистов обречены на полный провал. Наши силы неисчислимы.

На защиту Родины, на священную отечественную войну против свирепого врага поднялся весь советский народ. Рабочие, колхозники, интеллигенция нашей великой страны, не покладая рук, работают для фронта, обеспечивая победу Красной Армии над врагом. В городах и районах, захваченных фашистскими бандитами, наши братья и сестры создают партизанские отряды и дерзкими налетами бьют и промат врага. На землях славянских народов, в Польше и в Югославии разгорается партизанское движение. Славянские народы с огромным сочувствием следят за героической борьбой Красной Армии и всего советского народа.

**Товарищи!**

Наш отпор зазнавшемуся врагу растет и крепнет. Гитлеровский план на молниеносную войну провалился. Враг понес огромные потери. Лучшие немецкие дивизии нашли могилу на нашей земле. Такая же участь постигнет и остальные войска Гитлера.

Соглашением между СССР и Англией о совместных действиях в войне против гитлеровской Германии создана могущественная коалиция, которая доведет дело разгрома гитлеризма, до победного конца.

Славные пехотинцы, мужественные танкисты, меткие артиллеристы, бесстрашные летчики, все бойцы, командиры и политработники!

Вам выпала великая честь нанести решительное поражение зарвавшемуся врагу.

Великий Сталин указал нам путь борьбы и победы над фашистскими извергами и людоедами. Этот путь — храбрость, отвага, незнание страха в борьбе, готовность драться до последней капли крови за наши города и села. В наших рядах нет и не может быть места трусости, панике, безволию. Всякая попытка оставить поле боя без разрешения старшего начальника — есть предательство и измена Родине.

Беспомядно боритесь с дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями ложных слухов. Вылавливайте шпионов, диверсантов и истребляйте их.

Товарищи красноармейцы, командиры и политработники!

Вы — наследники великой славы и героизма нашего мужественного народа. Ваши прадеды в 1812 году разбили армию Наполеона. Ваши отцы громили немецкие полчища в годы первой империалистической войны. Ваши отцы и братья на фронтах гражданской войны нанесли сокрушительный удар интервентам и бело-гвардейщине. На Вас, отважных сынов советской земли, легла великая задача — раздавить и уничтожить подлую фашистскую гадину и избавить народы Европы и всего мира от убийц и поработителей.

Товарищи!

Час расплаты с фашистскими бандитами близок. Несмотря на все трудности, победа будет на нашей стороне. Еще теснее сплывайте свои ряды вокруг партии Ленина — Сталина. Стойко и самоотверженно отстаивайте каждую пядь советской земли от немецких грабителей, проявляйте смелость, инициативу и сметку. Всюду и везде наносите врагу удары. Не давайте ему передышки, изматывайте его и уничтожайте! Борьба против гитлеровской Германии будет доведена нами до победного конца. Наше дело правое — мы победим. На нашем знамени написано: За свободу, за Родину, за независимость, за Сталина!

Вперед, товарищи, на полный разгром фашистских захватчиков!

Главнокомандующий войск Юго-Западного направления  
маршал Советского Союза  
**С. БУДЕННЫЙ.**

## КО ВСЕМ ТРУДЯЩИМСЯ ГОРОДА ЛЕНИНА

Товарищи ленинградцы, дорогие друзья!

Над нашим родным и любимым городом нависла непосредственная угроза нападения немецко-фашистских войск. Враг пытается проникнуть к Ленинграду. Он хочет разрушить наши жилища, захватить фабрики и заводы, разграбить народное достояние, залить улицы и площади кровью невинных жертв, надругаться над мирным населением, поработить свободных сынов нашей родины. Но не бывать этому! Ленинград — колыбель пролетарской революции, мощный промышленный и культурный центр нашей страны никогда не был и не будет в руках врагов, не для того мы живем и трудимся в нашем прекрасном городе, не для того мы своими руками построили могучие фабрики и заводы Ленинграда, его замечательные здания и сады, чтобы все это досталось немецким фашистским разбойникам.

Никогда не бывать этому! Не впервые ленинградцам давать отпор зарвавшимся врагам и на этот раз коварные планы врага не осуществляются. Красная Армия доблестно защищает подступы к городу, морской и воздушный флот поражает врага, отбивая его атаки! Однако, враг еще не сломлен, ресурсы его еще не иссякли и он не оставил еще своих подлых разбойничьих замыслов захвата Ленинграда.

Чтобы не быть застигнутым врасплох, мы должны ясно видеть намерения врага и противопоставить им нашу готовность отстаивать Ленинград, защищать нашу свободу, наших детей, наши очаги.

Десятки тысяч ленинградцев мужественно сражаются на фронте. Мы обращаемся к ним: будьте образцовыми воинами Красной Армии! Будьте тверды, сплывайте своим примером боевых товарищей! Воспитывайте в них дух бесстрашия, отваги и преданности родине!

Создадим в помощь действующей Красной Армии в Ленинграде новые отряды народного ополчения, которые будут готовиться к обороне Ленинграда с оружием в руках, выделим в ряды этих отрядов народного ополчения лучшие свои силы, самых смелых и отважных своих товарищей — рабочих, служащих, интеллигентов! Отряды народного ополчения должны немедленно приняться за изучение военного дела, быстро овладеть винтовкой, пулеметом, гранатой и подготовиться к защите города.

Все трудящиеся Ленинграда должны окружить отряды народного ополчения могучей поддержкой.

Женщины, вдохновляйте ваших мужей, сыновей и братьев на боевые подвиги!  
Молодежь, вступай в ряды отрядов народного ополчения!

Красная Армия требует от нас, ленинградцев, больше и больше вооружения. Обеспечить снабжение бойцов на фронте вооружением и боеприпасами, снабдить оружием отряды народного ополчения — первейшая задача тех, кто кует нашу победу у станков на наших фабриках и заводах.

Ленинградские рабочие, инженеры и техники, крепите оборону родины, оборону родного города с еще большей самоотверженностью, не покладая рук, с полным сознанием ответственности решительного момента работайте на производстве, увеличивайте производство вооружения и боеприпасов для фронта, товарищи ленинградцы!

Злобный и подлый враг в своей иступленной ненависти к нашей родине, к нашему народу не останавливается ни перед бомбардировками мирных городов, ни перед расстрелами женщин и детей. Гитлеровские бандиты ведут подготовку к применению еще более гнусных средств — отравляющих газов. Приведем в полную готовность противовоздушную и противохимическую оборону города. Еще и еще раз проверим, все ли сделано каждым из нас, каждым предприятием, каждым учреждением для противовоздушной и противохимической обороны. Не должно быть ни одного ленинградца, не умеющего применять средств противовоздушной и противохимической обороны!

Товарищи, враг жесток и неумолим, его злодеяниям нет предела. Организованностью, выдержкой, смелостью и беспощадным истреблением фашистских убийц мы можем и должны остановить кровавую расправу, которую творит враг над советскими людьми, предотвратить грозную опасность, нависшую над нашим городом, защитить Ленинград от врага.

Встанем, как один, на защиту своего города, своих очагов, своих семей, своей чести и свободы. Выполним наш священный долг советских патриотов и будем неукротимы в борьбе с лютым и ненавистным врагом, будем бдительны и беспощадны в борьбе с трусами, паникерами и дезертирами, установим строжайший революционный порядок в нашем городе. Вооруженные железной дисциплиной, большевистской организованностью, мужественно встретим врага и дадим ему сокрушительный отпор.

Ленинградский городской Совет депутатов трудящихся и Городской комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) твердо уверены в том, что ленинградские рабочие, все трудящиеся города Ленина с честью выполняют свой долг перед родиной, не дадут врагу застать себя врасплох, все свои силы отдадут делу обороны Ленинграда и, верные своим славным революционным традициям, наголову разобьют нахального и дерзкого врага.

Будем стойки до конца, не жалея жизни будем биться с врагом, разобьем и уничтожим его!

Смерть кровавым немецким фашистским разбойникам!

Победа будет за нами!

Главнокомандующий Маршал **К. ВОРОШИЛОВ.**

Секретарь Ленинградского городского комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) **А. ЖДАНОВ.**

Председатель исполкома Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся **П. ПОПКОВ.**

«Правда» от 21 августа 1941 г.

## ДВУХМЕСЯЧНЫЕ ИТОГИ ВОЙНЫ МЕЖДУ ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ И СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ

Два месяца боевых действий Красной Армии против гитлеровских орд, вероломно вторгшихся в пределы нашей родины, свидетельствуют о крахе хвастливых планов командования германской армии, рассчитанных на «молниеносное уничтожение» Красной Армии.

Еще месяц назад германское командование на весь мир объявило, что пути на Москву, Ленинград и Киев открыты. Однако наши войска закрыли эти пути и уложили на них за это время несколько десятков германских дивизий.

Еще в первые дни войны германская пропаганда объявила уничтоженной всю советскую авиацию. Однако наши летчики рассеяли и эту легенду, ежедневно сбивая многие десятки немецких самолетов, уничтожая тысячи германских солдат и систематически подвергая бомбардировке Берлин и ряд других германских городов.

Еще четыре недели назад берлинское радио объявило, что советская армия бросила в бой свои последние резервы. Однако огромные потери германской армии убитыми и ранеными, заполнившими все госпитали и учреждения не только Германии, но и Чехословакии, Польши, Румынии, Болгарии, вскрывают всю смехотвор-



пость этой хвастливой болтовни. Спрашивается — какими же силами Красная Армия продолжает наносить столь огромные потери гитлеровским полчищам?

Не достигнув стратегических целей войны, провалившись со своими планами захвата в «месячный срок» Москвы, Ленинграда и Киева, командование германской армии сменило граммофонную пластинку и стало заявлять, что целью германской армии является не захват городов, а уничтожение живой силы и материальных средств Красной Армии. Однако два месяца войны свидетельствуют, что Красная Армия не только не уничтожена, но что с каждым днем войны ее силы и сопротивление растут.

Противник захватил ряд наших областей и городов. Но это удалось ему осуществить ценой огромных жертв людьми и потерь материальной части. Только за последние 3 недели наши войска разгромили:

- а) 3, 4, 7, 10, 11, 12, 13, 14, 16, 18, 19, 20 танковые дивизии;
- б) 5, 11, 24, 26, 28, 30, 32, 44, 50, 52, 62, 68, 71, 79, 86, 94, 95, 99, 101, 106, 110, 111, 121, 125, 137, 156, 157, 161, 206, 253, 262, 263, 290, 293, 297, 298, 299 пехотные дивизии;
- в) 2, 8, 14, 17, 18, 20, 25, 27 мотодивизии;
- г) 3, 11, 30 и другие пехотные дивизии «СС», пехотные полки — «Германия», «Викинг»;
- д) 23, 24, 35, 119, 135, 253, 260, 263, 279, 307, 311, 312, 462, 480, 485, 486, 530 и ряд других пехотных полков разных дивизий.

В результате боев многие немецкие дивизии сохранили лишь свои номера. В составе рот таких дивизий, по показаниям пленных, насчитывается 10—12 человек.

За два месяца войны германская армия потеряла убитыми, ранеными и пленными свыше двух миллионов человек. Столь же тяжелы потери германской армии и в материальной части. По уточненным данным за два месяца войны немцы потеряли около 8.000 танков, 10.000 орудий, свыше 7.200 самолетов.

Немецкая пропаганда называет такие фантастические цифры наших потерь: 14.000 танков, 14.000 орудий, 11.000 самолетов, 5 миллионов солдат, из них более миллиона пленных. Это такая глупая брехня, в которую разумеется ни один человек, имеющий голову на плечах — не поверит. Назначение этой брехни весьма определенное: скрыть огромные потери немецких войск, замазать крах хвастливых планов о молниеносном уничтожении Красной Армии, любыми средствами обмануть немецкий народ и ввести в заблуждение мировое общественное мнение.

На самом деле мы имели за истекший период следующие потери:

В ожесточенных и непрерывных двухмесячных боях Красная Армия потеряла убитыми 150 тыс., ранеными 440 тыс., пропавшими без вести 110 тыс. человек, всего 700 тысяч человек, 5.500 танков, 7.500 орудий, 4.500 самолетов.

Героически сражаясь против коварного и жестокого врага, Красная Армия развеяла легенду о непобедимости германских войск и опрокинула все расчеты германского командования. Красная Армия и далее преисполнена неукротимой готовностью и волей к упорной борьбе с врагом до полного его уничтожения.

Советская авиация имела полную возможность систематически бомбить Берлин в начале и в ходе войны. Но командование Красной Армии не делало этого, считая, что Берлин является большим столичным городом, с большим количеством трудящегося населения, в Берлине расположены иностранные посольства и миссии и бомбежка такого города могла привести к серьезным жертвам среди гражданского населения. Мы полагали, что немцы в свою очередь будут воздерживаться от бомбежки нашей столицы — Москвы. Но оказалось, что для фашистских извергов законы не писаны и правила войны не существуют. В течение месяца с 22 июля по 22 августа немецкая авиация 24 раза произвела налеты на Москву. Жертвами этих налетов явились не военные объекты, а жилые здания в центре и на окраинах Москвы, больница и две поликлиники, три детских сада, театр им. Вахтангова, одно из зданий Академии наук СССР, несколько мелких предприятий местной промышленности и несколько колхозов в окрестностях Москвы. В результате бомбардировки жилых домов вражеской авиацией в Москве убито 736, тяжело ранено 1.444, легко ранено 2.069 человек.

Разумеется советское командование не могло оставить безнаказанным эти зверские налеты немецкой авиации на Москву. На бомбежку мирного населения Москвы советская авиация ответила систематическими налетами на военные и промышленные объекты Берлина и других городов Германии. Так будет и впредь. Жертвы, понесенные трудящимися Москвы, не останутся без возмездия.

В войне против Советского Союза германская армия чинит неслыханные в истории войн преступления: пытается и зверски избивает пленных, раненых красноармей-

нов и командиров; истребляет тысячи мирных советских жителей, не останавливаясь перед массовыми убийствами женщин и детей; дотла разоряет советские села и города; занимается грабежом и мародерством; насилует женщин и девушек. Гитлеровские орды предстали перед всем миром в отвратительном виде убийц и грабителей. Все это даром гитлеровским бандитам не пройдет. За свои неслыханные кровавые преступления им придется ответить. И они заплатят кровью за кровь, смертью за смерть.

Таким образом, два месяца военных действий между фашистской Германией и Советским Союзом показали:

1) что гитлеровский план покончить с Красной Армией в 5—6 недель провалился. Теперь уже очевидно, что преступная война, начатая кровавым фашизмом, будет длительной, а огромные потери германской армии приближают гибель гитлеризма;

2) что потери нами ряда областей и городов являются серьезными, но не имеющими решающего значения для дальнейшей борьбы с противником до полного его разгрома;

3) что в то время, когда людские резервы Германии иссякают, ее международное положение изо дня в день ухудшается, силы Красной Армии неуклонно возрастают, а Советский Союз приобретает новых могущественных союзников и друзей.

История войн свидетельствует, что побеждали всегда государства и армии, силы которых в ходе войны возрастали, а терпели поражение те государства и армии, силы которых в ходе войны иссякали и уменьшались.

«Правда» от 23 августа 1941 г.

## БРАТЯ ЕВРЕИ ВО ВСЕМ МИРЕ!

Многие европейские народы и государства растоптаны и истекают кровью под разбойничьим сапогом гитлеризма. Фашизм поработил целые народы. Каждая страна, злодейски захваченная фашистскими головорезами, стала жертвой разбоя и насилия. Разграбленная Польша, обескровленная Чехословакия, опозоренная Франция законаны в тяжкие цепи. Такая же трагическая участь постигла Бельгию, Голландию, Норвегию, Грецию, Югославию и другие страны. Славянские народы беспощадно уничтожаются. В одной только Сербии полчища Гитлера вырезали 100 тысяч сербов. Сотни городов и тысячи сел превращены в развалины и пепелища. И вот этот страшный перечень насилий, грабежей, убийств и пожаров фашистские вандалы с беспримерным цинизмом именуют «новым порядком» в Европе, а кровавых головорезов — носителями новой цивилизации.

Братья евреи во всем мире!

Если в поработенных странах кровавый фашизм ввел свой «новый порядок» при помощи ножа и виселицы, при помощи огня и насилия, то в отношении еврейского народа кровавый гитлеризм наметил бандитскую программу полного и безусловного уничтожения евреев всеми доступными фашистским палачам средствами.

В одной только Польше гитлеровцы самым зверским и оголтелым образом замучили и вырезали больше трех миллионов поляков и евреев, насилуя дочерей на глазах у родителей и разбивая головы детям в присутствии матерей. Несчастные, оставшиеся в живых, обязаны поставлять своих дочерей в солдатские дома терпимости, а сыновей стерилизовать.

Братья евреи! Волею исторических судеб развезанный по всему миру еврейский народ тесно связал свою культуру с культурой народов всего мира.

В захваченных и поработенных фашизмом странах наши несчастные братья стали первой жертвой. Кровь замученных в сожженных синагогах Роттердама евреев взывает ко всему миру так же, как и тысячи безымянных могил в городах и местечках Польши, в которых фашистские изуверы заживо похоронили свои жертвы.

Голос пролитой крови требует не постов и молитв, а мести! Не поминальных свечей, а пламени, в котором палачи человечества должны быть уничтожены. Не слезы, а ненависть и сопротивление извергам и людоедам! И не на словах, а на деле! Сейчас или никогда!

На протяжении всей трагической истории нашего многострадального народа — от времен римского владычества и до средневековья — не найти периода, который можно было бы сравнить с тем ужасом и бедствием, которые фашизм принес всему человечеству и — с особенным остервенением — еврейскому народу.

Разъяренные, пьяные от крови и разбоя, людоеды напали на страну, где народы обрели родную мать-родину, давшую им прекрасную жизнь, свободу, счастье и расцвет национальных культур. Среди них также еврейский народ впервые за тысячулетия почувствовал себя родным среди родных и равным среди равных. На тучных полях великого Советского Союза впервые сел за руль трактора еврейский пахарь. Евреи встали у станков на фабриках и заводах. Для евреев открылись двери университетов, они пошли в армию, в шахты, в лаборатории. В великой семье народов СССР еврейский народ нашел свое место. В подлинном братском содружестве вот уже четверть века народы Советского Союза строят свое благополучие, свое будущее, свою национальную свободу.

Теперь мирные поля многонационального советского народа обгажены кровью. Разрушаются деревни и города, временно попавшие в кровавые лапы гитлеровских чудовищ. Дороги и проселки усеяны могилами зверски замученных и повешенных мирных граждан.

Но великий, свободолюбивый советский народ и его легендарная Красная Армия проявляют чудеса отваги и героизма. На советских бранных полях героическая Красная Армия дерется не только за народы, населяющие СССР, но и за честь всего человечества.

На обгаренных кровью полях Советского Союза коричневая чума, принесшая всему миру слезы и горе, муки и отчаяние, должна найти себе могилу навсегда! Красная Армия в битвах с палачом народов — гитлеризмом рождает героев, подобных которым не знает история человечества. И в перечне славных мы с гордостью читаем имена евреев, с величайшим советским достоинством выступивших на защиту человеческой культуры от фашистских варваров. Мы с гордостью отмечаем имена наших соплеменников среди тех, что дерутся с гитлеровскими бандитами в воздухе, и на море, и на земле; мы с чувством глубокого восхищения встречаем их имена и среди партизан. Плечом к плечу с мужчинами борются и лучшие дочери нашего народа.

Братья евреи во всем мире!

Они сражаются и за вас! Они отдают свою молодую жизнь и за ваше благополучие. Ибо коричневая чума, лютающая тем более, чем ближе ее конец, пробирается и по ту сторону океана. До тех пор, пока фашизм бушует, в опасности все человечество!

Наш призыв несется к вам вместе с голосом невинно пролитой крови миллионов евреев. Наше слово несется к вам, как сигнал, вызывающий к сопротивлению и к мести. Пусть каждый день приближает вас к часу расплаты с врагом! Пусть с каждым часом все ярче разгорается в вашем сердце священное пламя мести! Пусть каждая минута ваша будет исполнена готовности к действию.

Подрывайте всеми мерами экономические ресурсы фашистов в любой части света! Проникайте в самые жизненные отрасли смертоносной индустрии гитлеровских палачей и парализуйте их любой ценой! Бойкотируйте их производство везде и повсюду! Разглашайте везде и на любом языке неслыханные зверства, чинимые гитлеровскими каннибальскими полчищами на своем кровавом пути! Действуйте со священной самоотверженностью неукротимых партизан! Ни один еврей не должен умереть, не воздавши фашистским палачам за невинно пролитую кровь! Разверните повсеместно широкую агитацию за солидарность и действенную помощь Советскому Союзу, оказывающему героическое сопротивление носителям смерти и разрушений.

Человечество освободится от коричневой чумы!

Ваш долг — помочь ее выжечь!

Пусть и ваша доля будет в этой священной войне!

**С. МИХОЭЛС** — профессор, народный артист СССР; **ПЕРЕЦ МАРКИШ** — поэт; **ДАВИД БЕРГЕЛЬСОН** — писатель; **И. НУСИНОВ** — профессор; **С. САМОСУД** — народный артист СССР; **ЯКОВ ФЛИЕР** — лауреат Международного конкурса пианистов; **ЭМИЛЬ ГИЛЕЛЬС** — лауреат Международного конкурса пианистов; **Б. ИОФАН** — академик архитектуры; **И. РАБИНОВИЧ** — художник; **А. ТЫШЛЕР** — художник; **Ф. ЭРМЛЕР** — кинорежиссер, заслуженный деятель искусств; **СЕРГЕЙ ЭЙЗЕНШТЕЙН** — кинорежиссер, профессор, заслуженный деятель искусств; **С. МАРШАК** — писатель; **С. ГАЛКИН** — поэт; **М. РЕЙЗЕН** — народный артист СССР; **ИЛЬЯ ЗРЕНБУРГ** — писатель; **БОМАШ** — доктор; **Д. ОЙСТРАХ** — профессор, лауреат Международного конкурса скрипачей; **Я. ЗАК** — лауреат Международного конкурса пианистов; **А. КАПЛЕР** — писатель; **Д. ЗАСЛАВСКИЙ** — журналист; **В. ЗУСКИН** — народный артист РСФСР; **С. ГОДИНЕР** — писатель; **П. КАПИЦА** — профессор, действительный член Академии наук СССР, член английского королевского общества; **ШАХНО ЭПШТЕЙН** — журналист; **КЛАРА ЮНГ** — актриса.

## ВСЕМ АРМЯНАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Родные братья и сестры!

Германский фашизм — лютей враг человечества, преступный виновник нынешней войны, отдав огню и мечу культурные государства Европы, поработил их и подчинил своему кровавому режиму.

Свободолюбивые народы Голландии, Бельгии, Дании, Чехословакии, Югославии, Франции, Польши, Греции и других стран превращаются в бесправных рабов, разоряются их страны, уничтожается их культура, затоптана их свобода, их честь, сотнями и тысячами истребляются лучшие представители этих народов.

Втоптанный в грязь и кровь, в тисках свастики изнуряется сам германский народ.

В завоеванных и оккупированных странах кровопиец Гитлер восстановил каннибализм, средневековый мрак и инквизицию.

Всему миру, всему прогрессивному человечеству стало известно неслыханное в истории цивилизованного мира вероломство фашистских правителей Германии, кровожадного Гитлера и его клики.

Изверг Гитлер совершил свое новое, самое подлое злодеяние — он напал на Советский Союз, на родину двухсотмиллионного советского народа. Советский Союз не хотел войны, он строго соблюдал верность международным договорам.

Народы многонационального советского государства, обретшие себе подлинную родину мира, свободы, счастья, в течение четверти века своим честным трудом превратили свою страну в богатое, культурное, могущественное государство, где все нации и народы равноправны.

В этой великой семье, как сказочный Феникс, из пепла и пламени возродился наш свободолюбивый армянский народ. Советская власть спасла наш народ от гибели и физического уничтожения. Нашим честным трудом, с помощью великого русского народа, Советская Армения превратилась в цветущий край. Страна покрылась сетью многочисленных первоклассных фабрик, заводов, электростанций и оросительных каналов; невиданного развития достигло сельское хозяйство, десятки тысяч гектаров цветущих садов и виноградников, хлопковых и бабачных плантаций, сотни тысяч гектаров золотистых нив превратили нашу родину в страну развитого, культурного сельского хозяйства. — пустыни превращены в цветущие сады.

Обылась вековая мечта нашего народа, осуществились чаянья его лучших сынов — Абовяна, Налбандяна, Туманяна и других — о свободной родине.

Возродилась и достигла высшего развития многовековая культура нашего народа — десятки высших учебных заведений и научных учреждений, сотни музеев, свыше тысячи школ созданы в Армении за годы советской власти. Столица Советской Армении — Ереван, некогда глинобитный город, превращенный в полуразвалины при господстве дашнаков, был выстроен почти заново. Матенадаран, картинная галерея, филиал Академии наук, университет, консерватория, опера, театры, музеи, библиотеки, больницы, асфальтированные проспекты, многочисленные парки и архитектурные памятники превратили нашу столицу в один из красивейших городов Советского Союза.

Лютей враг человечества и культуры, садист Гитлер протягивает свою кровавую лапу к свободе советского народа, к свободе возрожденного армянского народа, он хочет захватить наши земли, наши города и села, он хочет овладеть нашими богатствами, уничтожить нашу культуру.

Но гитлеровский план молниеносного удара по Советскому Союзу провалился в первую же неделю войны. Красная Армия уничтожила лучшие дивизии фашистской армии и продолжает методически разбивать и изнурять гитлеровскую военную машину. Свыше миллиона немецких солдат уже нашли себе могилу на советской земле.

Вместе с братскими народами Советского Союза, против кровожадного фашизма грозной силой поднялся армянский народ. Наш народ в своей многовековой истории не раз выступал против иноземных захватчиков, но он никогда не был так един и монолитен, как сейчас. В нашем народе возродились героические традиции сасунских богатырей. Тысячи бесстрашных сынов Армении в рядах Красной Армии героически сражаются за Советскую родину и громят гитлеровские полчища.

Имена бесстрашных бойцов — сынов нашего народа, награжденных и отмеченных Советским Правительством — летчика Газаяна, майора Апресяна, лейтенанта Мелкумяна и других — прославляются по всему Советскому Союзу. В подвигах этих героев наш народ вспоминает образы своих доблестных полководцев — народных героев Вардана Мамиконяна, Геворка Марзпетуни, Давид-Бека и других, самоотверженно сражавшихся за родину, за честь, за свободу.

Пусть богемский ефрейтор Гитлер и его разбойничья фашистская банда вопят о том, что они несут с собой свободу. Мы хорошо знаем их «свободу».

Свобода по-фашистски — это свобода кровавой своры Гитлера для превращения цивилизованных народов мира в вечных рабов немецких помещиков; свобода по-фашистски — это потоки крови, это виселицы, тюрьмы, концентрационные лагеря; свобода по-фашистски — это издевательство над народом, это ужасы голода и бесконечных войн, это смерть наших детей.

Армянский народ за свою многовековую историю знает и перенес много нашествий иноземных полчищ, он знает, что такое резня, погромы, голод, насилие, он не один раз испытал их ужасы.

В нашей памяти еще свежо физическое истребление наших братьев и сестер, организованное предшественником кровавого Гитлера — кайзером Вильгельмом в годы первой империалистической войны. Мы не забыли ту подлую, предательскую роль, которую сыграли агенты германского империализма — главари дашнаков в истреблении нашего народа.

И сейчас, в эти роковые дни, отдельные продажные главари дашнаков нанялись в агенты фашизма, бесстыдно лизжут кровавые сапоги Гитлера и готовы на любое предательство.

Наш свободолюбивый народ через величайшие лишения, через борьбу против вражеских захватчиков ценою миллионов жертв высоко пронес знамя свободы и самостоятельного существования.

Сейчас наш народ в великой семье народов Советского Союза живет свободной и счастливой жизнью. Мы строим, творим, вносим свою лепту в сокровищницу мировой культуры.

Родные братья и сестры! Мы хорошо знаем, что каждый армянин на какой бы части земного шара он ни находился, любит свою подлинную родину-мать — свободную Советскую Армению. Каждый армянин чаёт и стремится, ждёт возврата в свой родной очаг.

В недавно присланной телеграмме редактор газеты «Лрабер» — органа Армянской Прогрессивной Лиги в Америке — Мартенц писал: «Орган Армянской Прогрессивной Лиги «Лрабер» с возмущением клеймит ничем не спровоцированное нападение напистов на Советский Союз. Симпатии всех американских народов и американских армян на стороне советских народов и героической Красной Армии. Ваше дело правое. Американские армяне снова уверены, что наша родина-мать в семье Советского Союза выйдет победительницей. Желаем вам новых и новых успехов в вашей деятельности по обороне».

Мы знаем хорошо, что на стороне Советского Союза симпатии всего передового человечества. Соглашение СССР с Великобританией о совместных действиях против гитлеровской Германии является лишь началом объединения всех прогрессивных сил человечества против фашистских варваров.

Армянская народная пословица говорит: когда змее надо подыхать, она ложится на дороге. Пришел последний день фашизма — фашистская гадина легла на нашей дороге, она будет раздавлена насмерть мощной лавиной многомиллионного советского народа.

Дорогие друзья! В этот час, когда над нашей родиной, над всем человечеством нависла грозная опасность, мы обращаемся к армянам всего мира, ко всем, кому дорого культурное наследие тысячелетий, для кого священны высокие идеалы свободы и гуманизма, ко всем, кто озабочен будущим человечества, кто любит свою подлинную родину. — объединить свои усилия, чтобы предотвратить возврат к средневековью, уничтожению мировой культуры, что несет с собой озверелый фашизм, заклятый враг человечества, науки и культуры.

Мы обращаемся к вам с призывом объединить все силы на защиту Советского Союза, на разгром коварного и опасного врага всего человечества — на уничтожение фашизма!

Мы уверены, что победа будет за нами, ибо мы боремся за правое дело, мы победим безусловно потому, что против фашизма борется самая сильная, самая идейная в мире — Красная Армия, имеющая за своей спиной двухсотмиллионный советский народ, имеющая на своей стороне симпатии всего передового человечества, мы победим потому, что нас ведет величайший полководец и стратег нашей эпохи, лучший друг человечества, освободитель армянского народа Иосиф Сталин.

**МАРТИРОС САРЬЯН**, Народный художник, лауреат Сталинской премии;  
**АВЕТИК ИСААКЯН**, Поэт; **ВАГАРШ ВАГАРШЯН**, Народный артист республики, лауреат Сталинской премии; **ИОСИФ ОРБЕЛИ**, Председатель Армянского филиала Академии наук, заслуж. деятель науки, академик; **АЙКАНУШ ДА-**

**НЕЛЯН**, Народная артистка СССР, солистка Госоперы Армении; **МАНУК АБЕГЯН**, Профессор, заслуженный деятель науки; **ДЕРЕНИК ДЕМИРЧЯН**, Писатель-драматург, заслуженный деятель искусств; **АКОП МАНАНДЯН**, Заслуженный деятель науки, академик; **СИМАК СААКЯН**; **НАИРИ ЗАРЬЯН**, Поэт; **АРМЕН ТИГРАНЯН**, Заслуженный деятель искусств, композитор; **РУБЕН ГЯНДЖУНЦ**, Заслуженный деятель науки, проф. медицинского института; **АРО СТЕПАНЯН**, заслуженный деятель искусств, композитор; **РАЧИЯ АЧАРЯН**, Проф., д-р, заслуженный деятель науки; **НАТАЛИЯ МАРТИРОСЯН**, Инженер-гидротехник; **АРМЕН ГУЛАКЯН**, Народный артист Арм. ССР. Главный режиссер Госуд. оперного театра, драматург; **КОНСТАНТИН САРАДЖЕВ**, Заслуженный деятель искусств, директор Госуд. консерватории, профессор; **АРСЕН ТЕРТЕРЯН**, Профессор Государственного Университета, заслуженный деятель науки; **ГЕВОРК ОВАНЕСЯН**, заслуженный деятель искусства, директор Ереванской киностудии; **САМВЕЛ САФАРЯН**, Член-корреспондент Академии архитектуры СССР, заслуженный деятель искусств; **МИХАИЛ ТУМАНЯН**, Заслуженный деятель науки, профессор сельскохозяйственного института; **АРА САРКИСЯН**, Заслуженный деятель искусств; **РУБЕН ЕОЛЯН**, Заслуженный деятель науки, доктор медицины, профессор медицинского института; **ВАГАН АРЦРУНИ**, Заслуженный деятель науки, доктор медицины, проф. медицинского института; **АРТАШЕС МЕЛИК-АДАМЯН**, Заслуженный деятель науки, доктор медицины, проф. медицинского института; **СИРАС ВОСКАНЯН**, Секретарь союза писателей.

«Правда» от 17 августа 1941 г.

---



# СООБЩЕНИЯ

## ИНОСТРАНЦЫ О СЛАВЯНО-РУССКОМ ВОЙСКЕ\* (VI — XVII вв.)

Акад. Б. Греков

Славяне были известны античным народам давно, но до определенного времени интерес к славянству был, можно сказать, чисто научный. Славянами интересовались с точки зрения географического их положения. Так например римский ученый Плиний в I в. н. э. сообщает: «Некоторые писатели передают, что эти местности вплоть до реки Вистулы (Вислы) заселены сарматами, венедами (это и есть славяне. — Б. Г.), скифами, тиррами». Или греческий ученый II в. н. э. Страбон обращает внимание на то, что «Сарматии занимают очень большие племена: венеда, вдоль всего Венедского залива...»

Но когда славяне начиная с IV в. н. э. и особенно в VI в. стали проявлять большую активность, интерес к ним принял уже совсем другой характер. На славян готы и византийские греки смотрели уже как на большую силу, с которой необходимо считаться и которую надо изучать. Славянство, именно то, которое больше всего соприкасалось с Византией, т. е. южные и восточные славяне (их греки и готы называли «схлавны» и «анты»), в это время уже очень заметно выходило из состояния родовых отношений и представляло собой военную демократию, т. е. находилось в переходном положении к обществу классовому и было накануне образования своего государства. Отдельные племена в это время сливались в народ, во главе которого стоял военачальник, разделяющий власть с народным собранием, и советы старейшин. Народ был организован по-военному, так как именно такая организация была необходима для больших военных предприятий, с которыми в это время выступали славяне.

Народ этого периода — это войско, а

войско — народ. Это и есть военная демократия. Демократией называется этот строй потому, что на народных собраниях решаются все важнейшие дела, касающиеся всего народа. Готский историк Иордан говорит, что «славяне и анты... издревле живут в демократии и поэтому у них счастливые и несчастливые обстоятельства решаются сообща». Иордан подтверждает это положение убедительными примерами из подлинной жизни славян и антов. У этого воинственного народа выработалась и соответствующая идеология. Византийский писатель Менаандр (конец VI в.) сообщает очень интересный факт. Когда авары потребовали от славян дани, славянский вождь Добрит ответил очень гордым и выразительным отказом, ссылаясь на силу своих мечей.

Иордан, придворный готский историк VI в., решительно не расположенный к славянам и не жаждущий красок для их отрицательной характеристики, вынужден, однако, признать, что теперь (т. е. в VI в.) венеда, анты и схлавны «по грехам нашим... свирепствуют повсюду», между тем как «тогда» (т. е. в IV в.) все подчинялись приказам Германариха<sup>1</sup> (готского короля).

Византийцы, тоже не имевшие никаких оснований раскваливать славян, были гораздо справедливее. Они прямо указывают на прекрасные военные качества славян и антов. Прокопий, лучший представитель греческой исторической науки VI в., неоднократно дает как бы мимоходом характеристики славян как воинов. Эти варвары (речь идет об антах. — Б. Г.) лучше всех других умели сражаться в гористых и трудных местах. Они уже «благодаря своей доблести... обратили врагов в бегство, произведя большое избиение»<sup>2</sup>. Эту

<sup>1</sup> «Вестник древней истории» № 1(14) за 1941 год, стр. 232.

<sup>2</sup> Прокопий Кесарийский «De bello Gothico», III, 22—23.

\* За помощь, оказанную при написании этого очерка, приношу благодарность И. У. Будовицу.

характеристику Прокопий иллюстрирует обильным числом примеров, доказывающих умение славян сражаться и побеждать<sup>1</sup>.

Прокопий указывает, что славяне умеют брать крепости: «Эти славяне, победители Асбада (опытного византийского полководца.—Б. Г.), опустошив полряд всю страну, вплоть до моря, взяли также приступом и приморский город по имени Топер, хотя в нем стоял военный гарнизон. Этот город был на Фракийском побережье и от Византии отстоит на 12 дней пути»<sup>2</sup>. В другом месте своего труда тот же автор пишет, что славяне производили значительные набеги на разные места Европы, «зимуя здесь, как в собственной земле, не боясь неприятеля». Позднее император послал против них отборное войско, во главе которого стояли (идет перечень крупных византийских вождей.—Б. Г.)... Произошел сильный бой, и римляне были разбиты наголову. «Здесь погибло много прекрасных воинов; вожди же, которым грозила близкая опасность попасть с остатками армии в руки врагов, с трудом спаслись бегством, кто куда мог. Варвары (славяне.—Б. Г.) захватили знамя Константиана и, не обращая внимания на римское войско, двинулись дальше»<sup>3</sup>.

Византийский историк Менандр отзывается о славянском войске так же, как и Прокопий. Он указывает, что «Эллада была опустошена славянами». «Император Тиверий не имел достаточных сил противостать и одной части неприятелей, тем менее всем вместе». Он отправил посольство к аварам с предложением напасть на славян. Авары согласились. Князь аваров Ваян обратился к «важнейшим князьям склавинского народа, требуя, чтобы они покорились аварам и обязались платить дань. Вождь славян Добрит и старейшины склавинские отвечали: «Родится ли на свете и согревается ли лучами солнца тот человек, который бы подчинил себе силу нашу? Не другие нашу землю, а мы чужою привыкли обладать. И в этом мы уверены, пока будут на свете война и мечи». Такой дерзкий ответ, продолжает Менандр, дали склавинны; но менее хвастливо говорили и авары<sup>4</sup>. Есть у нас все основания считать, что в этих, несомненно напыщенных, словах лежат сознание своей силы, создаваемой веками и содействующей всему народу в его военных предприятиях.

О воинственности антов, об их непрерывных военных походах говорят все ви-

зантийские писатели и Иордан; у Прокопия мы узнаем, что гунны, славяне и анты систематически опустошают Иллирию и Франкию, Элладу, доходят до Константинополя и пробиваются к Херсонесу. Восточная Римская империя борется с варварскими вторжениями совершенно теми же средствами, что и Западная: строит укрепления, совершает военные экспедиции против варваров, включает их в качестве федератов в свои войска. Славян и антов здесь мы видим в большом количестве и на высших военных должностях в самой Византии (Доброгез, Всеград, Сваргун, Хвалибуд и др.).

О военных качествах антов много и специально говорит Маврикий. В своем труде «Тактика и стратегия» Маврикий дает сведения о тех народах, которые так или иначе опасны для Византии («которые тягостны для Империи»), «для того, чтобы желающие воевать с ними могли лучше подготовиться». Он рассматривает отдельно персов, скифов, т. е. аваров, турок и «подобные им народы», «рыжеволосые народы, т. е. франков, лангобартов», славян, антов и т. п. народы. Очень важно рассматривать эти характеристики народов параллельно, чтобы яснее стал удельный вес в глазах Маврикия каждого из этих народов. На фоне этих характеристик изображение военного строя и военных качеств славян не только не проигрывает, но имеет ряд преимуществ.

«Племена славян и антов,—пишет Маврикий,—ведут одинаковый образ жизни, у них одни нравы, любят свободу и не склонны ни к рабству, ни к повиновению, храбры, в особенности в своей земле, выносливы—легко переносят холод и жару, недостаток в одежде и в пище... Взятые в плен у них не обращаются навсегда в рабов, как у других народов (далее идет хорошо известная характеристика быта славян и антов.—Б. Г.)... юноши их очень искусно владеют оружием...»<sup>5</sup>. Маврикий сообщает, что славяне вооружаются двумя маленькими дротиками каждый, а некоторые и щитами, хотя и хорошо сделанными, но затрудняющими передвижение. Они употребляют также деревянные луки и маленькие стрелы, намазанные ядом. То же подтверждает и Прокопий: «Вступая в бой, они пешими идут на врагов со щитами и дротиками в руках». Славяне, как и германцы, в это время сражаются пешими. Конницы у них, как правило, нет. Еще Тацит отметил это обстоятельство. Велелов «следует причислить скорее к германцам ввиду того, что они и дома прочные строят и

<sup>1</sup> Прокопий Кесарийский. Указ. соч. 29, III, 38 и др.

<sup>2</sup> Там же, 38.

<sup>3</sup> Там же, III, 40.

<sup>4</sup> «Вестник древней истории» № 1(14), стр. 248.

<sup>5</sup> Маврикий «Тактика и стратегия», стр. 187. Перевод с латинского Цибицера 1903.

щиты имеют, и любят ходить и даже быстро. Все это совершенно чуждо сарматам, всю жизнь проводящим в кибитке и на коше».

Итак, из приведенных свидетельств совершенно ясно, что вооружены все мужчины, что вооружение их примитивно, что они представляют собой пешее войско. Впрочем, у нас есть известия и о знакомстве славян с морем.

VI век в истории славянского вооружения—век переломный. Столкнувшись с хорошо вооруженным и организованным византийским войском, славяне, для того чтобы победить, должны были перевооружиться, что они и сделали, к удивлению Византии, очень быстро. Иоанн Эфесский сообщает важное для нас известие о том, что славяне в VI в. сделали большие успехи в военном деле: «...они обзавелись оружием, которым научились владеть лучше, чем римляне» (византийцы). В конце VI в. славяне осадили византийскую крепость Фессалоники. Тут славяне пользовались осадными машинами.

Отсюда неизбежен вывод.

1. Славяне (анты) оказались достаточно сильными, чтобы в VI в. одолеть Византию и занять Балканский полуостров.

2. Сила их заключалась не только в их численности, но и в вооружении и военной технике, которую они переняли главным образом у Византии. Это не значит, конечно, что славяне, соприкасаясь с западноримским войском, не могли заимствовать вооружения, военного строя и тактики и у римлян. Известия иноземцев о славянах докиевского периода единогласно говорят об их храбрости, выносливости, способности ориентироваться и уметь побеждать.

Факты подтверждают эту характеристику. Восточные славяне уже в докиевский период своей истории укрепились на огромных пространствах Восточной Европы и в придунайских областях.

Относительно периода Киевского государства (IX—XI вв.) мы имеем огромное количество фактов, говорящих о том, что своих выдающихся военных свойств русский народ не потерял. Под главенством Киева, матери городов русских, сложено было, главным образом силой оружия, самое большое в Европе государство. О русском войске X в. мы имеем отзывы византийского историка Льва Дякона Калойского. Это активный враг Руси, писавший свой труд под непосредственным впечатлением войны Руси с Византией. Тем интереснее для нас его отзыв о русском войске.

Лев Дякон пишет: «...сей народ отва-

жен до безумия, храбр и силен...»<sup>1</sup>. «Говорят, что побежденные тавроскифы (так называли русских.—Б. Г.) никогда живые не сдаются неприятелям, но, взяв в чрево мечи, себя убивают... страшась рабства, боясь служить своим врагам, они сами себя закаляют»<sup>2</sup>. Оказавшись в безвыходном положении под Доростолом, Святослав, по сообщению Льва Дякона, не хотел сдаваться и обратился к войску со следующей речью: «Погибнет слава, спутница оружия россоз, без труда побеждавшего соседние народы и без пролития крови покорявшего целые страны, если мы теперь постыдно уступим римлянам. Итак, с храбростью предков наших и с той мыслью, что русская сила была до сего времени непобедима, сразимся мужественно за жизнь нашу. У нас нет обычая бегством спасаться в отечество, но или жить победителями или, совершивши знаменитые подвиги, умереть со славою»<sup>3</sup>. Можно было бы привести еще много мест из «Истории» данного автора и из других византийских и арабских авторов, подтверждающих эту характеристику русского войска.

В греческой политической поэзии этого времени имеется немало отрывков о русском народе и его военной силе. В одном из стихотворений в честь императора Никифора, толкнувшего Святослава на войну с болтарами, говорится: «Шесть лет я богомысленно держал бразды народного правления. Столько же лет оставался связанный страшный скифский (т. е. русский.—Б. Г.) Марс». На могиле этого Никифора было начертано стихотворение, где подчеркивается его умение держать соседние народы в состоянии мира, тогда как при его преемнике Иоанне Пимисии началась война с Русью: «Печальное зрелище! Восстань ныне, царь, и собери пелпих, конных, копейщиков, твоё войско, фаланги и полки. На нас устремилось русское всеоружие»<sup>4</sup>. Автор так называемой «Записки» греческого толпарха тоже подчеркивает, что оружием Святослава покорились многие народы, и называет его «могучим большим войском и надменной силой в боях»<sup>5</sup>.

Константин Багрянородный, несомненно боялся Руси и надеялся получить от нее защиту у печенегов, которые врезались тогда клином между владениями Византии и Руси. Анна Комнен, дочь византий-

<sup>1</sup> Лев Дякон Калойский «История». Перевод Д. Попова, стр. 93. 1820.

<sup>2</sup> Там же, стр. 94.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Васильевский В. «Труды». Т. II, I, стр. 114. СПб. 1909.

<sup>5</sup> Там же, стр. 160, 172.

ского императора Алексея, о русском войске, спасшем Византию от нашествия половцев, отзываясь так: «Это были смелые и марсоподобные люди»<sup>1</sup>. И от XI в. дошли до нас отзывы иностранцев о высоких военных качествах русского народа. Русские составляли главную военную силу византийского императора в XI веке. Русские всегда показывали свою военную доблесть: они решали битвы и в Италии, и Малой Азии, и на Кавказе<sup>2</sup>.

При встрече Руси с татарами Русь была разбита и надолго поработана. Но ее поражение ни в малейшей степени не означает оскудения присущего русскому народу мужества. Во всех битвах с татарами русские обнаруживали необычайную стойкость и бесстрашие. Не будь политической в это время распыленности русских сил, татарским ханам не пришлось бы властвовать над Русью. Поражение Руси произошло оттого, что малая часть русской земли защищала себя против опрощенных татарских полчищ в одиночку. Но и сами татары вынуждены были признать храбрость защитников русской земли. В 1240 г., когда был взят и уничтожен Киев, был пленен и ранен руководитель обороны Киева воевода Димитрий. «Димитрия же татары шведомша язвена и не убиша его мужества ради его». Так, по словам русского летописца, несомненно, заслуживающего полного доверия, татары оценили доблесть своего врага.

После татарского погрома Русь была отрезана от других европейских стран. Мало мы слышим отзывов о ней в Европе. И лишь по мере собирания русского народа вокруг Москвы, по мере ослабления татарского ига снова замечается интерес к России и на Западе и на Востоке.

Иоанн Фабр, переводчик при русском посольстве, в донесении Фердинанду, инфанту испанскому, сообщает о нравах и обычаях москвитян (1526 г.):

«...Великий князь, когда ему бывает нужно вести войну с татарами, или с кафским государем, или с кем-нибудь иным, в самое короткое время может собрать войска до 200 000 или 300 000, или сколько понадобится, так что нет другого государства, где бы было более покорности императору своему и где бы самая высшая слава и честь состояли в совершенной и неизменной, беспрекословной готовности умереть за государя своего... После сего можно ли удивляться, что с столь сильною конницею, подобною рюшчел, одерживают россияне блистательнейшие победы над турками, татарами и дру-

гими народами. Прежде они, подобно парфянам, побеждали врагов, действуя более отступательным, нежели наступательным образом и бросая из луков стрелы; ныне же, напротив, с большим искусством производят и выдерживают нападения, действуют огнестрельным оружием и составляют удивительной величины строи»<sup>3</sup>.

О значении русской конницы в 20-х годах XVI в. говорит и другой иностранец, хорошо знавший тогдашнюю Россию. Это австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн, посетивший Россию дважды (в 1517 и 1526 гг.). Приезжал он в Москву для переговоров о мире между Россией и Польшей и имел возможность не только наблюдать современную ему Москву, но и изучать ее прошлое, что он и делал весьма обстоятельно и усердно. Конечно, он мог не коснуться русского войска. Говоря о великом князе Василии Ивановиче, современник его Павел Иовий Новокомский указывает на его внешнюю красоту, выдающиеся духовные качества и «ратные подвиги»: «...он вышел победителем из шестилетней борьбы с ливонцами, которые под предлогом этой войны возбудили против него семьдесят два союзных города... Также и поляков... он разбил в бою, а вождя их войск Константина, русского родом, взял в плен и, сковав цепями, привез в Москву! А спустя некоторое время он и сам побежден был в большом сражении при Борисфене (Днепр.— Б. Г.) выше города Орши... но все же город Смоленск, занятый ранее москвитями, остался во владении Василия... А против татар и в особенности перекопитов... (от слова Перекоп.— Б. Г.) москвиты сражались с неоднократно успехом... сильнестя им за обиды, причиненные их внезапными набегами. Василий обычно может выставить для войны больше ста пятидесяти тысяч конницы». О количестве пехоты этот автор не говорит, но подчеркивает ненужность пехоты в условиях, при которых Москва ведет свои войны. Он пишет по этому предмету так: «Пешие войска почти ни к чему не пригодны в этих обширных пустынях, как по своему одеянию, которое у них развеивается и доходит до пят, так и по привычкам их врагов, которые упражняются при воинской службе в набегах и быстрой езде, чем в правильном сражении или схватке». Эти Павел Иовий Новокомский дает понять, что при данных обстоятельствах необходима именно конница, имеющаяся в изобилии в распоряжении Василия Ивановича. Далее автор указывает на «великое городское население, которое несет караульную службу». «Во время войны,— заключает

<sup>1</sup> Васильевский В. «Труды». Т. I, стр. 102.

<sup>2</sup> Там же, стр. 214—217, 296 и др.

<sup>3</sup> «Отечественные записки» № 70. Ч. 25-я, стр. 298—300. СПб., 1826.

свою характеристику русского войска Павел Иовий Новокомский, — открывається благородное поприще для истинной доблести и вообще во всякой отрасли управления имеются превосходныя и полезныя учреждения, так что каждый совершенный им поступок получает в удел или вечную награду или вечный стыд»<sup>1</sup>.

Время Ивана Грозного тоже нашло отражение в различных записках иностранцев. Английский мореплаватель Ричард Ченслор, в 1553 г. попавший в Россию и установивший торговые связи между Россией и Англией, успел ознакомиться с московской жизнью, так как приезжал в Москву еще раз в 1555 г. и в общей сложности пробыл в России около 2 лет. О русском государстве и войске Ченслор дает очень любопытное сообщение. Об Иване Грозном он говорит так: «Этот князь — повелитель и царь над многими странами, и его могущество изумительно велико. Он в состоянии выставить в поле 200 или 300 тысяч человек, и если он идет сам походом, то оставляет на всех границах своего государства немалое число воинов. На границах Лифляндии он оставляет 40 тысяч, на границе Литвы — 60 тысяч, а против Ногайских татар также 60 тысяч, что даже удивительно слышать»<sup>2</sup>.

О войске он отзывается так: «Теперь — о их ведении войны: на поле битвы они действуют без всякого строя. Они с криком бегают кругом и почти никогда не дают сражений своим врагам, но действуют только украдкой. Но я думаю, что нет под солнцем людей, столь привычных к суровой жизни, как русские: никакой холод их не смущает, хотя им приходится проводить в поле по два месяца в такое время, когда стоят морозы и снега выпадает более чем на ярд. Простой солдат не имеет ни палатки, ни чего-либо иного, чтобы защитить свою голову. Наибольшая их защита от непогоды — это войлок, который они выставляют против ветра и непогоды, а если пойдет снег, то воин отребает его, разводит огонь и ложится около него. Так поступает большинство воинов великого князя, за исключением дворян, имеющих особые собственные запасы. Однако такая их жизнь в поле не столь удивительна, как их выносливость, ибо каждый должен добыть и нести провизию для себя и для своего

коня на месяц или на два, что достойно удивления. Сам он живет овсяной мукой, смешанной с холодной водой, и пьет воду. Его конь ест зеленые ветки и т. п., стоит в открытом холодном поле без крова и все-таки работает и служит ему хорошо. Я спрашиваю вас: много ли нашлось бы среди наших хвастливых воинов таких, которые могли бы пробыть с ними в поле хотя бы только месяц? Я не знаю страны поблизости от нас, которая могла бы похвалиться такими людьми и животными. Что могло бы выйти из этих людей, если бы они упражнялись и были обучены строю и искусству цивилизованных войн? Если бы в землях русского государя нашлись люди, которые растолковали бы ему то, что сказано выше, я убежден, что двум самым лучшим и могущественным христианским государям было бы не под силу бороться с ним, принимая во внимание степень его власти, выносливость его народа, скромный образ жизни, как людей, так и коней, и малые расходы, которые причиняют ему войны, ибо он не платит жалованья никому, кроме иностранцев»<sup>3</sup>.

Михаил Литвин, иначе Михалон, о средствах обороны Русского государства при Иване Грозном говорит так: «Свободу защищает он (Иван Грозный. — Б. Г.) не сукном мягким и не золотом блестящим, а железом; народ у него всегда в оружии; крепости снабжены постоянными гарнизонами; мира он не вымаливает, силу отражает силою, воздержанию татар противопоставляет воздержание своего народа, трезвости трезвость, искусству искусство...»<sup>4</sup>.

Рейнгольд Гейденштейн, польский историк, секретарь Стефана Батория, принимавший участие в войне с Россией, стало быть, враг России, о русском народе и войске дает такой отзыв. В своей записке о московской войне (1578—1582) он пишет: «...народ... выказывал во время войны невероятную твердость при защите и охранении крепостей, а перебежчиков было вообще весьма мало. Много, напротив, нашлось и во время этой самой войны таких, которые предпочли верность князю, даже с опасностью для себя, величайшим наградам»<sup>5</sup>.

В характере русских, «кроме верности к князю, можно отметить еще крайнюю

<sup>1</sup> Там же, стр. 60.

<sup>2</sup> Михалон Литвин «О нравах татар, литовцев и московитян». «Архив истор.-юр. сведений, относящихся до России», издаваемый Н. Калачовым. Кн. 2-я, половина 2, отделение пятое, стр. 35. М. 1854.

<sup>3</sup> Гейденштейн Рейнгольд «Записки о московской войне (1578—1582)». СПб. 1889.

<sup>1</sup> Павел Иовий Новокомский «Книга о посольстве Василия, Великого государя Московского к папе Клименту VII». См. Герберштейн С. «Записки о московских делах», стр. 274—275. СПб. 1908.

<sup>2</sup> «Английские путешественники в Московском государстве XVI в.», стр. 59. Огиз. 1928.

выносливость при всякого рода трудах, при голоде и при других тягостях, а также презрение к самой смерти»<sup>1</sup>.

«Стефан Баторий рассказывал Поссевиному, что в литовских крепостях находили московских ратников, которые, едва дыша от утомления и голода, еще оборонялись от осаждающих, чтобы до конца не нарушить верности своему государю. «Этим только и берут они. — добавляет от себя Поссевин»<sup>2</sup>.

Даже Флетчер, озлобленный против России вследствие неудачи своей миссии (он был прислан в Россию по делам англо-русской торговой компании, успеха никакого не имел, принят был крайне сухо и не был допущен к царскому столу) и по своим политическим взглядам относившийся отрицательно к сильной централизованной власти, все же, хотя и с оговорками, о русском войске дал положительный отзыв:

«Если бы Русский солдат с такою же твердостью духа исполнял те или другие предприятия, с какою он переносит нужду и труд, или столько же был способен и навычен к войне, сколько равнодушен в своему помещению и пище, то далеко превзошел бы наших солдат, тогда как теперь много уступает им в храбрости и в самом исполнении военных обязанностей. Это происходит частью от его рабского состояния, которое не позволяет развиться в нем сколько-нибудь значительной храбрости или доблестям, а частью от недостатка в почестях и наградах, на которые ему нет никакой надежды, какую бы услугу он ни оказал»<sup>3</sup>. Тут мы видим осуждение, но не самого бойца, а государственной системы, мешающей развиться высоким качествам русского бойца.

Француз Маржерет, типичный кондотьер, капитан русской службы при Борисе Годунове и Лжедмитрии, служивший около 6 лет в русском войске, конечно, прекрасно знал его слабые и сильные стороны. Свидетельствуя о неустрашимости русского войска, он в то же время видит ряд недочетов в организации армии. Он считает так же, как и все вышеуказанные авторы, что «в коннице главная сила Русской армии»<sup>4</sup>. «Лучшая пехота... состоит из стрельцов и казаков»<sup>5</sup>. Марже-

рет в своих «Записках» не приводит ничего такого, что могло бы послужить материалом для осуждения той армии, в которой он сам служил и вместе с которой участвовал в боях с поляками.

За XVII век у нас есть более полные отзывы о русской армии.

Саксонец Адам Олеарий, известный ученый и дипломат, в 1636 г. отправленный в составе шлезвиг-голландского посольства к Михаилу Федоровичу и персидскому шаху Сефи с целью завязать торговые сношения с Москвой и Персией, пробыл зиму в Нарве, летом проехал через Новгород в Москву, где и провел 4 месяца. В 1638 г. Олеарий снова был в Москве со вторым посольством и пробыл здесь 2 месяца. В 1643 г. он еще раз был в Москве. Он много и умело наблюдал жизнь русского народа. Его книга, где описана деятельность посольства, в котором участвовал сам автор, — прекрасный источник по истории России XVII века. Олеарий интересовался не только тем, что сам мог видеть, но и прошлым русского народа. О военных качествах русских воинов он сообщает интересные факты: «Полководец шведского короля Яков де ла Гарди принудил эту крепость (Нотебург, Орешек. — Б. Г.) сдаться. Осажденные русские держались в ней до тех пор, пока у них не осталось всего два человека, и когда, по условию сдачи, войско должно было выйти из крепости со своими котомками, то оказалось всего два солдата, которые на вопрос «Где же прочие?» отвечали: «Мы одни только и остались, а все другие померли от заразы»<sup>6</sup>.

«Русские (речь идет о зависимых людях. — Б. Г.)... строго повинуются своим господам и военачальникам, верно и крепко стоят за них, и если бы у них были опытные чужеземные полковники и вожди (а в этом-то у них и большой недостаток), то они способны оказать великой храбрости и богатырского духа, хотя более в крепостях и городах, чем в открытом поле, как это видели уже мы из приведенного выше примера с двумя русскими, оставшимися при сдаче крепости Орешка. Такое же мужество оказали русские в войне с поляками в 1579 г., когда при осаде замка Сунсколя поляки обстреливали их жестоким огнем и русские упорно стояли лицом к лицу с неприятелем, несмотря на то что от пожара на них горели их платья». В этой же книге и в том же месте упоминается об осаде и завоевании монастыря Палгиса в Ливонии, где русские держались так упорно, что при сдаче крепости, изнуренные голодом,

<sup>1</sup> Гейденштейн Рейнгольд «Записки о московской войне (1578—1582)». СПб. 1889.

<sup>2</sup> Ключевский В. «Сказания иностранцев о Московском государстве», стр. 105. Петроград. 1918.

<sup>3</sup> Флетчер Дж. «О государстве русском». стр. 68. СПб. 1905.

<sup>4</sup> «Сказания современников о Дмитрии Самозванце». «Записки» Маржерета, стр. 58. СПб., 1837.

<sup>5</sup> Там же, стр. 63.

<sup>6</sup> «Чтения в Обществе истории и древностей Российских» (Чтения). Кн. I, стр. 20. 1868.



не могли выйти навстречу шведам к крепостным воротам. Писатель с удивлением прибавляет к этому известно: «Вот каковы должны быть войны в крепостях: по приказанию своего начальника они готовы отважиться на все»<sup>1</sup>.

Яков Рейтенфельс в своих «Сказаниях светлейшему герцогу тосканскому Козьме Третьему о Московии» сообщает интересные сведения о русском войске 70-х годов XVII века. Он сам был в Москве в 1670—1672 гг. и мог не только видеть русское войско, но и ознакомиться с военной историей русского государства. Он пишет: «Об отважных делах русских подробно и последовательно рассказывают не только их собственные, но иезуитские летописи... Я не буду говорить здесь, — продолжает он, — о давних, равно как и новейших военных походах русских против отдаленных скифов, литовцев, поля-

ков, турок, шведов, греков, римлян и других народов, в которых они всегда сражались весьма храбро. Поистине они, несколько не став менее отважными, и по сию пору... усердно поддерживают войною свою прежнюю славу»<sup>2</sup>.

«Прежняя слава» была спутницей русского оружия и при Петре, и при Суворове, и при Кутузове.

Эти, далеко не исчерпывающие отзывы иностранцев о русском войске свидетельствуют о том, что все они признают блестящие боевые качества русского воина.

Русская земля всегда защищалась доблестью и силой своих сынов. Высокие военные качества русского воина нашли свой расцвет в Красной Армии, героически защищающей родину и вызывающей восхищение народов всего мира.

<sup>2</sup> «Чтения...» Кн. III, стр. 124. М. 1905; Яков Рейтенфельс «Сказания». Кн. III, З. Падуя. 1680.

<sup>1</sup> «Чтения...» Кн. III, стр. 190—191.

## ВОЕННО-МОРСКИЕ СИЛЫ США

(Исторический очерк)

К. Ющак

Возникновение военно-морского флота США относится к периоду войны за независимость североамериканских колоний против Англии (1776—1783 гг.). Уже до войны североамериканские колонии располагали сравнительно большим количеством торговых судов. Во время войны эти суда были вооружены для борьбы с английскими судами на морских коммуникациях, связывавших Англию с Америкой. Согласно далеко не полным данным, в морской войне против Англии принимало участие около 1700 американских кораблей, насчитывавших в общей сложности 58 400 человек экипажа и 14 872 пушки<sup>1</sup>.

Тем не менее американский флот, насуп организованый, количественно и качественно сильно уступавший английскому, не смог сколько-нибудь серьезно поколебать господство Англии на морях и полностью нарушить британские коммуникации между Европой и Америкой. Американским кораблям не удалось помешать высадке английских десантов в Нью-Йорке и других крупных прибрежных городах США. Американские легкие «рейдеры» были бессильны против тяжелых линейных кораблей британского флота, конвоировавших караваны судов из Англии в США. В свою очередь американское судоходство несло очень тяжелые потери на море, и морская война могла бы закончиться для

США разгромом, если бы в 1778 г. против Англии не выступила Франция, являвшаяся в те времена могущественной морской державой. Своей победой в войне за независимость Соединенные штаты в незначительной степени были обязаны и России. Английское правительство в этой войне широко пользовалось наемными немецкими солдатами. Всего к 1767 г. англичане «закупили» у германских князей около 30 тыс. солдат, которые были отправлены в Канаду для войны против американцев. Одновременно Англия обратилась к русскому правительству с предложением предоставить в ее распоряжение 20 тыс. русских солдат, боевые качества которых англичане расценивали очень высоко. По мнению английского правительства, эта «делка» могла решить в пользу Англии исход войны в Северной Америке. Однако Петербург ответил англичанам категорическим отказом. Кроме того в 1778 г. Россия по своей инициативе возглавила коалицию большинства европейских держав, провозгласивших «вооруженный нейтралитет» и заявивших о своем твердом намерении продолжать торговлю с Америкой невзирая на английскую блокаду. Этот шаг России сильно повлиял на политику Англии и в известной мере вынудил ее прекратить войну с США.

Оценивая уроки морской войны с Англией, главнокомандующий американской армией Дж. Вашингтон в письме к Ла-

<sup>1</sup> Knox D. «A History of the United States Navy», p. 5—6. New York. 1938.

файету писал: «Никакая сухопутная армия не может действовать решительно, если ее операции не поддерживаются флотом, господствующим в прибрежных водах... В качестве доказательства этого положения достаточно вспомнить ту легкость и быстроту, с какой англичане перебрасывали свои войска в выгодные для них пункты американского континента, и их последующие тяжелые потери в тех случаях, когда им не удавалось сохранить за собой превосходство на море»<sup>1</sup>.

Несмотря на то что война с Англией достаточно ярко продемонстрировала роль военно-морского флота в деле обороны страны и защиты торгового судоходства, все же после заключения мира в 1783 г. правительство США стало на путь ликвидации своего военно-морского флота. Уже к 1785 г. большинство военных кораблей было разоружено, продано или пошло на слом.

Некоторое оживление в военно-морском строительстве Америки наступило лишь с весны 1797 г., в связи с начавшимися в Европе наполеоновскими войнами, а также с выборами президентом США Дж. Адамса, сторонника активной внешней политики и «большого флота». По предложению нового президента, в 1797 г. было организовано самостоятельное морское министерство США, что явилось крупнейшим событием в истории военно-морского флота США. В Америке был создан центр, вокруг которого группировались многочисленные сторонники активной внешней политики США и решительные поборники «большого флота». В дальнейшем из этой среды вышли люди, впервые сформулировавшие основные линии экспансии США и нередко оказывавшие большое влияние на внешнеполитические планы и военную политику США. С другой стороны, морское министерство явилось тем ядром, внутри которого зародилась довольно многочисленная и влиятельная группа морских офицеров-специалистов, тесно связанных с торгово-промышленными кругами приморских штатов страны и нередко проводивших свою линию вопреки мнению «нерешительных» морских министров.

Первым морским министром США был богатейший коммерсант, финансист и судовладелец Бенжамин Стодарт, уроженец штата Мэриленд. Защищая планы создания мощного флота, Стодарт утверждал, что строительство военных кораблей «...обогастит наших граждан и поможет создать нам промышленность, которая освободит Америку от иностранной зави-

симости в области предметов, существенно необходимых для обороны страны»<sup>2</sup>. В соответствии с этой установкой морское министерство нередко поощряло строительство верфей, доков, арсеналов и складов в тех пунктах страны, где это было выгодно для предпринимателей отдельных штатов, а не там, где это диктовалось стратегическим положением США. Дух профита витал над колыбелью военно-морского флота США.

Усилия Стодарта не пропали даром. За годы 1797—1801 ежегодные расходы на флот возросли почти вдвое: с 6 млн. до 12 млн. долларов, — что повлекло за собой рост налогов и национального долга США. Все это вместе с начавшейся в эти годы непопулярной морской войной США против Франции вызвало рост оппозиции, опиравшейся на фермеров и предпринимателей внутренних штатов страны. Во главе этой оппозиции стоял Джефферсон, а ее главным рупором по морским вопросам был А. Галлетин, эмигрант из Швейцарии, указывавший, что морская политика неизбежно вовлечет Америку в европейскую войну. В 1798 г. правительство США впервые в истории Америки провело закон «Об иностранцах и подстрекателях», направленный против одного из руководителей оппозиции, эмигранта Галлетина, и его сторонников. Но и эта мера не помогла, и на выборах 1801 г. победу одержала находившаяся в оппозиции республиканская партия Джефферсона, который не замедлил назначить морским министром... Галлетина, яркого противника политики «большого флота».

Новый морской министр США начал свою деятельность с того, что уволил в отставку весь командный состав флота, за исключением 9 капитанов, 36 лейтенантов и 150 младших офицеров, и провалил в Конгрессе проект закона о создании резерва военно-морского флота. В марте 1801 г. по его предложению было продано частным лицам большинство военных кораблей США и приостановлена работа по строительству 74 новых кораблей. Точно так же было законсервировано строительство и ремонт доков и верфей в Портсмуте, Бостоне, Нью-Йорке, Филадельфии, Вашингтоне и Норфольке. Все эти мероприятия привели к тому, что за время пребывания у власти президента Джефферсона и его преемника Мэдисона (1801—1812) военно-морской флот США превратился в ничтожную величину.

Между тем по окончании войны за независимость заморская торговля США вновь сильно возросла. Этому в немалой степени способствовали почти непрерывные войны между Англией и Францией — с 1793 по 1815 г., — втянувшие в водо-

<sup>1</sup> Sprout H. and M. «The Rise of American Naval Power», p. 13. Princenton. 1939.

<sup>2</sup> Ibidem, p. 42.

ворот борьбы всю Европу и вызвавшие повышенный спрос на американские товары в Европе. Только за время с 1798 по 1802 США экспортировали за границу товаров на баснословную по тем временам сумму — 200 млн. долларов<sup>1</sup>. Особенно прибыльную торговлю американцы вели в Средиземном море, используя рост цен в Европе на продовольствие и лес. Сотни американских торговых судов бороздили воды Средиземного моря. Стоимость экспорта в Италию и Испанию с 1799 по 1800 г. возросла с 8 млн. до 12 млн. долларов.

Между тем Гибралтарский и Тунисский проливы, а также морские пути, ведущие из Гибралтара в Турцию, Египет и Левант, находились в значительной мере под контролем правителей Марокко, Алжира, Туниса и Триполи. Америка, не располагая военным флотом для защиты своего судоходства в Средиземном море, вынуждена была заключить в 1795 г. договор с Алжиром, по которому США в обмен на беспрепятственный пропуск американских судов обязались платить алжирскому бейу дань. За один только 1796 год общая сумма американской дани Алжиру достигла 1 млн. долларов!

В 1800 г. правители Туниса и Триполи потребовали от США увеличения дани и выдачи им нескольких американских военных кораблей. Получив отказ, правитель Триполи объявил 10 мая 1801 г. войну США, и триполитанский флот обрушился на американские торговые суда в районе Гибралтарского пролива. Летом 1801 г. в Средиземное море прибыла американская эскадра в составе трех наспех построенных военных кораблей, безуспешно пытавшихся блокировать побережье Триполи. К осени 1803 г. количество военных кораблей США в Средиземном море было увеличено до тринадцати, но блокада оказалась безрезультатной. Тогда американцы высадили в Египте десант под командованием генерала Вильяма Итона, который сумел сформировать небольшую арабо-американскую армию и летом 1805 г. осадил Дерну, угрожая Бенгази<sup>2</sup>. Непрерывные бомбардировки Триполи американской эскадрой и осада Дерна заставили правителя Триполи просить мира, который и был подписан 10 июня 1805 года.

Четырехлетняя война не принесла США желаемых результатов. Постоянные трения с Алжиром, Тунисом и Марокко, а также

новая вспышка войны между Англией и наполеоновской Францией в 1803 г. создали огромные затруднения для американской торговли в Средиземном море. Достаточно сказать, что с 1803 по 1807 г. англичане захватили 528 американских торговых судов, перевозивших грузы из США во Францию, а французы захватили 389 американских судов, перевозивших грузы для Англии. Возрастающая торговля США с воюющими державами Европы приводила к частым конфликтам и грозила втянуть Америку в европейскую войну. В декабре 1807 г. президент США Джефферсон подписал приказ о введении эмбарго, запрещавшего американским судам заходить в европейские воды. Введение эмбарго повлекло за собой резкое падение внешней торговли США. Экспорт за один год снизился со 108 млн. долларов до 22 млн. долларов, импорт уменьшился больше чем в два раза. Предприниматели и судовладельцы Нью-Йорка, Бостона, Филадельфии и других городов атлантического побережья США предсказали неизбежную «экономическую катастрофу», и под нажимом этих кругов правительство США в 1809 г. отменило эмбарго. Американские суда возобновили торговлю с Европой, нарушая английскую блокаду Европы. Британские военные корабли немедленно обрушились на американское судоходство, конфискуя грузы и принуждая задержанных американских моряков служить в военном флоте Англии. Англо-американские отношения портились с каждым днем.

Одновременно внутри США усилился нажим на правительство со стороны торгово-промышленных и связанных с ними морских кругов, требовавших твердой внешней политики и решительной защиты экономических и торговых интересов США за пределами американского континента. Сторонники «большого флота» внесли в 1812 г. законопроект, предусматривающий немедленную постройку эскадры линейных кораблей, и одержали победу в Конгрессе. 18 июня 1814 г. президент США подписал декрет об объявлении войны Англии.

Америка вступила в войну с величайшей морской державой, имея в своем распоряжении военный флот, состоящий из... 16 небольших военных кораблей с неполностью укомплектованным экипажем. Военный флот Англии насчитывал в это время 600 единиц, в том числе 124 линейных корабля. Морское министерство США не имело еще никаких стратегических планов. За несколько дней до начала войны морской министр обратился к капитанам отдельных кораблей с просьбой посоветовать ему, какой метод войны более приемлем: наступательный или обо-

<sup>1</sup> Кнох D. Op. cit., p. 55.

<sup>2</sup> Характерно, что в связи с операциями в 1941 г. в Ливии итало-германских войск против англичан в американской печати все чаще раздаются призывы повторить кампанию 1804 г., но уже против Германии и Италии.

рошительный? Большинство опрошенных высказалось за наступательные операции, но среди командиров возникли серьезные разногласия относительно районов действий отдельных кораблей. Не дождавшись от морского министра точных указаний на этот счет, капитаны вышли в море по своему усмотрению. До весны 1814 г. американские корабли вели сравнительно успешную борьбу с бригаанским судоходством в Атлантическом океане, пользуясь тем, что Англия в эти годы была занята борьбой не на жизнь, а на смерть с наполеоновской империей. Но после падения Наполеона, весной 1814 г., Англия получила возможность уделить больше внимания войне с США.

За короткий срок британский флот уничтожил или блокировал в американских портах почти весь торговый флот США. Система конвоя позволила англичанам перебросить в Канаду довольно крупную армию, которая вторглась на территорию Соединенных штатов. Все атлантическое побережье США, от Канады до Флориды, было зажато в тиски английской морской блокады. Тоннаж торгового флота США, занятого внешней торговлей, упал с 1 млн. т в 1807 г. до 60 тыс. т в 1814 году<sup>1</sup>. Импорт США снизился со 138,5 млн. долларов в 1807 г. до 12 млн. долларов в 1814 году. Экспорт уменьшился соответственно со 108,5 млн. долларов до 7 млн. долларов. Внутри страны торговля была парализована, так как в США почти все грузы перевозились главным образом по морю, которое стало недоступно в связи с английской блокадой. Хозяйственные связи между отдельными штатами были прерваны, и США оказались на грани экономической катастрофы. Попытки правительства США в ходе войны наскоро построить такой флот, который смог бы прорвать кольцо английской блокады, не увенчались успехом, несмотря на то что расходы на строительство военных кораблей возросли за годы войны больше чем в четыре раза — с 2 млн. до 8,5 млн. долларов. Лишь сильное истощение Англии за двадцатилетний период непрерывных войн с Францией вынудило Лондон заключить мир с США на условиях *status quo ante*.

В известной мере уступчивость Англии объясняется крупными успехами американцев в «морских» сражениях на оз. Эриэ и Чэмплейн. Сражения у Великих озер повысили авторитет американского военного флота и значительно усилили влияние морских кругов на военную политику США. Это, в частности, выразилось в создании в 1815 г. специального

комитета по военно-морским делам в составе трех морских офицеров-профессионалов, направлявших деятельность морского министра. Полномочия этого комитета были довольно широкими. Он ведал составленным чертежами, смет расходов на морское строительство, верфями, складами, арсеналами и разработкой стратегических планов войны.

Уже в 20—30-х годах XIX в. морское министерство США стало проявлять больший интерес к Латинской Америке и Дальнему Востоку. В 1822 г. была создана специальная вестиндская эскадра, в задачу которой входило патрулирование Мексиканского залива и Карибского моря. В 1826 г. морское министерство США сформировало южноатлантическую эскадру для защиты американских интересов, торговли и патрулирования вод между Бразилией и Дакарот. Еще раньше, в 1821 г., была организована тихоокеанская эскадра для защиты американского судоходства на Тихом океане.

Начиная с 1825 г. американские военные корабли стали все чаще и чаще посещать самые отдаленные острова Тихого океана. Они бороздили воды Тихого океана во всех направлениях, появляясь на островах Галапагос, Маркизских, Гавайских, Марианских. В 30-х годах прошлого века военные корабли США стали довольно частыми гостями и на островах Юго-восточной Азии: Яве, Суматре, Филиппинах. В 1832 г. американский военный корабль «Пикок» посетил столицу Сиам — Бангкок. Разумеется, эти плаванья не были простыми визитами вежливости. В ряде мест, например на Гавайских островах, американцы «заключали договоры» с местными правителями о предоставлении торговым судам США различных льгот.

В связи с ростом американской торговли со странами Восточной Азии в 40—60-х годах прошлого века военные корабли США стали все чаще появляться и в китайских портах. Так, в конце 1845 г. в Кантон прибыли из Америки два корабля под командованием коммодора Бидла, который в следующем, 1846 г. сделал неудачную попытку «открыть Японию» путем торговых переговоров с японским правительством. Неудача Бидла не обескуражила американцев, и весной 1854 г. в Токнйском заливе вновь появилась военная эскадра коммодора Перри в составе 7 кораблей, которая под угрозой пушек заставила японское правительство открыть страну для иностранной торговли. Таким образом, первое знакомство Америки со своей будущей соперницей на Тихом океане — Японией — состоялось не в идиллически мирной обстановке, а под сенью пушек военных кораблей.

<sup>1</sup> Frederick J. «The Development of American Commerce», p. 53—61. New York. 1932.

Период с 1837 по 1861 г. был довольно своеобразным этапом в истории военно-морского флота США. С одной стороны, этот период характеризовался быстрым ростом внешней торговли и судоходства США. Стоимость американского экспорта и импорта с 1846 по 1860 г. возросла больше чем в 3 раза — с 25 млн. долларов до 762 млн. долларов, причем около 70% всех товаров перевозилось в те годы на американских судах. За эти годы в судостроительной технике произошла настоящая революция, когда парусные суда повсеместно стали вытесняться парходами. И тем не менее военно-морской флот США в эти годы мало прогрессировал по сравнению с флотами Англии и Франции. По количеству кораблей США занимали в 1837 г. шестое место в мире, но и эти корабли не составляли флота в обычном понимании этого слова. Почти все корабли были расплынены среди многочисленных портов Америки, Европы и Азии. Достаточно сказать, что количественно небольшой военно-морской флот США был разделен тогда на шесть эскадр: 1) средиземноморскую, 2) вестиндскую, 3) тихоокеанскую, 4) южноатлантическую, 5) остиндскую и 6) отечественную. Что касается качественной стороны военно-морского флота США, то здесь дело обстояло еще хуже. В 1846 г. военно-морской флот США насчитывал всего 7 кораблей-пароходов, имевших в общей сложности 39 пушек, в то время как Англия имела 42 корабля-парохода, вооруженных 700 пушками, а Франция — 68 кораблей с 430 пушками. Хотя Англия и Франция в начале 60-х годов прошлого века уже использовали пушки с нарезными стволами, стрелявшими разрывными снарядами большой разрушительной силы, морское министерство США попрежнему боялось расстаться с деревянными парусными кораблями, на вооружении которых состояли гладкоствольные пушки, заряжавшиеся с дула и стрелявшие ядрами на близкие расстояния.

Естественно, что американцы не смели и мечтать тогда о таких «английских» новшествах, как бронирование кораблей и применение приборов для управления артиллерийским огнем. Как это ни странно на первый взгляд, но против замены парусных кораблей паровыми самым решительным образом возражали... опытные морские офицеры и высокопоставленные чиновники из морского министерства, которые заявляли, что они не нуждаются в «этих грязных и шумных посудинах».

Морской министр США Джеймс Полдинг писал в своем докладе сенату 6 января 1839 г. буквально следующее: «Я никогда не допущу, чтобы наши старые чудесные корабли были уничтожены и аме-

риканский флот превратился в сборище паровых морских чудовищ»<sup>1</sup>.

Некоторое оживление в военно-морском строительстве США наступило лишь накануне возникновения гражданской войны в США, в период пребывания у власти президента Бьюкенена (1857—1861), когда американцы стали более широко использовать новейшие достижения и опыт английской судостроительной промышленности. В результате к началу гражданской войны США располагали примерно 10 новыми паровыми крейсерами и 30 устаревшими, парусными кораблями.

В гражданской войне в США (1861—1865 гг.) между капиталистическим Севером и рабовладельческим Югом, которую Маркс характеризовал как борьбу «двух социальных систем, — системы рабства и системы свободного труда»<sup>2</sup>, военно-морской флот сыграл исключительно большую роль. Северяне, используя свою относительно высоко развитую промышленность, сумели построить за годы войны большое количество военных кораблей, которые установили эффективную блокаду всей береговой линии Южных штатов, протяжением в 3,5 тыс. морских миль. Не получая поддержки из-за моря, терпя поражения на суше, южане были разгромлены.

Своей победой над южанами Северные штаты в известной мере были обязаны России. В разгар гражданской войны в США в Англии и Франции серьезно обсуждался вопрос о военной интервенции этих двух держав в пользу Южных штатов. Русские послы в Лондоне и Париже заявили, что Россия всеми мерами, вплоть до войны, будет противодействовать расчленению США на две части. Ультимативное предупреждение России было подкреплено посылкой в Нью-Йорк и Сан-Франциско двух крупных русских эскадр, имевших секретные инструкции немедленно поддержать США на море в случае вступления в войну Англии и Франции. Таким образом, на протяжении второй раз оказалась неоценимые услуги Америке в наиболее критические моменты ее истории.

В годы гражданской войны в США (1861—1865) военно-морской флот США достиг довольно внушительных размеров и мог по праву считаться одним из лучших флотов мира. Он насчитывал в своем составе около 700 кораблей общим водоизмещением в 500 тыс. т, вооруженных 5 тыс. пушек. Личный состав флота увеличился за пять лет с 7600 до 51 500

<sup>1</sup> Sprout H. Op. cit., p. 114.

<sup>2</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XII. Ч. 2-я, стр. 251.

человек. Но как только прекратились военные действия, американское правительство стало распродавать, пускать на слом и разоружать военные корабли. «Ликвидация» значительной части военного флота сопровождалась приостановкой военно-морского строительства, консервацией верфей и доков и массовым увольнением в отставку личного состава. Через пять лет, к 1870 г., военный флот США насчитывал в строю всего 59 кораблей с 500 пушками. Неспыханный упадок военного флота США сопровождался сильным техническим регрессом. Приказом морского министерства в 1869 г. командам предписывалось сократить на кораблях количество котлов и механизмов за счет увеличения парусов. В 1870 г. распоряжением морского министра капитанам кораблей было категорически запрещено пользоваться машинами, за исключением случаев крайней необходимости. «Жечь уголь считалось настолько серьезным преступлением в глазах морских властей, что капитаны на протяжении долгих лет должны были записывать красными чернилами в вахтенный журнал причины, вынудившие их развести шары и пустить машины»<sup>1</sup>.

Все эти меры привели к тому, что средняя скорость американских военных кораблей в 70-х годах прошлого века равнялась 8 узлам по сравнению с 15 узлами английских и французских кораблей. Не лучше обстояло дело и с вооружением американских кораблей, которые вплоть до 80-х годов имели на борту устаревшие, заряжавшиеся с дула гладкоствольные пушки, от которых давно отказались все передовые флоты мира. Технический застой военно-морского флота США тем более поразителен, что период с 1861 по 1898 г. ознаменовался необычайно быстрым развитием промышленности и техники в США. За последнее тридцатилетие XIX в. в Америке было выдано свыше 300 тыс. патентов на различные изобретения. В известной мере технический застой американского военного флота объясняется крайним консерватизмом профессиональных моряков и поразительным невежеством ряда морских министров. Ричард Томпсон, морской министр США с 1877 по 1881 г., был однажды крайне удивлен, узнав, что все корабли внутри имеют пустоту<sup>2</sup>.

Характерно, что упадок военно-морского флота США в 1861—1881 гг. сопровождался совершенно беспрецедентным сокращением американского торгового судоходства. С 1860 по 1900 г. тоннаж

американских судов, занятых внешней торговлей, сократился в три раза — с 2,5 млн. т до 800 тыс. тонн.

Таким образом, на протяжении XIX в. мы можем наблюдать картину, чрезвычайно характерную для всей истории развития военно-морского флота США: периоды подъема и лихорадочного строительства кораблей в годы войны сменялись здесь длительной полосой глубокого упадка и зстоя в мирное время.

В основе этих «скачков», наложивших глубокий отпечаток на все последующее развитие американского военного флота, лежат причины как экономического, так и политического характера.

1. Прежде всего хозяйственное развитие США в XIX в., особенно во второй половине, шло по линии освоения огромных необжитых пространств североамериканского континента с его большими природными богатствами и малочисленным населением. Колонизация этих земель предоставила в распоряжение американской индустрии много сырья и обширный, непрерывно расширявшийся внутренний рынок. Отсюда относительно слабая заинтересованность США по сравнению с Англией в заокеанских рынках и заморской торговле.

2. Атлантический океан, отделяющий США от Старого Света, а также непрерывное соперничество и частые войны между европейскими державами постоянно нарушали равновесие сил в Европе и Азии, что, несомненно, сильно связывало руки потенциальным противникам США и делало маловероятным вторжение в Америку одной или нескольких европейских держав. Отсюда традиционная заинтересованность США в том, чтобы ни одна держава в Европе или Азии не усиливалась за счет других в такой мере, чтобы это могло угрожать безопасности Америки. Это положение, впервые высказанное президентом Т. Джефферсоном в 1781 г., было краеугольным камнем внешней политики США и ее военных планов.

3. Третья причина заключалась в уверенности многих государственных деятелей США, что в случае войны можно в короткий срок создать «импровизированный» военный флот путем вооружения торговых судов, строительства новых военных кораблей и спешной вербовки личного состава. Сторонники «импровизированного» флота строили свои расчеты на огромных экономических ресурсах и высоко развитой технике США, которые могли, по их мнению, обеспечить быструю реализацию программ по расширению военно-морского флота. Атлантический океан, представляющий собой серьезную преграду для потенциальных противников США, гарантировал Америке минимум

<sup>1</sup> Sprout H. Op. cit., p. 167.

<sup>2</sup> Eckenrode H. «Rutherford B. Hayes, Statesman of Reunion», p. 242.



времени, необходимого для подготовки к войне.

4. Наконец, отсутствие у морского министерства США в XIX в. дальновидной и продуманной морской политики в известной мере объясняется традиционной внутрисполитической борьбой за власть двух главных буржуазных партий Америки, нередко использовавших дискуссии о военном флоте в своих корыстных и узкоместных, групповых интересах, в ущерб национальной обороне. Социальной базой сторонников «большого флота» были промышленники, судовладельцы и коммерсанты с атлантического побережья США и плантаторы Юга. Что касается «морской оппозиции», то она в XIX в. опиралась на фермерские и отчасти крупнокапиталистические слои центральных и западных штатов Америки.

В сумме эти причины и обусловили все своеобразие в развитии военно-морского флота США начиная с войны за независимость и кончая XIX в., когда в истории военного флота США наступил новый этап.

Тридцатилетие с 1865 по 1895 г., когда военно-морской флот США переживал глубокий упадок, было переломным периодом в истории США. К концу XIX в. «великое» движение на Запад в основном закончилось и вся территория США, вплоть до берегов Тихого океана, оказалась заселенной и освоенной американскими колонистами. Эти годы ознаменовались бурным развитием капитализма в США. К концу XIX в. США вышли на первое место в мире по производству железа, стали, электроэнергии, машин и по длине железнодорожной сети. Сильно выросла и внешняя торговля США. С 1865 по 1900 г. импорт США увеличился в 3 раза, а экспорт возрос с 166 млн. долларов до 1400 млн. долларов. В соответствии с этим сильно возросла и заинтересованность Америки в зарубежных рынках сбыта товаров и приложения капиталов. Молодой американский капитализм стал усиленно помогать колониям.

Между тем территориальный раздел мира в это время был уже в основном закончен между крупнейшими колониальными державами мира: Англией, Францией, Россией. На Тихом океане назревала ожесточенная дипломатическая и военная борьба за раздел «испанского наследства» и крупнейшего потенциального рынка мира — Китая, борьба, в которую в конце XIX в. активно включился и германский империализм. Ленин писал: «...характеристичной чертой рассматриваемого периода является окончательный раздел земли, окончательный не в том смысле, чтобы не возможен был передел, — напротив, переделы возможны и неизбеж-

ны, — а в том смысле, что колониальная политика капиталистических стран закончила захват незанятых земель на нашей планете»<sup>1</sup>.

Взоры США обратились прежде всего в сторону Тихого океана, где были расположены необъятные рынки Китая и обширные колонии, принадлежащие заживо гниющей, немощной испанской монархии. Перед Америкой стояла задача — утвердиться на важнейших подступах к Восточной Азии и помешать захвату европейскими державами китайского рынка. Идея гегемонии США на Тихом океане была четко сформулирована в начале XX в. президентом США Т. Рузвельтом, который заявил: «Отныне в истории человечества начинается тихоокеанская эра... Господство же над Тихим океаном должно принадлежать Америке»<sup>2</sup>.

Осуществление столь грандиозной программы действительно требовало от США упрочения их стратегических позиций в Карибском море и на Тихом океане и создания мощного военно-морского флота, способного расчистить путь к гегемонии США на Тихом океане. В соответствии с этой задачей Америка в конце XIX в. приступила к созданию военного флота.

Молодой американский флот рождался в муках. США в 80-х годах прошлого века не имели достаточного количества современных верфей. Оборудование судостроительных заводов устарело. Несмотря на наличие мощной сталелитейной промышленности Америка не располагала заводами по производству броневых плит, морских пушек, механизмов, приборов и пр. Не хватало конструкторов, квалифицированных инженеров и рабочих для судостроительной промышленности. Не удивительно поэтому, что первые корабли, спущенные на воду с американских верфей, обладали редкостью плохими мореходными качествами. Они выходили из строя и тонули после первых учебных артиллерийских стрельб, распавшихся до основания весь корпус корабля. Серьезнейшей помехой на пути к созданию современного флота было сугубо барышническое отношение к военно-морскому строительству со стороны предпринимателей, заинтересованных не столько в постройке современных боевых кораблей, сколько в прибылях. Пользуясь своим положением, американские промышленники и связанные с ними сенаторы и конгрессмены из морского министерства США нередко строили верфи без учета технических и стратегических факторов. Они умышленно тормозили строительство новых кораблей за счет

<sup>1</sup> Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 132.

<sup>2</sup> «Вестник Маньчжурии» № 5—7 за 1925 г., стр. 2. Харбин.

бесконечных ремонтов допотопных «плывучих самоваров», приносящих бешеные прибыли владельцам. Морской министр Чэндлер заявил в 1884 г., что в Америке «не верфи существуют для флота, а флот для верфей».

Немалой помехой был и консерватизм морских специалистов, цеплявшихся за парусный флот. Даже в 1884 г. адмирал Портер, самое высокопоставленное лицо в американском флоте, требовал, чтобы все новейшие крейсера имели «достаточное количество парусов, чтобы можно было совершить кругосветное плавание, не при- трагиваясь к углю».

Все же несмотря на консерватизм старшего поколения американских моряков и барьерничество предпринимателей военно-морской флот США к 1898 г. уже насчитывал в своем составе немало новых кораблей, хотя он еще и не мог соперничать с флотами Англии и Франции. Большую роль в развитии военного флота и в формировании морской политики и стратегии США сыграла вышедшая в 1890 г. книга Мэхэна «Влияние морской мощи на историю». Согласно учению Мэхэна, ни одно государство не может существовать и тем более процветать, не расширяя своей внешней торговли. Но торговый флот в свою очередь нуждается в безопасных отечественных портах за пределами США и в надежной защите на море. Поэтому государство должно иметь заморские колонии и мощный военно-морской флот. Далее, изучая опыт прошлых морских войн, Мэхэн приходит к выводу, что крейсера не могут справиться с линейными кораблями противника и, следовательно, прорвать кольцо морской блокады. Только сильный линейный флот в сочетании с более легкими кораблями может обеспечить господство на морях. Но флот нуждается в базах, и Мэхэн в своей книге намечает конкретную программу укрепления стратегических позиций США в Атлантическом и Тихом океанах, предусматривающую аннексию Кубы, Филиппин, постройку Панамского канала и т. п.

Таким образом, почти за 10 лет до начала испано-американской войны и до вступления США на путь широкой экспансии Мэхэн с исчерпывающей полнотой сформулировал военную программу Америки на много лет вперед. Если Мэхэн был идеологом и теоретиком активной внешней политики и «большого флота», то практическое претворение в жизнь его принципов выпало на долю его ученика и последователя — Теодора Рузвельта, сыгравшего огромную роль в истории внешней политики США и в развитии американского военно-морского флота.

Т. Рузвельт (1858—1919 гг.) уже в

ранние годы обнаруживал большой интерес к военно-морским вопросам и в 1882 г. издал свою книгу «Морская война 1812 г.», заслужившую высокую оценку специалистов. В 1897 г. Рузвельт получил пост заместителя морского министра США. Уже в эти годы он был широко известен как решительный сторонник «большого флота» и активной внешней политики. Будучи фактическим руководителем морского министерства, Рузвельт энергично принялся за подготовку к войне с Испанией, действуя нередко за спиной президента Мак Кинли и своего непосредственного начальника морского министра Д. Лонга. При Рузвельте военный флот США усиленно модернизируется и пополняется новыми кораблями. Далее Рузвельт реорганизует систему продвижения морских офицеров и уделяет особое внимание артиллерийской подготовке флота.

Морской министр Лонг не без опасений взирал на приготовления Рузвельта. 25 февраля 1898 г., через несколько дней после взрыва на американском бронепосуде «Мыйн» на острове Кубе, Рузвельт, воспользовавшись отсутствием Лонга, отдал приказ о мобилизации флота. Пользуясь полномочиями заместителя морского министра, Рузвельт немедленно начал отдавать приказания, относящиеся к дислокации флота, переброске боеприпасов и увеличению личного состава флота. Так началась война США с Испанией.

Победа США в испано-американской войне радикально изменила стратегические позиции Америки. Аннексия Кубы и Порто-Рико поставила под контроль американского флота Карибское море и Панамский перешеек. Аннексия Гавайских островов (1899 г.), Филиппин, Гуама и Самоа выдвинула стратегические границы США на тысячи километров в глубь Тихого океана. В связи с этим заинтересованность США в дальневосточной политике необычайно возросла. Владения США, простиравшиеся по всему Тихому океану, стали своеобразным гигантским мостом, переброшенным из Америки в Азию, и предоставили в распоряжение американского флота удобные пункты для сооружения военно-морских баз. Прочно утвердившись на подступах к Восточной Азии, США в 1899 г. потребовали от всех заинтересованных держав установления политики «открытых дверей» и уважения территориальной целостности Китая. Эти предложения США рассчитывали предотвратить раздел Китая на монопольные сферы влияния между европейскими державами и Японией, с одной стороны, и обеспечить американским товарам свободный доступ на китайский рынок с целью его мирного экономического завоевания — с другой.

Включившись в активную борьбу за господство на Тихом океане, США тем самым оказались глубоко вовлеченными в водоворот мировой политики, так как любое осложнение в Европе неизбежно должно было повлечь за собой нарушение равновесия сил на Дальнем Востоке. В связи с этим сильно возросла заинтересованность США и в европейских делах. Неудивительно поэтому, что гонка морских вооружений в Европе и на Дальнем Востоке в 1900—1914 гг. еще больше подстегивала военно-морское строительство в США.

Годы президентства Т. Рузвельта (1901—1909 гг.) были «золотым веком» в развитии военно-морского флота США. С приходом в 1901 г. к власти Рузвельта во главе государства впервые оказался «профессиональный» моряк, ранее зарекомендовавший себя в качестве фанатичного сторонника «большого флота» и активной внешней политики.

Вокруг нового президента и морского министерства сплотилась большая группа влиятельных людей, входивших в Американскую морскую лигу, организованную в 1903 году. Членами этой Лиги состояли отставные морские офицеры, крупные банкиры, промышленники и выдающиеся юристы, материально заинтересованные в расширении военно-морского флота США. Лига в свою очередь пользовалась исключительной сильной поддержкой со стороны сталелитейных, угольных и хлопковых королей, владельцев судостроительных верфей и паровых компаний, коммерсантов и экспортеров.

Результаты деятельности Рузвельта не замедлили сказаться, и к 1906 г. военный флот США уже занимал третье место в мире.

Наряду с расширением флота Рузвельт предпринял строительство Панамского канала. Покидая в 1909 г. пост президента, он оставил своему преемнику Тафту завещание: «Никогда не разделять главных сил флота на две эскадры — Атлантическую и Тихоокеанскую, — прежде чем будет закончен Панамский канал».

При преемнике Рузвельта — президенте Тафте (1909—1913 гг.) — морская политика США не подверглась существенным изменениям и темпы строительства новых военных кораблей несколько не уменьшились. Политико-стратегическая обстановка в Европе накануне войны 1914—1918 гг. складывалась весьма благоприятно для США. Морское соперничество между Англией и Германией связывало руки потенциальных противников США и приковывало их флоты к европейским водам. Значительно слабее оказались позиции США на Тихом океане. Панамский канал еще не был прорыт.

Главные силы американского флота находились в Атлантике, и для перехода их из Нью-Йорка в Сан-Франциско вокруг мыса Горн потребовалось бы от 2 до 3 месяцев. Предложение морского министра о сооружении военно-морских баз на Гуаме и Филиппинах было провалено в Конгрессе; укрепление Перл Харбора (Гавайские острова) было начато лишь в 1913 году. Все это вместе с уходом в Европу основных сил дальневосточных эскадр Англии и Франции изменило соотношение сил в пользу Японии и сделало ее хозяйкой всей западной части Тихого океана. Слабость военно-морского флота и стратегических позиций США на Тихом океане была одной из причин нейтралитета США в первые годы мировой империалистической войны.

Мировая война 1914—1918 гг. была крупнейшей вехой в истории развития военного флота США. Американские военные круги уже зимой 1914—1915 г. предвидели неизбежность вступления США в войну против Германии и деятельно готовились к ней. С этой целью в 1915 г. при морском министерстве был создан Оперативный отдел, выполнявший функции морского генерального штаба. Зимой 1914—1915 г. по инициативе морского и военного министерства в США была начата широкая кампания за усиление военной подготовки Америки. По всей стране, как грибы, возникали многочисленные общества, ставившие своей целью стимулировать военные приготовления США. 29 августа 1916 г. Конгресс утвердил беспрецедентный в истории страны законопроект об увеличении военно-морского флота США. Новая программа предусматривала постройку 10 линкоров, 6 линейных крейсеров, 10 крейсеров, 50 эминцев, 67 подводных лодок и 14 прочих кораблей. Принимая гигантскую программу морских вооружений, правительство США заявило, что Америка намерена создать флот, не уступающий по силе ни одному флоту мира.

Несомненно, что новая программа военно-морского строительства США была направлена в первую очередь против германского империализма. Ютландский морской бой в 1916 г. между германским и английским флотами не дал полной победы ни той, ни другой стороне. Основные силы военно-морского флота Германии остались невредимыми и представляли собой потенциальную угрозу морскому господству Англии и США. Германская подводная блокада Англии с каждым месяцем принимала все более угрожающие размеры. Положение на фронтах в 1915—1916 гг. было также крайне неблагоприятно для союзников.

В 1916 г. сильно осложнилась обстановка и на Тихом океане. Европейские державы, занятые войной не на жизнь, а на смерть, не имели ни сил, ни средств для того, чтобы оказывать сколько-нибудь существенное влияние на ход событий на Дальнем Востоке. Тем временем Япония аннексировала ряд германских владений на Тихом океане и сделала попытку установить свой контроль над Китаем. Экспансия Японии на Тихом океане сопровождалась исключительно быстрым ростом японского военно-морского флота, что не могло не вызвать тревоги в США, не располагавших в те годы на Тихом океане подготовленными военно-морскими базами и флотом.

Таким образом, ухудшение взаимоотношений между США и Германией в первую очередь и Японией во вторую было главной причиной быстрого роста морских вооружений США.

За годы первой мировой империалистической войны военно-морской флот США оказал союзникам неоценимые услуги.

Прежде всего американский военный флот в сотрудничестве с английским обеспечил переброску из США в Европу двухмиллионной американской армии и огромного количества оружия, боеприпасов, продовольствия и т. п.

Военные корабли США оказали англичанам большую помощь в борьбе с германскими подводными лодками и рейдерами. Достаточно упомянуть, что в ноябре 1918 г. в состав американских морских сил, оперирующих в европейских водах, входили 8 линкоров, 5 крейсеров, 68 эсминцев, 9 подводных лодок, 121 истребитель подводных лодок и т. д.

Морское министерство США передало Англии чрезвычайно ценное изобретение — звукоулавливатель, сильно облегчивший борьбу с подводными лодками противника. Кроме того американцы предоставили в распоряжение англичан так называемые «антенные мины», применение которых позволило Англии к осени 1918 г. преградить для германских подводных лодок выходы из Северного моря в Атлантику.

С другой стороны, для военно-морского флота США война 1914—1918 гг. была тем гигантским трамплином, с помощью которого они одним прыжком достигли флот «владычицы морей» — Англии — и могли теперь претендовать на первое место. Кроме того мировая империалистическая война была для военного флота США своеобразной лабораторией для испытания материальной части кораблей и великолепной школой для подготовки личного состава, в особенности офицеров.

За годы войны было завершено также строительство Панамского канала, что сократило морской путь из Нью-Йорка в

Сан-Франциско с 13 700 до 5300 морских миль. Все это вместе с усилением морских баз США в Карибском море и на тихоокеанском побережье США значительно усилило позиции Америки на двух океанах.

Постройка Панамского канала радикально изменила всю стратегическую ситуацию в Западном полушарии. Строго говоря, до сооружения Панамского канала США нельзя было назвать тихоокеанской морской державой. На протяжении всей истории США постоянным местопребыванием американского флота было атлантическое побережье. Для того чтобы попасть в тихоокеанские воды, американский флот должен был пройти свыше 20 тыс. километров вокруг Южной Америки. Ввиду того что большинство южноамериканских стран не располагало хорошими морскими базами, флот США в случае войны мог бы очутиться перед лицом огромных трудностей. К концу мировой войны картина резко изменилась. США располагали теперь крупнейшим в мире военным флотом и контролировали кратчайшие пути из Атлантического в Тихий океан.

В августе 1919 г., после поражения германского империализма, основные морские силы США покинули Атлантику и, пройдя Панамский канал, вышли на просторы Тихого океана. Америка превратилась в тихоокеанскую морскую державу. Теперь, когда Германия была разгромлена, а европейские союзники США оказались на грани экономического банкротства и истощения, Америка могла перейти к широкому контрнаступлению на позиции, захваченные Японией на Дальнем Востоке в годы войны. В своей борьбе с Японией США могли на этот раз бросить на чашу весов свою колоссально возросшую экономическую, финансовую и военную мощь.

Стремясь приостановить экспансию Японии на Тихом океане, правительство США созвало 12 ноября 1921 г. Вашингтонскую конференцию. Спустя месяц, 13 декабря 1921 г., США, Англия, Япония и Франция заключили так называемый «договор четырех держав». Договаривающиеся стороны обязались соблюдать status quo в отношении тихоокеанских владений заинтересованных держав и все спорные вопросы разрешать на совместных конференциях «мирным» путем. В четвертом пункте этого договора говорилось о том, что после ратификации договора четырех держав соответствующими правительствами англо-японский союз прекратит свое существование. После длительных дебатов, закулисной борьбы и политических компромиссов сильнейшие морские страны (Англия, Япония, США, Франция и Италия) заключили (6 февраля 1922 г.)

договор об ограничении морских вооружений по главнейшим видам боевых кораблей («договор пяти держав»). Для линейных кораблей крупнейших государств были установлены следующие лимиты: Англии и США — 525 тыс. т, Японии — 315 тыс. т, Франции и Италии — по 175 тыс. тонн. Договор воспрещал также укрепление некоторых островных владений (Гуам, Филиппины, Алеутские острова для США, Гонконг для Англии, Бонин, Формоза, Пескадоры и бывшие германские островные владения — для Японии). 6 февраля 1922 г. по предложению США участники конференции подписали также «договор девяти держав» (США, Англия, Франция, Италия, Япония, Бельгия, Голландия, Португалия и Китай).

В тексте «договора девяти держав» говорится, между прочим, следующее: «Договаривающиеся державы, кроме Китая, согласны:

1. Уважать суверенитет, независимость и территориальную неприкосновенность Китая.

2. Предоставить Китаю полнейшую и ничем не стесненную возможность создавать и поддерживать у себя жизнеспособное и прочное правительство.

3. Использовать свое влияние в целях действительного установления и поддержания принципа равенства режима для торговли и промышленности всех наций на всей территории Китая.

4. Воздерживаться от использования существующей ныне в Китае обстановки, чтобы добиваться специальных прав и преимуществ, могущих нанести ущерб правам подданных или граждан дружественных государств, или поддержания деятельности, враждебной безопасности таких государств».

Вашингтонская конференция представляла собой попытку Америки, Англии и Японии договориться между собой. Она отражала стремление США восстановить свои экономические и политические позиции на Тихом океане, ослабленные в годы мировой войны Японией. Однако вашингтонские соглашения оказались столь же непрочными, как и вся система послевоенной стабилизации. И это прежде всего сказалось в области военно-морского строительства.

В период между Вашингтонской и Лондонской конференциями морских держав (1922—1930 гг.) Америка, Япония и Англия продолжали усиливать свои флоты за счет строительства авианосцев, крейсеров, эсминцев и подводных лодок. США построили за эти годы два крупнейших авианосца — «Лексингтон» и «Саратога» — и довольно большое количество крейсеров и подводных лодок. Гонка морских вооружений усиливалась с

каждым годом, и в 1930 г. в Лондоне была созвана новая морская конференция пяти держав (США, Англия, Япония, Франция и Италия) по вопросу о распространении лимитов на типы кораблей, не предусмотренных в вашингтонском «договоре пяти держав». Лондонская конференция открылась в разгар мирового экономического кризиса, гонки морских вооружений в Японии и острого морского соперничества между Францией и Италией. Представители этих двух стран отказались пойти на существенное сокращение тоннажа легких судов и покинули конференцию. В свою очередь между представителями США, Англии и Японии на конференции разгорелась упорная борьба. В итоге участники конференции приняли следующее соотношение тоннажа по классу крейсеров и подводок:

	США	Англия	Япония
Крейсеры	323 590	338 200	208 450
Подводные лодки	52 700	52 700	52 700

Для эсминцев было установлено соотношение 10 : 10 : 7.

Но в обстановке обострившейся борьбы за передел мира между крупнейшими державами морские договоры просуществовали недолго. 29 декабря 1934 г. был денонсирован вашингтонский «договор пяти держав». Расторжение этого договора означало крушение всей системы послевоенных мирных договоров на Тихом океане, ликвидацию всех ограничений в области морских вооружений и начало новой бешеной гонки вооружений, чреватой острыми конфликтами и военными столкновениями.

Брах вашингтонского и лондонского морских соглашений совпал с приходом в Америке к власти президента Ф. Рузвельта, с именем которого связан новый этап в развитии военно-морского флота США.

Франклин Рузвельт, как в свое время и его родственник президент Теодор Рузвельт, был широко известен в качестве сторонника «большого флота» и специалиста по военно-морским вопросам. Свыше 7 лет (с 1913 по 1921 г.) Рузвельт занимал пост заместителя морского министра США и являлся фактическим руководителем морского ведомства при слабохарактерном и нерешительном морском министре Д. Даниэльсе. В 1913—1916 гг. Рузвельт возглавлял кампанию за усиление военных приготовлений США, написав по этому поводу много статей, выступая с речами и т. п. Накануне вступления США в мировую войну против Германии по инициативе Рузвельта было переоборудовано

и модернизировано большинство американских верфей и arsenалов, накоплены запасы сырья и боеприпасов для военного флота, создан небольшой резерв личного состава военно-морского флота. В годы войны Рузвельт специально изучал проблему борьбы с подводными лодками и энергично защищал проект установления сплошного минного заграждения между Оркнейскими островами и Норвегией, загромождающего германским подводным лодкам выходы из Северного моря в Атлантику. По предложению Рузвельта, в США было построено свыше 400 «истребителей подводных лодок». Летом 1918 г. Рузвельт инспектировал американские военно-морские силы в европейских водах и, будучи в Англии, установил тесные связи с британскими государственными деятелями и адмиралтейством. Вернувшись в феврале 1919 г. в Америку вместе с президентом Вильсоном, он активно выступал в защиту версальского договора и Лиги наций.

После падения Вильсона, а также в связи со своим заболеванием в 1921 г. Рузвельт временно отошел от активной политической деятельности с тем, чтобы вновь затем вернуться на политическую арену сначала в качестве губернатора штата Нью-Йорк, а затем президента США. Таким образом, на протяжении каких-нибудь 30 лет у государственного руля США вновь оказался член семьи Рузвельтов, убежденный и опытный маринист, сторонник активной внешней политики США, противник изоляционизма.

Период президентства Рузвельта ознаменовался огромным ростом морских вооружений США. В начале 1934 г. Конгресс США утвердил законопроект, предусматривавший постройку 102 военных кораблей общим водоизмещением в 430 тыс. т, в том числе 6 линкоров по 35 тыс. т каждый. В 1938 г. Конгресс принял второй законопроект, намечавший увеличение военного флота США на 20%. Этот законопроект предусматривал постройку 72 кораблей общим водоизмещением в 400 тыс. т, в том числе 2 линкоров по 45 тыс. т каждый. Таким образом, на протяжении каких-нибудь 4 лет США проектировали и начали постройку 174 кораблей общим водоизмещением в 830 тыс. тонн. Всего за 7 лет — с 1933 по 1940 г. — было заложено 242 корабля, из которых 124 в конце 1940 г. вступили в строй. За 7 лет личный состав флота увеличился с 90 334 человек до 145 тыс. человек. «Корпус морской пе-

хоты» возрос с 15 927 до 27 542 человек; количество самолетов морской авиации увеличилось с 1066 до 2100 единиц; число рабочих государственных военно-морских верфей (Нейви Ярдз) возросло с 4969 до 28 800 человек»<sup>1</sup>.

Агрессия германского империализма, втянувшая в водоворот повой мировой войны большую часть населения земного шара, еще больше усилила военно-морское строительство США. В 1940 г. была принята программа создания «флота двух океанов». Эта программа предусматривала постройку в 1940—1946 гг. 200 военных кораблей общим водоизмещением в 1325 тыс. тонн. Число самолетов морской авиации предполагается довести к 1946 г. до 10 тыс. единиц. Расходы на военно-морское строительство в 1940—1946 гг. исчисляются в сумме 10 млрд. долларов.

Всего к концу 1946 г. Америка намерена довести свой военный флот до 670 кораблей общим водоизмещением в 3 481 359 тонн. Реализация этой гигантской программы позволит американскому флоту оставить далеко позади все другие флоты мира.

В 1914 г. американский флот занимал третье место в мире — после британского и германского. В 1918 г. он уже догнал британский флот. К 1947 г. Америка рассчитывает иметь самый мощный в мире флот. Так, на протяжении каких-нибудь 30 лет военно-морской флот США шаг за шагом завоевывал мировое первенство.

Гигантские военные приготовления США на суше, на море и в воздухе направлены прежде всего против германского фашизма, который, как хищник, попавший в западню, мечется из стороны в сторону, сея смерть и разрушения среди мирных народов Европы. Колоссальная военная машина Америки приведена в действие. Раскручивающаяся пружина военной промышленности США будет наносить все более мощные удары фашизму. Начиная войну против СССР, Гитлер рассчитывал на нежелание американского народа вмешиваться в зажженную им европейскую войну; «фюрер» просчитался. Американский народ, как и все прогрессивное человечество, горячо заинтересован в уничтожении фашистской коричневой чумы. Военные силы США и в первую очередь морской флот США сыграют не последнюю роль в разгроме германского фашизма.

<sup>1</sup> «Красный флот» от 21 сентября 1941 года.



# ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

## «ЗАПИСКА ГРЕЧЕСКОГО ТОПАРХА» КАК ИСТОЧНИК О ВОЙНЕ РУССКИХ НА БАЛКАНАХ 970 ГОДА И ЗИМОЙ 971 ГОДА

М. Шангин

Главные византийские источники о войне Святослава с болгарами и греками — Лев Диакон, Скилица (в передаче Кедрина), Зонара. К этой группе относятся еще два важных памятника, касающиеся отдельных эпизодов этой войны: Иоанн Геометр в своем стихотворении «Надгробие императору Никифору Фоке» и «Записка греческого

топарха». Второстепенными источниками служат Глика, Манасса, Ефрем, продолжатель Амартола, хроника Сафы (Sathas), Дорофей Монеувасийский.

Эти источники, кроме Иоанна Геометра и «Записки топарха», в повести о войнах Святослава обнаруживают следующую зависимость:



Византийские источники отмечают поступательное движение Святослава на Византию в 969 и особенно в 970 годах. Несмотря на частичное сопротивление, оказанное, по греческим источникам, Святославу Вардой Склиром, русские после перемещения Варды осенью 970 года в Малую Азию стали господствовать не только во Фракии, но и в Македонии. Святослав никогда прежде не был так близок к Константинополю. Катастрофическое положение Византии в это время изображает упомянутое выше стихотворение Иоанна Геометра: «Но восстань ныне, царь! И устрой пеших и конных и конейщиков, твоё воиство, фаланги и полки. На нас устремляется русское всеоружие, скифские народы в бешеном порыве наносят убиство, грабят всякое племя, твой город, ме-

жду тем прежде их страшился твой образ, качертанный перед вратами Цареграда»<sup>1</sup>.

Новые материалы для этого года войны дает «Записка греческого топарха». И византийцы и русские историки всегда уделяли «Записке» справедливое внимание. «Записка» была открыта византийцем Газе и издана среди комментариев к его тексту Льва Диакона. На свободных местах в разных частях греческой рукописи были занесены, несомненно, владельцем рукописи, отрывки, в которых автор рассказывает о возвращении зимой по Днепру, о награждении его «царствующим на север от

<sup>1</sup> См. акад. Успенский Ф. «Значение походов Святослава в Болгарию». «Вестник Древней Истории» № 4 за 1939 год, стр. 95.

Дуная» управлением «целой сатрапии» и о событиях, вызвавших посольство к «царствующему на север от Дуная». Рукопись, сохранившую любопытную «Записку», видел только один Газе. В начале XIX века эта рукопись исчезла из Парижа. Васильевский предполагает, что она как часть военной добычи революционных и наполеоновских войн была возвращена владельцам после падения Наполеона. Остается теперь удовлетвориться наблюдениями Газе, который датировал памятник концом X — началом XI века.

Время событий «Записки» устанавливается на основании констелляций Крона (Сатурна) и Водолея. По астрономическим соображениям, Васильевский<sup>1</sup> определял события 963 годом (Сатурн, по убеждению Васильевского, находился в знаке Водолея в 963—967 годах, затем — 993—996 годах; из этих двух констелляций Васильевский выбирал первую) и вполне основательно связывал данные «Записки» с походами Святослава. После Васильевского Вестберг («Die Fragmente des Toparcha Goticus». Petersburg. 1901) на основании чисто научных астрономических вычислений определил констелляцию Крона и Водолея 961—963 годами. Этот вопрос, однако же, требует пересмотра. Слова автора «Записки»: «Ведь тогда случилось, что он (Крон) проходил около начал Водолея» — исходили исключительно из современного автору астрологического календаря и ни в каком случае не базировались на тех научных математических исчислениях, которыми воспользовался Вестберг. Следует поэтому обратиться к данным византийской астрологии:

«И (Крон) совершает полный круг, как мы сказали, в течение 30-ти лет и в каждом отдельном Зодиаке пребывает 2½ года (Catalogus codicum astrologorum graecorum. T. XI, pars 2, p. 120, v. 10—11)».

Точкой отправления для датировки астрологическим календарем констелляций Крона и Водолея во второй половине X в. служит текст астролога V века, знаменитого Ритория (Catalogus codicum astrologorum graecorum. T. VIII, pars 4, p. 224):

«Год Диоклетяна 179 (463 год н. э.), в месяце апреле 25 дня, в час дня 7: Солнце в знаке Тельца в 3 доле, Луна в знаке Близнецов в 23 доле, Крон в знаке Водолея в 26 доле». Это означает, что, по астрологическому календарю, подобное состояние Крона в X веке падает на 913, 943, 973 годы. По всем основаниям из этих трех лет нужно выбирать 973 год, но в апреле 973 года Крон находился в 26-й доле Водолея, знаки же Зодиака разделяются на 30 долей. В каждой доле

Водолея Крон пребывает 1 месяц. Следовательно, нужно отсчитать назад от апреля 973 года 26 месяцев, чтобы определить прохождение Крона около начал Водолея. Мы получаем, таким образом, февраль 971 года.

Может показаться совсем неважным отыскание более точного года, раз уже и, по Васильевскому, события «Записки» относятся ко времени Святослава; на деле же 971 год настолько изменяет историческую значимость «Записки», что превращает ее в новый исторический документ чрезвычайного значения. 963 год Васильевского давал возможность извлечь из «Записки» неопределенные данные и мало увязывался с событиями на Балканах; новая датировка приводит к некоторым совершенно точным историческим выводам.

Прежде чем указать их, нужно признать несомненным, что «царствующим на север от Дуная» мог быть только русский князь и что климаты топарха могли быть только на Балканском полуострове, но не в северозападной Болгарии, у Дуная (климаты «Записки» и «Klimades» Прокопия не могут быть отождествляемы), а всего вероятнее находились на реке Месте (сравни Klima Mestikon Константин Баряродный De thematibus, Bonn, p. 47, 10); этому географическому определению соответствует и господство русских в 970 году во Франции и Македонии и то, что автор «Записки» был не только греком, но и литературно образованным греком; не противоречит этой географии и то, что жители климатов «Записки» признают близость своих обычаев со славянами: расселение славян на Балканах и смешение с ними греков в описываемое время — установленный факт. Следует, может быть, сделать еще замечание об административном термине «klimata», применявшемся в разных областях и обозначавшем более мелкие деления, чем провинция или фема. Дю Банж приводит глоссу, в которой klimata отождествляются с греч. меге (латинское regiones). Более полную форму этой глоссы находим в рукописи Государственного Исторического музея — № 19, лист 106: «klimata mēgē deka» («климаты — десять округов»). Отсюда вытекает десятичное деление на округа. Нам известно о «девяти хазарских климатах» и о «самом Херсонесе и остальных климатах». Видно, в узком значении климаты — это области при своем областном центре, в широком значении — это области, числом 9, со своим областным центром — десятым климатом. Климаты топарха обозначают области и областной центр.

В краткой заметке укажем лишь на важнейшие исторические следствия, кото-

<sup>1</sup> См. Васильевский В. «Труды». II, стр. 136—212. СПб. 1909.

рые мы получаем, исходя из датировки событий 970 годом (подготовка посольства к Святославу) и зимой 971 года (само посольство):

1. «Записка» дает важное подтверждение данных русской летописи, что зимой 970—971 года Святослав находился в Киеве, где он размещал на княжение, по летописи, своих сыновей. Ведь топарх именно этой зимой совершил поездку в Киев, к Святославу. Военные действия на Балканах в это время были доверены Свенельду (Сфенкелу), с которым и вел войну Цимисхий весной 971 года. Отсюда становится понятным, почему Святослав во время захвата греками Великой Преславы не участвовал в боях. Цимисхий уже господствовал в Болгарии, когда Святослав по возвращении из Киева едва только достиг Дористоля.

2. «Записка» дает очень важные сведения о политике Святослава в Болгарии, в частности из истории внутренней политики Святослава в Болгарии (сравни, например, Лев Дякон, р. 79, р. 105, р. 130). Зависимость подчиненных народов от русских выражалась в IX—X веках в чисто даннических отношениях: подданные сохраняли прежнее устройство

и управление. Очень показательны, что русскими за царем Болгарии была сохранена царская власть. Не менее показательно, что топарх, приняв подданство Святослава, получил от него в управление свою прежнюю область и ежегодные доходы с этой земли. Сохранением политического «равенства и справедливости» греческие источники объясняют успехи расширения русского государства.

3. «Записка» характеризует отношение пограничного населения Византийской империи к императору. Жители Фракии, не получив от императора помощи, могли роптать на византийские власти. Раздражение жителей климатов выразилось в их заявлении: «Они, де, не только теперь брошены на произвол судьбы, но никогда и прежде не видели о себе царской заботы»<sup>1</sup>. В этих словах отражалось также и общее недовольство всякими поборами и обидами византийских властей.

Только теперь, при нахождении времени событий, «Записки греческого топарха» — 970 и 971 годы — вполне обрываются значимость для истории этого любопытного памятника.

<sup>1</sup> Frag. III, 2 § 2.

# КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

## КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

А. БРУСИЛОВ. *Мои воспоминания*. 2-е изд. Воениздат НКО СССР. 1941. 4 р. 50 к. 248 стр.

Генерал А. Брусилов — один из выдающихся деятелей первой мировой империалистической войны и, несомненно, самый талантливый представитель генералитета старой, царской армии в последний период ее существования. С именем Брусилова связан ряд успехов русской армии и в особенности вылающая операция 1916 года, принесшая огромные победы русским армиям югозападного фронта и мировую славу его командарму. Брусилов, до первой империалистической войны один из рядовых и малоизвестных генералов, в войне развернул свой талант полководца и высоко поднял отличную боевую репутацию русского солдата в глазах всех европейских армий.

В своих «Воспоминаниях» Брусилов описывает русскую армию накануне войны, армейские распоряжения, а также военные операции, участником или руководителем которых он являлся во время самой войны. Не связанный с придворными кругами, Брусилов очень мало интересовался придворными сплетнями, вопросами общей политики, борьбой придворных групп и кланов. И тем не менее его «Воспоминания» содержат исключительный по яркости материал, рисующий развал царского режима накануне его окончательного падения. Брусилов дает полную и яркую картину отсталости русского государственного и военного строя, отмечая виновность царского правительства и отдельных лиц в неподготовленности России к войне и в поражениях русской армии. На страницах книги разбросаны десятки метких характеристик бездарных царских генералов. Однако ценность «Воспоминаний» Брусилова отнюдь не только в том, что он дает большой разоблачительный материал. Генерал от кавалерии и генерал-адъютант Брусилов, — несомненно, талантливый полководец, горячо любящий свою родину, пенявший и понимавший солдата, знавший его нужды, искренне заботившийся о том, чтобы солдат был накормлен, одет, хорошо вооружен и обучен, чтобы к солдату хорошо относились. В «Воспоминаниях» Брусилова много теплых страниц

посвящено солдату русской армии, описанию его прекрасных боевых качеств и мощи русского народа. Брусилов правдиво писал о солдате, о своей искренней любви к родине, о том, что он служит не только царю, но родине, честь которой ему, несомненно, была дорога. В своем отношении к солдату и понимании роли армии Брусилов поддерживал в новых условиях лучшие традиции — времен Суворова, Кутузова. Вся книга пронизана мыслью о том, что германская военщина являлась врагом русского народа, что она настойчиво готовила армию для нападения на Россию.

А. Брусилов — сын военного. По окончании пажеского корпуса, будучи сиротой и не располагая денежными средствами, Брусилов выбрал местом своей службы Тверской кавалерийский полк, на Кавказе, и прослужил в нем около 10 лет. С этим же полком он участвовал в турецкой войне 1877—1878 годов. С 1881 года он служил в Петербурге, в кавалерийской офицерской школе, затем при содействии великого князя Николая Николаевича был назначен командиром гвардейской кавалерийской дивизии, с 1909 года был командиром корпуса и служил в Варшавском и Киевском военных округах. Следовательно, служба Брусилова в более или менее высоких чинах начинается после японской войны; к генералам, проигравшим эту войну, у него самое отрицательное отношение. Между тем эти бездарные генералы занимали перед войной и в войне 1914 года высокие посты — вплоть до командующих фронтами.

«Иванов принадлежал к той плеяде военачальников, которые, под руководством Куропаткина, проиграли японскую войну. И Эверт был один из деятелей этой несчастливой войны. Я всегда боялся генералов этой куропаткинской школы и думаю, что если бы с самого начала они сидели на тыловых должностях, то от этого наше дело много выиграло бы, и несларом бывший верховный главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич, их не жаловал. Многократно хотел он сменить Ива-

нова, при нем не были бы главнокомандующими ни Эверт, ни тем более Куропаткин; но он сам был смел, и все пошло шиворот-навыворот» (стр. 216). Разумеется, и Николай Николаевич не спас бы положение, но недоверие Брусилова к куропаткинской школе генералов вполне естественно, и это недоверие Брусилова сказывается в характеристиках этих генералов, которые имеются в разных местах его «Воспоминаний».

Еще более нетерпимо, чем к куропаткинским генералам, относился Брусилов к немецкой партии при дворе и немецко-балтийским баронам, засилье которых чувствовалось как среди администрации прибалтийских и польских губерний, так и высшего генералитета. Брусилов показывает, что немцы имели своих агентов среди высшей прусланской администрации и военных (стр. 39—44). Перед войной Брусилов был назначен помощником командующего войсками Варшавского военного округа генерал-адъютанта Г. А. Скалона, убежденного германоида и фактического шпиона Германии. «Он считал, что Россия должна быть в неразрывной дружбе с Германией, причем был убежден, что Германия должна командовать Россией. Сообразно с этим он был в большой дружбе с немцами и в особенности с генеральным консулом в Варшаве бароном Брюком, от которого, как я слышал от многих, никаких секретов у него не было... Я считал эту дружбу неудобной в отношении России» (стр. 41). Скалон, Ренненкампф и граф Фредерикс — вот типичнейшие фигуры ближайшего царского окружения, всячески работавшие на Германию и своей деятельностью помогавшие ей. Эти фигуры характерны для обстановки общего правительственного разложения, к тому же германофильские влияния находили при дворе мощную поддержку в лице царшцы.

Все окружение Скалона было немецкое: «Везде стояли во главе немцы: генерал-губернатор Скалон, женатый на баронессе Борф, губернатор — ее родственник, барон Борф, помощник генерал-губернатора Эссен, начальник жандармов Утгоф, управляющий конторой государственного банка барон Тизенгаузен, начальник дворцового управления Тиздель, обер-политмейстер Мейер, президент города Миллер, прокурор палаты Гессе, управляющий контрольной палатой фон-Минцлов, вице-губернатор Грессер, прокурор суда Лейвин, штаб-офицеры при губернаторе Эгельстром и Фехтнер, начальник Привислинской железной дороги Гескет и т. д. Букет на подбор. Я был назначен по уходе Гершельмана и был кажим-то резким диссонансом: «Брусилов». Зато после меня получил это место барон

Рауш фон-Траубенберг. Любовь Скалона к немецким фамилиям была поразительна» (стр. 41—42). Весь этот «букет» фамилий показывает, что высшая администрация в Царстве Польском была более немецкой, чем русской. Среди этой «администрации» было много прямых германских агентов. В свете этих замечаний Брусилова следует критически пересмотреть целый ряд вопросов, в частности вопрос о разрушении крепостей на западной границе. Можно не сомневаться, что весь этот немецко-баронский «букет» с потомком выходца из Швеции Скалоном во главе много помог германскому командованию в 1914—1915 годах и нанес русской армии большой ущерб. Не удивительно, что среди этой кучки германофилов Брусилов не ужился. Письмо Брусилова Сухоминову — тогда военному министру — об «угрожающей» обстановке, создавшейся в Варшаве, попало через начальника жандармерии барона Утгофа к Скалону, и Брусилов был переведен в Киевский военный округ командиром корпуса, хотя на случай войны предназначался командующим 2-й армией на северозападном фронте.

Заслуживают большого внимания высказывания Брусилова о русской армии накануне войны, о степени ее готовности к войне, о военачальниках, которые возглавили эту армию в начале войны. Совершенно справедливо мнение Брусилова, что наиболее слабо мы были подготовлены в техническом отношении, однако он неправильно объясняет нашу техническую неподготовленность «войной» военного министерства с Государственной думой. В нашей армии было чрезвычайно мало пулеметов (32 на дивизию), а потребность в них была, по крайней мере, в 5 раз больше. Огнестрельных запасов в армии было чрезвычайно мало, и их недостаток во время войны являлся «крупнейшей бедой». В области артиллерии перевес противника был полный. Наша артиллерия «была приспособлена, да и то в слабой степени, к оборонительному бою, но никак не к наступательному» (стр. 53). В особенности в загоде была авиация, которая в ходе войны стала играть крупную роль. Таким образом, Брусилов выступает перед нами как военачальник, прекрасно понимавший и цепивший техническую оснащенность армии, без которой армия была небоеспособна.

Казалось бы, за все преступные недостатки в русской армии ответственность должен нести военный министр генерал Сухоминов, под руководством которого происходила реорганизация русской армии. Характеризуя Сухоминова в весьма неприглядном виде, как изворотливого «очковтирателя», Брусилов тем не менее чрез-

вычайно мягок в оценке его роли, признает ряд положительных сторон в его деятельности, выражает уверенность в том, что он «изменником не был» (стр. 52). Эта характеристика роли Сухомлинова во многом требует на основании новых данных исправления и уточнения отнюдь не в пользу Сухомлинова.

«Еще хуже была у нас подготовка умов народа к войне. Она была вполне отрицательная» (стр. 64). Народ не знал целей и задач войны, а существовавшая в Петербурге могущественная «русско-германская партия» требовала «ценою каких бы то ни было унижений крепкого союза с Германией, которая плевала на нас» (стр. 65). По мнению Брусилова, в армии было невозможно сказать, что «наш главный враг — немец», и если бы кто-либо сказал об этом открыто, то он был бы выгнан со службы и отдан под суд. Таким образом, и технически и морально армия не была подготовлена к войне. «Выходило, что людей вели на убой неизвестно из-за чего, т. е. по капризу царя.

Что сказать про такое пренебрежение к русскому народу! Очевидно, немецкое влияние в России продолжало оставаться весьма сильным» (стр. 66). Это не могло не разоружать страну и армию.

В начавшейся войне Брусилов принял участие в качестве командующего 8-й армией, занимавшей сперва самый левый фланг югозападного фронта. Стихия войны, интересы армии, характеристика высших начальников (Иванов, Алексеев, Рузский, Радко-Дмитриев и др.) и своих подчиненных генералов, планы операций, которыми он руководил, — все это является содержанием последующих глав, написанных чрезвычайно просто и ярко. Брусилов не цитирует документов, оперативных приказов: он описывает события по памяти, дает им свою оценку. Во многом мы с ним не можем согласиться, особенно в оценке личных свойств и качеств ряда генералов. Но нельзя отказать ему в искренности, подчас в дальновидности, талантливости, резко выделявшей его из среды других генералов. Уже в боях за Галицию он проявил себя сторонником наступательных действий (Гнилая липа, городокские бои). Он считает, что русские имели возможность захватить Перемышль еще в сентябре 1914 года и своими нерешительными действиями упустили эту возможность. Уже в боях в Галиции проявились особенности военного таланта Брусилова, вера в наступательную мощь русской армии, уважение к личности солдата и командира, преклонение перед героизмом и самопожертвованием солдата. Зимой 1914—1915 года русские солдаты провели на треске Карпатских гор. «Объезжая войска на горных

позициях, я преклонялся перед этими героями, которые стойко переносили ужасную тяжесть горной зимней войны при недостаточном вооружении, имея против себя втрое сильнее противника. Меня всегда крайне удивляло, что эта блестящая работа войск не была достаточно оценена высшим начальством... А между тем эта титаническая борьба в горах и заслуга спасения осады Перемышля, результатом которой была сдача этой крепости, была не только не поощрена, но прямо скрыта от России» (стр. 125). Такова была уж система в старой, царской армии, где обезличивался не только солдат, но и низшие офицеры не пользовались большим почетом. Зато довольно щедро раздавались награды штабным работникам.

Назначение Брусилова командующим югозападным фронтом произошло незадолго до военного совета в ставке, разработавшего план кампании 1916 года. Брусилову были подчинены четыре армии фронта, два военных округа и двенадцать губерний прифронтовых (см. стр. 173). Вся история подготовки и проведения наступления 1916 года, описанная в «Воспоминаниях», представляет исключительный интерес. Правда, вышедшая недавно большая публикация о наступлении на югозападном фронте в 1916 году (брусиловский прорыв) дает большой документальный материал и во многом восполняет краткий рассказ генерала Брусилова. После неудач 1915 года среди многих царских генералов распространилось убеждение в неспособности русской армии к наступательным операциям. В этом был убежден и генерал Иванов, который считал, что «никаких наступательных операций мы делать не в состоянии и что единственная цель, которую мы можем себе поставить, это предохранить Юго-западный край от дальнейшего нашествия противника» (стр. 174). В этом духе генерал Иванов писал даже в ставку и докладывал царю. Брусилову пришлось со всей решительностью бороться против этой вредной точки зрения и во время доклада царю и на военном совете 1 апреля 1916 года (см. стр. 176—179). Описание заседания военного совета в ставке, данное Брусиловым, является исключительным по ценности документом. Генерал Алексеев доложил совещанию, что главное наступление предполагается на западном фронте, что ему должен помогать северозападный фронт, а фронт Брусилова должен держаться строго оборонительно и перейти к наступлению лишь тогда, когда выявится успех на главном направлении. Брусилов решительно не согласился с этим и добился согласия на наступление. «Не берусь говорить о других фронтах, — пишет Бру-



силы, — ибо их не знаю, но Юго-западный фронт, по моему убеждению, не только может, но и должен наступать и полагаю, что у нас есть все шансы для успеха, в котором я лично убежден» (стр. 179). Получив согласие на наступление, которое рассматривалось как вспомогательный удар, Брусилов не получил дополнительно ни артиллерии, ни снарядов, стянутых на фронты Эверта и Куропаткина.

В подготовке и проведении этого наступления, начавшегося ранее, чем на других фронтах, Брусилов проявил блестящий талант военачальника, предусмотрительного, осторожного, твердого и решительного в проведении принятого смелого и нового решения атаки противника всеми армиями фронта, требовавшего от всех военачальников инициативы, смелости и большой предварительной работы на позиции, а не в кабинете и на карте. Однако вся эта блестяще задуманная и проведенная операция изложена Брусиловым очень скромно, как будто он даже и недооценивает всю важность и значение переворота, который он произвел в военном искусстве, отойдя от традиционного плана атаки. План Брусилова не встретил единодушной поддержки не только среди командующих армиями, но и в ставке; у генерала Алексеева были большие сомнения в успешном проведении атаки сразу во многих местах фронта. Поэтому Алексеев настойчиво добивался согласия Брусилова на то, чтобы вернуться к уже испытанным методам прорыва. «21 мая (т. е. накануне атаки.—А. С.) вечером Алексеев опять пригласил меня к прямому проводу. Он мне передал, что несколько сомневается в успехе моих активных действий вследствие необычного способа, которым я их предпринимаю, т. е. атаки противника одновременно во многих местах вместо одного удара всеми собранными силами и всей артиллерией, которая у меня распределена по армиям. Алексеев высказал мнение, не лучше ли будет отложить мою атаку на несколько дней для того, чтобы устроить лишь один ударный участок, как это уже выработано практикой настоящей войны» (стр. 191).

Брусилов не согласился с предложением Алексеева и решительно настоял на своем. События показали, что прав был генерал-новатор, а не сторонники старой традиции. Австро-немецкие войска были разгромлены, армии Брусилова добились огромных успехов, хотя им и не удалось овладеть Ковелем, по направлению которого велось наступление. Если не удалось достичь большего, т. е. окончательно уничтожить врага, заставить отступить весь фронт германских армий, то в этом по-

винны ставка во главе с Николаем II и Алексеевым, а также оба главнокомандующие фронтами — Эверт и Куропаткин, под разными предлогами саботировавшие наступление. Преступный характер их действий не подлежит сомнению. Совершенно прав Брусилов, записавший в своих «Воспоминаниях»: «Будь другой верховный главнокомандующий, — за полюбивую нерешительность Эверт был бы немедленно смещен и соответствующим образом заменен, Куропаткин же ни в каком случае в действующей армии никакой должности не получил бы. Но при том режиме, который существовал в то время, в армии безнаказанность была полная, и оба продолжали оставаться излюбленными военачальниками Ставки» (стр. 198).

Вот в этом был главный трагизм положения русской армии. Победа Брусилова блестяще разбила миф о непобедимости германских войск. На самом деле, на этом «второстепенном» театре военных действий было взято в плен свыше 450 тысяч австро-германцев, противник потерял свыше 1,5 миллиона убитыми и ранеными; помимо 450 тысяч бойцов, бывших против фронта брусилловских армий, противник перебросил свыше 2,2 миллиона человек (см. стр. 206). Это ли не блестящая победа!

Наступление армий югозападного фронта имело целый ряд политических и военных последствий. Оно спасло Италию от разгрома со стороны наступавших австро-немецких сил; облегчило положение французов под Верденом и заставило немцев перебросить часть сил с западного фронта на восточный; определило окончательно позицию Румынии на стороне стран Антанты.

Значение Брусилловского прорыва признало и мировой литературой. В нашей русской военно-исторической литературе, к сожалению, до сих пор еще нет достойной работы, посвященной этому замечательному эпизоду войны. Больше того: среди наших работ есть оценки, умаляющие значение побед Брусилова и русских солдат и ставящие в вину Брусилову то, что он настойчиво вел наступление на Ковель, а не на Львов, что он не добился широких стратегических результатов, не добивался перед ставкой, чтобы югозападный фронт являлся главным фронтом наступления. Источник этих взглядов — дискуссия, бывшая в военно-исторической комиссии еще при жизни Брусилова. На эти обвинения правильно ответил Брусилов в своих «Воспоминаниях», заявив, что один югозападный фронт не в состоянии был сделать то, что в силах была сделать вся многомиллионная русская армия: «Только подумать, что если бы в июле Западный

Северный фронт павалился всеми силами на немцев, то германцы были бы безусловно смяты» (стр. 210). Но этого по вине ставки и командующих фронтами как раз и не случилось, хотя именно на этих фронтах были сосредоточены большие запасы артиллерии и снарядов.

Последняя глава «Воспоминаний» посвящена русской армии и ее командованию накануне февральской революции 1917 года и после нее.

После победы февральской революции, пишет Брусилов, стало ясно, что революция не может закончиться тем, о чем думали кадеты, меньшевики и эсеры и чего не понимали господа Миллюков и Родзянко, «наша революция обязательно должна закончиться тем, что у власти станут большевики» (стр. 224). Он подчеркивает исключительную силу лозунгов большевиков, поддерживаемых солдатами. Проповедь меньшевиков и эсеров за продолжение войны не встречала сочувствия у солдат и противоречила их стремлениям. Правда, как видно из «Воспоминаний», Брусилов боялся приближающейся революции, ибо, по его мнению, эта революция могла помешать России выиграть войну. Сторонник буржуазных кругов Государственной думы и конституционной монархии, он старался оттянуть революцию до победного окончания войны, «ибо одновременно воевать и революционизировать невозможно» (стр. 220). В этом реакционный утопизм и ограниченность политического мышления Брусилова. Но когда революция произошла, он выдвигается на место Алексеева — верховным главнокомандующим. Впоследствии белогвардейцы в своих многочисленных пасквилях не прошли мимо этого шага Брусилова, они в один голос обвиняли его в сотрудничестве с советами, с большевиками. На посту главнокомандующего Брусилову не удалось долго удержаться, он отказался поддерживать Керенского в случае, если тот «найдет необходимым возглавить революцию своей диктатурой» (стр. 235), и отказался взять на себя роль диктатора. Брусилов был сменен незадачливым кандидатом в диктаторы — Корниловым.

Последние страницы мемуаров Брусилова пронизаны глубокой преданностью к своей родине и своему народу, своей армии, с которыми он не порывал связей. «Я больше 50 лет служу русскому народу и России, хорошо знаю русского солдата и не обвиняю его в том, что в армии явилась разруха. Утверждаю, что русский солдат — отличный воин и, как только разумные начала военной дисциплины и законы, управляющие войсками, будут восстановлены, этот самый солдат вновь окажется на высоте своего воинского долга, тем более если он воодушевится понятными и дорогими для него лозунгами» (стр. 237—238). Это и произошло с Красной Армией, строительству которой А. Брусилов посвятил свой боевой опыт и знания. Брусилов умер в 1926 году советским гражданином и командиром Красной Армии. Его мемуары — книга глубоко патриотическая. Несмотря на то что во многих случаях мы расходимся с автором в оценке отдельных лиц и событий, мы должны признать, что в целом вся книга пронизана глубокой любовью к родине, своему народу, верой в его мощь и способность разгромить врага. Хотя Брусилов видел язвы старой армии, развешивавшие ее и подрывавшие могучую силу русского народа, но он не мог изменить порядков. В Октябрьскую социалистическую революцию Брусилов порвал со своим классом и остался с народом, сохраняя глубокое чувство благодарности к войскам, которыми командовал, и уверенность, что революция возродит, увеличит боевую мощь народа и создаст могучую армию. Его надежды и уверенность оправдались.

В небольшом, но ценном предисловии полковник Таленский сделал одну из первых попыток отойти от традиции и дать характеристику Брусилова как военачальника. Эта попытка в общем является удачной, несмотря на сжатость характеристики. Примечания к книге также слишком сжаты, далеко не исчерпывают все необходимые объяснения.

А. Сидоров

#### У. ЧЕРЧИЛЛЬ О ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ АНГЛИИ.

1. CHURCHILL W. *Step by step*. 1939. 310 p. ЧЕРЧИЛЛЬ У. *Шаг за шагом*.

2. CHURCHILL W. *While England slept. A survey of world affairs, 1932—1938*. 1938. 408 p. ЧЕРЧИЛЛЬ У. *В то время, когда Англия спала*.

Эти книги написаны нынешним премьером Англии Уинстоном Черчиллем в те годы, когда он, один из самых дальновидных государственных деятелей Англии, был не у дел. «Как независимый консерва-

тор» в качестве рядового члена парламента, он с 1933 по 1940 г. критиковал внешнюю политику Англии, которой руководил последовательно три премьера Англии: Рамзай Макдональд, Стэнли Болдуин и

особо недоброй памяти, Невиль Чемберлен. Мало сказать «критиковал»: Уинстон Черчилль был принципиально несогласен с тогдашней внешней политикой Англии. В своей речи в парламенте в 1938 г. он с прустью говорил: «Вот уж пять лет, как я говорю в Палате общин об этих делах, но без какого-либо успеха. Я предостерегаю этот знаменитый остров от того, чтобы он столь опрометчиво, столь беспомощно опускался вниз по пути, который ведет к бездне» («В то время когда Англия спала», стр. 403). В его речах и статьях того времени неизменно звучит большая тревога за судьбы Великобритании. Слова «величайшая опасность», «смертельная угроза» не сходят со страниц его произведений. Несмотря на свой очень живой, задорный темперамент, человек он чрезвычайно спокойный, рассудительный, расчетливый, дальновидный и, безусловно, мужественный. Он один из весьма немногих людей в Англии, не растерявшихся в трагические дни в марте 1918 г., когда германская армия, собрав последние свои резервы, сделала тигальтский скачок на западном фронте, в несколько дней уничтожила всю 5-ю английскую армию ген. Гоу и прорвала фронт, угрожая англо-французам разгромом.

В 1938 г. он, со всей решительностью предупреждая от гибельных результатов, к которым вела тогдашняя английская внешняя политика, говорил: «Для нас совершенно ясна и понятна история борьбы Рима и Карфагена... Но если гибельная катастрофа поразит британскую нацию и Британскую империю, то и через тысячу лет истории все еще будут стоять перед полной неразгаданностью наших дел. Они никогда не будут в состоянии понять, как могло случиться, что победоносная нация, имевшая в своих руках все, допустила сама свое поражение и дошла до полной гибели». В парламенте, взывая к нации через голову правительства, он не раз указывал, что «теперь должно время наводило бы подняться нации. Может быть, в последний раз мы имеем возможность поднять народ для предупреждения войны, если наши усилия окажутся безуспешны, вступить в войну с шансом на победу» (там же, стр. 404).

Тревога Черчилля была, как это ныне стало ясно, вполне обоснованна. Критикуя английское правительство, он держится корректного английского парламентского стиля. Но это далеко не всегда ему удается. И не удивительно. Трудно серьезному, дальновидному и умному политику быть сдержанным и корректным в своих выражениях по адресу тех, кто руководил в эти годы внешней политикой Англии. За эти годы (1933—1939) было допущено столь-

ко ошибок, проявлено столько непоследовательности и нерешительности во внешней политике! Все это со стороны У. Черчилля встречало самое решительное осуждение: «Очень странно видеть, как британский народ, который имеет репутацию устойчивости в других вопросах, должен в последние пять лет следовать за иностранной политикой, настолько обивающей с толку своими сдвигами и выкрутасами, что крупные иностранные государства совершенно не в состоянии идти нога в ногу с нами, а мелкие страны брошены в крайнее замешательство и пуганину» (там же, стр. 382). Иногда этот мужественный человек приходит в отчаяние: «Мое сердце буквально надрыгается, когда я оглядывался назад на последние несколько лет, и вижу, как наши громадные военные и политические ресурсы разрушались в силу недостатков руководства и ясности цели» (там же, стр. 251).

В своей критике английской внешней политики он смел и последователен. Учитывая, что проводимая в 1933—1939 гг. Англией политика не соответствует интересам Великобритании и может принести непоправимый вред всему человечеству, всем, кто заинтересован в сохранении мира и не желает войны, Черчилль решительно порывает со старой английской традицией — изображать любую английскую внешнюю политику как продолжение старой. Он прямо говорит, что внешняя политика Англии с 1933 г. — «это новая политика, это полный разрыв с той, которая была принята Англией после войны. Это разрыв с системой коллективной безопасности, с системой Лиги наций».

В речи, произнесенной им 6 апреля 1936 г. в связи с занятием Гитлером Рейнской области и ее милитаризацией, он говорил: «В результате нашего давления на Францию Гитлер порвал договор и занял Рейнскую область. За это отвечает правительство Англии, и премьер не может быть освобожден от своей доли ответственности». По вопросу об отношении Англии к Лиге наций, к небольшим государствам он обвинял правительство Англии в том, что с его стороны «было очень опасной вещью вести эти пятьдесят наций по ту сторону обманутых ожиданий и бестолковости. Было опасной вещью также поощрять, хотя бы и косвенно, примитивный народ к отчаянному сопротивлению, а затем, когда это произошло, бросить его на произвол судьбы» (там же, стр. 261).

Всякий прочитавший эти две книги Черчилля сделает на их основе еще более важный вывод, который в книгах прямо не сформулирован, ибо они написаны до начала второй империалистической войны,

но, который неизбежно и постоянно вытекает из всего их содержания: в возникновении войны 1939—1941 гг. немалую роль сыграла внешняя политика Англии.

В то время когда Англия «шаг за шагом» теряла свои позиции и преимущество в Европе, теряла своих союзников и друзей, свои ресурсы и резервы, нацистская Германия вооружалась, приобретала стратегические позиции, преимущества, разрушала и дезорганизовывала силы Англии и Франции и готовилась к нападению на Европу. Впервые в истории английского народа, всегда бдительного и очень настроенного ко всему, что угрожало его интересам, английское правительство за 1933—1939 гг. усыпило страну, сделало ее беспечной и почти обезоружило ее.

«Впервые на протяжении столетий, — говорил Черчилль, — мы оказались не вполне подготовленными для того, чтобы отразить вторжение. Для нашего островного народа это удивительно. Действительно есть основания для паники. Положение изменилось совершенно. За столетия безопасности, которой мы пользовались под защитой нашего флота, мы стали детьми, беспечными и равнодушными, неспособными возвыситься до понимания столь резко изменившейся обстановки, в современном мире» (там же, стр. 189).

После захвата Гитлером Австрии Черчилль говорил, что со стороны Германии неизбежно последует «новый шаг» — захват Чехословакии. «Зря думают в Англии, что фашистская Германия подобно удаву, проглотившему свою жертву, задремлет, насытившись на сравнительно длинный период. Нет! Это удав особого рода. Громадная машина вооружений, приводимая Гитлером в действие, не может бездействовать сравнительно длинный период. В этом внутренняя логика этого режима» (там же, стр. 183). Черчилль требовал от английского правительства защиты во что бы то ни стало Чехословакии от всяких посягательств со стороны Германии. В захвате Чехословакии он видел угрозу со стороны фашистской Германии всему Дунайскому бассейну. Этот захват обеспечил бы Гитлеру возможность вести большую и длительную войну, тогда как до захвата Чехословакии Гитлер мог вести только короткую войну. В связи с этим Черчилль говорил (24 марта 1938 г.) в парламенте: «Не лучше ли быть более смелым? Это будет безопаснее. Все попытки перебросить через двенадцатифутовый поток в качестве моста доску длиной в восемь футов обречены на неудачу. Конечно, взять для этой цели доску в девять футов покажется какой-то уступкой, но опять же и она будет потеряна» (там же, стр. 397).

Видя нарастающую опасность и боясь, что Англия потеряет союзников, Черчилль предупреждал, что «наступит тот день, когда вы вынуждены будете в том или ином месте, в связи с тем или другим вопросом, остановиться и оказать сопротивление. И я молю провидение о том, чтобы, когда этот день придет, мы не нашли бы себя оставленными всеми и вынужденными в силу нашей неумелой политики оказать это сопротивление в одиночку» (там же, стр. 384).

Черчилль хорошо понимал политику Гитлера, считавшего что «нации, которые однажды уступили перед угрозой применения силы и не оказали вооруженного сопротивления, в дальнейшем скорее согласятся выносить величайшие унижения и идти на любые уступки, чем снова подумать о применении силы для сопротивления». В этом основная ошибка Гитлера. «Если бы нацистский диктатор имел время изучить английскую нацию, то он увидел бы, что уже не один раз в истории Англия теряла военные преимущества в Европе благодаря тому, что английский народ не хотел быть вовлеченным в европейскую борьбу. И все же в конце концов Англия прокладывает дорогу к победе» (там же, стр. 304).



«В то время когда Англия спала» представляет собой сборник 30 речей У. Черчилля по вопросам внешней политики, произнесенных им главным образом в английском парламенте в 1932—1938 годах. Книга подразделяется на три части соответственно этапам отношения Германии к Европе: I. «Разоруженная Германия» (речи за 1932—1933 гг. до ноября); II. «Германия вооружается» (с ноября 1933 г. до июля 1936 г.); III. «Германия вооружилась» (т. е. начинает агрессию) (с июля 1936 г. до сентября 1938 г. — до Мюнхена). Книжке предпослано предисловие, написанное сыном автора Рандольфом Черчиллем. В нем указывается на то, что общая точка зрения, лежащая в основе речей, помещенных в книге, — «новая точка зрения». До ноября 1933 г. автор придерживался взгляда, который может быть назван изоляционистским. Он считал, что Англия может стоять в стороне от европейских дел; что Франция сама сумеет справиться с европейскими осложнениями; что если Англии придется вмешиваться в европейские дела, то скорее в пользу побежденных в войне 1914—1918 гг.; что Англия должна вооружаться, чтобы быть способной действительно вмешаться в европейские дела, когда это понадобится. Но в ноябре 1933 г. положение изменилось. Германия стала



оружаться (уход Германии с конференции по разоружению и выход из Лиги наций). Черчилль начинает бить тревогу. Он настойчиво доказывает ошибочность всех последовательных попыток Англии ослабить Францию в военном отношении путем разных планов разоружения. Он считает, что необходимо не разоружение, а вооружение всех государств, стоящих за мир, в том числе быстрое и всестороннее вооружение Англии. Он высказывается за установление системы коллективной безопасности против германской угрозы, за Лигу наций. Англия должна войти в систему коллективной безопасности, но не может взять на себя ведущей роли в ней, ибо для этого надо быть вполне вооруженной. Поэтому вторым лейтмотивом речей Черчилля является: «Англия должна вооружаться, вооружаться, еще раз вооружаться». Он смеется над усилиями английских министров финансов экономить деньги в такое грозное для Британии время. Надо во что бы то ни стало начать Германию в области вооружений, особенно в воздухе.

После захвата Гитлером Рейнской области и ее милитаризации (июль 1936 г.) У. Черчилль на первый план выдвигает мысль о вооруженном коллективном отпоре германскому агрессору. Он правильно предполагает, что агрессор (которого он несколько раз сравнивает с удавом) не остановится на этом пути до тех пор, пока не увидит реального и могучего вооруженного сопротивления. Европу можно спасти от войны только коллективно организованым через Лигу наций, решительным отпором.

Он заявляет, что Англия никогда не примирится с захватом Австрии, Чехословакии и других государств. Англия должна взять на себя вместе с Францией ведущую роль в создании вооруженной Лиги наций, так как уступки агрессору гораздо вернее ведут к войне, чем отпор ему. Поэтому Англия должна лихорадочно вооружаться и готовиться к войне. Уже в 1936 г. Черчилль выдвигал предложение о создании в Англии системы военного правительства и военной администрации: создания министерства военного снабжения, и даже военного кабинета, мобилизации всех ресурсов империи, широкого привлечения США и Советского Союза.

Некоторые речи У. Черчилля снабжены выдержками из выступлений членов правительства по затрагиваемым вопросам. Это очень убедительный способ комментировать в форме контраста и антитезы свои речи. Выдержки из выступлений английских министров и краткие к ним фактические справки в сочетании с речами автора очень ярко показывают внешнюю политику Англии того времени.

Книга «Шаг за шагом» является сборником статей автора (72 статьи) за 1936—1939 годы. Она начинается вопросами милитаризации Рейнской области и кончается событиями весны 1939 г., т. е. кануном второй империалистической войны. В его статьях трактуются все вопросы этого периода — Китай, Испания, Абиссиния и др., — но большинство их касается Германии. По своей точке зрения эта книга вполне совпадает с третьей частью книги «В то время когда Англия спала».

В статьях Черчилля содержится много исторической правды, много реализма и предусмотрительности. Как видим, английское правительство в конце концов вступило на путь, указанный Черчиллем пять лет тому назад, потеряв много шансов и возможных ресурсов в своей борьбе против фашистской Германии.

Отношение У. Черчилля к Советской России в обозреваемые годы делает большую честь его уму и прозорливости. Неверно было бы утверждать, что только соображения внешнеполитические, желание во что бы то ни стало иметь сильного союзника против Германии, определили эту точку зрения на Советский Союз. Черчилль сделал некоторый принципиальный шаг в понимании природы и характера советского государства как государства глубокого мирного и демократического, как государства, которое создало могучую Красную Армию не для чуждых задач «красного империализма», а для обороны своих границ, для защиты мирного труда советского народа. Он не отрицает уже того, что советское правительство создает благополучие для своего народа.

В статье, явно адресованной Советскому Союзу, хотя и носящей название «Германия и Япония» (от 27 ноября 1936 г.), Черчилль указывает, что антикоминтерновский пакт Германии и Японии «может быть только военным союзом против России» (стр. 65), что «Германия этим пактом сделала свой выбор и этот выбор определенно враждебен России» (стр. 67). Он рассматривает Советскую Россию как государство, «сильно вооруженное для поддержания своей национальной независимости» (стр. 68).

В своей речи «Коллективная безопасность» (ноябрь 1936 г.) Черчилль высмеивает тех английских друзей Гитлера, которые верили заявлениям этого людоеда, что Германия любит мир и вооружается якобы только из страха перед большевистским вторжением. Подобные разговоры, а также крики гитлеровцев об «окружении Германии» Черчилль называет бессмысли-

пей. Если Германия боится большевистского вторжения, говорит он, то есть простой способ решить этот вопрос: пусть Гитлер войдет в систему коллективной безопасности, и Европа даст ему гарантии против любого агрессора.

Черчилль высоко расценивает военную мощь Советского Союза, его Красной Армии. Его любимым выражением в этом смысле является «русский противовес». Начиная с 1933 г. он все энергичнее и настойчивее требует привлечения Советской России к блоку мирных государств. В статье, написанной незадолго до второй империалистической войны, он говорит: «Не существует средств сохранения восточной границы против нацистской агрессии без активной помощи России» (стр. 319). «Мощь и влияние России частенько недооцениваются,—писал он в марте 1939 года.—Честное отношение советского к делу мира и их очевидный интерес в оказании сопротивления движению нацизма к Черному морю внушают чувство бодрости всем восточным государствам, которым угрожает бред Берлина» (стр. 305). Поэтому он считал грубейшей ошибкой Польши и английского правительства в 1939 г. отказ от сближения с Советской Россией: «Польша должна перед лицом германской угрозы сблизиться с Советским Союзом. Участие России в мирном блоке народов будет, во всяком случае, необходимым для окончательного успеха» (стр. 318); «С того момента, когда нацистская зловерность стала ясной, определенный союз между Польшей и Россией становится неизбежным». «Мы не знаем,—продолжает он,—каковы предложения русского правительства в этом отношении, сообщенные Англии и Франции, но имеются основания думать, что эти предложения отличаются смелостью, логикой и далеко идут. Сегодня нет времени толочь воду в ступе» (стр. 318). Черчилль с радостью отмечал все улучшения, имевшие место в польско-советских и англо-советских отношениях. Когда премьер Англии Невиль Чемберлен, нарушив в феврале 1939 г. традицию своего отношения к Советской России, сделал визит в советское посольство, Черчилль высказал надежду, что английское правительство «проявляет новый интерес к Советской России» (стр. 300). Но его надежды не оправдались: английское правительство «шаг за шагом» продолжало «опускаться к пропасти» второй войны, все еще, казалось, не понимая всей серьезности международного положения.



Среди английских государственных деятелей XX в. У. Черчилль является тем, кто глубже других понимает всю силу

противоречий, существующих между фашистской Германией и Британской империей. Слова «смертельная угроза» в его устах отнюдь не являются риторикой, агитационной фразой. В обеих своих книгах он мастерски, совершенно конкретно много раз показывает всю реальность этой «смертельной угрозы» со стороны Германии. Обращаясь к своим соотечественникам, он писал: «Мы богатая страна, и нацизм главной своей целью имеет нас». В парламентской речи «Дунайский бассейн» (24 марта 1938 г.) он говорил: «Страна, владеющая, подобно нам, огромными территориями и богатством, не может избежать войны при помощи разговоров об ее ужасах, или даже непрерывным проявлением своих пацифистских качеств, или тем, что она будет игнорировать судьбу жертв агрессии в других местах» («В то время когда Англия спала», стр. 395). Он крайне встревожен тем, что в Англии мало сравнительно обращают внимания на эту угрозу, что общественное мнение страны чрезмерно занято внутренними вопросами. О чем бы он ни писал на протяжении этих шести лет (1933—1939), он всегда и неизменно возвращается к своей основной теме: о вооружениях, об агрессивных планах Германии, о бредовых идеях германского фашизма насчет мирового господства. В связи с организацией «оси Берлин—Рим» Черчилль писал (11 июня 1937 г.): «Англичане занимаются внутренними делами. Пора опять вернуться к Европе. Я лично никогда не в состоянии забыть Европу. Она нависает над моим мозгом подобно ястребу. Ведь со стороны Германии готовится война. Непрерывно германская армия численно растет. Она уже больше французской. Все время эффективность и готовность германского офицерского корпуса увеличиваются. Все время германские воздушные силы как по количеству, так и по качеству перегоняют британские воздушные силы» («Шаг за шагом», стр. 114).

Буквально сотни раз возвращаясь к этой теме, он бьет тревогу. На упреки своих противников, что он впадает в панику, Черчилль указывал, что «иногда бывает значительно лучше иметь панические настроения наперед, а затем, когда опасность уже пришла, быть совершенно спокойным, чем быть чрезвычайно спокойным наперед, а затем впасть в панику, когда угрожаемое уже случилось» («В то время когда Англия спала», стр. 188).

Всесторонне взвешивая условия, в которых Англии неминуемо придется вести войну, он подчеркивал, что только в области морских вооружений Англия может себя чувствовать спокойно. Но, прекрасно



понимая роль авиации, Черчилль все настойчивее требовал энергичного вооружения в воздухе, т. е. постройки больших государственных авиационных заводов в Англии, в Канаде, крупных заказов на самолеты в США и т. д. И каждый раз с горечью он констатирует, что английское правительство не только «шаг за шагом» отстает перед агрессивной Германией, но оно «шаг за шагом» отстает от вооружений Германии в воздухе. По поводу пропесоченных слухов, что Англия согласна заключить соглашение с Германией по вопросу об ограничении вооружений в воздухе, он писал в 1938 г.: «Соглашаться на это означало бы предать жизнь и независимость британской нации» («Шаг за шагом», стр. 264).

Он единственный из английских государственных деятелей разговаривал с германскими фашистами открыто и мужественно. Геббельс назвал его самым непримиримым врагом Германии. «Денег дать вам за ваши вооружения, — писал Черчилль, — мы не можем; дать вам колонии тоже не можем; дать вам свободу рук в Европе тоже не можем» («Шаг за шагом», стр. 9). «При обращении со свирепыми вождями германского нацизма совершенно бесполезны мягкие и хорошо отточенные дипломатические фразы с их утонченностью и оговорками. Только самый резкий, простой, скорее даже грубый язык может быть им понятен» («Шаг за шагом», стр. 247). Но решительные слова должны означать волю и готовность оказать решительное вооруженное сопротивление германскому агрессору. И в период чехословацкого кризиса (сентябрь 1938 г.) Черчилль считал, что Англия, Франция и Советская Россия должны послать Гитлеру ультиматум — оставить в покое Чехословакию.

Верить германским и итальянским фашистам нельзя. Чего стоят их заверения, клятвы и договоры?

«Нам, может быть, скажут, что немцы согласились упразднить применение отравляющих газов. Возможно, что они не думали их применять, пока не считали это нужным, или до тех пор, пока не случилось чего-либо такого, что дало бы им возможность сказать: вот имел место новый факт, который изменяет все существующие соглашения. Ведь война, в конце концов, и есть тот новый факт, о котором их правоведа скажут, что он автоматически отменяет все предыдущие соглашения. Такая гарантия была бы с нашей стороны утешением, которое легко оказалось бы на деле издевательством» («Шаг за шагом», стр. 263). Он не против заключения соглашений, которые исключали бы те или иные зоны от бомбежки с воздуха. «Но было бы весьма печально, —

продолжает он, — если бы такое соглашение являлось нашей единственной защитой, потому что, как я сказал, погода может измениться совершенно неожиданно» («Шаг за шагом», стр. 264).

Как видим, Черчилль оказался дальновиднее большинства своих товарищей по партии. Его дальновидность в вопросах внешней политики приводит его к гораздо более правильным оценкам внутренней природы фашизма, чем официальные оценки консервативной партии. Фашистский режим он называет «зрелищем кучки людей, зажавших в свой кулак великую нацию» («Шаг за шагом», стр. 257). Он уже в первые месяцы существования фашистской Германии подчеркнул кровавый, варварский характер этого режима. «Великий доминирующий факт, — говорил он в ноябре 1933 г., — состоит в том, что Германия уже начала вооружаться. В этой стране мы видим, что философия жажды крови вбивается в головы германского юношества в размерах, совершенно небывалых с дней варварства» («В то время, когда Англия спала», стр. 80).

Особое негодование Черчилля вызвал разбойничий захват германским фашизмом Австрии, которую Черчилль правильно рассматривает как особую нацию, которая всегда останется инородным телом в нацистском организме и которую нацистский удав хотя и проглотил, но не переварит. Статья Черчилля «Захват Австрии», хотя и написана три года назад, настолько реалистична, что читается так, если бы была написана сегодня. Он ставит вопрос: примирится ли народ Австрии с захватом? — и отвечает: нет! Не только не примирятся массы, но и верхи Австрии. Массы не примирятся потому, что нацизм несет им страшное ухудшение их положения, и без того очень плохого. Уровень жизни в Австрии очень низок, но выше чем в Германии. Фашисты многими тысячами гонят австрийских рабочих в Германию на тяжелые работы. «В то время когда все немцы подвергнуты военной и промышленной конскрипции, жизнь этих австрийских ссыльных должна стать во многих отношениях похожей на старые формы рабства» («Шаг за шагом», стр. 218). Но «наряду с этими несчастными идут туристские поезда с теми избранными, которые отобраны через организации «Сила в радости». В 1938 г. Черчилль писал об Австрии: «Всякого рода хитрыми выдумками, начиная от палки до моркови, истребляемый австрийский осел принуждается тащить нацистскую телегу в гору, которая все больше становится крутой» («Шаг за шагом», стр. 228).

С огромной убедительной силой написана

статья «Англо-германское морское соглашение» (январь 1939 г.). Самое заключение договора в 1935 г. Черчилль называет «ужасной глупостью» («deadly follies»).

В результате английской политики по отношению к Германии, говорит автор, Гитлер получил все, чего он желал. Сначала воздушные силы, затем сухопутную армию и, наконец, флот. Причем за все уступки ему со стороны Англии он заплатил не своими деньгами, а английской монетой. Правительство изображало этот договор как «masterly stroke» — «мастерской шаг» — и очень гордилось им. Но ведь по Версалу Гитлер не имел ничего, а теперь получил право на 35%! Но пусть простофили в Англии не ликуют. Под каким-либо предлогом, вроде того что-де США и Россия строят флот, он потребует для себя  $\frac{1}{2}$ , затем  $\frac{2}{3}$  или все 100%. Все это не только глупо и опасно, но и является предательством по отношению к народам, желающим мира и взирающим на Англию как на свой оплот. Это соглашение ведь было заключено после того, как сам Макдональд проявил много заботы и энергии, чтобы в Стресе сколотить англо-итальянский фронт против агрессора и осудить Гитлера (май 1935 г.). И все-таки в июне 1935 г. (!!) он подписал морское соглашение с Германией. «Европа была удивлена». Вышло так, что британские министры поощряли нарушение договоров в то самое время, когда они же сами настаивали на том, чтобы меньшие государства Европы вынесли объединенный протест против нарушения Германией военных статей мирного договора. Это был тяжелый удар всему делу международного сотрудничества для поддержания общественного закона («Шаг за шагом», стр. 281). В результате «весь вид Европы изменился». Не удивительно, что «мир шаг за шагом, день за днем приближается к ужасной катастрофе» («Шаг за шагом», стр. 117).



Второе место в книгах Черчилля отведено фашистской Италии. К этой стране он относится с едва скрытым презрением. Ее военную мощь, как сухопутную, так и морскую, он ценит очень невысоко. Положение Италии, зависящей почти целиком в своем снабжении от морских путей, он считает «весьма уязвимым». У него нет никакого сомнения, что в случае войны с Италией английский флот будет хозяином положения в Средиземном море. Правительство Муссолини он считает столь же лживым и коварным, как и правительство Гитлера. Тем более оскорблен он в своем национальном чувстве как британец унижительным, лакейским отношением к Муссолини английского правительства,

особенно Невилля Чемберлена. Он надевается над так называемыми санкциями Лиги наций по отношению к Италии в 1935—1936 годах. Это «бесславная глава британской внешней политики» («Шаг за шагом», стр. 28). Санкции были мнимыми, иллюзорными, ибо, например, ввоз алюминия, которого Италия имела достаточно, был запрещен, а ввоз железа, в котором она очень нуждалась, разрешился: «Таким образом, санкции, которые мы с таким большим шумом и парадом проводили, не были реальными санкциями, которые бы парализовали захватчика... Они не удалось, потому что главные государства, имевшие к ним касательство, считали, что ничего не должно быть предпринято такого, что могло бы повести к войне» («Шаг за шагом», стр. 30).

Но он не делает отсюда вывода, что коллективное действие не может быть предпринято против агрессора. Наоборот, он решительно стоит за систему коллективной безопасности, за Лигу наций, но за действительную и решительную...

Особенно он возмущен и оскорблен тем, что Невиль Чемберлен по требованию Муссолини дал отставку (февраль 1938 г.) министру иностранных дел Идену, который был за создание системы коллективной безопасности в рамках Лиги наций. После этого Н. Чемберлен заключил с Муссолини соглашение, в котором признал захват Италией Абиссинии. Непонятно, почему Чемберлен унижительно поспешил пойти навстречу Италии, которая была тогда в очень тяжелом положении, на грани истощения после участия в испанской интервенции и после абиссинской войны. Надо было просто пожелать, и Англия смогла бы диктовать Италии свои желания: «Иногда бывает разумным позволить естественному процессу совершить свою работу, и тогда Италия расплатилась бы за свои преступления и глупости наличными деньгами, взятыми из своего монетного двора» («В то время когда Англия спала», стр. 397).

Н. Чемберлен «хотел забыть прошлое»: он вынудил Идена уйти в отставку, заключил с Италией соглашение, признал захват Абиссинии, сам поехал в Рим. Но Италия все же из Испании не ушла. В результате всюду враги Англии злорадствуют, а друзья смущены и подавлены. Малые страны колеблются. Признание захвата Абиссинии в Англии принято как унижение» («В то время, когда Англия спала»).

Великолепно даны Черчиллем последствия взаимоотношений двух друзей — «оси Берлин — Рим».

В статье «Забота Муссолини» (30 января 1939 г.) Черчилль предостерегает

итальянского диктатора от войны с Англией: «Пусть итальянский народ поймет, что он легко может быть вовлечен в войну, которая кончится для Италии либо поражением либо она будет спасена Германией, но роковой ценой, за счет своей независимости» («Шаг за шагом», стр. 187); «Если с Италией случится беда, то Германия должна будет взять Италию на свои плечи в значительно большем размере, чем она это сделала с Австро-Венгрией во время первой войны» («Шаг за шагом», стр. 298). В итало-германской дружбе, говорит он, Гитлер приобрел все, а Италия — ничего. На нее легло бремя войны, особенно в Испании. Состояние Италии страшно напряженное: «Как результат всех этих действий и маневров, Муссолини оказался целиком в руках Гитлера» («Шаг за шагом», стр. 285). Их отношения похожи на отношения бедного племянника к богатому дяде: «Богатый дядя едва ли даст что-либо обедневшему племяннику».

Значительное внимание Черчилль уделяет балканскому вопросу и балканским государствам, как странам, лежащим на пути агрессивного движения Германии. Германские фашисты заявляли, что балканские народы должны симпатии к нацистской Германии и жаждут видеть в своих странах этих новых норманнов. Черчилль в ряде статей и речей подвергает этот вопрос очень компетентному, всестороннему рассмотрению. В статье «Югославия и Европа» (октябрь 1937 г.) он показывает, что именно германские и итальянские фашисты сеют всяческий раздор среди славян, населяющих это государство, разжигают взаимную ненависть. Неверно, что в Югославии идет борьба между нацизмом и демократией. Югославия хочет единства государства и демократического строя.



Быть умным — не значит быть всегда непогрешимым, никогда не делать ошибок. Быть умным — значит учиться на ошибках и не повторять их. Это положение целиком относится исторически к У. Черчиллю. Некогда У. Черчилль, Стэнли Болдуин, Невиль Чемберлен занимали по отношению к Советской России одинаковую позицию. Но с 1933 г. У. Черчилль довольно решительно разошелся в этом вопросе со своими коллегами по партии. Основной причиной расхождения была разная оценка новой германской угрозы для Великобритании. У. Черчилль войдет в историю Великобритании, как государственный деятель, который плуbbe всех других понял проблему «Германия против Британии» и правильнее других решил ее.

Можно сказать, что основным призванием его жизни является борьба с Германией. Предметом его блестящих мемуаров, вышедших из печати под названием «Мировой кризис», является Германия. «Мировой кризис», говорит У. Черчилль в этой работе, начался в начале XX в., когда «мрачная тень легла на Европу»<sup>1</sup>. Мрачная тень исходила от милитаристской Германии. Это была претензия Германии установить с помощью военной силы свое господство над миром. Черчилль совершенно точно датирует начало этого кризиса: издание в Германии нового закона 1900 г. о постройке четырех линейных эскадр. И с этого времени молодой государственный деятель (Черчилль родился в 1874 г.) самым пристальным образом следит за ростом германских вооружений и непрерывно требует от консервативного и либерального правительств усиливать оборону Британии. В дни агадирского кризиса (1911 г.), который поставил Европу почти на грань войны, Черчилль был назначен на ответственный тогда пост морского министра, который он занимал свыше четырех лет (1911—1915 гг.). Он не без основания иногда говорит в своих мемуарах, что вместе с адмиралом Фишером он подготовил английский флот для успешной борьбы с германским (1914—1918 гг.). Бесспорно, что он был самым энергичным и инициативным морским министром на протяжении последних сорока лет. Когда Черчилль получил назначение в адмиралтейство (октябрь 1911 г.), он « всю ночь думал об опасности, грозящей Британии, об этой миролюбиво настроенной, несколько беззаботной, недостаточно подготовленной стране; о ее добродушии и силе, о ее здравом смысле и справедливом отношении ко всем»<sup>2</sup>. А Германия представлялась ему как некое библейское чудовище, против которого сам бог поведет Англию и даст ей победу. Придя на следующее утро в адмиралтейство, Черчилль распорядился повесить у себя в кабинете огромную карту Северного моря, на которой «штабной офицер каждый день отмечал флажками местоположение германского флота. И вплоть до войны никогда эта процедура не была пропущена»<sup>3</sup>. «Делалось это, — поясняет Черчилль, — для того, чтобы мне и тем, кто работал со мною, проникнуться чувством постоянного наличия опасности».

Черчилль принимал самое деятельное участие в первой империалистической войне. Когда он по настоянию консерваторов был удален из адмиралтейства (май

<sup>1</sup> Churchill W. «World Crisis» V, p. 303. 1927.

<sup>2</sup> Ibid., p. 66.

<sup>3</sup> Ibid., p. 70.

1915 г.), а затем из правительства (октябрь 1915 г.), он отправился на фронт в качестве командира гренадерского батальона (Черчилль в юности получил военное образование и участвовал в ряде колониальных войн в 1895—1900 гг.) и провел в окопах несколько месяцев. Ллойд Джордж, став премьером, назначил Черчилля весной 1917 г. министром военного снабжения, и в этой роли Черчилль оставался до окончания войны.

Черчилль вырос в семье своего отца, Рандольфа Черчилля, крупного консерватора, и был воспитан как тори. Но он не раз серьезно расходился со своей партией. В 1903 г. он даже перешел в партию либералов. После войны он вернулся к консерваторам, но, как мы уже видели, в 1933 г. у него начались опять крупные разногласия с ними. И вот парадокс истории! Черчилль, который не раз очень резко расходился со своей партией, Черчилль, которого правоверные тори считали ренегатом и всячески преследовали, возглавил английскую нацию, правительство и партию консерваторов в самый критический момент, который когда-либо переживала Британская империя. А Невиль Чемберлен, правовернейший из правоверных тори, еще недавно шумир буржуазной Англии, человек, который, вернувшись из позорного Мюнхена (сентябрь 1938 г.) в свою

страну, хвастливо говорил своему народу, что он обеспечил ему и всему человечеству мир по крайней мере на целое поколение, — Невиль Чемберлен ушел из жизни политически осужденный, забытый своим народом и всем человечеством. Этот кажущийся парадокс объясняется просто: в годы роста гитлеровско-фашистской Германии, в годы, когда кровавое чудовище Гитлер со своей бандой головорезов взнуздывал страну и народ для осуществления своих безумных планов господства над миром, У. Черчилль яснее других понял, что фашистская Германия представляет собой громадную опасность для самых элементарных интересов Великобритании, английского народа и империи. У. Черчилль, близко наблюдавший в 1914—1918 гг. работу мощной военной машины Германии, правильно сумел оценить ее потенциальную силу в 1933—1939 годы. И он в эти годы сделал то, что было обязанностью каждого британского гражданина: он был тревогу, подымал нацию на оборону страны. Он был при этом достаточно провидительным, чтобы разглядеть в Советском Союзе величайшую силу, от которой почти целиком зависит спасение человечества от «коричневой чумы». В этом важнейшая заслуга Черчилля перед его народом.

С. Захаров

#### ЛИЦО ВРАГА

**КОНРАД ГЕЙДЕН.** История германского фашизма. Перевод с немецкого. М. и Л. Соцэкгиз. 1935.

**ЭРНСТ ОТВАЛЬТ.** Путь Гитлера к власти. Перевод с немецкого. М. Соцэкгиз. 1933.

Книги, о которых идет речь, вышли в свет несколько лет назад. Они посвящены в основном истории возникновения, развития и прихода к власти германского фашизма и в меньшей мере характеристике первых лет гитлеровской тирании в Германии. Это, следовательно, книги о вчерашнем дне гитлеризма. Но сегодня, когда беснующийся фашизм, поставив все на карту, вероломно напал на Советскую страну, когда весь советский народ поднялся на великую отечественную войну, эти книги приобретают значительный интерес для наших читателей.

Конрад Гейден и Эрнст Отвальт — немецкие журналисты-антифашисты. Первый из них в течение долгого времени был корреспондентом «Фоссине дейтунг», органа либеральной буржуазии, и либерально-буржуазные мировоззрения чувствуются в его работе гораздо явственней, чем в книге Отвальта.

Отвальт и Гейден проводят в своих кни-

гах огромный фактический материал — конкретные данные из демографической и программной практики профессиональных фюреров и убийц — нацистов и их лидера — людоеда Гитлера. И как бы сомнительны ни были отдельные замечания авторов, содержащиеся в их книгах факты настолько убедительны и красноречивы, что, взятые сами по себе, они дают возможность советскому читателю лучше понять не только вчерашний, но и сегодняшний и завтрашний день злейшего врага человечества — гитлеризма.

Германский фашизм появился на гнилых дрожжах хозяйственных и социальных потрясений Германии. Национал-социалистическая партия, созданная в 1919 г. отщепенцем «рабочего» движения националистом и антисемитом Антоном Дреслером, в первые дни своего оформления представляла собой ничтожную группу крикунов из мюнхенских кабаков и безработных офицеров, поддерживавших свое прогнившее хорошо оплачиваемыми по-

гическими убийствами из-за угла. Руководящая роль в этой партии завсегдатаев пивных принадлежала контрреволюционному рейхсверовскому офицеру, представленному в нацистском движении солдафонским и профессиональным убийцей Ремом. От других многочисленных террористических контрреволюционных организаций этого времени («Бригада Эрхардта», «Консул», «Оргэш» и др.) национал-социалистская банда отличалась тем, что наряду с террористической и заговорщической деятельностью она уделяла большое внимание националистской и социальной демагогии, стремясь создать себе массовую базу. Именно на ремесле демагогического обмана и лжи и создал себе известность в партии и приобрел в ней влияние австрийский недоучка Шикльпрубер-Гитлер, вступивший в партию Дрекслера и начавший в ее рядах «большую карьеру».

Несостоявшийся художник, недоучившийся чертежник, «патриот», увильнувший от военной повинности в Австрии, затем ефрейтор германской армии, пролежавший большую часть войны 1914—1918 гг. в лазаретах и заработавший свой железный крест в качестве аржевальщика штабных канцелярий, Гитлер после кратковременной работы по призванию — в качестве «шлехтгелда» — шника — по делам Баварской советской республики — вновь стоял перед угрозой привычной для него безработицы, когда «счастливый случай» привел его в ряды национал-социалистской партии.

В среде безграмотных «политиков» типа Дрекслера и невежественных, топорно мыслящих солдафонов Гитлеру с его «даром» истерического красноречия нетрудно было выдвинуться. Правда, его собственный теоретический уровень был весьма невысок — он базировался на остатках школьных знаний, нескольких копеечных брошюрах огромно-антисемитского характера, прочитанных им еще в Вене, и политической премудрости д-ра Фелера, преподававшей им на краткосрочных военных-политических курсах в Мюнхене, которые Гитлер исправно посещал для завершения своего «образования».

Конрад Гейден детально, почти скрупулезно исследует, из каких источников складывалась «идейная и политическая программа Гитлера», торжественно преподносимая как программа национал-социализма. От Фелера Гитлер заимствовал основные «идеи» программы национал-социалистов 1920 г. с ее главным козырем — «уничтожение процентного рабства», отменой трудового дохода и т. п. От старых пангерманцев он перенял требование «великой Германии», требование «территорий и колоний для пропитания нашего народа»

и призыв к борьбе с Англией. От пресловутого Рехберга и беглого балтийского барона Розенберга он воспринял их бешеную ненависть к Стране советов и русскому народу и навязчивую идею «крестового похода» против нашей родины. Рудольф Юнг подсказал ему «идею» «национального социализма». Дитрих Энкарт, Отто Штрассер, Грегор Штрассер, Геббельс и другие — каждый по-своему, в той или иной форме — оплодотворяли «идейную систему» «фюрера».

Профессиональные политические убийцы нуждались в каком-то «идейном обосновании», которое оправдало бы их уголовную практику. Тут же в политическом мышлении, не знающие ничего, кроме политической поножовщины, они готовы были (хотя и далеко не все) признать в Гитлере своего «идейного вождя». Верно, что даже в 1923 г., в период подготовки ноябрьского путча, Геринг, по свидетельству Гейдена, распределяя будущие роли, безапелляционно утверждал, что диктатором будет, конечно Людендорф, а «Гитлера уж как-нибудь включат в правительство!» Но все же отставному ефрейтору и бывшему шнику удалось отгеснить своих соперников, выдвинуться на место лидера в партии. Он превосходил их в умении разговаривать с «массами», в особенности с мелкобуржуазными и деклассированными посетителями мюнхенских пивных, с которыми он быстро устанавливал общий язык. Он ораторски «вещал», рассыпал направо и налево обещания, нимало не заботясь о том, чтобы его пророчества сбылись, а обещания были выполнены. Он превосходил всех своих собратьев по ремеслу — а их превзойти было нелегко — зоологической ненавистью к народу, к людям вообще, неразборчивостью в средствах, вероломством, особо гнусным талантом предательства. Предательство было у него в крови, это было его главное, врожденное, имманентное качество. Он шел к усилению личной власти, сталкивая лбами между собой всех своих возможных соперников. Он предал Дрекслера — основателя национал-социалистской партии, — он предал своих бойцов в ноябрьском путче 1923 г., он предал Эссера, Штрассера, он чуть ли не собственноручно хладнокровно зарезал Рема, которому был обязан всей своей карьерой, он предал Эрнста, Гейнса и сотни других своих друзей и соратников, убитых в «ночь длинного ножа» — 30 июня 1934 г. — по его приказу.

Кстати сказать, события 30 июня 1934 г. обнаружили личную несостоятельность, слабость, трусость, отсутствие мужества у крупнейших фашистских лидеров. На это личное банкротство фашистских вождей впервые указал Эрнст



Генри. Он ставит вопрос: «Что делали они в последний момент? Как использовали они последний шанс на исторической сцене? Как они умирали?» — и отвечает фактами:

«Рем, умирая, кричал и визжал, непрерывно повторяя: «Я невиновен!» Он не воспользовался против своих убийц даже брошенным ему револьвером...»

Эрнст, раненый и избитый до полусмерти, «перед взволом чернорубашечников... ушел на колени и молил о пощаде. «Хайль Гитлер! — кричал он. — Я невиновен!» Этот человек организовал расправу над берлинскими рабочими после поджога рейхстага и лично руководил ею.

Гейнес так визжал, что его было слышно буквально по всему Коричневому дому в Мюнхене. И Генри приходит к выводу: «Единственным «мужчиной», если верить некоторым сообщениям, который лицом к лицу с убийцами нашел бесстрашные слова открытого протеста и обвинения, была... женщина, жена ненационал-социалистского генерала Шлейхера»<sup>1</sup>.

Гейден в своей работе отводит целые главы подробному описанию внутренней борьбы в рядах национал-социалистской партии и правящих верхов и исключительному вероломству Гитлера по отношению к своим друзьям и противникам.

«Директор партийного издательства Аммай, — рассказывает Эрнст Отвальт, — называет Розенберга «балтийцем, страдающим манией величия», за что Розенберг оплачивает ему «надутым фельдфебелем». Когда Розенберг в ударе, он называет господина Эссера, руководителя национал-социалистского журнала, «лгуном», «обманщиком», «наемником еврейской газеты»... «Грегор Штрассер ненавидит Геббельса; заместитель главного начальника штурмовых отрядов полковник Стеннес не выносит главного начальника штурмовых отрядов фон Шфейфера; руководитель Ганноверского округа считает руководителя Турского округа плутом. Один обвиняет другого... в неправильных взносах денег в окружные кассы, в фальсификации документов, в преступлениях против нравственности. Вряд ли найдется такое преступление, в котором лидеры третьей империи не обвиняли бы друг друга! И над всем этим парит с неприступным величием Адольф Гитлер. Он травливает одного подчиненного руководителя на другого и видит в их зависти лучшее средство для обеспечения своего единовластия; он вернейший ученик дома Габсбургов; его политика — политика нерешительной мужичьей хитрости, которая

иногда приводит к цели» (Э. Отвальт, стр. 87—88).

Об этом же свидетельствует и бывший соратник Гитлера Ваганд фон Мильтенберг: «Среди большинства лидеров господствует свирепая вражда, которую Гитлер не только не старается уничтожить, а наоборот, с умыслом разжигает» (Э. Отвальт, стр. 86).

Сейчас детальные исследования Гейдена о вероломстве Гитлера никого уже не могут удивить. Этот балбэт, с садистским наслаждением перегрызающий горло своим друзьям и врагам, умел, когда нужно, надевать на себя личину смиренника, одновременно грозить и холопствовать, выпрашивать, как нищий, подавание и угрожать ножом из-за угла.

Гейден подробно описывает отношения Гитлера с фон Каром, фон Лоссовым и другими «хозяевами» Баварии того времени. Это — сочетание пресмыкательства и шантажа, заискивания и грубого насилия. Он разговаривает повелительным тоном со своими подчиненными по партии и стоит в смиренной позе почтительного просителя, когда его удостаивает приемом какою-нибудь «его превосходительство» из рейхсвера или магнат финансового капитала. Он разглагольствует об уничтожении «процентного рабства» и защите трудового люда на широком собрании и в то же время с черного хода забегает к баварскому принцу Рупрехту и пользуется каждым удобным случаем, чтобы лишний раз расшаркаться перед эскайзером Вильгельмом II.

«На какие средства он живет?» — этот вопрос, по единодушному свидетельству Гейдена и Отвальта, постоянно смущал его «сподвижников по движению». Если Гитлер всячески скрывал источники своего существования, то Гейден и Отвальт считают все же установленным, что в этот первый период Гитлер попеременно находился на содержании у жены фабриканта роялей Бехштейна, у Геринга, у Германа Эссера, в свою очередь зарабатывавшего себе и Гитлеру пропитание в качестве альфонса какой-то состоятельной дамы.

Гейден рассказывает о некоторых характерных подробностях «финансирования» Гитлера:

«Гитлеру повезло найти несколько жертвователей и особенно жертвователей, относившихся к нему лично теплее, чем это обычно бывает между жертвователем и вождем политической партии... Важную роль сыграли денежные пожертвования Елены Бехштейн, жены владельца известной фабрики роялей, и заграничной немки Гертруды фон Зейдлиц. Когда у супругов (Бехштейн — А. М.) не было наличных денег, они давали Гит-

<sup>1</sup> Генри Э. «Гитлер против СССР», стр. 71. М. Соцэкгиз. 1937.



леру картины и другие произведения искусства, которые он превращал в деньги» (К. Гейден, стр. 118—119).

Об «истории Гитлера—Эссера» Гейден говорит: «Новая карьера Геббельса в партии началась как раз тогда, когда окончилась карьера другого вожжа, кое в чем сходного с ним. Мы имеем в виду Германа Эссера. Этот невозможный молодой человек вызвал своими интимными связями нарекания в нюрнбергских партийных кругах. Когда к нему обратились с упреками, он огорошил своих обвинителей следующим ответом: благодаря своей связи с той нюрнбергской дамой, о которой идет речь, он в плохие времена добывал у ее мужа деньги для партии, Гитлер же до сих пор не вернул этих денег» (К. Гейден, стр. 180). Эрнст Отвальт об этом же рассказывает: «Не нужно бесконечно повторять, как Адольф Гитлер с нищенской сумой в руках ходил от одного крупного промышленника Германии к другому и с успехом попрошайничал. Уже давно известно, что целый ряд выдающихся немецких промышленников, среди которых достаточно назвать Тиссена, Кирдорфа и братьев Лахузен из Бремена, постоянно поддерживал национал-социалистскую партию значительными средствами» (Э. Отвальт, стр. 128).

Когда нацистская банда и ее «фюрер» стали пополнять свою кассу из средств Тиссена, Борзига, Феглера и других магнатов финансового капитала, сутенер Гитлер считал себя обязанным читать мораль и нравоучения продолжающему по старой привычке альфонствовать Эссеру, освободившемуся от необходимости делить свой заработок с патроном.

Не стоило бы приводить эти подвиги «нравственности» Гитлера, если б этот людоед не любил прикрывать свои кровавые преступления морализирующими сентенциями. Позднее, 30 июня 1934 г., перерезав добрую треть своих сподвижников, приведших его к власти, а кстади заодно и тысячи антифашистов, томившихся в лагерях, Гитлер объяснял эту варфоломеевскую ночь как вынужденное средство искоренения безнравственности, так как он-де не может потерпеть, чтобы национал-социалистское движение было запятано пороком гомосексуализма.

Рем умел только резать, Геринг специализировался на провокациях и убийствах, Геббельс мастерски врал, Гиммлер набил руку на пытках и истязаниях, преимущество Гитлера перед его сподвижниками по уголовной шайке, позволившее именно ему, а не другому стать «фюрером», заключалось в том, что он в одном своем лице сочетал все пороки, «таланты»

и «наклонности», присущие каждому из этих бандитов в отдельности.

В своих честолюбивых планах и кровавых замыслах Гитлер всегда оставался авантюристом.

Гейден считает отсутствие твердой воли и авантюризм в политике и личной жизни характерными чертами Гитлера. Он пишет о Гитлере как об истерике: «Даже в частной беседе истерические взрывы внезапно сменяются жалким лепетом, как только собеседник переходит в наступление, задает вопросы, переносит спор на почву фактов. Худший из всех игроков, Гитлер не в состоянии спокойно встретить поражение» (К. Гейден, стр. 51).

Вся история Гитлера и нацистской партии есть история авантюристской политики. Гейден детально описывает целый ряд авантюр фашистов, особенно подробно он останавливается на авантюристском «пивном путче» 1923 года. Гейден показывает, как в самый ответственный момент, накануне выступления, «вождь национальной революции» метался в непреодолимых сомнениях и колебаниях: «В ночь на 9 ноября Гитлера бросало то в жар, то в холод, он пережил минуту ликования, отчаяния, разочарования и надежды. «Теперь настанут лучшие времена», — сказал он Рему, сияя от счастья, и обнял друга... Часом позже он уже мрачно говорил, что «хорошо будет, если удастся из этой истории кое-как выбраться; если же не удастся, придется повеситься» (К. Гейден, стр. 133). Эти колебания настроений Гитлера продолжались до самого выступления, закончившегося, как известно, бегством «вождя».

Этот авантюризм проявлялся и в специфических для фашистов расчетах на запугивание противника, мистификациях, широко применяемых ими и сейчас. Так, во время цутча 1923 г., при столкновении фашистов с полицией, Геринг, по свидетельству Гейдена, «вышел из строя вперед, приложил руку к козырьку и объявил: «За первого убитого в наших рядах заплачено жизнью один из заложников». На самом деле, однако, повстанцы вовсе не вели с собой заложников» (К. Гейден, стр. 136).

Однако, возвращаясь к первому периоду «деятельности» нацистской банды, нужно подчеркнуть, что несмотря на все усилия Гитлера нацистская партия попрежнему оставалась ничтожной, не имеющей никакого влияния группкой. Ни социальная демагогия, ни восхваления Бресту и проклятия Версалу, расточаемые Гитлером, ни прямое или косвенное участие в убийстве Эрбергера, Ратенау и в других террористических актах не могли обеспечить партии реального влияния в политике.

Лишь в кризисном, 1923 году нацистская партия обнаружила некоторую тенденцию роста. Гитлер даже пытался, используя неустойчивость общественной обстановки, произвести путч в Мюнхене. Гейден и Отвальт подробно описывают этот неудавшийся государственный переворот в мюнхенской пивной. О нем стоит упомянуть, так как он со всей очевидностью обнаружил еще одно неоспоримое качество «фюрера»: этот хвастливый наглец-фанфарон оказался самым жалким трусом. После неудачного покушения на вооруженное выступление 1 мая 1923 г., когда Гитлер, еще не начав «сражения», бежал за пределы Мюнхена от скорее воображаемого чем реального противника, он решил восстановить свою подмокнувшую репутацию «настоящим», тщательно подготовленным переворотом в общегерманском масштабе. На деле этот государственный переворот свелся к фарсовому представлению в мюнхенском кабаке «Бюргерброй» с клоунадным выстрелом в потолок, бессвязным лепетом «диктатора» и потрясенным пивными кружками. Но Гитлер не был обескуражен этим «пивным путчем». Приставив дуло револьвера к виску, он драматически воскликнул: «Если завтра я не окажусь победителем, я умру!» Но «завтра» обнаружило, что «храбрый полководец» не обладает мужеством, хотя бы в элементарной для рядового солдата форме. При первом выстреле горючки полицейских, преградивших дорогу многочисленной колонне «борцов против красного Берлина», «освободителя Германии» Гитлер падает наземь на живот. Он не убит, он даже не ранен, он просто боится быть подстреленным и тут же бежит с «поля брани». Людендорф, участвовавший с Гитлером в «походе», как известно, после путча порвал с ним, так и не простив эфрейтору этой позорной трусости.

В 1924—1928 гг., в относительно «тихое» время частичной стабилизации капитализма, нацистская партия влечит самое жалкое существование. Ее численность не достигала 20 тыс. членов, количество избирателей, шедших за ней на выборах, было ничтожным. Книгопродавцы не желали распространять «Моей борьбы» Гитлера: это «произведение» решительно никто не хотел читать.

И лишь с 1929 г., с начала экономического кризиса, нацистская банда добивается некоторых успехов. Подобно лодыжному болотному растению она росла на набухающей социальными бедствиями трясине экономического кризиса.

Гитлеровские обманщики и лгуны сыпали как из рога изобилия бессовестные, бессознательными обещаниями: они обещали безработным работу, рабочим и

служащим — высокие заработки, буржуазии — прибыли, крестьянам — доходы, помещикам — помощь, женщинам — мужей, «мужам» — «великую, непобедимую Германию». Понятно, что германский рабочий класс, честные, прогрессивные элементы страны не поддаются этой беспримерной по лжи и бессовестности демагогии. Но лозунг «Freiheit und Brot!» («Свободы и хлеба!»), лозунг, украшавший собой все обложки нацистских изданий, находит отклик у разорившегося лавочника или голодающего конторщика:

Вся эта «антикапиталистическая» демагогия представляла собой сознательный, тщательно продуманный обман масс. Отвальт воспроизводит характерный разговор Отто Штрассера с Гитлером. На вопрос Штрассера, что означает социализм нацистов, «осталось ли бы у акционеров и рабочих в вопросах собственности, прибыли и руководства все по-старому или нет», Гитлер цинично отвечал: «Ну само собой разумеется!» Он не замедлил вскоре избавиться от тех элементов в нацистском руководстве, которые были склонны принимать его «социализм» слишком «всерьез».

Борьба, которая развернулась в 1930—1932 гг. в верхах господствующих классов, между окружением Гинденбурга, националистами Гугенберга и нацистами, в значительной мере была связана с тем недоверием, которое испытывала известная часть германской буржуазии к способности Гитлера справиться с обманутыми им слоями мелкой буржуазии. Гейден очень тщательно и подробно прослеживает все этапы и перипетии этой борьбы.

Гитлеровская банда, опираясь на голоса обманутых ею слоев мелкой буржуазии, пришла к власти 30 января 1933 года. И теперь, сбросив маску, она обнаружила до конца свое подлинное лицо, точнее, звериный оскал чумного, взбесившего пса. Гитлер начал войну против германского народа. Фашистские банды подвергли страну разгрому. Они установили в стране кровавую, террористическую диктатуру — тотальный режим господства гитлеровской клики — режим политического бандитизма, организованного в государственном масштабе. Тысячи антифашистов были убиты, сотни тысяч брошены в концентрационные лагеря. Люди, составлявшие цвет германской культуры: проф. Эйхштейн, Генрих Манн, Томас Манн, Эрих Ремарк, Лион Фейхтвангер и десятки других, — должны были покинуть свою родину, растоптанную Гитлером. Не успевшие спастись бегством, как например Оссецкий, Эрих Мюзам и другие, были замучены насмерть в фашистских лагерях. Садисты и варвары Германии, из паники

психиатрической клиники превратившийся в министра и маршала «третьей империи», торжественно провозгласил: «Моей задачей не является творить справедливость, а искоренять и уничтожать». Бравый произвол, ничем не ограничиваемое всевластие Гитлера и его клики, топором и виселицей искореняющих инакомыслящих, — это и был «новый порядок» «третьей империи».

Все самостоятельно существовавшие политические партии и организации, в том числе буржуазные конкуренты нацистов, были разгромлены и уничтожены. Гитлер в одной из своих речей хвастливо заявил: «Произошла невиданная еще унификация политической жизни». Гейден по этому поводу справедливо замечает: «Этим самым Гитлер пустил в оборот во внутриполитической борьбе в Германии слово «унификация», которое с тех пор служит прикрытием всех насилий и позорных дел национал-социализма» (Б. Гейден, стр. 310).

Фашистский терроризм не только политически закабалил германский народ: он обрек его на нищету и экономическое разорение.

Гитлер торжественно возвестил о своем «четырёхлетнем плане». Если в этой фашистской «четырёхлетке», порученной к исполнению бандиту Герингу, и были элементы плана, то главным из них было ограбление трудящихся ради ускоренной подготовки войны. Краеугольным камнем «четырёхлетнего плана» было создание лагерей трудовой повинности. Фашистские заправилы изображали трудовую повинность как «социалистическое» мероприятие, как радикальное средство уничтожения безработицы. Однако истинный смысл «трудовой повинности» был еще в 1933 г. достаточно открыто вскрыт органом германской военизации — журналом «*Deutsche Welt*».

«Центральными вопросами добровольной трудовой повинности, — говорилось в этом журнале, — являются для нас не обработка новой земли и возникновение новых дорог, не ликвидация безработицы, а дисциплинирование молодежи, объединенной в суровом лагере в качестве солдат. В этой прусской мужественной школе характеров заключается смысл трудовой повинности»<sup>1</sup>. Нацистский полковник Хирль, назначенный Гитлером руководителем трудовой повинности, определил характер возглавляемой им организации еще более выразительно. Институт трудовой повинности, по словам Хирля, — это «счастливое сочетание солдатчины, рабочего

духа и молодости» (Б. Гейден, стр. 356).

Сотни тысяч безработных были брошены в лагеря трудовой повинности, где без всякого вознаграждения должны были ускоренным темпом проходить курс военной муштры. Рабочие, занятые на производстве, лишены права стачек, права организации своих профсоюзов, отданные под надзор пияницы Лея и его «*Arbeiterfront*», были обречены на жаторжный труд за нищенскую заработную плату. Если в 1929 г. средний заработок одного трудящегося составлял 2406 марок в год, то в 1934 г. он составлял уже 1974 марки. В дальнейшем средний заработок трудящихся еще более понизился<sup>2</sup>. Учитывая, что одновременно покупательная способность марки снизилась на 40—50%, а отчисления и налоги возросли в огромной степени, становится понятным, что фашизм действительно обрек рабочий класс на нищету.

Городская мелкая буржуазия, ремесленники, которым Гитлер столько раз обещал «золотое будущее», разорялись от конкуренции крупных предприятий, кстати, подвергнутых принудительному картеллированию. По данным, приводимым тов. Вильгельмом Пиком, общая сумма годового дохода германских ремесленников упала с 4 млрд. марок перед мировым кризисом до 1,8 млрд. в 1935 году<sup>3</sup>. Крестьянство, ожидавшее реализации обещанной нацистами программы повышения доходов, получило от Гитлера «реформатора исторического масштаба» — аргентинского немца Вальтера Дарре. Гейден рассказывает, что первым шагом Дарре после назначения его министром было его «согласие» на то, чтобы «нассауские крестьяне вблизи Висбадена, где Дарре написал свою книгу о «Крестьянство как источник северной расы», поставили ему... базальтовый памятник весом в 120 центнеров со следующей надписью: «Р.—В. Дарре благодарное крестьянство его родного нассауского округа» (Б. Гейден, стр. 345). Однако подлинное крестьянство Германии не могло испытывать к Дарре чувств, запечатленных на его памятнике нассаускими пенителями литературных упражнений нацистского министра. Аграрное законодательство Дарре, политика автаркии, политика поддержки и поощрения крупных хозяйств привели к разорению среднего и беднейшего крестьянства.

Вместо обещанных «свободы и хлеба» фашизм превратил Германию в страну

<sup>2</sup> «Правда» от 19 марта 1937 года.

<sup>3</sup> Пик В. «Гитлеровский фашизм — главный поджигатель новой мировой войны». «Коммунистический Интернационал» № 6 за 1937 год.

<sup>1</sup> Цит. по сборнику «Германский фашизм у власти», стр. 56. М. Соцэкгиз. 1935.

рабства, виселицы и нищеты. Фашизм враждебен и ненавистен германскому народу. Германский народ против гитлеровского бандитизма.

Конрад Гейден — не коммунист, не марксист, не социалист: Гейден — либеральный журналист, любящий свой народ и потому возненавидевший фашизм. Он заключает свою книгу призывом к борьбе с гитлеризмом.

Для Гейдена и Отвальта, наблюдавших войну гитлеризма против германского народа, уже с первых дней этих кровавых насилий было совершенно ясно, что, поработив народ собственной страны, германский фашизм начнет кровавую войну за порабощение и уничтожение свободных народов мира.

Гейден и Отвальт оборвали свое изложение на 1933—1934 годах. Гейден заключает свою книгу следующим выводом: «Фашизм может выбрать только между нищетой и войной. И то и другое

приведет к его уничтожению. Мы хотим надеяться, что гибель эта произойдет на первом пути, но мы должны быть готовы и ко второму исходу. Каждый, кто любит свободу, должен внести свою лепту, чтобы конец фашизма явился не концом, а началом Европы» (К. Гейден, стр. 371—372).

22 июня 1941 г. чумные фашистские псы в бешеном неистовстве напали на советскую землю.

Советский народ в едином фронте со всеми свободолюбивыми народами мира ведет великую освободительную войну против фашистского варварства.

В этой войне он сокрушит и уничтожит немецко-фашистские орды, он раздавит фашистскую гадину, воздаст сторицей фашистским палачам за кровь и слезы миллионов людей и вычеркнет навсегда ненавистное имя людоеда Гитлера из памяти освобожденного человечества.

А. Манфред

**НИКОЛЬСОН Г. Дипломатия.** Перевод с английского под редакцией и с предисловием А. А. Трояновского. Библиотека внешней политики. Огиз. Государственное изд-во политической литературы. 1941. 154 стр. 4 руб.

Автор книги Гарольд Никольсон, сын английского посла в России в 1906—1910 годах Артура Никольсона, родился в Тегеране в бытность отца его послом в Иране, долгое время состоял на дипломатической службе, а в настоящее время занимает в кабинете Черчилля должность товарища министра по делам информации.

В своей книге Г. Никольсон пытается наметить историческую смену форм, в которых проявлялась деятельность дипломатии, дать своего рода эволюцию дипломатии.

Книга распадается на десять глав, из которых первые четыре (стр. 17—66) посвящены истории дипломатии. Автор рассматривает в них «происхождение организованной дипломатии» (гл. I), «развитие теории дипломатии» (гл. II), «переход от старой дипломатии к новой» (гл. III) и «демократическую дипломатию» (гл. IV) как последний этап в историческом развитии дипломатии. На этих главах мы и сосредоточим наше внимание.

Изложению истории дипломатии предпослано определение понятия дипломатии, с указанием, «в каком смысле или смыслах это слово будет употребляться в дальнейшем» (стр. 19). Автор приводит пять значений этого слова в английском языке и останавливается на определении, которое дает «Оксфордский английский словарь»:

«Дипломатия — это ведение международных отношений посредством переговоров; метод, при помощи которого эти отношения регулируются и ведутся послами и посланниками; работа или искусство дипломата» (стр. 20). Он различает при этом дипломатию «законодательную» — политику парламентов и центральной власти — и дипломатию «исполнительную» — проведение этой политики в жизнь органами дипломатической службы за границей (там же).

В своем историческом очерке автор желает дать «эволюцию дипломатической службы» (стр. 20). В Греции в эпоху Гомера, говорит он, дипломат был простым вестником, глашатаем: «он должен был обладать только хорошей памятью и зычным голосом» (стр. 22). Это очень упрощенный взгляд на дипломата гомеровского времени, и сам автор в дальнейшем, в главе о развитии теории дипломатии, вспоминает «героическую фигуру Улисса (Одиссея), «плодородного изворотливостью» (стр. 33). Вестника, этого обладателя зычного голоса, сменил в роли дипломата, как представителя греческого города-государства, адвокат, обязанность которого состояла в том только, чтобы «привозить блестящие речи» (стр. 22). Автор приводит из Фукидида описание греческой дипломатической конференции и на основании этого утверждает, что «уже в V веке

до н. э. греки выработали какую-то систему постоянных дипломатических отношений, было признано, что международные отношения нельзя регулировать и вести только при помощи хитрости и силы и что существует какое-то право, стоящее выше национальных интересов и выгод момента» (стр. 23).

«Эти традиции и правила перешли от греков к римлянам»,— утверждает далее автор. Известно, однако, что римляне еще в период своих международных и междуплеменных отношений выработали свое особое дипломатическое искусство, строго придерживаясь его правил, объединенных в стройную и хорошо развитую систему так называемого фециального права. О последнем автор не говорит ни слова, его определения: «*jus civile*», «*jus gentium*» и «*jus naturale*» (стр. 23)—не дают настоящего понятия об этих терминах. Римляне, говорит Никольсон, не обладали особыми дипломатическими способностями... они применяли больше методы воина или строителя дорог, чем дипломата... оказали влияние на дипломатию не в области техники переговоров, но в области международного права (стр. 23); они создали «квалифицированных архивариусов, специалистов в области дипломатических прецедентов и процедуры» (стр. 24). Но если последнее верно, то можно спросить автора, зачем нужны были римлянам эти специалисты и собираемые ими дипломатические прецеденты, если не для того, чтобы дать своим дипломатам в руки хорошее орудие для успешного ведения дипломатических переговоров? О позднейшем Риме, достигшем высшей ступени своего могущества, автор верно говорит, что он «в своих взаимоотношениях пользовался скорее колониальными и административными приемами, чем дипломатическими» (стр. 24).

Следующий этап в эволюции дипломатии совершился, по мнению Никольсона, в Византии, ибо «послам византийских императоров поручалось не только представлять интересы империи при дворах деспотов, но также слать подробные донесения о внутреннем положении чужих стран и о взаимоотношениях этих стран между собой... Нужны были люди наблюдательные, с большим опытом и здравым суждением. Таким образом постепенно развился тип профессионального дипломата» (стр. 24). Дипломатия вступила в третий этап своего развития. «Эта эволюция,— уточняет автор,— происходила медленно. Лишь в XV веке, когда итальянские государства начали назначать постоянных послов, дипломатия как профессия получила всеобщее признание» (стр. 25).

В изложении четырех последующих страниц трудно уловить основную мысль автора. Речь идет о средних веках. Эта, по мнению автора, «эпоха мрачного средневековья, особенно в феодальной Европе, мало подходила для установления системы регулярных международных связей» (стр. 26). Но, с другой стороны, автор отмечает то внимание, с которым в средние века, уже в эпоху Каролингов, относились к организации дипломатических архивов. «Можно без преувеличения утверждать,— говорит автор,— что впервые в папских и прочих канцеляриях под началом и руководством «мастеров свитков», или хранителей судебных архивов, были установлены обычаи дипломатии как науки, основанной на прецеденте и опыте» (стр. 25). Но содержание архивов не ограничивалось судебными документами: в них содержались и государственные документы, в частности международные договоры. На изучении их воспитывались будущие дипломаты.

Несмотря на данную автором неблагоприятную для развития дипломатии характеристику средних веков он все же верно приурочивает зарождение «современной дипломатии» к периоду расцвета городских республик Италии XIII—XIV веков. Здесь, говорит он, «возник тип государственного деятеля-дипломата» и, выражает сожаление, что «Италия является колыбелью современной дипломатии» (стр. 26). Он поясняет это через 10 страниц: «Дипломатия средних веков имела главным образом итальянский, точнее византийский, привкус. Этому наследию она обязана той плохой славой, которой она пользуется в современной Европе» (стр. 35).

В XIV веке относится и появление в Италии первых постоянных посольств, хотя Никольсон утверждает, что «первая отмеченная в истории постоянная миссия была учреждена в Генуе в 1455 году миланским герцогом Франческо Сфорца» (стр. 26—27). Не говоря о городах-республиках Италии, в XIV в. постоянных послов при папском дворе в Авиньоне содержал арагонский король Хайме (Яков) II, и донесения этих послов сравнительно недавно изданы Генрихом Филком в «*Acta aragonsensia*». «Ученые,— говорит Никольсон,— видят первый образец постоянных миссий в системе легатов папы. Нет достаточно убедительных доказательств, подтверждающих этот факт» (стр. 26). Постоянное посольство Арагона при папском дворе является, однако, достаточно убедительным доказательством того влияния, которое «система легатов папы» оказала на возникновение института постоянных посольств.

Минуя XVII и XVIII века, автор от

XVI века прямо переходит к актам Венского и Аахенского конгрессов 1815 и 1818 годов, установивших прочные правила в системе посольских рангов. Но обойденные автором два столетия являются золотым веком дипломатии, и миновать их при изложении ее истории, казалось бы, невозможно.

Следующая, II глава книги Никольсона, посвященная развитию «теории дипломатии», является, по существу, дополнением к первой. Основная мысль автора такова: «Прогресс теории дипломатии заключается в замене узких взглядов об исключительности прав племени более широкими взглядами о важности общих интересов» (стр. 32). Здесь кое-что узнаем о дипломатии XVII века. «Сомнительная репутация», которую приобрели дипломаты этого и последующего времени от которой «страдают их наследники», объясняется тем, что «дипломатия попала в феодальную Европу из Византии через итальянские города-государства» (стр. 35). Но надо ли ходить за объяснением так далеко? В дальнейшем дурная слава дипломатии XVI—XVII вв. объясняется усвоением дипломатией доктрины Макиавелли (стр. 36): «Они давали взятки придворным, подстрекали к восстаниям и финансировали восстания, поощряли оппозиционные партии, вмешивались самым пагубным образом во внутренние дела стран, в которых они были аккредитованы, они лгали, шпионили, крали» (стр. 35). Автор вспоминает по этому поводу шуточное определение своего звания английским послом сэром Генри Уоттоном, записанное им в альбом своего знакомого в Аутсбурге: «Посол — это честный человек, которого посылают за границу лгать для блага своей родины» (стр. 11). Автор в ходе развития «теории дипломатии» склонен видеть кривую восходящую линию с общей тенденцией к улучшению и считает факторами этого улучшения две силы: право и торговлю. Говоря о последней, он замечает, что «здоровая дипломатия здравого смысла — изобретение среднего сословия» (стр. 39). В самой теории дипломатии автор считает возможным различать два направления: «теорию военно-политической касты», как пережиток прошлого, и «более буржуазную теорию, развившуюся на почве торговых связей». «Первое направление, — говорит он, — склонялось к политике силы и много уделяло внимания вопросам национального престижа, положения, старшинства и блеска, второе интересовалось политикой, дающей прибыль, и занималось, главным образом, успехами, применением, компромиссами и кредитами... Первую теорию можно назвать всесторон-

ной, или героической, вторую — купеческой, или теорией лавочника. Первая рассматривает дипломатию как войну иными средствами, вторая — как фактор, помогающий мирной торговле... не только цели, которые ставит себе военная школа, — грабительские, но и методы, которыми проводится эта политика, являются скорее военными, чем гражданскими. Переговоры при такой системе напоминают военные действия»; «применяются и запугивание, и жестокость, и сила». «Штатская теория переговоров основана на предположении, что компромисс между соперниками более выгоден, чем полное уничтожение соперника... Вопросы престижа не должны мешать заключению разумного делового соглашения» (стр. 39—40).

Эта не лишняя интереса и в общем верная характеристика двух основных направлений дипломатии вызвала замечание со стороны редактора перевода. «Никольсон забывает, — говорит он, — что международная торговля имела всегда и другую сторону — ожесточенную борьбу за рынки сбыта, за сырье, а в эпоху империализма — за экспорт капитала и за передачу поделенного мира» (стр. 14—15). Никольсон ничуть не закрывает глаза на это обстоятельство. Он признает, «что эти направления часто перемешивались. Были эпохи, когда феодальная концепция становилась миролюбивой, а буржуазная чрезвычайно воинственной» (стр. 39).

Автор говорит далее (гл. III) о переходе старой дипломатии к новой, совершившемуся в XIX веке. Переход этот вызван, говорит он, не столько изменениями в этике, сколько перемещением власти (стр. 41), развитием конституционных монархий, ибо «хотя влияние монархов долго сказывалось на практике и теории дипломатии, центр тяжести дипломатической машины начиная с 1815 года был перенесен из придворных сфер в министерские, и эта перемена оказала воздействие на постепенное изменение дипломатических методов» (стр. 47). «Будуарная» дипломатия и дипломатия, действующая через придворных фаворитов, сделалась невозможной, вышла из употребления. В числе факторов проследитель перемены Никольсон указывает на «чувство общности между народами» («Верейский концерт»), на «растущее значение значения общественного мнения» и на «быстрый рост путей сообщения и способов связи» (стр. 49).

Последняя глава (IV) исторического очерка посвящена современной «демократической дипломатии». Характерные черты ее автор усматривает в открытии переговоров на конференциях и, в част-



ности, на заседаниях Лиги наций и в обязательной регистрации международных договоров в секретариате Лиги наций. Новая практика, говорит он, очень осложняет переговоры. Главную опасность он усматривает «в безответственности суверенного народа», которая «поощряется некоторыми популярными газетами, способными поддерживать отказ от данных (дипломатами) обещаний», а вторая опасность заключается, по его мнению, в том, что «обычный избиратель не только невежествен, ленив и забывчив там, где вопросы касаются международных обязательств, за которые он отвечает, но он не проявляет в отношении вопросов внешней политики той вдумчивости и понимания, которые он посвящает делам внутренним» (стр. 61). Дав резкую критику «демократической дипломатии», автор оговаривается, что он не считает ее «более неспособной или опасной, чем ей предшествовавшие», но что она «еще не нашла формулы, определяющей ее деятельность» (стр. 65). Основная задача, по его мнению, — «употребить все усилия, чтобы воспитать народ».

Мы рассмотрели историческую часть книги Никольсона. В ней нельзя не отметить стремления автора установить известную закономерность в развитии дипломатии. Однако надо признать, что эта задача автору не удалась. Вестник-глашатай с «зычным голосом», оратор, «произносящий блестящие речи», «будущий» дипломат и дипломат демократии едва ли могут быть приняты за основные этапы в развитии дипломатии. В этом развитии главный интерес представляет профессиональный дипломат, появляющийся на исторической арене в средние века, но этот период времени, «эпоху мрачного средневековья», автор игнорирует и лишь мимоходом говорит о XVII и XVIII веках.

Вторая, большая часть книги, обнимающая шесть последних глав (V—X), посвящена современной дипломатии, в частности ее технической стороне. Автор говорит здесь об идеальном дипломате (гл. V), о типах европейской дипломатии (гл. VI), о последних изменениях в дипломатической практике (гл. VII), о дипломатической технике (гл. VIII), о дипломатической службе (гл. IX), о дипломатическом языке (гл. X). На этих главах мы не станем подробно останавливаться, ограничившись лишь беглым обзором их.

От идеального дипломата автор требует «семь особых дипломатических добродетелей»: справедливости, точности, спокойствия, ровного характера, терпения, скромности и лояльности; но, само собой разумеется, добавляет он, что идеальный дипломат должен обладать умом, знанием, наблюда-

тельностью, осторожностью, гостеприимством, очарованием, прилежанием, мужеством и тактом.

Автор дает характеристику отдельных типов европейской дипломатии, исходя из национальных черт. Американские дипломаты отличаются пессимизмом: они «уверены, что все дипломаты только и ждут того, чтобы перехитрить, запутать, унизить всех тех, с кем они ведут переговоры. Они вступают на конференцию, как Даниил в клетку львов» (стр. 80). Профессиональная дипломатическая служба в Америке только начинает внедряться; дипломатические посты обычно занимали дипломаты-любители; однако из личных своих встреч автор вынес впечатление об американских дипломатах как о «людях рассудительных, находчивых, хорошо осведомленных, точных и чрезвычайно надежных».

В противоположность американским дипломатам английские, по наблюдению автора, слишком оптимистичны. На характеристике английской дипломатии автор останавливается долго, приводя как чужие суждения, весьма противоречивые, так и свои собственные заключения. Неизменным принципом внешней политики Великобритании является, по мнению многих, принцип политического равновесия, но, замечает автор, «не какая-то особая добродетель заставляет Великобританию выступать в роли защитника прав малых стран», а ее политическое положение. Он приводит «льстящее британскому самолюбию» мнение автора «Духа британской политики» Канторовича, который считает основными качествами английской дипломатии «благородство, объективность и гуманность», но указывает и ее «главный недостаток — иррациональность, т. е. отсутствие продуманных планов» (стр. 84). Соглашаясь с тем, что английская дипломатия «слишком оптимистична, беспорядочна, уклончива, иррациональна и изменчива», автор дает перечень хороших сторон английского дипломата: он терпим и справедлив, надежен и добросовестен, держится с благородством, не хвастается и знает, что успешная дипломатия, как успешная торговля, основана на доверии иговорчивости.

«Немецкая политика является в основном «политикой силы», и немецкая дипломатия отражает эту военную концепцию», — говорит автор. «Политика силы» находит свое обоснование и оправдание в немецкой философии (Фихте, Гегель). Характерной чертой этой политики является «дипломатия неожиданности», «из всех форм дипломатии... самая опасная» (стр. 88).

Французская политика в последние 60

лет руководилась исключительно страхом перед ее восточным соседом. «Французская дипломатия... имеет долгую традицию... она обслуживается людьми с удивительным умом, большим опытом и огромным обаянием. Французы соединяют тонкость наблюдения с особым даром ясной убедительности. Они благородны и точны, но они нетерпимы... профессиональные политики не всегда предоставляют профессиональным дипломатам достаточную свободу действия» (стр. 90).

Итальянская дипломатия «не покочится на приемах частной торговли, или на политике силы, или на логике, выдвигающей определенные цели. Она более чем оппортунистична, она основана на беспрепятственном маневрировании. Цель внешней политики Италии состоит в том, чтобы путем переговоров приобрести большее значение, чем это соответствует ее собственным силам» (стр. 90—91). Итальянская дипломатия, ловкая по существу, «соединяет честолюбие и притязания великой державы с методами малой державы» (стр. 91).

Посвятив целый ряд страниц (гл. VII) «последним изменениям в дипломатической практике», где речь идет о практике ведения переговоров на конференциях и о деятельности Лиги наций, автор переходит к изложению «дипломатической техники» (гл. VIII) и «дипломатической службы» (гл. IX). В первой речь идет о местничестве среди послов, о назначении посла, об атремане, о вручении верительных грамот, об отзывании послов, о признании восстановившей воюющей стороной, о разрыве дипломатических сношений, об обязанностях дипломатического представителя, о работе конференций и конгрессов. По всем этим вопросам даются элементарные сведения с отсылкой к известному «Руководству по дипломатической практике» Эрнеста Сатоу. Относительно спорного вопроса о последствиях разрыва дипломатических отношений автор довольно подробно указывает, что разрыв «не всегда является вступлением в войну» (стр. 111). В главе о дипломатической службе (стр. 117—128) излагаются различные системы назначения дипломатических агентов: английская, германская, французская и американская — и даются некоторые указания относительно консульской службы, причем автор высказывается в пользу слияния дипломатической и консульской служб в одну систему.

Последняя глава книги (X) посвящена дипломатическому языку, под которым автор разумеет как язык, на котором ведутся переговоры и составляются дипломатические акты, так и специфический, «дипломатический» способ выражать свои

мысли. Вплоть до XVIII в. европейская дипломатия пользовалась латинским языком, когда этот последний уступил свое место французскому языку, а французский язык, в свою очередь, в XIX в. должен был разделить свое господство с английским. О том, что латинскому языку предшествовал в роли международного греческий (в эпоху эллинизма), а этому последнему — ассирийский (в международных сношениях древнего Востока), автор не упоминает. Автор сожалеет об исчезновении старого обычая пользоваться одним языком, причем отдает предпочтение перед остальными языками французскому как «одному из самых точных языков, когда-либо изобретенных человеческим умом» (стр. 132).

Глава о языке заканчивается словарем наиболее употребительных в дипломатическом языке выражений. Их всего 60. Русскому читателю было бы удобнее иметь перед собою словарь в порядке русского алфавита, русский словарь с внесением в него в соответственные места технических терминов, выраженных на латинском или французском языке.

Заканчивается книга указателем имен, которые в этом случае размещены в порядке русского алфавита.

Мы рассмотрели обе части книги Никольсона, как историческую часть, так и часть, посвященную характеристике современной дипломатии. О первой части мы уже высказали свое суждение. Что касается второй, то она, собственно, и составляет центр тяжести всей книги. Как положительную сторону этой работы надо отметить, что запас наблюдений автора над современным положением дипломатии обширен, и многие суждения его в этой области не лишены интереса и остроты. Характеристика типов европейской дипломатии, правда, несколько расплывчатая, свидетельствует все же о наблюдательности автора и хорошем знании современного положения дипломатии. Недостаток его — отсутствие сосредоточенности над определенной темой: часто он ведет свой рассказ, как ведет его конференсье, переходя от одной темы к другой, но, местами суждения его довольно метки. Редактор правильно указывает, что книга Никольсона, богатая конкретным материалом, написанная человеком, знающим дипломатию всесторонне, заслуживает того, чтобы с ней ознакомились наши читатели. Она может оказать хорошую помощь молодым дипломатам и всем, желающим ознакомиться с современной дипломатией и ее структурой.

Что касается перевода книги, то его надо признать в общем довольно удачным при чтении книги забываешь, что имеешь

дело с переводом. К сожалению, однако, это достигается нередко отступлениями от оригинала, причем в ряде случаев эти отступления не вызываются соображениями стиля. Имеются и неточности в передаче отдельных слов и выражений, пропуски и ненужные вставки.

Неточность в переводе слов: «deplored» — «возражал» (стр. 20), «heathen» — «варвары» (стр. 24), «givalgu» — «вражда».

Неточность в переводе отдельных выражений: «will be remembered» — «следует запомнить» (стр. 21), но в другом месте аналогичное выражение: «should be remembered» — передано верно: «нужно иметь в виду» (стр. 25).

Вставки: «typical in its realism» — «почти современным реализмом» (стр. 33), «masters of the rolls» — «мастеров свитков, или хранителей судебных архивов» (стр. 25).

Пропуски слов: «transitory changes» — «изменения» (стр. 20), «killed and eaten» — «съедены» (стр. 21), «severely hampered» — «затруднены» (стр. 21), «later diplomatist» — «дипломата» (стр. 22); пропущены слова: «Sudan» (стр. 24), «of their allies» — созыв Спартой конференции ее союзников (стр. 22), «sixteenth and seventeenth centuries» — XVI век (стр. 27); на стр. 38, в последнем абзаце, в конце первого предложения, пропущены слова: «from the chaos of the dark ages and the feudal system into the calmer waters of the middle ages».

Остается еще сказать два слова о труде редактора А. А. Трояновского. Ему принадлежат предисловие к книге, примечания к отдельным главам и подробный, на 13 страницах, указатель-план.

В предисловии дана в общем верная характеристика книги Никольсона, как сообщаящей «интересный материал, помогающий понять важность дипломатической деятельности для интересов государства». А. А. Трояновский, пожалуй, переоценивает данный автором «исторический обзор форм и методов дипломатии». Начиная со-

держание этого исторического обзора, он дополняет его новым материалом, но, к сожалению, на средние века, обойденные автором, и редактор не обратил должного внимания.

В примечаниях к отдельным главам даны пояснения географических, мифологических и исторических имен, а также некоторых фактов из новейшей истории дипломатии. Широким массам они облегчают понимание содержания книги, хотя, казалось бы, относительно некоторых слов можно было бы предположить осведомленность читателя, как например относительно слов: «Зевс», «Аполлон», «Римская империя», «Византия», «Каролинги», «Лига наций», «Далмация», «оракум». Два старейших университета — Оксфордский и Кембриджский — названы «аристократическими» (стр. 128); это едва ли верно для настоящего времени. О городе Ралузе сказано, что он ныне называется Дубровник. Это название ему было всегда присуще: сербы издавна называли его этим именем.

Обстоятельный «Указатель имен», приложенный к книге, стоил редактору немало труда, и русский читатель будет ему, несомненно, благодарен. «Указатель» включает только имена исторических деятелей, так как имена географические и мифологические разъясняются, как уже было сказано, в примечаниях к отдельным главам. О каждом историческом деятеле даны краткие биографические и иные сведения с указанием точных хронологических данных. Сведения эти в общем верны. Можно указать только на один большой промах: о Гуго Гроции сказано, что «он впервые выдвинул принцип деления войн на «справедливые» и «несправедливые» (стр. 144), между тем как Гуго Гроций заимствовал это у средневековых канонистов, выдвинувших эту доктрину за несколько веков до Гроция. Венгерское имя «Szilassy» следует читать не «Силасси», а «Сивасси» (стр. 151).

В. Грабарь

## РЕЦЕНЗИИ

### ИСТОРИЯ СССР

ГЕНКИНА Э. «Борьба за Царицын в 1918 году». М. 1940.

МЕЛИКОВ В. «Героическая оборона Царицына» (1918 г.). 2-е исправленное и дополненное изд. М. 1940.

«Сталин в Царицыне». Сталинград. 1940.

«К. Е. Ворошилов на царицынском фронте». Сталинград. 1941.

«Воспоминания участников обороны Царицына». Сталинград. 1940.

Борьба за Царицын в 1918 г.— это замечательная страница в истории борьбы нашего народа против иностранных интервентов и белогвардейцев. Она не сразу привлекла к себе внимание советских историков. Впервые современное поколение советских читателей познакомилось с историей борьбы за Царицын в конце 1929 г., когда появилась работа тов. Ворошилова «Сталин и Красная Армия». В ней дан сжатый, но исключительный по силе и богатству содержания очерк истории царицынской эпопеи. Вскоре начали публиковаться исторические документы этой эпопеи в «Правде» и в XVIII Ленинском сборнике. Начиная с 1935 г. ряд статей Э. Генкиной на эту тему появляется на страницах исторических журналов.

В настоящее время мы имеем две большие монографии, посвященные героической борьбе за Царицын: Э. Генкиной «Борьба за Царицын в 1918 году» и В. Меликова «Героическая оборона Царицына». Первая— это историческое исследование, написанное в плане гражданской истории нашей родины. Работа тов. Меликова—военно-научное исследование. Она дает анализ героической обороны Царицына в связи с историей развития военного искусства страны социализма, дает возможность советскому читателю изучить этот классический образец ленинско-сталинской стратегии.

Задача, стоявшая перед каждым исследователем, определяла и структуру его научных трудов. Тов. Генкина берет за

исходный пункт анализ обстановки в стране в 1918 г., чтобы показать Царицын как центр удара, как один из решающих участков борьбы между революцией и контрреволюцией в этот момент. Развитию этой темы посвящены введение и первые три главы («Царицын в начале гражданской войны», «Обстановка в стране в мае—июне 1918 г. и приезд товарища Сталина в Царицын», «Борьба за хлеб»).

Во введении тов. Генкина на основе сталинских высказываний о значении Царицына как центра удара сил контрреволюции отмечает три главные задачи, которые ставились нашей партией и разрешались под руководством товарища Сталина в Царицыне в период борьбы с красновщиной: не дать соединиться на линии Волги силам южной и восточной контрреволюции и ликвидировать донскую контрреволюцию, спасти страну от голода, оказать помощь народам Северного Кавказа в их борьбе против интервентов и белогвардейцев. «Все эти три задачи,— пишет автор,— решались как одна, ибо нельзя было решить продовольственного вопроса, не добившись разгрома врага на фронте, а решение последней задачи, в свою очередь, неразрывно было связано с необходимостью создания единого фронта наступления армий Царицынского и Северокавказского фронтов» (стр. 9).

Уже эти первые главы определяют характер всего труда тов. Генкиной, показывают одно из основных его достоинств— изучение исторического события как одного из звеньев в общей цепи великой борьбы между силами революции и контрреволюции. Работа тов. Генкиной дает возможность понять всю сложность и трудность строительства социалистического государства, освещает такие основные проблемы истории его, как создание регулярной Красной Армии и борьба за социалистический централизм, против местнических тенденций. Она показывает, как вооруженная борьба с открытыми врагами советской власти сочеталась с разоблачением и разгромом законспирированной вражеской агентуры.

Следующие три главы (IV, V, VI) да-

ют картину подготовки к обороне Царицына, формирования его вооруженных сил и разгрома первого и второго окружения Царицына. Автор показывает, как товарищ Сталин в короткое время преодолел царившие среди руководителей Царицына местные тенденции, их благодушие и беспечность, позволявшие врагам безнаказанно вести свою подрывную работу, как под руководством товарища Сталина город превращался в военный лагерь и мобилизовались трудящиеся для отпора врагу. Армия царицынского фронта (позднее X армия) была создана здесь, в Царицыне, под руководством товарищей Сталина и Ворошилова. Глубоко правильно замечание тов. Генкиной, что «пример формирования красных вооруженных сил под Царицыном ярко подтверждает, что наша гражданская война была отечественной, народной войной в полном смысле этого слова» (стр. 13).

Сила защитников Царицына, как и всей Красной Армии, была в их кровной связи с народом. Это была армия, созданная народом, сражающаяся за его интересы. Автор показывает, как в Царицын стекались отряды революционных казаков Донской области и рабочих Ростова. «Царицынские пролетарии и донецкие шахтеры, — пишет автор, — московские, киевские, харьковские, ростовские красновардейцы, революционное крестьянство и беднейшее казачество Дона, Кубани, Северного Кавказа под руководством Сталина и Ворошилова выросли в грозную боевую силу, в героическую X армию, покрывшую славою свои боевые знамена» (стр. 13).

В одной из последующих глав тов. Генкина дает интересные данные о численности войск царицынского фронта (см. стр. 103). Без помощи советского правительства и Центрального Комитета партии не мыслима была бы защита этого форпоста революции. «На помощь городу, где решалась судьба Советской республики, — пишет Э. Генкина, — пришла вся страна, пришла большевистская партия, послав своего лучшего сына, своего вождя — товарища Сталина организовывать победу над врагом» (стр. 14).

Особенно ценным в главах, посвященных разгромам первого и второго окружения, является анализ расстановки сил врагов Советской России, а также анализ всей обстановки (в том числе и международной) в этот момент. Уже в вводной главе автор показывает, как менялось значение царицынского плацдарма в зависимости от расстановки сил революции и контрреволюции. Она объясняет, почему в 1919 г., во время второго похода Антанты, Царицын не имел уже того значения, которое он имел в 1918 г., в связи с чем

Красная Армия должна была осенью 1919 г. перенести свой основной удар из района Царицына в район Донецкого бассейна. «Силы контрреволюции в 1918 и 1919 гг. группировались неодинаково, и в связи с этим неизбежно менялось направление главного удара боевых сил Красной Армии» (стр. 7).

К моменту второго окружения Царицына Краснов стал готовить «смену вех». Он начал «подыскивать себе новую опору, способную заменить кайзеровские войска, к тому времени уже переставшие быть реальной силой» (стр. 188).

Автор объясняет, почему белоказаки дрались во время второго окружения не менее ожесточенно, хотя в октябре 1918 г. положение Краснова пошатнулось: «Это была борьба не на жизнь, а на смерть, последнее судорожное и потому исключительное ожесточенное, почти отчаянное нападение. Все, что осталось у Краснова, было брошено в бой» (стр. 190).

Э. Генкина сумела показать всю силу сталинского предвидения, умение разгадать планы противника и разрушить их своевременным нанесением удара в решающем направлении. Она приводит текст телеграммы Сталина, посланной с пути, по дороге в Москву, 6 октября, в которой он пишет:

«После некоторого размышления на досуге, для меня стало очевидным, что казаки намерены во что бы то ни стало соединиться с астраханскими казаками, прервать Волгу, если даже Царицын не будет взят, то отрезать совершенно Северокавказскую армию от центра снабжения, взять Астрахань, закрепить за собой северный Каспий и Северный Кавказ. Поэтому наша основная очередная задача во что бы то ни стало закрепить за собою линию: Сарепта, Барманцак, Садовое, Обильная, Киселева, без выполнения этой задачи положение будет угрожающее. Через час выезжаю в Москву. Сталин»<sup>1</sup>.

Уже через несколько дней предвидение товарища Сталина о дальнейших намерениях противника подтвердилось полностью (стр. 195—196).

Заслугой Э. Генкиной является то, что она сумела извлечь из архивов ряд ценнейших сталинских документов, ставших теперь достоянием всех изучающих историю нашей страны. Достоинством рецензируемой работы является также ее высокий идейный уровень и четкий, ясный, доходчивый язык.

Э. Генкиной удалось показать драматизм

<sup>1</sup> Цитированная выше телеграмма товарища Сталина на стр. 195 датируется 6 октября, а на стр. 197 — 5 октября.

положения, предельное напряжение сил в критический момент первого и второго окружения. Надо, однако, сказать, что автор недостаточно широко использовал воспоминания участников царщынской эпохи, отчасти их письма в царщынских газетах. Это позволило бы более разносторонне осветить сталинское руководство борьбой за Царицын и более ярко показать мужество и преданность революции защитников города.



В. Меликов в своем труде поставил задачу разработки ценнейшего материала о военных операциях под Царицыном в 1918 г. с точки зрения развития военного искусства страны социализма, причем он «стремился осветить главным образом организацию управления и командования» (стр. 3). Не меньший интерес представляет работа тов. Меликова для изучения истории создания вооруженных сил социалистического государства. Она дает пред- историю и первые страницы славной истории X Красной армии. Первая и вторая части книги тов. Меликова рисуют героическую борьбу горняков и металлистов Донбасса, предводительствуемых тов. Ворошиловым, сначала с кайзеровской армией, а затем с белоказацкими бандами.

Автор не ограничивается разбором операций ворошиловских отрядов в боях с кайзеровскими войсками у станции Сватово, Родаково, в районе Луганска и, наконец, за пределами родной Украины, у станции Миллерово и Лихая. Он показывает, как росла в этих боях с превосходными силами противника молодая Красная Армия, как выковывались кадры ее командиров, пролетарских полководцев. Так, мы узнаем, что в первых мартовских боях в районе Копотона в ворошиловских отрядах начальником артиллерии был бывший фейерверкер, который сам наводил трехдюймовку, а «из штабного начальства старшим по званию оказался ефрейтор. Ни оперативного плана, ни письменных распоряжений, ни телефонов не было и в помине. — все заменяли импровизация и революционная отвага пролетарской массы. Но для победы над регулярными германскими войсками одного героизма было мало. Боевая обстановка с каждым часом решительно требовала иметь и оперативные планы, и письменные, и устные распоряжения, и телефоны и т. д.» (стр. 24).

Автор сумел показать, как в боях с первоклассной германской армией из небольших рабочих отрядов, созданных в те дни, когда у нас, по выражению Ленина, «царил хаос и энтузиазм»<sup>1</sup>, выковывалась регулярная Красная Армия, разгромившая

войска могущественной державы мира и подчиненные им, вымуштрованные, иногда сплошь офицерские полки русских белогвардейцев. У советских отрядов, сражавшихся в первые месяцы 1918 г. на Украине против кайзеровских войск, был ряд преимуществ перед могущественным противником. Главным преимуществом в этой борьбе явилось руководство большевистской партии, которая, опираясь на сознательность и героизм красноармейцев и красновардейцев, обеспечила успех.

Один из лучших сынов партии, К. Е. Ворошилов, волею революции превратившийся из парработника в полководца, воспитывал бойцов и командиров, учил их искусству побеждать. В. Меликов передает незабываемую картину совещания командиров красновардейских отрядов Украины и Донбасса на станции Родаково в конце апреля 1918 года. Отряды были обессилены, измотаны непрерывными боями. Кругом шарила «отрядная неразбериха». Замаскированные враги, анархизирующие белогвардейцы пытались посеять дезорганизацию, сорвать мероприятия по укреплению дисциплины. К западу и югу от Родаково не прекращалась артиллерийская канонада... германские самолеты... сбрасывали бомбы над станцией, где шло совещание (стр. 37, 38). И в этой обстановке тов. Ворошилов, развивая перед командирами план строительства вооруженных сил революции на юге России, учил их по-марксистски оценивать обстановку, видеть свои сильные и слабые стороны. Он призывал «учиться у опытного врага» (стр. 37). Он доказывал, что «без твердой организации не может быть победы» (стр. 38). В последующих главах показано, как под руководством товарищей Сталина и Ворошилова была преодолена «отрядная неразбериха» и создана регулярная X армия, научившаяся бить своих вчерашних «учителей», послужившая образцом для всей Красной Армии. Тов. Меликов показывает также, как Сталин воспитывал таких замечательных полководцев страны социализма, как Ворошилов, Тимошенко, Буденный.

Третья и четвертая части книги дают анализ операции против белоказачков на царщынском фронте. В них приведены классические примеры военного искусства пролетарской революции. Тов. Меликов приводит ценные материалы, характеризующие стратегию и тактику ленинизма в вооруженной борьбе с силами старого мира и руководство обороной Царицына, осуществляемое организатором побед страны социализма, великим стратегом социалистической революции товарищем Сталиным.

Книга В. Меликова изобилует докумен-

<sup>1</sup> Ленин: Соч. Т. XXV, стр. 100.



талыным материалом. В тексте ее иногда полностью приводятся приказы, телеграммы и другие официальные материалы. Книгу нельзя читать без волнения. Скупым и точным языком научно проверенных фактов и исторических документов автор рассказывает, какие трудности надо было преодолеть защитникам Царицына, чтобы отстоять свой город-крепость и уничтожить посягнувшего на него врага. С армией, обильно снабженной снарядами и патронами, бойцам царицынского фронта приходилось вести борьбу, экономя каждый снаряд, каждый патрон, нередко отражая наседающего врага в рукопашной схватке штыком и саблей. Были моменты, когда недостаток снарядов и патронов мог привести к катастрофе. Предатель Троцкий и его присные пытались саботажем боевого снабжения Царицына взорвать этот форпост Советской России. Документы и цифры, приведенные В. Меликовым, красноречиво говорят о вопиющих фактах подлой работы троцкистов и прочих врагов народа, пытавшихся обескровить царицынский фронт. Автор певчо пишет об издевательствах ставленников Троцкого над защитниками Царицына.

В. Меликов рассказывает о том, как товарищу Сталину приходилось преодолевать трудности, связанные с преступными проявлениями местного сепаратизма. Во время первого окружения Царицына, когда враг был уже на подступах к городу, командиры отрядов сальской группы Шеркоплясов и Думенко (впоследствии разоблаченные как предатели) саботировали выполнение директивы Сталина и Ворошилова о немедленной переброске их отрядов на север, к Царицыну. Товарищ Сталин 12 августа вызвал к аппарату одного из командиров войск южного участка и велел ему передать тем, кто саботировал приказ Военного совета, что теперь «Царицын накануне падения и вся ответственность падет на Шеркоплясова и Думенко» (стр. 121). «Никакие колебания, — поворит товарищ Сталин, — недопустимы, колебания преступны; либо Вы спасете Царицын и тогда спасем весь Южный фронт, либо Вы останетесь глухи к требованиям момента и тогда неизбежно погибнет весь фронт. Торопитесь, не запаздывайте, ибо запоздать, значит все проиграть» (стр. 121). Предатели не оказали своевременной помощи Царицыну. Об одном из них, отряд которого был сформирован в Куберле, товарищ Сталин сказал, что он «жалкий Куберле ставит выше России».

В. Меликов показывает, как товарищ Сталин и его соратники организовали отпор белезевцам. Приведем приказ Военно-

го совета 18 августа о создании четырех участков на последней оборонительной линии царицынского фронта, автор пишет: «Этот приказ как бы ставил рубеж, дальше которого отступать нельзя было ни на шаг. Так и поняли красное командование и войска этот краткий, но полный грозного смысла приказ товарищей Сталина и Ворошилова» (стр. 129—130).

Когда враг был отогнан от Царицына, бойцы, защищавшие его, узнали о гнусном покушении на жизнь любимого Ильича. Еще яростней стали они гнать врага. Раненому вождю революции товарищ Сталин 7 сентября послал следующую телеграмму: «Наступление советских войск Царицынского района увенчалось успехом... Противник разбит наголову и отброшен за Дон. Положение Царицына прочное. Наступление продолжается. Нарком Сталин» (стр. 137).

Исследования тов. Меликова заканчиваются итоговой главой, показывающей историческое значение опыта боев за Царицын. В ней автор делает попытку поставить некоторые общие вопросы большевистской стратегии и тактики и дать характеристику сталинского руководства боями за Царицын. Он описывает, как на решающих оперативных направлениях товарищи Сталин и Ворошилов создали три крепких ударных маневренных кулака с прочной коммуникацией и базой, как Военный совет всегда сохранял за собой инициативу и пролил живую силу противника. «Сущность оперативно-стратегического искусства, — пишет автор, — благодаря которому Царицын выдержал бешеный натпор и громил более сильного врага, заключалась в том, что руководство обороной Царицына с исключительной целеустремленностью, невзирая ни на какие препятствия, блестяще маневрируя войсками, твердо и неуклонно вело красных бойцов к раз поставленной цели» (стр. 243).

Выводы автора нельзя признать исчерпывающими, всесторонне обобщающими опыт боев за Царицын. Так, он не подчеркнул активный характер обороны Царицына, наступательный характер военного искусства пролетарской революции, его военной доктрины. Недостатком книги является также и то, что в ней читателю трудно уловить момент перелома в ходе борьбы с первым окружением Царицына, а в решающих боях 17 октября недостаточно ярко показано значение мощного контрудара артиллерийского «кулака», созданного тов. Куликом в одну ночь по директиве товарища Сталина.

В обеих рецензируемых монографиях далеко не полностью изучен богатейший опыт политической работы в Красной Ар-

мии партизанского фронта, слабо показана сталинское руководство ею. Мало уделяют внимания оба исследователя освещению тыла партизанского фронта, показу роли партизанских рабочих.

Товарищ Сталин, анализируя причины успехов Красной Армии в боях за Парицын, в своей беседе с корреспондентом «Правды» 30 августа 1918 г. указал на крупную роль «знающих и умелых администраторов, главным образом, из передовых рабочих, добросовестно и неустанно работающих по мобилизации и снабжению» («Сталин в Парицыне», стр. 5), но этот момент не нашел достаточного освещения в рецензируемых монографиях.



Наличие двух серьезных научных исследований о партизанской эпопее не снимает задачи дальнейшей разработки богатейшего опыта боев за Парицын. Следует приветствовать выпуск Сталинградским областным книгоиздательством в 1941 г. двух сборников документов: «Сталин в Парицыне» и «К. Е. Ворошилов на партизанском фронте» — и сборника воспоминаний<sup>1</sup>.

Большая часть документов, напечатанных в сборнике «Сталин в Парицыне», хранится в Музее обороны Парицына имени Сталина. Среди них имеется подписанный товарищем Сталиным мандат тов. Пархоменко, командированного в Москву для «получения вооружения, снаряжения и прочего имущества для нужд армии Северо-Кавказского Округа» (стр. 39). Тут же помещена записка товарища Сталина В. И. Ленину, написанная одновременно с мандатом тов. Пархоменко. Она начинается словами: «Горячий привет любимому старшему товарищу Ленину. Очень прошу в срочном порядке удовлетворить наше требование о вооружении...» (там же). Эти документы были написаны 7 августа, когда враг подступал к Парицыну, а Троцкий старался сорвать снабжение бойцов партизанского фронта.

Ряд документов показывает, как заботился товарищ Сталин об ускорении оборудования броневых поездов и броневых автомобилей, какое внимание он уделял реорганизации дела снабжения, передачи его в руки проверенных товарищей из рабочих.

Следует отметить некоторые недостатки в подаче документов. Составители сборника не дают дат документов даже в тех случаях, когда они установлены исследо-

вателями. Так, на стр. 18 две первые телеграммы товарища Сталина даны без дат. Между тем Э. Генкиной установлено, что первая послана 4 июня со станции Грязи, вторая — 7 июня. Отсутствие дат требует особенной тщательности в определении последовательности документов. Составители сборника нарушают ее, когда помещают в разных местах (на стр. 31 и 34) две взаимно связанные телеграммы (Ленина и Сталина), обмен телеграммами в течение одного дня — 24 июля 1918 года<sup>2</sup>. В некоторых случаях к документам следовало дать примечание от редакции, поясняющее их происхождение, характер (например на стр. 22, 23 читателю непонятны пометка «Камышин на обход» и адресат телеграммы).

Интересен и другой сборник документов — «К. Е. Ворошилов на партизанском фронте». Среди документов немало вновь публикуемых, извлеченных из архивов Сталинграда (фонды партизанского губвоенкомата, Музея обороны Парицына, Сталинградского областного архива). Интересен до сих пор не публиковавшийся документ периода второго окружения Парицына (2 октября 1918 г.), адресованный Военным революционным советом южного фронта в Москву, в Реввоенсовет республики (копия Ленину, Свердлову и главкому), по вопросу о саботаже снабжения партизанского фронта боеприпасами.

«Если не считаете нужным, — обращаются товарищи Сталин и Ворошилов к предателю Троцкому, — удержать за собою юг, скажите это прямо (ибо неопределенность положения может погубить войска южного фронта, особенно партизанско-северо-кавказские). Имейте в виду, что положение под Парицыном становится все более серьезным» (стр. 62).

Товарищи Сталин и Ворошилов требуют «точных и безоговорочных» ответов на поставленные ими вопросы, которые звучат как слова обвинительного акта, обличающего тех, кто, трусливо скрывая свои намерения, помогал врагу.

Ряд документов этого сборника, как и остальных двух, выпущенных сталинградским издательством, ярко рисует роль товарищей Сталина и Ворошилова как партийных руководителей. Интересны факсимиле тов. Ворошилова на бланке РВСР X армии по поводу газеты «Борьба» (см. стр. 46, 47) и приказ 29 ноября 1918 г., параграф первый которого гласит:

«Ввиду того, что несмотря на неоднократные приказы, распоряжения о выселении буржуазии из собственных домов на

<sup>2</sup> Одна из них, на стр. 192, 193 XVIII Ленинского сборника, редакцией ошибочно датирована 24 марта (вместо 24 июля).

<sup>1</sup> Приходится лишь выразить сожаление, что они оформлены типографски недостаточно хорошо, а местами недопустимо неряшливо. Слепо напечатанные иллюстрации только портят эти книги.

окраины города, в те домишки, в которых целые десятки лет гнили рабочие, такое производится недостаточно энергично. Реввоенсовет 10 армии приказывает Центральному Жилищному Отделу в самый кратчайший срок переселить всех буржуа на Дар-Гору и друг. окраины города, предоставив освободившиеся помещения рабочим и беднейшему населению. Командарм 10 А. Ворошилов» (стр. 90—91).

В сборнике «Воспоминания участников обороны Царицына» читатели найдут статьи гг. Ворошилова, Буденного, Булика, Годовикова, Шадево и других. Трудно переоценить воспитательное значение этого сборника. Приходится выразить сожаление, что он недоступен для массового читателя всей страны (место издания — Сталинград, тираж — 7 тыс. экз.).

В сборнике много ярких описаний, замечательных эпизодов гражданской войны. Он показывает, как создавались боевые традиции нашей Красной Армии, закомит с замечательной юностью Красной колоницы, выросшей позднее в Первую Конную армию. Историк-исследователю сборник поможет глубже и разностороннее понять сложный процесс перехода от «отрядной неразберихи» к созданию регулярной Красной Армии, даст ценный дополнительный материал, рисующий героическую оборону Царицына, сталинское руководство ею. Маршал Советского Союза Г. И. Булик, бывший в те дни начальником артиллерии X армии, приводит в своих воспоминаниях интересные данные о том, как был организован контрудар на центральном участке царицынского фронта 17 октября, когда Царицын был на волосок от гибели. В конце дня 16 октября тов. Булик получил личное распоряжение товарища Сталина сосредоточить всю артиллерию в районе Садовая—Воропаново. В полночь того же дня тов. Булик, докладывая товарищам Сталину и Ворошилову о ходе выполнения директивы, упоминает, что несколько артиллерийских дивизионов было оставлено на флангах:

«Ближе фланги, — переспросил Сталин, — и лицо его стало строже. — Гумрак, Сарелта.. Либо в приказе неясно написано, либо вы нас не поняли. Реввоенсовет предлагает вам сосредоточить на центральном участке всю артиллерию и боеприпасы. Все, что можно собрать за ночь, до слышной пушки».

Я ответил не сразу. Это был огромный риск, пожалуй, самая смелая ставка за все время царицынской обороны. Я стал говорить об опасности такого положения, когда почти вся артиллерия будет сосредоточена в одном месте...

«Не бояться, — перебил меня Сталин. —

Мы должны пойти на этот риск, чтобы отразить большую опасность, которая иначе может стать неминуемой» (стр. 26, 27).

И дальше товарищ Сталин дал замечательный анализ расстановки сил противника, показал его намерения, раскрыл его планы.

Обе рецензируемые монографии обошли этот важный эпизод. Они много потеряли от того, что их авторы не смогли использовать в достаточной мере интересные воспоминания участников царицынской эпопеи.

Рецензируемые книги относятся к немногочисленным исследованиям и публикациям по истории гражданской войны. К сожалению, еще мало сделано для изучения ценнейшего опыта вооруженной борьбы Советской страны с белогвардейцами и интервентами. Необходимо двинуть вперед это дело, ликвидировать отставание историков, работающих на этом участке научного фронта.

Д. Баевский

«Коммунистический Интернационал» № 6—7 за 1941 год. Изд. «Правда». Москва.

Очередной (6—7) номер журнала «Коммунистический Интернационал» содержит исключительно интересный материал, который с предельной полнотой и ясностью вскрывает варварскую политику гитлеровской банды в захваченных странах и одновременно показывает силу и характер борьбы широких народных масс с германскими фашистами в оккупированных странах.

Редакция журнала в начале номера поместила текст выступления по радио Председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина 3 июля 1941 года.

В статье «В победе Красной Армии — спасение германского народа» автор Вильгельм Пик описывает положение германского народа, попавшего в тиски жесточайшего фашистского террора и вынужденного в тылу и на фронте «огромными жертвами, кровью и нищетой расплачиваться за безумные, авантюристские, грабительские походы своих фашистских господ» (стр. 17).

Ныне Гитлер и его клика бросили миллионы германских солдат на Советскую Россию, гонят их на верную смерть, а весь немецкий народ толкают в бездну ужасной нищеты и рабства.

Трехлетняя грабительская война наглядно показала немецкому народу, «что захват и порабощение чужих стран и чужих народов не улучшали, а ухудшали его положение» (стр. 19).

Несмотря на достигнутые «победы» фашистской Германии, положение германского народа становится все более тяжелым. Порабощенные фашизмом народы окку-

пированных стран воочию убедились, что их национальное и человеческое достоинство, самостоятельное существование и дальнейшее развитие зависят от разгрома германского фашизма. Вильгельм Пик подчеркивает, что для германского народа путь избавления от гитлеровского режима — насилия, разбоя и грабежа — только в союзе с Советской Россией, ее Красной Армией, разоблачившей лживую легенду о «непобедимости» фашистской армии, в союзе с английским, американским и всеми свободолюбивыми народами.

М. Эрколи в прекрасной статье «Италия в тисках фашизма», анализируя основные моменты истории итальянского фашизма, убедительно показывает, как Муссолини и его банда путем открытого террора, насилия и массовых убийств захватили власть в стране, уничтожили все конституционные гарантии и даже элементарные демократические свободы.

Сделавшись руководителями государства, Муссолини и его приближенные вместе с кучкой банкиров, плутократов, помещиков ограбили итальянский народ и обеспечили себе «неограниченную свободу располагать для своих частных предприятий казной государства и капиталом сберегательных касс» (стр. 25—26). Муссолини, в прошлом нищий, как церковная мышь, очутившись во главе государства, «стал благодаря своим связям с семейством Чиано одним из крупнейших капиталистов страны» (стр. 26). Состояние семьи Муссолини—Чиано ныне достигло миллиарда лир.

Внешняя политика Муссолини на протяжении всех восемнадцати лет фашистского режима в Италии представляет собой сплошную цепь военных авантур, в результате которых «страна выдана на произвол хамского чужеземного, германского господства, третирующего Италию как раба, как вассала» (стр. 25).

Автор показывает, что вступление Муссолини в войну против Франции и Англии еще больше убедило итальянский народ, что политика фашизма несет ему новые тяжелые лишения и тяготы.

Ныне, когда фашистская Италия Муссолини, попираемая сапогом Гитлера, выступила по приказу последнего против Советской России, для итальянского народа один выход: «Для спасения жизни и будущего страны надо освободить Италию от этого режима и от этих людей... Пришел час за все отомстить, обо всем напомнить, за все потребовать ответа!» (стр. 30, 32).

Т. Антикайнен в статье «Финский народ против войны с СССР» указывает, что финские приспешники Гитлера — Маннергеймы, Таннеры и Рюти, — связав судьбу Финляндии с судьбой фашистской Германии, своей авантюрной политикой привели страну на край хозяйственной катастрофы. На основе конкретных фактов автор показывает «мрачные перспективы экономической жизни страны». Государственный долг Финляндии с 1938 по 1941 г. включительно увеличился в 6 раз и достиг огромнейшей суммы — 18 500 млн.

марок — и к концу текущего года составит 35 млн. марок. А финские правители «отдали страну германским хищникам, которые вырывают теперь у финнов последний голодный паек» (стр. 34).

Нарастающие в стране возмущение и недовольство политикой правящей верхушки, рост оппозиции внутри социал-демократии служат наглядным доказательством того, что народ Финляндии не хочет войны с СССР.

Трудящиеся массы Финляндии все больше и больше убеждаются, что захватнические планы финляндских фашистов есть не что иное, как «прямое преступление против жизненных интересов финского народа, все больше отдающего себе отчет в необходимости мира и дружбы со своим великим восточным соседом» (стр. 36).

Далее автор подчеркивает, что после заключения в марте 1940 г. мира с Советской Россией маннергеймовская клика, видя усиливающееся движение симпатии к Советскому Союзу, путем открытого террора поспешила разгромить организацию «Общество мира и дружбы с СССР». Участвовавшие переходы финских солдат на сторону Красной Армии свидетельствуют о том, что финский народ уже начинает понимать, что Советская Россия, давшая Финляндии ее независимость, уважающая и уважающая ее национальное достоинство и честь, — его друг, а германские фашисты — лютой и смертельный враг всех народов, в том числе и несчастного финского народа» (стр. 38).

Анна Паукер в статье «За свободу румынского народа» рассказывает о гитлеровском режиме в оккупированной Румынии, об ограблении германскими фашистами румынского народа, о растущей нищете и надвигающемся в стране голоде. «Глубоко ненавидит, — пишет А. Паукер, — румынский народ гитлеровское чудовище. Никогда не простит он ему расправы над Трансильванией... Когда грянул этот удар со стороны тех, кто цинично именовал себя «друзьями» Румынии, волна возмущения прокатилась по всей стране» (стр. 39). Протестуя против передачи Венгрии части Трансильвании, румынские народные массы наряду с этим открыто приветствовали освобождение Красной Армией Бессарабии и Северной Буковины.

Убедительными фактами показывая растущую ненависть народных масс Румынии, рост их активности в борьбе с фашистскими оккупантами, автор указывает, что румыны, действительно любящие свою несчастную родину, говорят: «Только Советская Россия поможет нам освободиться от Гитлера, только она может покончить с этим извергом» (стр. 40).

Автор пишет, что в связи с систематическим недоеданием, особенно в деревне, ограбленной немцами, широко распространилась пеллагра — бич всех бедняков. В Румынии, как и во всех других странах, захваченных Гитлером, проводится политика истребления евреев, которых в Бухаресте, в частности, убивали на бойню

как скот. Гитлеровские палачи рассчитывают этим отвести народный гнев от фашизма.

Вспыхивающие в стране восстания, массовое дезертирство из армии говорят о том, что румынский народ, доведенный до отчаяния разбойничьей политикой Гитлера—Антонеску, пытается вступить в открытую борьбу с фашизмом.

М. Ракоши в небольшой статье «Венгрия — вассал германского фашизма» отмечает, что правящая венгерская верхушка в лице кучки магнатов, боясь справедливых требований миллионов голодных и безземельных крестьян, продалась германским фашистам, надеясь обеспечить этим свое господство над народом. Путем этой сделки гитлеровцы получили опору внутри страны.

Проводя политику «разделяй и властвуй», преднамеренно сталкивая Венгрию со Словакией путем проведения заведомо неприемлемой для обеих стран границы, Румынию с Венгрией — путем раздела Трансильвании, гитлеровцы поставили правящую верхушку Венгрии в полную зависимость от Германии, а «когда началось вероломное, подлое нападение Гитлера на Советский Союз, Венгрия по приказу Гитлера объявила СССР войну» (стр. 46). Но венгерский народ скоро понял, что его принесли в жертву интересам фашистской клики. Акты саботажа на заводах, фабриках, железных дорогах, взрывы складов боеприпасов — лишь начало включения венгерского народа в единый фронт против фашизма.

В статье «Борьба чешского народа против гитлеровского рабства» К. Готвальд, подчеркивая многовековую борьбу чехов за свою независимость, указывает, что уничтожение в 1939 г. Гитлером Чехословацкой республики вновь подняло чешский народ на «борьбу за свое национальное существование, борьбу не на жизнь, а на смерть» (стр. 49). Эта борьба приняла еще более решительный и твердый характер с того момента, «когда архипреступник Гитлер коварно напал на братские народы великого Советского Союза и когда эти народы, как один человек, поднялись на защиту своей родины, своей чести и своей свободы» (стр. 49).

Заключенное 18 июля 1941 г. в Лондоне соглашение между Советской Россией и Чехословакией предоставило народам Чехословакии широкие возможности для вооруженной борьбы плечом к плечу с могущественной Красной Армией, и это является залогом широкого сотрудничества свободлюбивых народов в борьбе с германским фашизмом.

Богатый материал, характеризующий грабительскую политику германского фашизма в оккупированных странах, приводит в своей статье тов. Варга. Яркими и разнообразными фактами он иллюстрирует экономическое ограбление этих стран германскими варварами. Германские захват-

чики забирают продовольствие, промышленные товары, сырье, машины и т. д. Путем обложения захваченных стран «оккупационными издержками», путем «безналичного» расчета они обирают народную казну этих стран; путем расчета кассовыми квитанциями, реквизицией, конфискацией, штрафами и т. д. — грабят население.

Наряду с этим фашисты «изобрели» ряд способов ограбления оккупированных стран — при помощи «проникновения» германского капитала в промышленные предприятия, банки, страховые общества этих стран и т. д. С этой целью «по требованию оккупационных властей сумма акционерного капитала резко снижается, например со 150 до 15 миллионов. Затем тут же выносится постановление снова увеличить акционерный капитал, скажем, до 30 миллионов. Новые акции на 15 млн. передаются германским капиталистам по номинальной цене. Экономический результат этой операции выражается в том, что половина имущества данного акционерного общества, стоящая 75 млн., попадает в руки германской группы капиталистов за 15 миллионов» (стр. 55). После этого не составляет большого труда «обеспечить» руководство предприятием за германскими капиталистами.

Очень интересный материал содержится в разделе «Политические заметки». В заметке «Главарь фашистской банды» дан исключительно яркий морально-политический «портрет» бандита Гитлера. Все биографии известных в мире уголовных убийц блекнут перед биографией этого обер-бандита. На основе фактического материала автор показывает, как Гитлер расправлялся с каждым, кто в той или иной степени был им уже использован или мог умалить его роль и значение. «Гитлер нарушал каждое свое обещание, каждую клятву, каждый договор. Вся его жизнь — ложь, обман, предательство... Всегда он считал мошенничество мировым принципом» (стр. 86). Этот людоед XX в. после подлого нападения на Советский Союз вызвал к себе всеобщее презрение и ненависть всех свободлюбивых народов, выступивших на борьбу с фашизмом. «Уничтожение Гитлера, — подчеркивает автор, — будет спасением для Германии... для народов всего мира» (стр. 89).

В заметках «Народы всего мира поддерживают отечественную войну советского народа», «Весь мир отвечает на призыв великого Сталина» и «Народы всего цивилизованного мира приветствуют соглашение между СССР и Великобританией» содержится чрезвычайно богатый материал, всесторонне освещающий многомиллионное движение народов всех стран в защиту Советской России, вызванное разбойничьим нападением на нее гитлеровских полчищ.

М. О.



Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина. Записки отдела рукописей. Вып. 7-й. Французская буржуазная революция 1789—1794 годов. Редакция Н. Л. Мещерякова. М. 1941. Соц.-экиз. 104 стр. 5 р. 50 к.

Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина дала в рассматриваемом выпуске «Записок отдела рукописей» публикацию ряда хранящихся в библиотеке документов, освещающих подготовительные этапы и ход событий Великой буржуазной революции конца XVIII в. во Франции. Как отмечается в самой публикации (стр. 8, 35), сборник воспроизводит лишь документы более важные и интересные, меньшую часть всего того, чем располагает отдел рукописей библиотеки, но и то, что напечатано, бесспорно, представляет определенную ценность.

Сборник содержит разнообразный материал: «Письма из Прованса 1772 — 1778 гг.», много документов из архива Голицыных — «Письма из Парижа 1789 г. (Оливье)» и «Письма из Парижа 1790—1792 гг. (Хокера)», — два небольших сообщения — «Песни французской революции» (Е. В. Козловой) и «Конституция III года революции (1795 г.) в русском переводе 1796 г.» (О. А. Старосельской-Никитиной), — перечень «новых приобретений» отдела рукописей Ленинской библиотеки за май — август 1939 г., наконец, именной и географический указатели к опубликованным документам и перечень иллюстраций сборника. Стоит отметить, что список новых поступлений в отдел рукописей не связан органически со всем остальным текстом сборника, так как почти все приобретения не имеют ни малейшего отношения к революции конца XVIII в. во Франции.

Первая из публикуемых групп документов — «Письма из Прованса» — представляет почти сплошь письма различных лиц, в большинстве так или иначе связанных с органами управления провинцией, к Буажелену, архиепископу Экскому, прелату, влиянием которого в высших парижских и версальских сферах часто стремятся воспользоваться его корреспонденты. Интересно в документах конкретное описание борьбы, развернувшейся вокруг эдиктов Тюрго о свободе хлебной торговли, в которой провинциальные должностные лица усмотрели посягательство на стародавние права и экономические интересы Прованса (стр. 19, 20, 21, 24); ярко выступают, в частности, опасение буржуа-собственников, что на Прованс возложены будут новые налоги (стр. 21), стремление буржуа — владельцев виноградников (проявляющееся на

другому поводу) — приумножить свои доходы за счет повышения продажной цены виноградных вин (стр. 16) и презрение буржуазии к бедноте (стр. 19). Публикуемые документы по истории дореволюционного Прованса дают не только картину его взаимоотношений с королевской администрацией и социальных антагонизмов, но и обрисовывают его экономическое положение. Приходится сказать, что совокупность их вовсе не оправдывает выдвигаемого во вступительной статье к документам утверждения, что «перед нами открывается уголок Франции, где сохранились с наибольшей полнотой особенности и своеобразия, тормозившие «победу нового общественного строя» (стр. 4).

В другом месте составители приводят ряд фактов, свидетельствующих о высоком уровне экономического развития Прованса (стр. 5, 6), и тем ослабляют значимость своего неточного утверждения.

Из мелких недочетов в этой части сборника укажем на неясность для широкого читателя употребляемого авторами вступительной статьи (стр. 6) термина «Конта» для обозначения области, окружавшей Авиньон: в русской транскрипции подобная передача названия «Comtat Venaissin» выглядит слишком уж необычно; нет пояснений относительно социального положения некоторых корреспондентов архиепископа Буажелена (Саже, де Нэн), и о нем приходится лишь догадываться; вряд ли правильно всюду применяемое начертание обращения к архиепископу: «монсеньор» вместо «монсеньер».

Переходя к опубликованным материалам архива Голицыных, отметим прежде всего ряд писем к княгине Н. П. Голицыной воспитателя ее сыновей Оливье, относящихся к различным месяцам 1789 года. В угоду княгине Оливье подсмеивается над поклонниками революции (стр. 37), резко отзывается о «низкой черни», играющей определенную роль в революции, обвиняет ее в злодействах (стр. 42, 50), но буржуазную революцию он приемлет и настойчиво подчеркивает, что она вовсе не должна рассматриваться как нарушение общественного спокойствия, что порядок и безопасность в Париже, вообще говоря, остаются непоколебленными (стр. 42, 44, 45, 46, 47, 48, 50). Опубликованные документы подтверждают давно вошедшие в научный оборот данные о «великом страхе» во Франции в августе 1789 г. (стр. 43, 45), о положении парижской промышленности осенью того же года (стр. 46), о темных, возможно, контрреволюционных, махинациях с вывозом в августе 1789 г. пороха из Парижа (стр. 45). В связи с публикацией разбираемых документов вновь выдвигает-



ся давно поставленный, но не получивший окончательного разрешения в научной литературе вопрос о закулисных интригах герцога Орлеанского против власти Людовика XVI, связанных, может быть, с его стремлением обеспечить власть для себя (стр. 48, 49). Некоторый материал дают наши документы также по вопросу о продовольственном снабжении Парижа осенью 1789 г.: Оливье склонен убеждать кн. Голицыну в том, что после переезда короля с семьей в начале октября 1789 г. из Версаля в Париж снабжение является избыточным и обеспеченным (стр. 47, 48, 50), но сам же приводит данные прямо обратного свойства (стр. 49, 52).

Наибольшую ценность представляют сообщения Оливье о контрреволюционных планах короля по отношению к Национальному собранию в период перед взятием Бастилии (стр. 44), о деталях действий принца Ламбек против толпы в Тюильри (там же), о контрреволюционных интригах среди крестьянства к началу осени 1789 г. (стр. 45), о резко враждебных революции выступлениях королевских гвардейцев на банкете, распространившиеся слухи о которых послужили для парижских плебейских масс одним из побуждений к походу на Версаль в дни 5—6 октября 1789 г., и об инициативе парижской национальной гвардии в самой организации похода. Общее важное научное значение сообщений не умаляется частичными неточностями, которые отмечены комментариями в данных Оливье.

Гораздо более колоритную фигуру, чем Оливье, представляет другой, позднейший осведомитель княжеской семьи Голицыных, по всем данным, Хокер (или, может быть, Хокель), вероятно, австрийский агент в Париже, хорошо информированный и снабжавший своей информацией — наверное, не бесплатно — не только собственное правительство, но и русские аристократические круги. Хокер — определенно контрреволюционная фигура; это явствует уже из разбросанных по многим местам его переписки злобных или иронических отзывов его о революции и ее деятелях, даже рядовых участниках. Уже в начале 1791 г. у него созрела идея интервенции во французские дела государств феодально-монархической Европы (стр. 61), и к этой же идее он возвращается, когда ему приходится перебраться из Парижа в более безопасный для него Турне, в Бельгии (стр. 85). Хокеру нельзя отказать в меткости суждений и иногда даже в известной политической проницательности: в начале апреля 1791 г. он верно предугадывает будущую оценку французским народом Мирабо (стр. 73); он сообщает новые для науки и интерес-

ные данные об отношении Лафайета к восстанию солдат в Нанси и о влиянии на движение в армии слухов о якобы уже осуществлявшейся иностранной интервенции, направленной на подавление революции, и происках французских контрреволюционеров (стр. 56). Не лишенный известной проницательности Хокер нередко обнаруживает крайнюю ограниченность реакционера и непонимание сложившейся во Франции политической обстановки: характерно, что имя Робеспьера не фигурирует в донесениях ни разу, едва известен, видимо, Хокеру и «какой-то Марат», написавший, по его сведениям, дерзкое письмо Людовику XVI (стр. 62).

Из мелких недочетов, связанных с публикацией материалов о революции, из архива кн. Голицыных, отметим неправильность в примечании к одному из донесений Хокера (стр. 87) упоминания о герцоге Шартрском, как «младшем брате короля»; это опровергается уже одним из публикуемых документов (стр. 64). Вряд ли безусловно обоснованным является делаемый комментаторами (стр. 90) на основании одного из документов (стр. 76) вывод, что право на восстание стало «лозунгом народных масс уже с апреля 1791 г.»: ведь еще знаменитая «Декларация прав человека и гражданина» знает право сопротивления угнетению как одно из неотъемлемых прав человека. Страшное впечатление производят перевод французского «софон» древнеримским термином «колон» вместо обычного «колонист» (стр. 80) и употребление выражения «подстрекания» (стр. 60) вместо «подстрекательства»; остается неясным социальное положение упоминаемого в одном из документов г-на де Вилекье (стр. 71).

Сравнительно мало научно нового дает сообщение о «Песнях французской революции», из которого мы узнаем о переходивших из уст в уста довольно существенных вариантах «*Ça ira*» и «Марсельезы». Более интересно сообщение о переводе уже в 1796 г. на русский язык «Французской конституции III года». Заманчива и подкреплена некоторыми доводами догадка О. А. Старосельской-Пятикиной, что «Конституция» была, возможно, переведена по личному заказу Екатерины II (стр. 94). Согласуется ли только с этим другое положение автора сообщения — что «представители аристократии в большинстве случаев могли удовлетворять свой интерес к такого рода актам... при помощи оригинала» (стр. 93)? Во всяком случае перед нами любопытное проявление интереса к одной из французских конституций конца XVIII в. в России, и перед исследователем встает задача — привлекая другие документы, которые могут быть в даль-

нейшем обнаружены, установить, для какого читателя предназначался перевод.

В общем нужно признать, что опубликованный сборник дает научно ценный материал, и можно только приветствовать в этом отношении начин Ленинской библиотеки.

С. Фрязинов

## ИСТОРИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

*SCHWARTZ MICHAEL. Die Slowakei. Der jungste Staat Europas. Leipzig. 1939. 156 S.*

**ШВАРЦ МИХАИЛ.** Словакия. Самое молодое государство Европы.

Первыми шагами в подготовке германским фашизмом плацдарма для наступления на Советский Союз был захват Австрии и Чехословакии. Проводя эти захваты, Гитлер сопровождал их той шумной и безудержной демагогией, которая свойственна всем начинаниям фашизма. Тут были громкие фразы об «обеспечении мира в Европе», о создании в ней «нового порядка», об экономических преимуществах «единого хозяйственного целого» и, наконец, о «борьбе с коммунистической опасностью».

Демократическая Чехословакия, страна с большой и старой культурой, высоко развитой промышленностью и значительными сельскохозяйственными ресурсами, занимавшая выгодное стратегическое положение на перекрестке путей из Центральной в Юговосточную Европу, не могла не привлечь алчных взглядов Гитлера. В 1938 году были начаты и 19 марта 1939 года закончены раздел и порабощение Чехословакии.

Для оправдания этого гнусного акта нужно было создать свою «теорию», необходимо было подвести под него «историческую» базу. С этой целью был выброшен лозунг «искусственности» создания Чехословацкой республики и для обоснования был написан ряд статей и книг, в том числе и рассматриваемая нами книга М. Шварца.

Большая часть этой книги посвящена истории Словакии начиная с появления словаков в Европе, в IV—VI веках, и кончая созданием «самостоятельной» Словакии под эгидой фашистской Германии. Далее следует географический очерк, описание быта и нравов словаков, государственного устройства, вооруженных сил, внешней и внутренней политики Словакии.

Вся книга пронизана одной мыслью, выполняет одну задачу — во что бы то ни стало противопоставить словацкий народ

чешскому, доказать, что создание самостоятельного словацкого государства является благодеянием для словаков, осуществленным благодаря вмешательству и помощи фашистской Германии. Этой цели служат все разделы книги, вплоть до географического очерка, где автор, описывая рельеф Словакии, подчеркивает, что горные хребты являются якобы естественной преградой между чехами и словаками. В вопросах религии, быта, нравов — во всем решительно ищет автор материала для противопоставления этих двух братских народов, сумевших на протяжении двух десятилетий совместного государственного существования показать пример плодотворного сотрудничества народов, руководимых принципами демократии и миролюбия.

Но уже в коротеньком вступлении автор не выдерживает своего псевдонаучного «объективного» тона и, говоря о событиях, происшедших в 1939 году в Словакии, выбалтывает истинные цели германского фашизма при разделе Чехословакии и создании фиктивной самостоятельности Словакии, заключающиеся в борьбе против демократии и подготовке плацдарма против Советского Союза.

Излагая историю вытеснения словаков в XII—XIV веках с обжитых ими территорий, вытеснения их с обработанных ими полей немцами-колонистами, приглашенными венгерскими королями, автор преподносит этот факт как «культурное руководство» страной. «Торговля страны с Востоком, Польшей и Германией была в руках немецких купцов, привилегии которых гарантировались законом. Они имели собственное законодательство, суд, свои школы», — пишет он. Из одного этого ясно, что немцы захватили в свои руки всю экономику страны, вели себя как фактические хозяева, поработители в покоренной колонии. И такое насилие над народом преподносится как «мирное развитие», которое было «нарушено гуситскими войнами». Всякому, знающему историю Чехословакии, известно, чем были гуситские войны. Это было широкое национально-демократическое движение, носившее религиозно-реформаторский характер и увлекшее за собой все наиболее прогрессивные элементы страны. Изображение его как помехи мирному развитию может себе позволить только тот, кто в оправдание преступных замыслов задался целью исказить действительный смысл исторических событий.

Таков стиль и дух всего изложения автором истории словацкого народа в период венгерского владычества. Автор сознательно обходит периоды сближения словаков и чехов, их общей работы на всеславянских конгрессах, как нечто маловажное, и вы-

плываает все моменты розни между ними. Особенно упорно подчеркивает он антагонизм в Словакии между католиками и протестантами. Его усердно раздували в последние годы фашистские агитаторы и заправила словацкой народной партии, представлявшей интересы католического духовенства и крупных помещиков, т. е. наиболее реакционных сил в стране. Эта партия с фашистом-ксендзом Глинкой во главе сыграла роковую роль в разделе Чехословакии и порабощении Словакии германским фашизмом.

Решение о присоединении Словакии к создававшейся тогда Чехословацкой республике было вынесено представителями всех словацких партий на состоявшемся в октябре 1918 года заседании Национального Собрания, избранном Национальный совет из 20 человек. Принятая декларация провозглашала единство чешского и словацкого народов, требовала культурной автономии и представительства Словакии на Парижской мирной конференции. Она была подписана 106 членами Национального Собрания. Уже после ее принятия, когда часть членов Собрания разбежалась, из Будапешта приехал один из лидеров словацкого национально-освободительного движения, Годжа, с сообщением о революции в Венгрии и согласии правительства Австро-Венгрии на требование Вильсона о самоопределении населявших Австро-Венгрию национальных меньшинств. Годжа предложил Национальному Совету дополнить декларацию ссылкой на произошедшие события и отказаться от требования самостоятельного представительства на Парижской конференции, так как это право было уже признано за правительством единой Чехословакии.

Национальный Совет на эти изменения согласился, и в таком виде декларация была опубликована. М. Шварц усиленно поддерживает распространенную впоследствии Глинкой версию о том, что эти изменения были фальсифической подделкой декларации, так как ее должен был мол, принять не Национальный Совет, а Национальное Собрание.

Поддерживает автор рассматриваемой книги и другую версию — о существовании в этой декларации тайного пункта, по которому объединение словаков с чехами было заключено якобы сроком на 10 лет. На этот тайный пункт потом неоднократно ссылались в своей агитации словацкие автономисты. Но предъявить хоть какие-нибудь доказательства существования этого пункта они не могли.

Автор обходит молчанием расцвет национальной культуры в Словакии за 1918—1938 годы. Он не говорит ни об

увеличении числа словацких школ, ни о развитии словацкой литературы, выдвинувшей за этот период своих талантливых писателей и поэтов, ни о росте книжной продукции на словацком языке. От всего этого он отделяется двумя—тремя общими фразами.

Зато много места он отводит тем темным силам, которые раздували религиозную и национальную рознь между чехами и словаками.

О созданной в 1923 году в Словакии вооруженной организации партии Глинки — «родобрана» — Шварц говорит, что ее задачей было «защищать родину и отражать посягательства на ее язык и свободу и нападки на церковь и школу». Но правильную характеристику «родобраны» дал представитель словацкой социал-демократии Иван Дерер. Он заявил в чехословацком парламенте, что «родобрана» — фашистская организация, которая методами террора и насилия хочет провести волю словацкой народной партии, т. е. партии, возглавляемой католическим духовенством, всеми силами стремящейся сохранить в народе невежество и религиозные суеверия и упорно борющейся против демократических традиций Масарика и Бенеша.

В искаженном духе преподносится вся история Словакии в книге Шварца. Переходя к событиям, развернувшимся в Чехословакии в 1938—1939 годах, автор излагает программу, которую продиктовали своим чехословацким ставленникам германские фашисты.

«Необходимо было, — говорит он, — учесть изменившееся положение и коренным образом изменить внешнюю политику Чехословакии. Так например пакт с СССР еще не был расторгнут. В Испании боролись за коммунизм чешские бригады (бригады Масарика и Готвальда). Необходимо было спешно разрешить вопрос о партиях и евреях, так как новое государство могло существовать, только уничтожив многочисленные партии и исключив из общественной жизни евреев».

Такова была программа. Но осуществление ее в пределах Чехословакии было трудно: здесь были слишком сильные демократические традиции, и с этим приходилось считаться. М. Шварц возмущается тем, что в Чехословакии «евреи были гарантированы от всякого антисемитизма, так как пражское правительство не допустило бы его», а между тем евреи хотели превратить чехов «в нечто подобное советскому народу». С таким «злом» нужно было спешно бороться, и единственным радикальным методом было полное порабощение Чехословакии. Это было осуществлено 19 марта 1939 года.

Словакия получила «самостоятельность», и ей была предоставлена «защита» Германии. Автор не говорит ни слова о том, в чем выразилась эта «защита». Отмечая, что в словацкой армии насчитывается 30 тысяч человек, он умалчивает о том, что одновременно с созданием самостоятельной Словакии в нее были введены в большом количестве германские войска, что германские офицеры произвольно распоряжаются в словацкой армии, что возмущенные их самоуправством солдаты восстают, что население саботирует распоряжения правительства. Автор описывает «мирное сотрудничество» Германии и Словакии, меры, направленные к «усилению экономической связи между Германией и Словакией». Но он не говорит о том, что это сотрудничество выражается в выкачи-

вании из Словакии всех имеющихся в стране запасов сырья и продовольствия, в принудительной посылке тысяч словацких рабочих на работу в Германию, а «усиление экономических связей» — в облегчении для германского фашизма условий ограбления словацкого народа, обречения его на голод и нищету. Автор умалчивает о том, как душится в стране каждая свободная мысль, как арестовывают и бросают в концентрационные лагеря каждого, сказавшего свободное слово, о том, как растет и ширится в стране сопротивление натолкнутому фашистскому агрессору после того, как он предательски напал на Советскую Россию и советский народ вступил в великую отечественную войну против разбойничьей гитлеровской Германии.

*Р. Разумова*

# БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК

## ГЕРМАНИЯ В ПЕРИОД 1918—1940 ГОДОВ

### (Основная литература)

#### I. В. И. Ленин и И. В. Сталин о Германии

В. И. Ленин. III Всероссийский съезд Советов. 23—31 (10—18) января 1918 года. Соч. Т. XXII, стр. 203—225.

О Германии, стр. 225.

В. И. Ленин. О революционной фразе. Соч. Т. XXII, стр. 261—269.

О Германии, стр. 265.

В. И. Ленин. Тяжелый, но необходимый урок. Соч. Т. XXII, стр. 290—293.

О Германии, стр. 292—293.

В. И. Ленин. Странное и чудовищное. Соч. Т. XXII, стр. 297—303.

О Германии, стр. 300—301.

В. И. Ленин. Седьмой съезд РКП(б). 6—8 марта 1918 года. Соч. Т. XXII, стр. 311—374.

О Германии, стр. 329.

В. И. Ленин. Заседание ВЦИК 29 апреля 1918 года. Соч. Т. XXII, стр. 469—498.

О Германии, стр. 485.

В. И. Ленин. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности. Соч. Т. XXII, стр. 503—528.

О Германии, стр. 516—517.

В. И. Ленин. Доклад на Московской губернской конференции заводских комитетов 23 июля 1918 года. Соч. Т. XXIII, стр. 146—148.

О Германии, стр. 147.

В. И. Ленин. Речь на объединенном заседании ВЦИК, Московского совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов Москвы 29 июля 1918 года. Соч. Т. XXIII, стр. 151—164.

О Германии, стр. 157.

В. И. Ленин. Письмо объединенному заседанию ВЦИК, Московского совета с представителями фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов 3 октября 1918 года. Соч. Т. XXIII, стр. 215—217.

О Германии, стр. 215—216.

В. И. Ленин. Доклад на объединенном заседании ВЦИК, Московского совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов 22 октября 1918 года. Соч. Т. XXIII, стр. 228—238.

О Германии, стр. 229, 230, 235—238.

В. И. Ленин. Резолюция, принятая на объединенном заседании ВЦИК, Московского совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов 22 октября 1918 года. Соч. Т. XXIII, стр. 239—240.

О Германии, стр. 239.

В. И. Ленин. VI Всероссийский чрезвычайный съезд советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов. 6—9 ноября 1918 года. Соч. Т. XXIII, стр. 245—272.

О Германии, стр. 250, 257—260, 262—269.

В. И. Ленин. Речь на собрании 20 ноября 1918 года. Краткий газетный отчет. Соч. Т. XXIII, стр. 287—288.

О Германии, стр. 287.

В. И. Ленин. Ценные признания Питирима Сорокина. Соч. Т. XXIII, стр. 289—296.

О Германии, стр. 290—291.

В. И. Ленин. Речь на собрании уполномоченных Московского центрального рабочего кооператива 26 ноября 1918 года. Соч. Т. XXIII, стр. 298—303.

О Германии, стр. 302.

В. И. Ленин. Собрание партийных работников Москвы 27 ноября 1918 года. Соч. Т. XXIII, стр. 305—330.

О Германии, стр. 312, 322—323.

В. И. Ленин. Пролетарская революция и ренегат Каутский. Соч. Т. XXIII, стр. 331—412.

О Германии, стр. 405—406.

В. И. Ленин. Речь на III съезде рабочей кооперации 7 декабря 1918 года. Соч. Т. XXIII, стр. 413—419.

О Германии, стр. 415, 418, 419.

В. И. Ленин. О «демократии» и диктатуре. Соч. Т. XXIII, стр. 440—444.

О Германии, стр. 440, 441—442, 443.

В. И. Ленин. Речь на II Всероссийском съезде Советов народного хозяйства 25 декабря 1918 года. Соч. Т. XXIII, стр. 445—450.

О Германии, стр. 445, 446.

В. И. Ленин. Речь по поводу убийства Розы Люксембург и Карла Либкнехта 19 января 1919 года. Краткий газетный отчет. Соч. Т. XXIII, стр. 477.

В. И. Ленин. Доклад на II Всероссийском съезде профессиональных союзов 20 января 1919 года. Соч. Т. XXIII, стр. 478—493.

О Германии, стр. 481.

В. И. Ленин. Письмо к рабочим Европы и Америки. Соч. Т. XXIII, стр. 494—500.

О Германии, стр. 494, 495, 496, 497—499.

В. И. Ленин. I Конгресс Коммунистического Интернационала 2—6 марта 1919 года. Соч. Т. XXIV, стр. 1—22.

О Германии, стр. 5, 6, 11, 13; 15, 16, 17, 19.

В. И. Ленин. Завоеванное и записанное. Соч. Т. XXIV, стр. 25—26.

О Германии, стр. 25.

В. И. Ленин. Доклад о внешней и внутренней политике Совета народных комиссаров в Петроградском совете 12 марта 1919 года. Краткий газетный отчет. Соч. Т. XXIV, стр. 32—37.

О Германии, стр. 32—33.

В. И. Ленин. Речь на митинге в Народном доме в Петрограде 13 марта 1919 года. Соч. Т. XXIV, стр. 45—50.

О Германии, стр. 47.

В. И. Ленин. Успехи и трудности Советской власти. Соч. Т. XXIV, стр. 51—78.

О Германии, стр. 57.

В. И. Ленин. VIII съезд РКП(б) 18—23 марта 1919 года. Соч. Т. XXIV, стр. 109—179.

О Германии, стр. 119, 135, 137.

В. И. Ленин. Чрезвычайное заседание Пленума Московского Совета Р. и КР. Д. 3 апреля 1919 года. Соч. Т. XXIV, стр. 205—222.

О Германии, стр. 208—211.

В. И. Ленин. Пленум Всероссийского Центрального Совета профессиональных союзов 11 апреля 1919 года. Соч. Т. XXIV, стр. 227—242.

О Германии, стр. 234, 237—238.

В. И. Ленин. Третий Интернационал и его место в истории. Соч. Т. XXIV, стр. 246—252.

О Германии, стр. 249, 251—252.

В. И. Ленин. Приветствие Баварской Советской республике. Соч. Т. XXIV, стр. 264.

В. И. Ленин. I Всероссийский съезд по внешкольному образованию 6—19 мая 1919 года. Соч. Т. XXIV, стр. 273—307.

О Германии, стр. 296, 297.

В. И. Ленин. Герои Бернского интернационала. Соч. Т. XXIV, стр. 317—324.

О Германии, стр. 318—324.

В. И. Ленин. О современном положении и ближайших задачах Советской власти. Соч. Т. XXIV, стр. 351—361.

О Германии, стр. 360, 361.

В. И. Ленин. Доклад о внутреннем и внешнем положении Республики на Московской конференции РКП(б) 12 июля 1919 года. Газетный отчет. Соч. Т. XXIV, стр. 378—381.

О Германии, стр. 381.

В. И. Ленин. О задачах III Интернационала. Соч. Т. XXIV, стр. 382—399.

О Германии, стр. 389.

В. И. Ленин. Речь о внешнем и внутреннем положении на конференции красноармейцев Ходыньских лагерей 15 июля 1919 г. Соч. Т. XXIV, стр. 400—401.

О Германии, стр. 401.

В. И. Ленин. Письмо Сильвии Панкхерст. Соч. Т. XXIV, стр. 437—442.

О Германии, стр. 438.

В. И. Ленин. Как буржуазия использует ренегатов. Соч. Т. XXIV, стр. 452—463.

О Германии, стр. 452, 456, 460—461.

В. И. Ленин. Привет итальянским, французским и немецким коммунистам. Соч. Т. XXIV, стр. 475—483.

О Германии, стр. 475, 476, 477, 478, 479, 481, 482.

В. И. Ленин. Письмо Центральному комитету коммунистической партии Германии по поводу раскола. Соч. Т. XXIV, стр. 502—503.

В. И. Ленин. Доклад на II Всероссийском съезде Коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г. Соч. Т. XXIV, стр. 542—551.

О Германии, стр. 545—546.

В. И. Ленин. VII Всероссийский съезд Советов 5—9 декабря 1919 г. Соч. Т. XXIV, стр. 587—628.

О Германии, стр. 614.

В. И. Ленин. Речь на I Всероссийском съезде трудовых казаков 1 марта 1920 г. Соч. Т. XXV, стр. 47—62.

О Германии, стр. 57.

В. И. Ленин. IX съезд РКП(б) 29 марта—5 апреля 1920 г. Соч. Т. XXV, стр. 89—130.

О Германии, стр. 93.

В. И. Ленин. Речь на I Всероссийском учредительном съезде горнорабочих 1 апреля 1920 года. Соч. Т. XXV, стр. 131—136.

О Германии, стр. 133.

В. И. Ленин. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Соч. Т. XXV, стр. 165—250.

О Германии, стр. 178, 181, 184, 188—189, 199, 200, 201, 212—215, 228, 235, 241—244.

В. И. Ленин. «Коммунизм». Журнал Коммунистического Интернационала для стран Юго-Восточной Европы (на немецком языке). Вена, Тетрадь 1—2, от 1 февр., до 18-й, от 8 мая 1920 года. Соч. Т. XXV, стр. 291—293.

В. И. Ленин. Тезисы об основных задачах Второго конгресса Коммунистического Интернационала. Соч. Т. XXV, стр. 312—325.

О Германии, стр. 321.

В. И. Ленин. II Конгресс Коммунистического Интернационала 19 июля—6 августа 1920 года. Соч. Т. XXV, стр. 327—369.

О Германии, стр. 332, 333, 337.

В. И. Ленин. Речь на съезде рабочих



и служащих кожевенного производства 2 октября 1920 года. Соч. Т. XXV, стр. 398—408.

О Германии, стр. 401, 402—403, 405.

В. И. Ленин. Речь на совещании председателей уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов Московской губернии 15 октября 1920 года. Соч. Т. XXV, стр. 411—424.

О Германии, стр. 417—418.

В. И. Ленин. Речь на собрании секретарей ячеек Московской организации РКП(б) 26 ноября 1920 года. Соч. Т. XXV, стр. 498—513.

О Германии, стр. 507, 509.

В. И. Ленин. VIII Всероссийский съезд Советов 22—29 декабря 1920 года. Соч. Т. XXVI, стр. 1—59.

О Германии, стр. 14—15.

В. И. Ленин. III Конгресс Коммунистического Интернационала 22 июня—12 июля 1921 года. Соч. Т. XXVI, стр. 423—465.

О Германии, стр. 437, 438, 441—449.

В. И. Ленин. Письмо к немецким коммунистам. Соч. Т. XXVI, стр. 485—494.

В. И. Ленин. О тезисах по аграрному вопросу французской коммунистической партии. Соч. Т. XXVII, стр. 101—106.

О Германии, стр. 102.

В. И. Ленин. Лучше меньше, да лучше. Соч. Т. XXVII, стр. 406—418.

О Германии, стр. 415.

В. И. Ленин. Членам группы Стартак. Соч. Т. XXIX, стр. 514.

В. И. Ленин. А. А. Иоффе (В Берлин. Телефонограмма). Соч. Т. XXIX, стр. 515.

В. И. Ленин. В. В. Воровскому (В Стокгольм. Телеграмма). Соч. Т. XXIX, стр. 516.

В. И. Ленин. В. В. Воровскому (В Стокгольм. Телеграмма). Соч. Т. XXIX, стр. 517.

И. В. Сталин. Политический отчет ЦК XIV съезду ВКП(б). «Вопросы ленинизма». 4-е изд. М.—Л. 1928, стр. 331—429.

О Германии, стр. 335, 338, 340—342, 344, 346, 400—401.

И. В. Сталин. Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б). «Вопросы ленинизма». 10-е изд., стр. 345—438.

О Германии, стр. 347—349, 354, 380—381.

И. В. Сталин. Об основах ленинизма. «Вопросы ленинизма». 11-е изд., стр. 1—77.

О Германии, стр. 19—20.

И. В. Сталин. О правом уклоне в ВКП(б) (Из речи на Пленуме ЦК ВКП(б) в апреле 1929 года). «Вопросы ленинизма». 11-е изд., стр. 214—263.

О Германии, стр. 222—224.

И. В. Сталин. Итоги первой пятилетки. «Вопросы ленинизма». 11-е изд., стр. 362—397.

О Германии, стр. 388.

И. В. Сталин. О работе в деревне. Речь на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 11 января 1933 года. «Вопросы ленинизма». 11-е изд., стр. 398—409.

О Германии, стр. 404.

И. В. Сталин. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) 26 января 1934 года. «Вопросы ленинизма». 11-е изд., стр. 423—486.

О Германии, стр. 423, 425, 426, 427, 429, 430, 431, 432, 436.

И. В. Сталин. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б). 10 марта 1939 года. «Вопросы ленинизма». 11-е изд., стр. 564—611.

О Германии, стр. 565, 566, 567, 568, 569, 577.

И. В. Сталин. Беседа с председателем американского газетного объединения «Скрипс—Говард Ньюспейперс» г-ном Рой Говардом 1-го марта 1936 г. [М.] 1939. 15 стр.

О Германии, стр. 4, 5, 6, 10, 11.

И. В. Сталин. К международному положению. «Большевик». 1924. № 11, стр. 8—20.

О Германии, стр. 8, 11, 12, 13, 14, 15, 17, 18.

И. В. Сталин. О компартии Польши. «Большевик». 1924. № 11, стр. 51—55.

О Германии, стр. 52, 53.

История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М. 1938. 351 стр.

О Германии, стр. 220—221, 288—289, 317—318.

## II. Германия в документах Коминтерна

Первый конгресс Коминтерна. Март 1919 года. М. 1933. 275 стр. (Институт Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б). Протоколы конгрессов Коммунистического Интернационала).

Резолюции о Германии, стр. 190—192.

Тезисы и резолюции III Конгресса Коммунистического Интернационала. М. 1921. 95 стр.

О Германии, стр. 33—34.

Постановления IV Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала. Пг. 1923. 188 стр.

О Германии, стр. 17—22, 25, 54—55, 137—138.

Резолюция VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала. [М.]. 1935. 54 стр.

О Германии, стр. 11, 12, 13.

Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала (21 марта—6 апреля 1925 года). Стенографический отчет. М.—Л. 1925, 606 стр.

О Германии, стр. 580—587.

VI Расширенный пленум Коминтерна. Тезисы и резолюции VI Расширенного пленума Исполкома Коминтерна (17 февраля—15 марта 1926 года). М.—Л. 1926. 140 стр.

О Германии, стр. 71—82.

Тезисы и резолюции VII Расширенного пленума Исполкома Коминтерна (22 ноября—16 декабря 1926 года). М.—Л. 1927, 80 [3] стр.

О Германии, стр. 74—80, 82 и др.

Резолюции и постановления IX пленума ИККИ Коминтерна (9—25 февраля 1928 года). М.—Л. 1928. 79 стр.

Тезисы, резолюции и постановления IX пленума ИККИ. Л. 1931. 46 стр.

Германия, стр. 36.

Материалы XII пленума ИККИ (сентябрь 1932 года). Тезисы и резолюции. М. 1933. 30 стр.

О Германии, стр. 19, 23.

Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919—1932. М. 1933. 1007 стр. (Институт Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б).)

О Германии, стр. 225, 305—306, 341, 697, 944—947, 958—959.

Коммунистический Интернационал перед VII Всемирным конгрессом (Материалы). М. 1935. 606 стр.

О Германии, стр. 12—13, 14, 31—32, 40—45, 51—54, 89—117.

Послевоенный капитализм в освещении компартий. Сборник документов и резолюций конгрессов и Исполкома Коминтерна. М. 1932. 163 стр.

О Германии, стр. 45, 46, 47, 48.

### III. Работы, относящиеся ко всему периоду

#### 1. Справочные издания

Deutschland nach der Revolution in Zahlen und Verordnungen dargestellt. Volkswirtschaftliches Taschenbuch... von W. Brönnner. Königsberg. 1919. 116 S.

Das deutsche Reich von 1918 bis heute. Hrsg. von Horkenbach. В. 1930. 852 S.

Handbuch der Revolution in Deutschland, 1918—1919. Hrsg. von H. Marx. В. 1919. 234 S.

International bibliography of historical sciences. Ed. by the International Committee of historical sciences. Vol. 1—8, 12 (f. t. y. 1926—1933, 1937). P.—L. 1930—1935, 1939.

Survey of international affairs. Ed. by A. Toynbee and V. Boulter. Vol. 1—15. Oxford, 1920—1937. (Royal institute of International affairs.—Consolidated index to the Survey of international affairs, 1920—1930 and supplementary volume. Oxford. 1932. 214 p.

#### 2. Периодические издания

##### а) Периодика СССР

Большевик. Политико-экономический двухнедельник ЦК ВКП(б). М. 1924 —

Коммунистический Интернационал. Орган Исполкома Коммунистического Интернационала. Л. 1919 —

Мировое хозяйство и мировая политика. Институт мирового хозяйства и ми-

ровой политики Академии наук СССР. Ежемесячный журнал. М. 1926 — (Название несколько раз незначительно менялось).

##### б) Англо-американская и французская периодика

Current history. N. Y. 1918—1940.  
Economist. L. 1918—1940.

Europe nouvelle. P. 1918—1940.

Foreign affairs; American quarterly review. N. Y. 1922—1940.

Nineteenth century and after. L. 1918—1940.

##### в) Германская периодика 1918—1932 годов

Berliner Tageblatt. В. 1918—1932. [Begründet 1871].

Frankfurter Zeitung. В. 1918—1932.

Die Internationale. Zeitschrift für Praxis und Theorie des Marxismus. Begründet von Rosa Luxemburg und Franz Mehring. В. 1915—1932.

Die Kommunistische Internationale. Hrsg. vom Exekutiv-Komitee der Kommunistischen Internationale. В. 1919—1932.

Die Rote Fahne. Zentralorgan der Kommunistischen Partei Deutschlands. Begr. von Karl Liebknecht und Rosa Luxemburg. В. 1918—1932.

Vorwärts. В. 1918—1932. [Begründet 1884.]

##### г) Антифашистская периодика на немецком языке, выходящая за пределами Германии

(Указаны годы основания изданий, время прекращения не установлено).

Antifaschistische Front. Kopenhagen, Organisationsbüro zur Einberufung des antifaschistischen Arbeiter-Kongresses in Europa 1929. (Gründer und Besitzer: Kommunistische Partei Dänemarks). Der Kampf. Prag. 1934.

Der Gegen-Angriff. Antifaschistische Wochenschrift, Prag—Paris—Basel. 1933.  
Neue Front. Organ für proletarisch-revolutionäre Sammlung. P. 1933.

Neuer Vorwärts. Sozialdemokratisches Wochenblatt. Karlsbad. 1933.

Die neue Weltbühne. Wochenschrift für Politik—Kunst—Wirtschaft. Prag. 1934.

Rote Fahne. Prag. 1934.

Unsere Zeit. Monatsschrift für Politik, Literatur, Wirtschaft, Sozialpolitik und Arbeiterbewegung. P. 1928.

Zeitschrift für Sozialismus. Prag. 1934.

##### 3. Исторические и публицистические работы общего характера

Angell J. The recovery of Germany. New Haven—London. 1929. XIX, 425 p.

Bruck W. T. Social and economic history of Germany from William II to Hitler, 1888—1938. A comparative study. N. Y. 1938. 292 p.

Clark R. T. The fall of the German republic. A political study. L. 1935. 594 p.

Gueydan de Roussel W. L'évolution du pouvoir exécutif en Allemagne (1919—1934). P. 1935. 187 p.

King J. The German revolution, its meaning and menace. With a preface by V. Snowden. L. 1933. 152 p.

Quigley H. and Clark R. Republican Germany, a political and economic study. L. 1928. 318 p.

Rosina F. Da Ebert a Hitler. Germania 1918—1935. Milano. 1935. 458 p. (Intercettazioni 2. Problemi del mondo contemporaneo).

Schwahn. Von Ebert bis Hindenburg. 10 Jahre deutsche Republik. Lpz. 1928. VI, 361 S.

Solmsen G. Beiträge zur deutschen Politik und Wirtschaft 1900—1933. Gesammelte Aufsätze und Vorträge. Bd. 1—2. München und Leipzig. 1934. (Bd. I: Politik; Bd. 2: Wirtschaft).

Vingt ans d'histoire allemande (1914—1934). P. 1937. 122 p. (Cours de l'Institut supérieur ouvrier 1935—1936).

Winnig A. Das Reich als Republik, 1918—1928. Stuttgart und Berlin. 1929. X, 362 S.

#### 4. Экономика. Труд. Положение трудящихся

Die deutsche Finanzwirtschaft vor und nach dem Kriege nach den Hauptergebnissen der Reichsfinanzstatistik. Bearb. in Statistischen Reichsamt. B. 1930. 224 S.

Витвер И. А. Экономическая география Германии. М. 1939. 114 стр.

Диканский М. Новейшая концентрация германской промышленности. М.—Л. 1926. 234 стр.

Жуковская Р. Банки Германии в период общего кризиса капитализма. М. 1937. 173 стр. (Академия наук СССР. Институт мирового хозяйства и мировой политики).

Мартонн Э. Центральная Европа. Перев. Ю. В. Готье и П. А. Шелатугина. Под ред. И. А. Витвера и Б. Ф. Добрынина. Допущено Всесоюзным комитетом по делам высшей школы при СНК СССР в качестве учебного пособия для университетов и педагогических институтов. М. 1938. 452 стр.

Экономико-географический очерк Германии, стр. 141—448.

Пиннер Ф. Вожди германской промышленности. Крупп, Стигнес, Симменс, Отто Вольф, Ратенау и др. Предисл. Е. В. Тарле. Перев. Г. П. Федотова. Л. 1925. 227 стр.

Стенбок-Фермор А. Германия снизу. Перев. с немец. В. Стенича. Л.—М. 1933. 131 стр.

Уферман П. Германский стальной

трест. Перев. с немец. А. С. Гринберга. С предисл. А. Кона. М.—Л. 1928. 221 стр.

Файгар И. М. Проблемы германской промышленности. Монополии и новейшие процессы загнивания. М.—Л. 1934. 196 стр. (Институт мирового хозяйства и мировой политики Комакадемии).

Hermant M. Les paradoxes économiques de l'Allemagne moderne, 1918—1931. Préf. de H. Lichtenberger. P. 1931. 198 p.

Reinhold P. The economic, financial and political state of Germany since the war. New Haven. 1928. 138 p. (The Institute of politics publications).

Rivaud A. Les crises allemandes (1919—1931). P. 1932. VI, 218 p.

Strukturwandelungen der deutschen Volkswirtschaft. Vorlesungen, hrsg. von B. Harms. Bd. 1—2. B. 1929.

Wirkungen und Ursachen des hohen Zinsfußes in Deutschland Unter Mitarbeit von zahlreichen Fachgelehrten. Hrsg. von K. Diehl. Jena. 1932. X, 928 S.

#### 5. Представительные учреждения и выборы в них

Verhandlungen des Reichstags (Stenographische Berichte nebst Anlagen und Register. F.d.J. 1918—1932). Bd. 314 ff. B. 1919—1933.

Die deutschen Wahlen. Eine Uebersicht über die Ergebnisse der Reichspräsidenten- und Reichstagswahlen seit 1919 sowie der Wahlen zu sämtlichen deutschen Landtagen seit 1926. Lpz. 1932. 52 S. (Reichstag).

Das Werk des Untersuchungsausschusses der deutschen verfassungsgebenden Nationalversammlung und des deutschen Reichstages 1919—1928. Verhandlungen. Unter Mitwirkung von E. Fischer, W. Bloch, B. Widmann im Auftrage des Reichstages, hrsg. von dem Abgeordneten W. Schücking, P. Spahn, J. Bell, A. Breitscheid, A. Philipp. Reihe IV. Bd. I ff. B. 1925 ff.

Die Wahlen zum Reichstag am 6/VI 1920. Bearb. im Statistischen Reichsamt. B. 1920.

Die Wahlen zum Reichstag am 4/IV 1924 u. am 7/XII 1924 (2. und 3. Wahlperiode). Bearb. im Statistischen Reichsamt. B. 1925.

Die Wahlen zum Reichstag am 20/V 1928 (4. Wahlperiode). Bearb. im Statistischen Reichsamt. H. 1—2, B. 1930.

Die Wahlen zum Reichstag am 14/IX 1930 (5. Wahlperiode). H. 1—2. Bearb. in Statistischem Reichsamt. B. 1932.

Hauptergebnisse der Wahlen zum Reichstag am 14/IX 1930. Bearb. im Büro des Reichswahlleiters. B. 1931. 39 S.

Die Wahlen zum Reichstag am 31/VII und 6/XI 1932 und am 5/III 1933. (6. bis 8. Wahlperiode). Bearb. in statistischen Reichsamt. B. 1935. 246 S.

Dix A. Die deutsche Reichstagswahlen 1871—1930 und die Wandlungen der Volksgliederung. Tübingen. 1930. 54 S.

Eichhorn E. Parteien und Klassen

im Spiegel der Reichstagswahlen. Eine Studie über den Charakter der Parteien als Klassenorgane. Mit statistischen Material über die berufliche Schichtung und die Ergebnisse der Reichstagswahlen von 1907 bis 7/XII 1924. Halle. 1925. 88 S.

Pohl H. Das Recht des Reichstags. Eine Quellensammlung mit Sachverzeichniss. B. 1928. 222 S. (Stilkes Textausgaben № 16. Die Gesetze des deutschen Reiches und der deutschen Länder).

Weiss B. Der deutsche Reichstag und seine Geschäftsordnung. B. 1936. VIII, 76 S.

## 6. Политические партии

### а) Работы общего характера

Koellreutter O. Parteien und Verfassung im heutigen Deutschland. Lpz. 1932. 35 S.

Sass J. Die 27 deutschen Parteien und ihre Ziele, Hamburg. 1931. 48 S.

### б) Коммунистическая партия Германии

#### 1) Справочные издания

Taschenkalender der KPD. B. 1923 (Kommunistische Partei Deutschlands).

Der Reichstag 1924—1928. 4 Jahre kapitalistische Klassenpolitik. Handbuch der kommunistischen Reichstagsfraktion. B. 1928. 535 S. (Kommunistische Partei Deutschlands. Fraktion im Reichstage).

#### 2) Документы

«Спартак» во время войны. Документы и нелегальные листовки союза «Спартак» во время войны. Перев. с немец. М. 1933. 228 стр. [Листовки периода январь—ноябрь 1918 г., стр. 182—214].

Организационный рост и организационные задачи коммунистической партии Германии. Стенограмма доклада зав. орготделом коммунистической партии Германии тов. Крейцбурга и прения по нему в орготделе ИККИ 27 января—1 февраля 1931 года. М. 1931, 94 стр. (Коммунистическая партия Германии. Организационный отдел).

Bericht über den Gründungsparteitag der kommunistischen Partei Deutschlands (Spartakusbund) vom 30/XII 1918 bis 1/I 1919. B. 1919. 56 S. (Kommunistische Partei Deutschlands. Parteitag).

Bericht über den 2. Parteitag der Kommunistischen Partei Deutschlands (Spartakusbund). Vom 20 bis 24 Oktober 1919. B. 1919. 68. S.

Bericht über den 3. Parteitag der Kommunistischen Partei Deutschlands (Spartakusbund) am 25. und 26. II 1920. B. 1920, 90 S.

Bericht über den 4. Parteitag der Kommunistischen Partei Deutschlands (Spartakusbund) am 14. und 15. IV 1920. B. 1920, 110 S.

Bericht über den 5. Parteitag der Kommunistischen Partei Deutschlands (Sektion der Kommunistischen Internatio-

nale) vom I. bis 3.XI 1920 in Berlin. Hrsg. von der Zentrale der Kommunistischen Partei Deutschlands (Sektion der Kommunistischen Internationale). B. 1921. 196 S.

Bericht über die Verhandlungen des Vereinigungsparteitages der USPD (Linke) und der KPD (Spartakusbund). Abgehalten in Berlin vom 4. bis 7. XII 1920. B. 1921. 334 S.

Bericht über die Verhandlungen des III (8) Parteitages der Kommunistischen Partei Deutschlands (Sektion der Kommunistischen Internationale). Abgehalten in Lpz. vom 28. I bis I. II 1923. B. 1923. 454 S.

Bericht über die Verhandlungen des 9. Parteitages der Kommunistischen Partei Deutschlands (Sektion der Kommunistischen Internationale). Abgehalten in Frankfurt am Main vom 7. bis 10. IV 1924. B. 1924. 404 S. (Kommunistische Partei Deutschlands).

Bericht über die Verhandlungen des 10. Parteitages der Kommunistischen Partei Deutschlands (Sektion der Kommunistischen Internationale), Berlin, vom 12. bis 17. VII 1925. B. 1926. XX, 776 S. (Kommunistische Partei Deutschlands).

Bericht über die Verhandlungen des 11. Parteitages der Kommunistischen Partei Deutschlands (Sektion der Kommunistischen Internationale), Essen, vom 2. bis 7. März 1927. B. 1927. XII, 424 S. (Kommunistische Partei Deutschlands).

Waffen für den Klassenkampf. Beschlüsse des 12. Parteitags der KPD. B. 1929. 94 S. (Kommunistische Partei Deutschlands).

Das Kommunalprogramm der KPD. T. 1—2. B. 1922—1925. (Kommunistische Partei Deutschlands).

Manifest an das deutsche und internationale Proletariat, beschlossen vom Gründungs-Parteitag der Vereinigten kommunistischen Partei Deutschlands vom 4—7. XII 1920 in Berlin (Sektion der komm. Internationale). B. 1920. 16 S. (Kommunistische Partei Deutschlands. Parteitag).

Programm und Organisations-Statut der Kommunistischen Arbeiterpartei Deutschlands. B. 1924.

#### 3) Речи, письма, воспоминания и т. п.

Пик В. Мы боремся за советскую Германию. Революционная борьба германского рабочего класса под руководством компартии Германии против фашистской диктатуры. Доклад и заключительное слово на XIII пленуме ИККИ. М. 1934. 80 стр.

Franz. Parteaufbau und Massenarbeit. Rede auf der Brüsseler Konferenz der KPD (X. 1925). Moskau. 1936. 72 S.

Люксембург Р. Речи. Перев. с немец. М.—Л. 1929. 124 стр.

Luxemburg R. Rede zum Programm gehalten auf dem Gründungsparteitag der kommunistischen Partei Deutschlands (Spartakusbund) am 29—31 Dezember 1919 zu Bern. B. 1919. 26 S.

Pieck W. Die Gründung der KPD, Erinnerungen an die Novemberrevolution. В. [192—].

Pieck W. Der neue Weg zum gemeinsamen Kampfe für den Sturz der Hitler-Diktatur. Referat und Schlusswort auf der Brüsseler Parteikonferenz der Kommunistischen Partei Deutschlands, Oktober 1936. Anhang. Resolution und Manifest der Parteikonferenz. М. 1936. 195 S.

Тельман Э. Германская компартия и новый революционный подъем. Доклад на XII съезде КП Германии. М.—Л. 1929. 182. [2] стр.

Thälmann E. Der Kampf um die Gewerkschaftseinheit und die deutsche Arbeiterklassen. Referat und Schlusswort des Genossen Thälmann auf dem 10. Parteitag der KPD, Berlin, den 14 Juli 1925. В. 1925. 46 S.

Thälmann E. Der revolutionäre Ausweg und die KPD. Rede auf der Plenartagung des Zentralkomitees der Kommunistischen Partei Deutschlands am 19. II 1932 in Berlin. Berlin. 1932. 96 S.

Thälmann E. Im Kampf gegen die faschistische Diktatur. Rede und Schlusswort des Genossen Ernst Thälmann auf der Parteikonferenz der KPD im Oktober 1932. Die politische Resolution der Parteikonferenz, hrsg. von der Kommunistischen Partei Deutschlands. В. 1933. 48 S.

Thälmann E. und Thores M. Paris—Berlin. Unser Kampf gegen den imperialistischen Krieg, gegen Versailles für die soziale und nationale Befreiung. Hrsg. von der Kommunistischen Partei Deutschlands. В. 1933.

«Bauer! Wo fehlt's?». Ein ernstes Wort von Spartakus an die deutschen Kleinbauern. В. 1919. 48 S.

Sowjetdeutschland sprengt die Ketten des Youngsplans. Dokumentensammlung zum Kampfe der Kommunistischen Internationale und der Kommunistischen Partei Deutschlands gegen den Dawesplan und gegen den Youngplan. В. 1930. 32 S.

Spartakusbriefe. Hrsg. von der Kommunistischen Partei Deutschlands (Spartakusbund). В. 1920. IV, 194 S.

#### 4) Исторические и публицистические работы

Гельд М. От белого креста к красному знамени. Авториз. перев. с немец. А. Г. Ромма. М.—Л. 1930. 278 стр.

Мануильский Д. Исторический перелом в германской компартии. Харьков. 1926. 22 стр.

Пик В. В боях за советскую Германию. Л. 1931. 14, 2 стр.

Пик В. Под знаменем Коминтерна. КПГ в борьбе за советскую Германию. М. 1934. 30 стр.

Ракоши З. И. Борьба коммунистической партии Германии против социал-империализма. М.—Л. [1929]. 109 стр.

Cent jours de lutte. La presse illégale du P. C. A. dans la lutte contre la dictature fasciste. P. 1933. 42 p.

Zetkin K. Die Bedeutung der aufbauenden Sowjetunion für die deutsche Arbeiterklasse. В. 1926. 85 S.

#### 5) Деятели коммунистической партии

Karl Liebknecht. Das Zuchthausurteil. Wörtliche Wiedergabe der Prozessakten... K. Liebknechts. В. 1919. 169 S. (Politische Aktionsbibliothek).

Luxemburg R. Gesammelte Werke. В. 1925.

Цеткин К. Роза Люксембург и русская революция. М.—Пг. 1924. 234 стр.

Крупская Н. К. Клара Цеткин. [М.] 1933. 24 стр.

Ляс М. А. Эрнст Тельман. Предисл. Г. Димитрова. Л. 1934. 117 стр.

Эрнст Тельман. Борец за мир и свободу. [Сборник статей]. М. 1937. 58, [2] стр.

Dem Kämpfer für Frieden und Freiheit, Ernst Thälmann. М. 1936, 140 S.

Priacel S. Au nom de la loi. Albert Kuntz... Ernst Thälmann... P. 1936. 256 p.

Zetkin C. Rosa Luxemburg, Karl Liebknecht, Franz Mehring—den Führern des Spartakusbundes und Gründern der Kommunistischen Partei Deutschlands. Hrsg. von W. Pieck. М. 1934. 173 S.

#### в) Другие партии

##### 1) Социал-демократы и независимые

Handbuch für die Wähler der unabhängigen sozialdemokratischen Partei. Reichstagswahl 1920. Hrsg. von der Zentraleit. der U.S.R.D. В. (1920). (Unabhängige sozialdemokratische Partei Deutschlands).

Schippel M. Sozialdemokratisches Reichstagshandbuch. Ein Führer durch die Zeit- und Streitfragen der Reichsgesetzgebung. В. O. J. X, 117 S.

Friedrich Ebert und seine Zeit. Ein Gedenkwerk über den ersten Präsidenten der Deutschen Republik. Charlottenburg. 1925. VIII, 336 S.

Kommentar zu den kommunalpolitischen Richtlinien der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. В. 1929. 319 S. (Sozialdemokratische Partei Deutschlands).

Wirtschafts-Demokratie. Ihr Wesen, Weg und Ziel. Hrsg. im Auftrage des allgemeinen deutschen Gewerkschaftsbundes von F. Naphtali. В. 1931. 224 S.

10 Jahre Sozialdemokratie 1914 bis 1924. Hamburg. O. J. 80 S.

##### 2) Национал-социалисты

Le Droit national socialiste. Conférence internationale tenue à Paris les 30.XI et 1.XII 1935. P. 1936. 246 p.

25 Punkte. Das Programm der NSDAP. Hrsg. von der Kommunistischen Partei Deutschlands. В. 1932. 24 S.

Гейден К. История германского фашизма. Перев. с немец. Ф. Капелюша и А. Рима. С предисл. И. Дворкина. М.—Л. 1935. XXXVI, 394 стр.

Дворкин И. Экономическая программа германского национал-социализма. М. 1933. 96 стр.

Becher H. Das dritte, das «goldene» Reich. Neumarkt. 1930. 140 S.

Heckert F. Was geht in Deutschland vor? KPD und Hitler-Diktatur. M.—L. 1938. 33 S.

Heiden K. Geschichte des Nationalsozialismus. Die Karriere einer Idee. B. 1933. 304 S.

Die kommunistische Internationale über die Lage in Deutschland. M.—L. 1933. 12 S.

Nötges J. S. J. Nationalsozialismus und Katholizismus. Köln. 1931. 224 S.

Scheunemann W. Der Nationalsozialismus. Quellenkritische Studien seiner Staats- und Wirtschaftsauffassung. B. 1931. 136 S.

### 3) Центр

Maslowski P. Was ist die deutsche Zentrumspartei? B. 1936.

Nationale Arbeit. Das Zentrum und sein Wirken in der deutschen Republik. Hrsg. von K. A. Schulte. B. u. Lpz. 1929. 494 S.

Scheiber G. Zentrum und Reichspolitik. Ein politisches Handbuch in Frage und Antwort. Köln. 1930. 240 S.

Unterm Zentrumsbanner. Werden und Wirken der Zentrumspartei. Dokumente zur

Zeitgeschichte. Hrsg. von H. Broermann und K. Grobbel. B. 1926. 131 S.

Wirth J. (und andere). Unsere politische Linie im deutschen Volksstaat. B. 1924. 104 S. (Gesammelte Reden und Schriften zur deutschen Politik der Nachkriegszeit, Hft. I).

Zach L. 50 Jahre Zentrum. Wirtschafts- und Sozialpolitik im Reichstag 1871—1921. B. 1921. 296 S. (Schriftenreihe des Reichsgeneralsekretariats der deutschen Zentrumspartei № 1).

### 4) Другие партии

Der nationale Wille. Werden und Wirken der deutschnationalen Volkspartei 1918—1928. Hrsg. von Max Weiss, Hauptgeschäftsführer der deutschnationalen Volkspartei. Essen a. d. R. 1928. 406 S.

Olden R. Stresemann. B. 1929. 275 S.  
Röder A. Der deutsche Konservatismus und die Revolution. Gotha. 1920. 133 S.

(Продолжение библиографического справочника см. в след. номере журнала).

*Фундаментальная библиотека по общественным наукам Академии наук СССР. Сектор истории. Сост. Е. Поплавская и А. Трескина  
Редактор — К. Симон.*



# ХРОНИКА

## ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

### В Институте истории АН СССР

#### О работе группы по истории английской революции

С осени 1940 г. в Институте истории Академии наук СССР работает группа по истории английской революции, организованная по инициативе членов сектора средневековой истории. Руководителем группы назначен член-корреспондент Академии наук СССР проф. Е. А. Косминский. Его заместителем и научным секретарем группы — проф. В. М. Лавровский. В работах группы принимал участие ряд историков Москвы, Ленинграда и других городов. Мысль о создании особой группы по истории английской революции XVII в. возникла в связи с 300-летним юбилеем буржуазной революции в Англии 40—50-х гг. XVII века.

В план Института истории на 1940—1941 г. был включен сборник статей, посвященных английской революции. Ряд докладов, прочитанных в группе по истории английской революции или намеченных к прочтению в ближайшие месяцы, предполагается поместить в этом сборнике, первый том которого должен охватить 40-е гг. XVII в. — от созыва Долгого парламента в 1640 г. до провозглашения республики 1649 года. В одном из первых заседаний группы были прочитаны доклады Е. А. Косминского «Место английской революции во всемирной истории» и В. М. Лавровского «Классики марксизма-ленинизма об английской революции XVII века». Оба доклада были повторены в расширенном виде на заседании отделения.

Следующим докладом, прочитанным в группе, было сообщение проф. В. Ф. Семенова «Долгий парламент в первые годы его деятельности», посвященное 300-летию со дня созыва Долгого парламента.

Проф. С. И. Архангельским был прочитан доклад на тему о крестьянских движениях 40-х гг. XVII в., вызвавший большие прения. Доклад проф. Архангельского примыкает к некоторым главам его книги «Аграрное законодательство английской революции 40—50-х гг. XVII в.» (т. I, 1935 г.; т. II, 1940 г.), посвященным движению кломенов и выявляющим роль крестьянства в революции XVII в. и отношение различных группировок крестьянства к гражданской войне 40-х гг. XVII века. Ввиду важности и недостаточной изученности этого вопроса группой было намечено устройство в сентябре 1941 г. специальной конференции с рядом докладов на тему о роли английского

йоманри в революции (доклады Лавровского, Семенова, Архангельского, Васютинского и др.). В связи с этим предполагалось обсудить также вопрос об отношении левеллеров к крестьянскому движению и, в частности, о деятельности конателей — диггеров.

Аспирантом истфака МГУ Я. А. Левицким подготовлен доклад о Лильберне и его памфлетах.

Проф. Стальной (город Куйбышев) прислал статью на тему «Уинстонли и его «закон свободы», которую также предполагается обсудить в группе английской революции в связи с вопросом о роли крестьянства и анализом диггерского движения.

Доклад Г. Р. Левина «Борьба за демократию в армии Кромвеля» представляет собой извлечение из кандидатской диссертации тов. Левина, ученика проф. А. Е. Кудрявцева (Ленинград).

Проф. А. Е. Кудрявцев готовит для группы два историографических доклада, предназначенных для сборника «Английская революция 40-х гг. XVII в. в изображении современников Великой буржуазной революции во Франции».

Проф. Б. Ф. Поршневым был сделан интересный доклад на тему об отражении английской революции во французской политической литературе и публицистике XVII века. Проф. Поршнев предполагает продолжать работу над данной темой и дать ряд этюдов и очерков, освещающих преломление английских событий во Франции XVII века.

С. А. Карачунский (МИФЛИ) разрабатывает по архивным документам ГАФКЭ вопрос об отражении английской революции в России XVII века. Им был прочитан доклад в группе на тему «Посольство Герасима Дохтурова в Англию в 1645 году». Дело Герасима Дохтурова, хранящееся в ГАФКЭ, содержит очень интересный материал о пребывании гонца царя Алексея Михайловича в Лондоне осенью и зимой 1645 года. Переговоры Дохтурова с Долгим парламентом, его отношения с членами Английской компании и наблюдение над английской жизнью, а также отношение деятелей Долгого парламента к России XVII в. и к правительству Алексея Михайловича представляют большой интерес.

Группа по истории английской революции придает большое значение детальному

обследованию и изучению фондов ГАФКЭ, именно — папок, посвященных «английским делам», и рассчитывает на продолжение работы тов. Карачунского, предполагающего, помимо статьи, дать монографию на тему об англо-русских отношениях XVII века.

Другой член группы, аспирантка МИФЛИ Х. Д. Сорина, работает над англо-русскими отношениями начала XVIII в. и защитила весной 1941 г. свою работу в качестве кандидатской диссертации.

А. С. Самойло, профессор Горьковского педагогического института и член группы по истории английской революции, работает над монографией по колониальной политике Англии 40—50-х гг. XVII века. Им уже дан ценный этюд «Ямайская экспедиция Кромвеля», написанный на основании имеющегося в библиотеке Московского университета архива Терло (Thurloe papers), содержащего весьма богатый и еще мало использованный последователями материал по внутренней политике Англии периода протектората Кромвеля.

Н. Т. Дмитриевский (Институт права АН СССР) работает над темой «Судебные реформы английской революции». Статья на данную тему прочитана им в виде доклада в группе. Н. Дмитриевский работает также над вопросом об отношении Англии к североамериканским колониям и о влиянии политических теорий английской революции на североамериканские конституции.

Проф. В. А. Васютинский прочитал доклад на тему об аграрных отношениях в Шотландии накануне революции. В. А. Васютинский работает над монографией на тему об аграрном строе Шотландии и об аграрных перестановках и сдвигах в Шотландии, связанных с английской буржуазной революцией 40—50-х гг. XVII века. Вопрос о роли Шотландии и Ирландии в английских делах этого периода имеет большое значение. Проблемы ирландского и шотландского «землеустройства» в революционный и послереволюционный периоды коснулся проф. С. И. Архангельский в заключительных главах своей книги «Аграрное законодательство английской революции 40—50-х гг. XVII века».

В. М. Лавровский работает над темой об ирландских конфискациях XVI—XVII вв. и ирландском «землеустройстве» 50-х гг. XVII в., сыгравшем весьма плачевную роль в судьбе английской буржуазной революции XVII в. и республике 1649 г., «разбившейся» об Ирландию.

Аспирант МИФЛИ С. М. Стам прочитал в группе доклад на тему «Кларендон, как историк английской революции». Тов. Стам продолжает работать над этой темой, ставя своей дальнейшей задачей выяснение влияния известной работы Кларендона о «Великом мятеже» 40—50-х гг. на последующую историографию английской революции, особенно на консервативных историков. Вопросам историографии английской рево-

люции предположено уделить достаточное внимание в сборнике по истории революции.

Над темой «Гоббс как историк английской революции» работает ученик проф. Е. А. Косминского Е. М. Вейцман, только что окончивший исторический факультет МГУ и написавший интересную курсовую работу о Гоббсе, как политическом мыслителе.

Участие аспирантуры МГУ и МИФЛИ в работах группы по истории английской революции, привлечение к ее заседаниям студентов старших курсов, специализирующихся по истории Англии, являлось одной из характерных особенностей группы, насчитывающей в своем составе нескольких преподавателей МГУ, МИФЛИ, Института имени К. Либкнехта и Горпед-института. В целях активизации интересов студенчества к вопросам английской революции кафедрой средневековой истории МГУ совместно с группой по истории английской революции Института истории АН была организована студенческая конференция, где был прочтен ряд докладов, представлявших весьма значительный интерес.

Особенно заслуживают упоминания следующие студенческие доклады, прочитанные на этой конференции. Доклад М. Я. Равич о Томасе Море, написанный на основании тщательного изучения «Утопии» Мора и большой литературы о Море. Тов. Равич пришла к ряду весьма интересных и самостоятельных выводов, вскрыв корни моровской утопии, связывающие Мора с Августином и Платоном. На Уинстэнли, известном утописте времен английской революции XVII в., испытавшем влияние Мора, остановилась другая докладчица, выступавшая на конференции, — тов. А. Кункина, сделавшая интересное сообщение о его «Закоме свободы».

Хороший содоклад был сделан студентами С. Соколовой и Г. Рабкиным на тему о переговорах между Карлом I, парламентом, армией и шотландцами в период праждавской войны. С. Раскина на этой же конференции прочла доклад о королеве Марии-Генриетте и подготовке ею интервенции других держав в английские дела. Тов. Раскина изучила мемуарную литературу и дала на основании этих источников интересный этюд.

В весьма оживленных прениях по докладам приняли участие проф. В. Ф. Семенов, доцент Ф. А. Коган-Бернштейн, проф. С. Д. Скачкин и ряд студентов. Одновременно с конференцией была устроена выставка источников и литературы по английской революции, содержащая ряд ценных изданий. Выставка была организована кабинетом средневековой истории с помощью аспирантуры и руководителя практикума по английской революции проф. Лавровского. На выставке были представлены и переводы на русский язык ряда источников, выпущенные А. С. Орловым и подготовленные кафедрой к изданию в качестве пособия для практических занятий в высших

учебных заведениях. Ряд источников предполагает также издать группа по истории английской революции, отдельные члены которой согласились взять на себя перевод писем и речей Кромвеля, памфлетов Ляльберна, Уинстэнли, «Дела армии», части архива Кларка, «Океании» Гаррингтона, некоторых произведений Мильтона и других важных источников.

Конференция по истории английской революции, организованная кафедрой средневековой истории МГУ, нашла сочувственный отклик в печати. В газете «Moscow News» была помещена статья о работе конференции и группы по истории английской революции. Редакция этой газеты поместила рецензии о работах членов группы — Архангельского, Лавровского. Представитель редакции Д. А. Ихок является одним из постоянных посетителей заседаний группы по истории английской революции.

Число и характер уже представленных или обещанных различными авторами статей побуждают редакцию сборника по английской революции разделить его на две, может быть, и три части, которые будут изданы отдельными выпусками. Первый выпуск сборника предполагается посвятить истории 40-х гг. XVII в. — юбилейного десятилетия, — кончая 1649 годом, когда была провозглашена республика в Англии. Второй выпуск — периоду республики и протектората Кромвеля. Третий выпуск должен дать обзор идеологического наследия великого мятежа и «славной» революции 1689 г., выяснить влияние этого наследия на североамери-

канскую и Великую французскую революции XVIII века.

Помимо сборников по истории английской революции и подготовки к изданию разделов всемирной истории, относящихся к истории буржуазной революции в Англии и влиянию последней на остальную Европу, а также издания ряда источников члены группы предполагают подготовить к печати или к переизданию ряд специальных монографий. Таковы монографии: В. Ф. Семенова «Отраживания и крестьянские движения в Англии XVI—начала XVII в.»; В. А. Васютинского «Аграрные отношения в Шотландии в XVII в.» (предреволюционный и революционный периоды); С. И. Архангельского «Аграрное законодательство английской революции», 4-е изд.; Г. Р. Левина «Борьба за демократию в армии Кромвеля»; А. С. Самойло «Колониальная политика английской революции»; Н. П. Дмитриевского «Судебные реформы английской революции»; В. М. Лавровского «К истории аграрных отношений в Англии XVI—XVIII вв. (монографические очерки по истории нескольких приходов)» и «Очерки по истории сельского хозяйства и сельскохозяйственной техники в Англии XVII—начала XIX в.»; Б. Ф. Поршнева «Отражение английской революции во французской политической литературе и публицистике XVII в.»; С. А. Карачунского «Англо-русские отношения и отражение английской революции в России XVII века».

*В. Лавровский*

## Ростовский областной музей истории донского казачества в Новочеркасске

Музей в Новочеркасске можно назвать одним из наиболее интересных музеев на юге нашей родины. В Ростовской области это самый богатый и старый музей, скопивший за свое долгое существование ценные исторические, геологические, палеонтологические и художественные материалы.

Большой интерес представляет и самая история создания этого Музея. В середине XIX в. в среде донского казачества появляется много любителей-историков, которые путем долгой, кропотливой работы собирали исторические материалы по области. Археологические находки рассказывали о жизни края в далеком прошлом. Киммерийцы, скифы, греки, римляне и кочевые народы населяли Придонье и Приазовье в отдаленные от нас времена. Донская археология открывала до сих пор неизвестные страницы истории.

Интерес к собиранию памятников мате-

риальной культуры усиливался. Раскопки археолога профессора Леонтьева близ хутора Недвиговки, на месте древнегреческого города Танаиса (конец III в. до нашей эры — конец IV в. нашей эры), в 1853 г. положили начало сбору археологических памятников.

Знаменитый «Новочеркасский клад», относящийся к IV—V вв. нашей эры, найденный в 1864 г. на глубине более полутора метров на северной окраине Новочеркаска при прокладке водопровода, проходящего через курган, называемый «хохлацким», возбудил еще большее желание исследовать древнюю историю Донского края. Золотые вещи этого клада — женский венец с диадемой и разными украшениями — находятся сейчас в Ленинграде, в Эрмитаже.

По инициативе самоучки-историка Х. И. Попова в 1882 г. по всем донским станциям были разосланы специальные ин-

струкция-предписания о сборе всех исторических и археологических памятников. «Общество любителей старины», созданное в эти годы, сосредоточило в своих руках документацию и обработку всех находок.

Массовое поступление исторических и археологических материалов из станиц подняло вопрос о создании Донского музея, который и был открыт 22 сентября (старого стиля) 1899 года.

Донской музей имеет три отделения: доисторическое, историческое и естественно-историческое.

Большой интерес для историков представляют особое отделение войсковых регалий и библиотека с историческим архивом, составленным из разных дел станичных архивов.

Доисторическое и историческое отделения сложились из собранных Статистическим комитетом археологических памятников и исторических документов Комитета; естественно-историческому отделению был передан геолого-минералогический музей, открытый в 1865 г. при Горном и Соляном управлениях.

В первые годы социалистической революции Музей был назван Краеведческим районным, а затем Городским музеем. В период гражданской войны (1917—1919 гг.) один из залов Музея был занят Музеем лейбгвардии казачьего полка.

При приближении к Новочеркаску Красной Армии белые, бежав с Дона, захватили с собой из Музея драгоценности всех отделов: золото, серебро, оружие, грамоты, регалии и пр. По курсу того времени, всего было вывезено золотом на сумму 8 763 500 рублей.

Экспозиция Краеведческого музея перестраивается по новому профилю. Для двух основных отделов Музея: Старого и Нового Дона — составляется тематика — экспозиционные планы.

Музей имеет богатейшую библиотеку по истории донского казачества, насчитывающую около 15 тыс. книг. Здесь есть все издание Донского статистического комитета: 13 выпусков «Сборника статистического комитета», «Труды статистического комитета» (1867—1872 гг.), «Донские дела» (5 выпусков за 1898—1917 гг.), «Донцы» — Синютина — 1866 г., «Донцы XIX века» (2 выпуска 1907 г.), автобиографии донских деятелей, изданные П. Х. Поповым, «Историческое описание земли Войска донского» (по рукописи В. Д. Сухорукова, 1901 г.), «Сборник и Распоряжения по Казачьим Войскам» (с 1865 по 1885 г.), «Памятные книжки О.В.Д.» (с 1866 по 1916 г.).

Среди небольших очерков по истории донских казаков разных авторов XIX и начала XX в. имеется «Русская старина», изданная А. Корниловичем (СПБ. 1825), где помещены интересная статья В. Д. Сухорукова «Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях», «История о Донском войске», сочин. Ал. Попова 1812 г. (изданная в Харькове в 1814 г.), «Бытописание калмыков» Палласа в 2 ча-

стях, издан. в Петербурге в 1766 г. на немецком языке, «Граф Платов» — Смирного, 3 тома (1822).

Из литературы по истории СССР можно указать также многие книги, являющиеся теперь уже редкостью: «Артикулы воинские с кратким толкованием» (1775 г.), «Морской пошлинный регламент или устав, повелением ее императорского величества в Москве напечатан в 1731 году», «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах» — 1763 года, «Введение в историю европейскую через Самуила Пуфендорфия на немецком языке сложенное, тоже через Иоанна Фредерика Крамера, на латинской переложенное. Ныне же повелением его величества Петра Великого, императора и самодержца всероссийского на российский с латинским переведенное» (СПБ. 1723). «Скифская история» в предисловии имеет: «Из разных историков паче же из Российских верных историй и повестей, Андрея Лызлова прилежными труды сложена и написана лета 1692, а ныне в свет издана Николаем Новиковым, гл. Вольги. Росс. Собран. при Императорском московском университете» (изд. 2-е. Москва. 1787), «Слово о полку Игоря Святославича, удельного князя Новгород-северского, вновь переложенное Яновым Пожарским, с присовокуплением примечаний» (СПБ. 1819).

Имеются также указы русских императоров и императриц XVIII—XIX веков.

Этой антикварной или почти антикварной литературы в Музее более 100 названий.

Необходимо указать, что фонды библиотеки очень богаты газетным материалом прошлого и настоящего столетий. Здесь имеются почти все газеты, издаваемые в Области Войска донского: «Донские областные ведомости» с 1849 по 1919 г., с очень небольшими перерывами (с 1849 до 1850 г.), «Донская речь» (1887 и 1905 гг.), «Донская жизнь» (1905—1912 гг.), «Приазовский край» (1899—1913 гг.), «Донская пчела», «Донской вестник», «Казачий вестник», «Донской справочный листок» и т. д.

Среди экспонатов Музея имеются картины по истории донского казачества: «Покорение Сибири Ермаком» — эскиз картины художника Сурикова, подаренный автором к открытию Музея, большое полотно «Атака донских казаков в бою под Лейпцигом 4 октября 1813 года» художника Бехлина (1845 г.), «Встреча Степана Разина с царским шпионом Евдокимовым в Черкасске» неизвестного художника. Три картины, размером 300×400 см: «Сборы Ермака в поход в 1582 году» художника Казачинского, «Дарование царского знамени донским казакам» в 1614 г. художника Кардобского, «Сборы Петра Первого под Азов в 1696 г.» художника Максимова.

Имеется около 50 портретов разных донских деятелей, атаманов, военных.

Особенно богат Музей холодным и огнестрельным оружием: русским, кавказским, китайским, японским, абиссинским и др.;

всевозможные виды сабель, клинков, кинжалов, ятаганов, пиц, кольчуг, шлемов, щитов, пистолетов кремневых, пистонных и игольчатых, пушек, ружей всех видов XVI—XIX веков. Одно кремневое крепостное ружье XVII в. имеет длину 268 см 30 мм калибра.

Музей имеет большую нумизматическую коллекцию монет от самых древних времен до наших дней. Интересен клад серебряных (297 шт.) и золотых (3 шт.) монет удельных княжеств из Пухляковки (станция), найденный в 1940 году.

Археологическое отделение Музея богато уникальными находками неолита, кремневыми скребнями, ножами, наконечниками стрел, различными каменными молотками, зернотерками и проч. Не менее богат Музей и бронзовыми орудиями различных видов.

Интересны случайные находки последнего времени в районе Новочеркасска: бронзовый топор «кобанского стиля», относящийся к XVII—IX вв. до нашей эры, удила пряслицы, игла и др. (1939 г.) и бронзовый котел «скифского типа» (1940 г.), найденный на глубине  $\frac{3}{4}$  метра в самом Новочеркасске (высота — 19 см, диаметр чаши — 19 см, вес — 2425 граммов). Кроме этого котла в Музее из старых находок имеется еще 6 бронзовых и медных котлов; один из них склепан из отдельных полос (высота — 62,3 см), найден в поселке Ивановском, на реке Кагальныке, Ростовской области.

Летом прошлого года колхозники Грушевского сельсовета, Ростовской области, при рытье силосной ямы натолкнулись на погребение, относящееся, видимо, к среднебронзовому времени.

В этом погребении, кроме человеческих скелетов, были обнаружены фрагменты

глиняного сосуда и один сохранившийся маленький сосуд из плохо обожженной глины, красная минеральная краска для посыпки трупов и интересная костяная булава или шпилька, художественно орнаментированная. В верхней части разрытого кургана было более позднее погребение, и там был найден деформированный череп.

Керамика археологического отделения довольно разнообразна.

В памятниках материальной культуры широко освещена колонизация Придонья—Приазовья греками с VIII в. до нашей эры.

В Музее имеется множество глиняных сосудов, амфор, светильников, алабастров, слезниц. Привлекает внимание огромной величины греческий сосуд—литос, найденный у разезда Сущенкова, близ хутора Недвиговки, и употреблявшийся греками для вина и воды.

Раннее средневековье представлено множеством копий, стрел, шлемов, кольчуг, предметами быта, украшениями и проч.

Из раскопок хозарской крепости Саркела, разрушенной в X в., имеются 4 мраморных колонны и капитель христианского храма, оригинальные квадратные кирпичи с особыми знаками и другие находки.

Богато представлены также геология и палеонтология Музея. Стоит указать, что есть 3 черепа носорога, множество рогов оленей, рога лося, зуб пещерного медведя, множество костей и бивней мамонта и недавно доставленный в Музей из станции Семикаракорской череп одного из видов мамонта. Череп был выловлен рыбаками в Дону.

*Т. Лыткина*

## ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

◆ В Принстаунском университете (штат Нью-Джерси, США) организованы летние семинары для небольшого числа дипломированных востоковедов по изучению арабской истории и литературы, истории Турции, истории искусства мусульманского Востока, мусульманской культуры в Испании, Сицилии, Восточном Средиземноморье и Центральной Азии. Лекции читаются на арабском, турецком и персидском языках.

◆ Академия по изучению средних веков при Гарвардском университете организовала летом 1941 г. серию лекций на тему «Средневековое происхождение современных государств». Лекторы: С. Кросс (Россия), Ч. Тэйлор (Франция), Дж. Поттер (Германия), С. Пакард (Англия).

◆ В марте 1941 г. в Нью-Йорке вышел первый номер журнала «Franciscan Studies», посвященный вопросам теологии,

истории, социальных наук, искусства и литературы. Журнал издается конгрегацией американских францисканцев.

В марте 1941 г. в Нью-Йорке вышел также первый номер журнала «Journal of Aesthetics and Art Criticism», посвященный вопросам теории и истории искусств.

Апрельская книжка журнала «American historical review» дает в качестве приложений список докторских диссертаций на темы по новейшей истории, представленных в университеты США и Канады, а также список исследований на исторические темы, ведущихся американскими и канадскими историками.

◆ Известно, что во Франции, как и в других оккупированных германскими фашистами странах, первой заботой агентов Геббельса было произвести «чистку» всех

общественных библиотек. Художественные произведения и научные труды, в особенности исторические исследования, написанные «неарийцами» или противоречащие фашистским доктринам, были изъяты из книгохранилищ и по большей части уничтожены. Американский библиографический журнал «Wilson Library bulletin» (январь 1941 г.) сообщает, что в Американскую библиотеку в Париже в конце 1939 г. явились германские агенты, предъявившие директрисе библиотеки Дороти Ридер длинный список книг, которые должны быть изъяты из библиотеки. Благодаря энергии директрисы и твердой позиции, занятой американским посольством, представителям отдела пропаганды оккупационных властей пришлось взять обратно свои требования, и библиотека продолжает нормально функционировать. Американская библиотека в Париже, насчитывающая около 100 тыс. томов американских и английских изданий, обслуживает не только местную американскую колонию, но и французские университеты и школы, а также лагеря французских военнопленных. После книжного аутодафе, произведенного фашистскими мракобесами во всех библиотеках оккупированной части Франции, Американская библиотека в Париже приобрела громадное значение и стала популярна далеко за пределами Парижа. Она посылает по межбиблиотечному абонементу тысячи книг во все оккупированные фашистами страны Европы. В настоящее время в США идет сбор пожертвований на расширение книжного фонда и развитие деятельности Американской библиотеки в Париже.

◆ Английский журнал «Great Britain and the East» (20 марта 1941 г.) приводит несколько фактов и цифр, дающих яркую картину поистине неугасимого стремления китайской молодежи к знанию. В 1937 г.,

перед началом современной японо-китайской войны, в Китае существовало 108 университетов, в которых обучалось свыше 42 тыс. студентов. 77 университетов, находившихся в районах военных действий, были вынуждены эвакуироваться, из них 17 были переведены в провинции Юннань и Сикан, 15—в югозападные провинции, остальные—в более отдаленные западные провинции.

Японские оккупационные войска с методическим варварством уничтожали университетские здания, библиотеки и учебные пособия, попадавшие им в руки. Не довольствуясь разрушениями университетских зданий, произведенными артиллерией и авиобомбами, оккупационные власти взрывали развалины школ, институтов, библиотек и лабораторий и затем сжигали, чтобы не оставлять никаких следов от этих, еще недавно цветущих очагов современной китайской культуры. В настоящий момент трудно учесть ущерб, нанесенный войной китайской науке, но несомненно, что даже чисто материальные потери, понесенные государством и общественными организациями от уничтожения университетских колледжей, общежитий, библиотек, лабораторного оборудования и пр., исчисляются многими сотнями миллионов долларов.

Некоторые университеты были вынуждены эвакуироваться по два раза. Когда Цзиньчжоуский университет был эвакуирован вторично, то железнодорожный транспорт мог быть предоставлен лишь профессорам и студенткам (т. е. всего лишь 500 чел.). Вся остальная масса студентов прошла пешком 1300 миль (около 2100 километров) до места эвакуации университета. Путь длился 60 дней.

*В. Позин*



**СОДЕРЖАНИЕ**

**Гопнер С.** — Единый фронт народов против гитлеровской Германии . . . . . 1

**СТАТЬИ**

**Минц И.** — Партизанская война против фашистских людоедов . . . . . 14  
**Адамов Е.** — Польша между Пруссией и Россией . . . . . 36  
**Дубровский С.** — Строительство партийно-политического аппарата Красной Армии  
(с апреля 1918 г. до VIII съезда РКП(б) . . . . . 47  
**Трусова Н.** — Немецкие интервенты в Донской области в 1918 году . . . . . 56  
**Пичета В.** — Вековая борьба польского народа с немецкими захватчиками . . . . . 64  
**Зутис Я.** — Грюнвальд — конец могущества Тевтонского ордена . . . . . 74

**ДОКУМЕНТЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ . . . . . 81—101**

**СООБЩЕНИЯ**

**Греков Б., акад.** — Иностранцы о славяно-русском войске (VI—XVII вв.) . . . . . 102  
**Ющак К.** — Военно-морские силы США (исторический очерк) . . . . . 108

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ**

**Шангин М.** — «Записка греческого топарха» как источник о войне русских на Балканах 970 года и зимой 971 года . . . . . 120

**КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ****Критические статьи и обзоры**

**Сидоров А.** — А. Брусиллов «Мои воспоминания». **Захаров С.** — У. Черчилль о внешней политике Англии. **Манфред А.** — Лицо врага. **Грабарь В.** — Г. Никольсон — Дипломатия . . . . . 123—146

**Рецензии**

**История СССР.**

**Баевский Д.** — Э. Генкина «Борьба за Царицын в 1918 году». В. Меликов. — «Героическая оборона Царицына», «Сталин в Царицыне», «К. Е. Ворошилов на царицынском фронте», «Воспоминания участников обороны Царицына». **М. О.** «Коммунистический Интернационал» № 6—7 за 1941 год. **Фрязинов С.** — Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина. Записки отдела рукописей. Вып. 7-й. Французская буржуазная революция 1789—1794 годов . . . . . 147

**История нового времени**

**Разумова Р.** — Schwartz Michael. Die Slowakei. Der jüngste Staat Europas. **Шварц М.** Словакия. Самое молодое государство Европы . . . . . 157

**БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК**

**Германия в период 1918—1940 годов (основная литература) . . . . . 161**

**ХРОНИКА**

**Историческая наука в СССР.**

**В. Лавровский** — В Институте истории Академии наук СССР. О работе группы по истории английской революции. **Т. Лыткина** — Ростовский областной музей истории донского казачества в Новочеркасске . . . . . 169  
**Историческая наука за рубежом — В. Позин** . . . . . 173

## SOMMAIRE:

Gopner S. Le front unique des peuples contre l'Allemagne hitlérienne. ARTICLES: Mintz I. La guerre des partisans contre les cannibales fascistes.—Adamov E. La Pologne entre la Prusse et la Russie.—Dubrowski S. La formation de l'appareil politique du Parti dans l'Armée Rouge (d'avril 1918 au VIII<sup>e</sup> congrès du Parti Communiste (b) de Russie).—Troussova N. Les envahisseurs allemands dans la région du Don.—Pitche'ta V. La lutte séculaire du peuple polonais contre les envahisseurs allemands.—Zoutis I. Grünwald et la fin de la puissance de l'Ordre teutonique.—DOCUMENTS SUR LA GUERRE NATIONALE.—COMMUNICATIONS.—Grekov B. L'armée slavo-russe jugée par les étrangers (VI<sup>e</sup>—XVII<sup>e</sup> siècles).—Iouchitchak K. Les forces navales des États-Unis (Précis historique). NOTICES HISTORIQUES: Changuine M. „Mémoire d'un toparque grec“, document sur la guerre des Russes dans les Balkans en 970 et durant l'hiver 971. CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE. CHRONIQUE.

## CONTENTS:

Gopner S. The United Front of the peoples against Hitler Germany. ARTICLES: Mintz I. Partisan war against the fascist cannibals.—Adamov E. Poland between Prussia and Russia.—Dubrowsky S. The organization of the Party and political apparatus of the Red Army (from April 1918 to the Eighth congress of the Russian Communist Party).—Troussova N. The German invaders in the Don region.—Picheta V. The age-long struggle of the Polish people against the German Invaders.—Zootis Y. Grünwald: the Decline of the Teutonic Order. DOCUMENTS ANNENT THE PATRIOTIC WAR.—INFORMATION: Grekov B. Opinions of foreigners about the Slavonic-Russian troops (VI—XVII centuries).—Yooshchak K. The Military and naval strength of the USA (Historical Review). HISTORICAL COMMENTS: Shengin M. „The Diary of a Greek Topark“ as a source of the War Waged by the Russians in the Balkans in 970 and the Winter of 971.—CRITICISM. BIBLIOGRAPHY. NOTES OF THE MONTH.

## INHALT:

Gopner S. Die Einheitsfront der Völker gegen Hitlerdeutschland. ARTIKEL: Minz I. Der Freischärlerkrieg gegen die faschistischen Kannibalen.—Adamow E. Polen zwischen Preussen und Russland.—Dubrowski S. Der Aufbau des parteipolitischen Apparates der Roten Armee (vom April 1918 bis zum VIII. Parteitag der KPR (B)).—Trussowa N. Die deutschen Interventen im Don-Gebiet.—Pitscheta W. Der jahrhundertelange Kampf des polnischen Volkes gegen die deutschen Eroberer.—Zutis J. Grünwald, das Ende der Macht des Deutschen Teutonischen Ordens. DOKUMENTE DES VATERLÄNDISCHEN KRIEGES.—BEKANNTMACHUNGEN: Grekow B. Ausländer über die slawisch-russischen Truppen (VI.—XVII. Jahrhundert).—Juschtschak K. Die Kriegsmarine der Vereinigten Staaten von Amerika (Historischer Ueberblick).—HISTORISCHE BEMERKUNGEN: Schangin M. „Aufzeichnungen eines griechischen Toparchs“ über den Krieg der Russen auf dem Balkan im Jahre 970 und im Winter 971.—KRITIK UND BIBLIOGRAPHIE. CHRONIK.

Редакционная коллегия:

Ем. Ярославский — отв. редактор  
Волин Б. М. — зам. отв. редактора  
Миц И. И.  
Панкратова А. М.

Адрес редакции: Москва, ул. „Правды“, 24, комн. 809. Тел. Д-3-30-48 и Д-3-36-50.

А 43900.

Изд. № 1058.

Зак. № 2541.

Тираж 60.000.

Подписано к печати 13/IX 1941 г.

68.000 п. зн. в п. л.

Типография газеты „Правда“ имени Сталина. Москва, ул. „Правды“, 24.